

М.А. Новожилов.

**ПОЭЗИЯ ФРИДРИХА ФОН ЛОГАУ
В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММАТИКИ
XVII СТОЛЕТИЯ**

Москва, 2016 г.

*Συγγνώμη πρωτοπέιρω. εἰς δάνηρ οὐ πανθ' ὄρη.*¹

Предлагаемое научное исследование является исправленной и дополненной версией диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, подготовленной автором на кафедре зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького (г. Москва) в 1999–2007 гг. В первом варианте диссертация называлась «Поэзия Фридриха фон Логау как явление немецкой эпиграмматики XVII столетия». Научным руководителем работы была доцент кафедры к.ф.н. А.Б. Можжаева. Диссертация была предложена к защите в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва) по специальности «10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литературы Европы)»; защита состоялась 18 ноября 2008 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д.002.209.01 при ИМЛИ РАН. Официальные оппоненты: д.ф.н., проф. И.Н. Лагутина (ИМЛИ); к.ф.н., доц. А.Ю. Зиновьева (МГУ). Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); рецензент: д.ф.н., проф. Е.Е. Дмитриева. Ученый секретарь диссертационного совета ИМЛИ РАН – д.ф.н. Т.В. Кудрявцева.

Ввиду того, что за время, прошедшее с момента завершения работы над первым вариантом диссертации, автору стали известны некоторые новые данные по избранной им теме, а также сделался доступным целый ряд уникальных книжных источников XV – XVIII столетий, опосредованно цитируемых в старой версии работы, и прежде всего – текст прижизненного издания собрания эпиграмм Логау 1654 г., он счел необходимым предпринять кардинальную переработку своего труда. В частности, все образцы поэзии Логау, приводимые в работе, предстали в своем аутентичном облике, с орфографией прижизненного издания, а список использованной литературы увеличился с 320 до 518 номеров.

Автор хотел бы выразить свою искреннюю благодарность всем, кто, так или иначе, помогал ему в процессе работы над диссертацией, и без чьего любезного содействия она не предстала бы в своем нынешнем виде, – а именно: профессору немецкой литературы Нового времени университета г. Билефельда (ФРГ) д-ру Карлу-Ульриху Зеельбаху – за помощь необходимыми материалами и консультациями; покойному академику РАН М.Л. Гаспарову – за консультации и дружескую поддержку; зав. кафедрой немецкого языка Департамента иностранных языков Высшей школы экономики (г. Москва) проф. Е.А. Успенской – за помощь в переводе сложных текстов; пастору Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии г-ну Дитриху Хальману (Котбус) – за помощь в истолковании духовной поэзии Логау; пастору Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии (г. Москва) г-ну Д.Р. Лотову – за содействие в выяснении деталей, связанных с традициями и обиходом Лютеранской Церкви; старшему библиографу ВГБИЛ (г. Москва) Е.Е. Некрасовой-Кочкиной – за помощь в получении необходимых источников; филологу И.Г. Новожиловой – за помощь в формулировании основных тезисов диссертации и общей концепции книги эпиграмм Логау.

¹ «Прощение тому, кто первым свершает путь» (греч.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ФОРМАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММЫ XVII В. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛОГАУ	
§ 1.1. Генезис немецкой литературной эпиграммы	
1.1.1. Возникновение и развитие жанра эпиграммы	16
1.1.2. Предыстория немецкой литературной эпиграммы	17
1.1.3. Мартин Опиц и начало немецкой эпиграмматики	18
§ 1.2. Основные жанровые признаки эпиграммы	
1.2.1. Литературная эпиграмма эпохи барокко: структура и свойства	20
1.2.2. Жанровые рамки немецкой эпиграммы XVII в.	23
1.2.3. Остроумие как жанровый атрибут эпиграммы	25
1.2.4. Разграничение понятий <i>argutia</i> и <i>acumen</i> в теории эпиграммы	26
1.2.5. «Простой» и «сложный» типы эпиграмм	28
§ 1.3. Пуант как жанрообразующий прием эпиграммы	
1.3.1. Пуант, его признаки и особенности	29
1.3.2. Положение пуанта в эпиграмме	30
1.3.3. Классификации типов пуанта в немецких поэтиках XVII в.	32
1.3.4. Современная классификация типов пуанта	36
1.3.5. Примеры использования пуанта в поэзии Логау	39
§ 1.4. Риторика эпохи барокко и ее роль в творчестве Логау	
1.4.1. Риторические фигуры в поэзии Логау	40
1.4.2. Стилистическая роль риторических фигур в поэзии Логау	47
§ 1.5. Типологизация эпиграмм эпохи барокко на примере поэзии Логау	
1.5.1. Опыты научной классификации эпиграмм в XVI – XX вв.	48
1.5.2. Гномические эпиграммы	50
1.5.3. Религиозные эпиграммы	53
1.5.4. Критические эпиграммы	56
1.5.5. Обличительные эпиграммы	57
1.5.6. Сатирические эпиграммы	58
1.5.7. Панегирические эпиграммы	62
1.5.8. Игриво-гедонистские эпиграммы	63
ГЛАВА II. ЭПИГРАММЫ ЛОГАУ КАК ЖАНРОВЫЙ ФЕНОМЕН	
§ 2.1. Собрание эпиграмм Фридриха фон Логау	
2.1.1. Описание книги	66
2.1.2. История создания книги	69
§ 2.2. Поэзия Логау как отображение жанровой картины немецкой эпиграмматики XVII в.	
2.2.1. Литературные разновидности эпиграммы в творчестве Логау	70
2.2.2. Фольклорные жанры в творчестве Логау	79
2.2.3. «Неэпиграмматическая» поэзия Логау	82
§ 2.3. Языковые и версификационные особенности эпиграмм Логау в свете теории Опица	
2.3.1. Версификационные особенности поэзии Логау: метрика	84

2.3.2. Рифмика поэзии Логау	86
2.3.3. Строфика поэзии Логау	88
2.3.4. Язык поэзии Логау	91
2.3.5. Форма и содержание в поэзии Логау	95
§ 2.4. Тематические источники эпиграмм Логау	
2.4.1. О практике литературных заимствований в эпоху барокко	99
2.4.2. Заимствования из Библии	101
2.4.3. Заимствования из антологий	103
2.4.4. Заимствования из классических ученых источников	106
2.4.5. Заимствования из классических литературных источников	112
2.4.6. Заимствования из немецкой сатирической литературы	115
2.4.7. Заимствования из поэзии Оуэна	118
2.4.8. Заимствования из поэзии современников	122
2.4.9. Логау как поэт-переводчик	125
ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ КНИГИ ЭПИГРАММ ЛОГАУ	
§ 3.1. Эволюция восприятия творчества Логау в XVII – XXI вв.	
3.1.1. Эпиграммы Логау в оценке века барокко и Просвещения	129
3.1.2. Логау в издании Рамлера и Лессинга	131
3.1.3. Переоценка творческого наследия Логау в XIX столетии	137
3.1.4. Логау в немецкой литературной критике XX столетия	139
3.1.5. Логау в российском литературоведении XIX – XXI вв.	141
§ 3.2. Религиозное миропонимание Логау	
3.2.1. Взаимосвязь духовного и светского в немецкой поэзии XVII в.	145
3.2.2. Религиозная лирика Логау и основы миропонимания поэта	147
3.2.3. Логау и философия неостоицизма. Тема жизненного страдания в творчестве поэта	152
3.2.4. Обличение мира в эпиграммах Логау с позиций его религиозного миропонимания	155
§ 3.3. Притчевость как интегрирующее свойство поэзии Логау	
3.3.1. Притчевость как жанровый атрибут эпиграмм Логау	159
3.3.2. Религиозно-дидактическая тенденция в эпиграммах Логау	160
3.3.3. Эпиграммы Логау как аналог библейских притч	162
3.3.4. Притчевое начало в поэзии Логау	165
3.3.5. Притчеобразующая идея	167
3.3.6. Притчевость как специфическое свойство поэзии Логау	169
§ 3.4. Замысел собрания эпиграмм Логау	
3.4.1. Псевдоним поэта: маска и жизненная роль	172
3.4.2. Псевдоним Логау в немецкой критике	176
3.4.3. Номинация жанра	178
3.4.4. Гипотезы о концепции книги Логау в немецкой критике	182
3.4.5. Собрание эпиграмм Логау как художественная целостность	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
ПРИЛОЖЕНИЕ I: Жизнеописание Фридриха фон Логау	194
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Эпиграммы Логау в зарубежных и русских переводах	212
БИБЛИОГРАФИЯ	228

ВВЕДЕНИЕ

Немецкая эпиграмма XVII столетия, ее история и теория, формальная и тематическая специфика этого жанра находятся практически вне поля зрения российской филологии. Количество научных статей, исследований, диссертаций и монографий, посвященных как жанру немецкой барочной эпиграммы в целом, так и творчеству отдельных его представителей, в отечественной германистике исчезающе мало. А между тем, в Германии того времени эпиграмма имела столь широкое распространение, что ее, вслед за немецким литературоведом Гюнтером Мюллером (1890–1957), можно с уверенностью назвать «основным лирическим жанром эпохи».¹

Первое место среди немецких эпиграмматистов XVII в. по праву принадлежит Фридриху фон Логау (1605–1655), последователю поэта Мартина Опица (1597–1639), представителю Первой Силезской школы и члену «Плодоносящего общества», объединявшего в своих рядах наиболее известных деятелей литературы того времени. В историю немецкой литературы Логау вошел как автор трех книг: сборника из двухсот эпиграмм под названием «Первая сотня немецких рифмованных речений Соломона из Голау», изданного в 1638 г.;² поэтического приношения из пятидесяти посланий и комплиментарных эпиграмм, адресованного герцогине Анне Софии Мекленбургской (1628–1669), супруге бургграфского герцога Людвиг IV (1616–1663): «Анна София, или разнообразные стихотворения в честь светлейшей и высокородной Княгини и Госпожи... сочиненные Почтительным Верноподданным» (1652),³ – и, наконец, монументального собрания 3560 эпиграмм и стихотворений под названием «Три тысячи немецких рифмованных речений Соломона из Голау», изданного в 1654 г.⁴

Хотя век барокко в немецкой литературе известен целым рядом выдающихся поэтов, Логау оказался едва ли не единственным из современников, пережившим свою эпоху. Забытое более чем на сто лет, его творчество было «воскрешено» двумя известными деятелями немецкого Просвещения – Готхольдом Эфраимом Лессингом (1729–1781) и Карлом Вильгельмом Рамлером (1725–1798), которые в 1759 г. выпустили в свет небольшой том избранных эпиграмм Логау. Благодаря этому изданию поэзия Логау прочно вошла в «золотой фонд» немецкой литературы и стала частью национальной культуры Германии.

Творчество Логау относится по преимуществу к дидактической поэзии. Более трети объема его собрания (36%) составляют так называемые гномические эпиграммы, т.е. образцы религиозного, наставительного и философского содержания, проблематика которых является идейным ядром книги. Среди них нужно особо выделить религиозные эпиграммы. Принадлежащие к замечательным образцам немецкой духовной лирики XVII в., эти стихотворения представляют собой в совокупности род вероисповедного документа, по которому можно судить о религиозно-нравственных приоритетах поэта,

¹ Müller G. Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark – Potsdam 1927. S. 225.

² Erstes Hundert Teutscher Reimen-Sprüche Salomons von Golaw. In verlegung David Müllers Buchhendl: Seel: Erben in Breßlaw. M. DC. XXXVIII.

³ Anna Sophia, oder unterschiedene Getichte zu Ehren der Durchlauchten Hochgebornen Fürstin und Frauen/ Frauen Anna Sophia/ geborner von Meckelburg/ vermähleter Hertzoginn in Schlesien zur Liegnitz und Brieg/ Fürstin zu Wenden/ Gräffin zu Schwerin/ der Lande Rostock und Stargart Frauen/ geschrieben von Einem Gehorsamen Unterthan [1652].

⁴ Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Cum Gratiâ & Privilegio Sac. Cæs. Majestatis. Breßlaw/ In Verlegung Caspar Kloßmanns/ Gedruckt in der Baumannischen Druckerey durch Gottfried Gründern [1654].

и потому имеют первостепенное значение для характеристики всего его творчества. В немалом количестве моральных сентенций, наставительных изречений и рифмованных максим поэт излагает свои морально-этические взгляды, в основе которых лежит его религиозное миропонимание. Философская лирика Логау охватывает круг вечных тем – таких, как жизнь и смерть, добро и зло, счастье и несчастье, правда и ложь, и т.д. Значимость гномических эпиграмм в творчестве Логау дала основание критике охарактеризовать его как «поэта-проповедника».¹ Однако далеко не всегда эти эпиграммы имеют серьезно-назидательный характер: проповедуя и наставляя, Логау не забывает и о том, что «целью поэзии является... наставление в увлекательной форме», и «цель поэта – учить, доставляя удовольствие».²

Одной из магистральных тем творчества поэта является критика мира и времени (Zeitkritik). Его эпиграммы, посвященные нравственной критике существующего порядка вещей и негативных явлений эпохи, также нередко, в качестве неперменного компонента, содержат религиозное или нравственное наставление. Эпиграммы данного класса, при всей своей относительной немногочисленности (7%), занимают в поэзии Логау столь важное место, что поэт заслужил прозвание «неумолимого» („Unerbittliche“), «строгосудии своего века».³

Около половины объема поэтического собрания Логау (49%) занимают сатирические эпиграммы, многие из которых принадлежат к обличительной сатире «ювеналовского» типа без явно выраженного дидактизма. Тематический диапазон этих образцов включает антивоенные и патриотические мотивы; инвективы против произвола светской власти и сильных мира сего; выпады против иноземного культурного засилья и галломании (Alamode-Kritik); обличения повсеместного забвения веры и упадка нравов в Германии в эпоху Тридцатилетней войны; протесты против всеобщего меркантилизма; выступления в защиту угнетенного крестьянства, и т.д. Тематика более двухсот эпиграмм – критика двора и власти (Hofkritik).⁴ В своих скопических (нравоописательных) эпиграммах Логау разрабатывает ряд традиционных для мировой эпиграмматики тем и выводит обширный каталог человеческих пороков. Среди эпиграмм этого класса в его книге насчитывается свыше шестисот образцов, в которых осмеиваются не столько конкретные лица, сколько обобщенные типы и олицетворенные пороки, обозначаемые говорящими именами с латинской или греческой этимологией. Множество метких наблюдений над современным человеком и его недостатками свидетельствует о Логау и как о выдающемся нравописателе своего времени. Вместе с тем, сатира не является в творчестве Логау отдельным самостоятельным направлением, но выступает в нем, согласно правилу Горация «говорить правду, смеясь» („ridentem dicere verum“),⁵ как средство нравственной проповеди, своего рода «отрицательное наставление»⁶ или еще одна грань критики и обличения мира с позиций религиозного миропонимания поэта.

Наконец, к дидактической поэзии относятся у Логау также похвальные и панегирические эпиграммы, многочисленные энкомии, эпиталамы и т.д. Помимо этого,

¹ *Fritzmann A.* Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 39.

² *Скализгер, Юлий Цезарь.* Поэтика // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 69–70.

³ *Berger U.* Der Unerbittliche, Friedrich von Logau // *Berger U.* Die Chance der Lyrik. Berlin, Weimar 1971. S. 66.

⁴ *Kiesel H.* „Bei Hof, Bei Höll“: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen 1979. S. 171.

⁵ „Sermones“, I, 1, v. 24. *Horatius Flaccus, Q.* Die Satiren und Briefe des Horaz. München 1953. S. 6.

⁶ *Морейно С.М.* Немецкая эпиграмма // Иностранная литература. 1994. № 9. С. 219.

поэт является автором немалого количества эпиграмм игриво-галантного, эротико-гедонистского, застольного и шуточного содержания, что свидетельствует о принадлежности его творчества к антологической традиции.¹

Собрание эпиграмм Логау 1654 г. как в формальном, так и в содержательном отношении может с полным правом считаться эталонным произведением своего времени в данном жанре и служить образцом для изучения немецкой эпиграмматики XVII в., что подтверждается трудами целого ряда исследователей. В немецком литературоведении проблематика творчества Логау разработана достаточно подробно. Среди посвященных ему работ – монографии, диссертации, научные статьи, отдельные главы и разделы трудов общего характера, вступительные и заключительные статьи в изданиях его эпиграмм и статьи в энциклопедиях, в которых творчество поэта анализируется самым тщательным образом. В числе их, прежде всего, необходимо назвать фундаментальное исследование Пауля Хемпеля (1881 – после 1917) «Искусство Фридриха фон Логау» („Die Kunst Friedrichs von Logau“, 1917), посвященное проблемам поэтики и стилистики эпиграмм Логау. Автор рассматривает структуру эпиграмм, их языковую специфику, виды используемых поэтом тропов, «говорящих» имен, примеры следования поэта неолатинским стилевым образцам, реминисценции и параллели, и т.д.

Вторая из классических работ по данной теме – геттингенская диссертация Карла Генриха Денкера (1857 – после 1889) «Вклад в литературную оценку Фридриха фон Логау» („Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau“, 1889), в которой детально рассматривается проблема преемственности поэта по отношению к классической, средневековой, ренессансной и современной литературам, выражающейся в широком спектре заимствований сюжетов и мыслей у авторов разных периодов и использовании их в своем собственном творчестве. Автор приводит исчерпывающий перечень заимствований и реминисценций Логау и указывает их первоисточники, приводя в каждом случае оригинальные тексты из источников.

В ряде работ содержится всесторонний анализ творчества поэта: это, во-первых, монография американского литературоведа Анны Хильды Фрицман (*1930) «Фридрих фон Логау: Сатирик» („Friedrich von Logau: The Satirist“, 1983), в которой исследуется, прежде всего, обличительно-сатирическое направление в поэзии Логау, – и две немецкие диссертации, представляющие собой исчерпывающий разбор поэтического наследия Логау: «Идейное содержание эпиграмм Фридриха фон Логау» („Der Gedankengehalt der Epigramme Friedrichs von Logau“, 1922) Йозефа Баумайстера из Эрлангена, и «Эпиграмматика XVII столетия на примере „рифмованных речений“ Фридриха фон Логау» („Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus“, 1981) Йозефа Курца (Штуттгарт).

Среди посвященных Логау поэтологических трудов необходимо упомянуть биографо-литературоведческий очерк профессора Кёльнского университета Адальберта Эльшенбройха (1914–1989) „Friedrich von Logau“,² в котором подробно освещены обстоятельства жизни и различные аспекты творчества поэта, а также статью литературоведа из Эрлангена Теодора Фервайена (*1937) «Фридрих фон Логау: Неизвестное стихотворение и указания к биографии автора» („Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors“),³ в которой содержится ряд данных, касающихся биографии поэта, и приводится текст его неизвестной ранее

¹ См.: Васильев В.Е. Об эпиграмме // Всемирная эпиграмма. Антология. В четырех томах. СПб., 1998. Т. I. С. 17.

² В сборнике: *Steinhagen, Harald und Wiese, Benno von* (Hgg.). *Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk*. Berlin 1984. S. 208–226.

³ *Euphorion*. Bd. 83: Apr.–Juni (1989). Nr. 2. S. 246–260.

траурной оды студенческих времен. Кроме этого, важным источником является послесловие геттингенского профессора Эрнста-Петера Викенберга (*1935) к его изданию эпиграмм Логау в серии „Universal-Bibliothek“ (Nr. 706),¹ где рассматриваются принципиальные вопросы, связанные с поэзией Логау, и, в частности, проблема литературного псевдонима поэта.

Среди работ, опубликованных в последние годы XX в., фундаментальное значение имеют труды профессора германистики университета г. Билефельда Карла-Ульриха Зеельбаха (*1952), и в особенности – его биографо-литературоведческий очерк о поэте, включенный, в виде послесловия, в подготовленное им издание «Фридрих фон Логау. „Рифмованные речения“ и другие произведения в отдельном издании» („Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken“, 1992).² Автор сообщает в нем ряд новых важных сведений о жизни и творчестве Логау и приводит всеобъемлющую библиографию.

Судьба произведений Логау на протяжении четырех столетий, от момента выхода в свет собрания эпиграмм и вплоть до наших дней, а также история влияния его поэзии на немецкую литературу этого периода исследованы литературоведом из Эрлангена Андреасом Пальме в его монографии «„Есть у книг своя судьба“. Эпиграммы Фридриха фон Логау и история их рецепции» („Bücher haben auch ihr Glück“. Die Sinngedichte Friedrich von Logaus und ihre Rezeptionsgeschichte“, 1998). Трудно переоценить значение этого труда для осмысления роли творческого наследия поэта в немецкой литературе.

Среди специальных статей о творчестве Логау следует назвать работу Вильтруд Бринкман (Мюнстер) «Эпиграммы Логау как феномен жанра» („Logaus Epigramme als Gattungerscheinung“),³ содержащую опыт классификации эпиграмм Логау, и исследование «Поэтологические размышлений в эпиграммах Фридриха фон Логау: Опыт реконструкции его поэтики» („Poetologische Reflexionen in den Epigrammen von Friedrich von Logau: Versuch einer Rekonstruktion seiner Poetik“) американского литературоведа Петера Гесса,⁴ представляющее собой анализ взглядов поэта на поэтическое творчество.

Новейшим научным вкладом в изучение творчества и биографии Логау в контексте немецкой литературы XVII в. является сборник докладов юбилейной международной литературоведческой конференции 2005 г. «Силезский Соломон» („Salomo in Schlesien“), в числе авторов которых – известные литературоведы, историки, исследователи биографии и творчества Логау и переводчики его поэзии: Фердинанд ван Инген (Амстердам), Томас Альтхаус (Мюнстер, ФРГ), Ульрих Зеельбах (Билефельд, ФРГ), Петер Гесс (Остин, США), Андреас Пальме (Нюрнберг, ФРГ), Анна Строка (Вроцлав), Ричард Е. Шейд (Цинциннати, США) и др.⁵

В числе общетеоретических трудов, в которых Логау уделено значительное место, следует упомянуть диссертацию мюнстерского филолога Вольфганга Прайзенданца (1920–2007) «Жанр шпруха в лирике позднего Гете и его предыстория со времени Опица» („Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit

¹ Friedrich von Logau. Sinngedichte. Hrsg. von E.-P. Wieckenberg. Stuttgart 1984. S. 283–311.

² Seelbach, [Karl] Ulrich. Nachwort des Herausgebers // Seelbach, [Karl] Ulrich (Hg.). Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen: Niemeyer, 1992. S. 3*–68*.

³ Zeitschrift für der Philosophie (ZfdPh). № 93 (1974). S. 507–522.

⁴ Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur und Kultur der Frühen Neuzeit. Amsterdam 1984. Band 13. S. 299–318.

⁵ Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam – New York: Rodopi B.V., 2006. (= CHLOE. Beihefte zum Daphnis. Bd. 39).

Opitz“, 1950), в которой, на примере творчества ряда авторов, рассматривается жанр немецкой гномической эпиграммы XVII – XVIII вв. Теме антипридворной сатиры в немецкой литературе посвящены две работы: исследование Эрики Фогт «Антипридворное направление в литературе немецкого барокко» („Die gegenhöfische Strömung in der deutschen Barockliteratur“, 1932) и монография литературоведа из Гейдельберга Хельмута Кизеля (*1947) «„При дворе, в аду“: Исследование литературной критики придворной жизни от Себастиана Бранта до Фридриха Шиллера» („Bei Hof, Bei Höll’: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller“, 1979). В этих трудах, наряду с произведениями других авторов, анализируются социально-критические мотивы эпиграмм Логау.

Кроме этого, существует ряд статей, в которых творчество Логау изучается в его историко-литературном контексте. Это, прежде всего, статья шведского литературоведа из Гётеборга Акселя Мартина Линдквиста (1882–1959) «Тематика и тенденции немецкой эпиграммы в XVII столетии» („Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert“).¹ Автор очерчивает приблизительные границы жанра эпиграммы в немецкой литературе, прослеживает источники, питающие этот род поэзии, анализирует роль античной и неолатинской эпиграммы в становлении данного жанра, а также исследует «мотивы и тенденции» в творчестве ряда немецких эпиграмматистов XVII – XVIII вв. В теоретическом очерке лейпцигского профессора германистики Вальтера Ханса Дитце (1926–1987) «Очерк истории немецкой эпиграммы» („Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms“, 1972)² жанр немецкой эпиграммы XVII в. рассматривается в исторической ретроспективе; автор также уделяет внимание вопросам формы и анализу отдельных разновидностей жанра.

В ряде исследований, посвященных различным аспектам теории эпиграммы, поэзия Логау используется в качестве иллюстративного материала. Из них наиболее важными являются труд д-ра Терезы Эрб (Боннский университет) «Пуант в поэзии барокко и Просвещения» („Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung“, 1929), в котором исследуется роль стилистического приема пуанта в трех смежных жанрах немецкой поэзии XVII в. – эпиграмме, мадригале и сонете, – а также монография мюнхенского филолога Ютты Вайс «Немецкая эпиграмма 17-го столетия» („Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts“, 1979),³ посвященная всестороннему анализу жанра эпиграммы в немецкой литературе. Автор, ранее защитившая магистерскую диссертацию по творчеству Логау, рассматривает вопросы, связанные с теорией эпиграммы, анализирует различные виды эпиграмм и предлагает их всеобъемлющую классификацию, определяет процентное соотношение различных типов эпиграмм в немецкой литературе XVII в. В работе также рассмотрены проблемы поэтического перевода эпиграмм и влияния на немецкую эпиграмму античной, неолатинской и национальной традиций, освещен социально-исторический аспект немецкой эпиграмматической поэзии эпохи барокко.

Наряду с зарубежными исследованиями, посвященными как собственно поэзии Логау, так и общим проблемам немецкой литературы эпохи Ренессанса и барокко, автор диссертации обращался также к немногим отечественным работам, в которых творчество поэта рассматривается в контексте немецкой литературы XVII столетия, – прежде всего, к трудам Л.В. Пумпянского (1891–1940), Б.И. Пуришева (1903–1989) и

¹ Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt 1969. S. 287–354.

² Dietze W. Erbe und Gegenwart. Aufsätze zur vergleichenden Literaturwissenschaft. Berlin und Weimar 1972. S. 247–391 (Anm. S. 525–588).

³ На суперобложке издания: „Das Epigramm in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts“.

Р.М. Самарина (1911–1974). В процессе подготовки настоящей диссертации были использованы также статьи и монографии отечественных ученых, посвященные общим вопросам немецкой литературы указанного периода. Жанровая картина немецкой эпиграмматики рассмотрена в ретроспективе ее восхождения к первоисточнику – эпиграмме античности. Связанный с последней круг проблем освещался в работах ведущих российских исследователей – М.Л. Гаспарова (1935–2005), С.С. Аверинцева (1937–2004), Ф.А. Петровского (1890–1978), Л.В. Блуменау (1862–1931), Н.А. Чистяковой (1920–2008) и других. При рассмотрении общих вопросов немецкой литературы XVII в., в частности, проблематики барокко как литературного стиля, автор опирался на труды А.А. Морозова (1906–1992), И.Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969), Ю.Б. Виппера (1916–1991) и А.В. Михайлова (1938–1995). Со взглядами отечественной филологической школы на проблематику немецкой литературы Средних веков и Нового времени автор ознакомился по трудам Б.И. Пуришева; с теорией сатирических жанров – по работам Л.Е. Пинского (1906–1981); с проблемами стиховедения – по трудам В.М. Жирмунского (1891–1971), М.Л. Гаспарова и других. Для анализа проблем, связанных с малыми стихотворными жанрами и, в частности, вопросов из области паремологии автор обращался к работам Г.Л. Пермякова (1919–1983) и представителей его научной школы.

Отдельную проблему представляет определение стилевой принадлежности поэзии Логау. В немецкой критике XX в. единое мнение по данному вопросу отсутствует: одни авторы (Ф. Майд,¹ Э. Эрматингер,² В. Барнер,³ Т. Эрб,⁴ П. Гесс⁵) относят творчество поэта к эстетике барокко; другие (Р. Алевин) говорят о «предбарочном классицизме»⁶ школы Опица, причисляя к последней и Логау; третьи (Г. Цисарж) характеризуют литературу эпохи в целом как «барочный классицизм»,⁷ и т.д. В настоящее время в немецком литературоведении существует мнение, что творчество Логау заполняет лакуну между художественной практикой Первой и Второй силезских школ, представляя собой переходный этап от раннебарочного к высоко- и позднебарочному поэтическому мышлению.

В отечественной филологии вопрос стилевой принадлежности поэзии Логау в большинстве случаев решается в пользу классицизма. Так, Л.В. Пумпянский именует Логау «выдающимся немецким поэтом-классицистом XVII в.»⁸ Б.И. Пуришев, называя Первую силезскую школу «...группой немецких поэтов-классицистов первой половины XVII века»,⁹ рассматривает в числе последователей Опица и Логау, тем самым относя поэта к классицизму.¹⁰ А.А. Гугнин (*1941) свидетельствует о Логау как о классицисте самым фактом публикации подготовленных им материалов о поэте в антологии

¹ Meid V. Barocklyrik. Stuttgart 1986. S. 87–90.

² Ermatinger E. Barock und Rokoko in der deutschen Dichtung. Leipzig und Berlin 1928. S. 69.

³ Barner W. Barockrhetorik: Untersuchungen zu ihren geistlichen Grundlagen. Tübingen 1970. S. 110.

⁴ Erb T. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 3.

⁵ Hess P. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 87.

⁶ Alewyn R. Vorbarocker Klassizismus und griechische Tragödie. Heidelberg 1926.

⁷ Sysarz H. Deutsche Barockdichtung: Renaissance. Barock. Rokoko. Leipzig 1924. S. 46.

⁸ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 374.

⁹ Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 261.

¹⁰ Необходимо отметить, что у русских филологов дореволюционной школы данное направление в немецкой литературе XVII века именуется *псевдоклассицизмом*. См.: Кирпичников А.И. Немецкая литература в век академизма и псевдо-классицизма // Корш В.Ф., Кирпичников А.И. Всеобщая история литературы. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1888, с. 749–782.

«Литературные манифесты западноевропейских классицистов» (1980).¹ Ю.Б. Виппер именует Логау «одиноким исключением... стойко сохраняющим верность классицистическим заветам в своих „Эпиграммах“». ² О.С. Рахманина считает, что влияние классицизма ощущается в поэтическом языке Логау.³

Этому взгляду противостоит мнение, согласно которому стиль барокко является в Германии XVII в. «общим стилем эпохи»,⁴ объединяющим в себе «историческую совокупность различных художественных направлений, школ и индивидуальных стилей»⁵ и включающим творчество всех без исключения авторов, живших в данный период, при всех их существенных различиях. А.А. Морозов, один из основных представителей данной точки зрения, отсылает к формулировке немецко-американского литературоведа Х.Э. Хатцфельда (1892–1979), по словам которого, «правильным было бы понимание барокко как общего стиля XVII века, включающего, в качестве периферических явлений, крайние проявления и сохраняющего в центре крупные творения литературы, которые свободны от технических преувеличений и странностей». ⁶ Как считает литературовед Т.А. Заездная, периодизация немецкой литературы XVII в. разделяется на четыре этапа: предбарокко (доопицианская лирика: Т. Хек, Э. Швайбе фон дер Хайде, частично Г.Р. Векерлин); раннее барокко (Опиц и его ближайшие последователи); высокое барокко (литература второй половины Тридцатилетней войны и первого послевоенного времени); и, наконец, позднее барокко (Вторая силезская школа и ее эпигоны).⁷ По мнению исследователя, «...несмотря на серьезнейшие отличия, например, между Опицем и Лознштейном, между Силезиусом и Герхардтом, между Логау и Кульманом, все они обладают и сходными чертами, причем сходство оказывается существеннее, чем различия. Разница – в интенсивности проявления стиля, но этот стиль – барокко». ⁸

В противоположность тенденции противопоставления классицизма и барокко, отдельные исследователи – например, Б.Р. Виппер (1888–1967),⁹ – считают возможным смешение обоих стилей. Как считает Морозов, классицизм «прекрасно уживается с барокко... пропитывается связанными с ним стилевыми тенденциями и мотивами». ¹⁰ «Различные стадии или фазы в развитии художественных стилей» в эту эпоху, по его мнению, «не сменяют друг друга в неуклонной последовательности, а чаще всего как бы набегают одна на другую, сосуществуют хронологически, вступая не только в конфронтацию, но и во взаимодействие, открывающее возможность совмещения стилей». ¹¹ С этим мнением согласуется и взгляд литературоведа Н.А. Жирмунской

¹ Козлова Н.П. (Сост.). Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 488–490, 604–605 (комментарии).

² Виппер Ю.Б. О «семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур // XVII век в мировом литературном развитии. Сб. статей. М., 1969. С. 46.

³ Рахманина О.С. Немецкая поэзия XVII века. Теория и художественная практика (Дисс.). М., 2002. С. 82.

⁴ Морозов А.А. «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 116.

⁵ Морозов А.А. Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 122–123.

⁶ Цит. по: Морозов А.А. «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения // Русская литература. 1966. № 3. С. 39.

⁷ Заездная Т.А. Сонеты Андреаса Грифиуса (Дисс.). Л., 1971. С. 55–56.

⁸ Там же, с. 54.

⁹ Виппер Б.Р. Искусство XVII века и проблема стиля барокко // Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966. С. 263.

¹⁰ Морозов А.А. Развитие стилей и историческая реальность // Русская литература. 1971. № 3. С. 52.

¹¹ Морозов А.А. «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения... с. 33.

(1919–1991), утверждающей, что «...борьба и размежевание художественных направлений не получили в немецкой литературе... резкого и принципиального выражения... Хотя первый трактат по поэтике – „Книга о немецком стихотворстве“ Мартина Опица (1624)... шел в целом в русле классицистской традиции, последующая разработка поэтической теории и вся художественная практика немецких поэтов развивались в духе эстетики барокко».¹ По замечанию О.С. Рахманиной, в творчестве немецких поэтов XVII в. ясно прослеживаются черты обоих направлений.²

Подборка отечественных материалов по вопросу стилевой принадлежности поэзии Логау будет неполной, если не принять во внимание точки зрения Л.В. Пумпянского, который, именуя Логау классицистом, выделяет в его творчестве черты *реализма*: «...условия немецкого общества, все более глубокий его регресс создавали атмосферу, мало благоприятную для трезвого и рассудочного бюргерского реализма. Логау остался исключением...».³ Также и Б.И. Пуришев упоминает Логау в числе «писателей-реалистов и сатириков» в немецкой литературе XVII в., вместе с И.М. Мошерошем (1601–1669) и И.Б. Шуппом (1610–1661).⁴ Подобно этому, Р.М. Самарин отмечает, что творчество Логау «стало новым важным этапом... в развитии реалистической традиции немецкого искусства».⁵ Однако, в отличие от Пумпянского и Пуришева, Самарин воспринимает реализм как самостоятельный художественный метод, противопоставленный классицизму и барокко.⁶

Стилевая неопределенность немецкой эпиграматики указанной эпохи явилась, вероятно, причиной того, что крупнейшие исследователи творческого наследия Логау и немецкой эпиграмматической поэзии в широком диапазоне, – такие, как В. Дитце, А. Эльшенбройх, Э.-П. Викенберг, У. Зеельбах, Ю. Вайс и другие, – исключают в своем подходе стилевые критерии, практически не используя в своих работах понятий «барокко» и «классицизм» и говоря лишь о «немецкой эпиграмме XVII века». Вероятно, по этой причине в фундаментальном труде Ю. Вайс отсутствует определение стилевой принадлежности Логау – ведущего эпиграмматиста рассматриваемого периода, что показательно по отношению к данному вопросу в целом.

* * *

Настоящее диссертационное исследование представляет собой первую в российской филологии попытку всестороннего изучения творческого наследия Фридриха фон Логау, а также анализа ряда проблем, связанных с жанром эпиграммы в немецкой литературе XVII в., – в частности, проблемы функционирования системы малых стихотворных жанров как единого целого. Обращение к данной теме представляется нам целесообразным в силу назревшей необходимости детального изучения биографии и творчества поэта, до сих пор практически неизвестного в нашей

¹ Жирмунская Н.А. Поэзия Германии // Жирмунская Н.А., Плавский З.И. и др. История зарубежной литературы XVII века. М., 1987. С. 169.

² Рахманина О.С. Немецкая поэзия XVII века. Теория и художественная практика (Дисс). М., 2002. С. 50.

³ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 375.

⁴ Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 374.

⁵ Самарин Р.М. Мартин Опиц и поэты его школы // Вуннер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954. С. 770.

⁶ См.: Самарин Р.М. Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века // XVII век в мировом литературном развитии. Сб. статей. М., 1969. С. 61–83.

стране, а также исследования проблематики жанра немецкой эпиграммы XVII в. Таким образом, *выбор и формулировка темы диссертации* обусловлены спецификой предмета, представляющего огромный интерес для изучения, а также всеобъемлющим характером книги эпиграмм Логау и оригинальностью трактовки данного жанра в его творчестве.

Целью диссертации является исследование жанра немецкой эпиграммы XVII в. и его интерпретации в творчестве Фридриха фон Логау.

Актуальность диссертации связана с необходимостью восполнить пробел, существующий в российском литературоведении как в отношении исследования эпиграмматической традиции в немецкой поэзии XVII в., так и изучения творчества Логау, как одного из наиболее значительных представителей последней.

Объектом исследования в работе является творчество Фридриха фон Логау.

Предметом исследования являются особенности жанра немецкой литературной эпиграммы эпохи барокко.

Материалом для исследования послужило собрание эпиграмм Логау, являющееся исчерпывающим воплощением данной поэтической традиции в немецкой литературе XVII в. Исследование проведено на основании текста авторского прижизненного издания „Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend“ (Breslau, 1654).

Задачами исследования являются:

1. Изучение генезиса немецкой литературной эпиграммы XVII в.; описание книги эпиграмм Логау и ее жанрово-тематического содержания; обзор внутрижанровых разновидностей немецкой эпиграмматики XVII в. на примере поэзии Логау.
2. Исследование стилистики немецкой литературной эпиграммы XVII в.; рассмотрение роли и значения категории «барочного остроумия» и пуанта как жанрообразующего приема эпиграммы; анализ стилистической и смысловой роли риторических фигур в немецкой эпиграмматике XVII в. на примере поэзии Логау; разбор языковых и версификационных особенностей эпиграмм Логау в свете теории стихосложения Опица; выяснение тематических источников и литературных реминисценций в творчестве поэта.
3. Рассмотрение рецепции поэзии Логау в XVII – XX вв. в свете проблемы трактовки творчества поэта; анализ притчевого начала в поэзии Логау; исследование миропонимания поэта и концепции его книги эпиграмм.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней, впервые в российской филологии, подробно рассматривается феномен немецкой эпиграмматики эпохи барокко, и в его свете – творческое наследие крупнейшего из немецких эпиграмматистов этого периода, а также специфические особенности его поэзии. Принципиально новым в данной области является также подход к собранию эпиграмм как к концептуально единому целому.

Теоретически значимым в диссертации является освещение теории и практики немецкой литературной эпиграммы XVII в. и исследование формальной специфики данного жанра. Автором прослежены истоки немецкой эпиграммы, выявлена ее связь с национальной и зарубежными литературами, а также с немецким фольклором.

Практическая значимость диссертации состоит, прежде всего, в том, что автором собран обширный материал по литературе исследуемой эпохи, и в научный оборот вводится большое количество малоизвестных литературных источников XVI – XVIII вв. Данная работа может быть использована при подготовке лекционных курсов по зарубежной литературе XVII в., а также при составлении научных трудов по немецкой литературе указанного периода.

В диссертации использованы *методы исследований*, разработанные в трудах отечественных литературоведов М.М. Бахтина, А.В. Михайлова, М.Л. Гаспарова, С.С. Аверинцева, Б.И. Пуришева, Л.В. Пумпянского, А.А. Морозова, Л.Е. Пинского и др., посвященных исторической поэтике, культурно-историческому анализу и вопросам теории стихосложения. Преимущественное применение в работе получили сравнительный, количественный и интерпретационный методы; немалое значение для нее имели также системно-структурный метод исследования и метод качественной обработки данных.

Апробация работы: центральный аспект исследования – анализ концепции книги эпиграмм Логая – был изложен автором в тексте его доклада „Logau in Russland. Eine Skizze zur zeitgeschichtlichen und zur gegenwärtigen Rezeption der *Sinngedichte*“ на международной литературоведческой конференции, посвященной 400-летию юбилею поэта, которая состоялась 9–12 июня 2005 г. в г. Ополе (Польша). Один из существенно важных аспектов работы – вопрос рецепции творчества поэта в отечественной филологии и литературе – был освещен автором в докладе „Die Rezeption des Schaffens Friedrichs von Logau in der Russischen Philologie“ на международной литературоведческой конференции «Литература немецкого барокко: западно-европейский и славянский контекст», проходившей в РГГУ 6–7 июня 2008 г.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений. Общий объем работы, вместе с приложениями, составляет 258 страниц.

Список использованной литературы включает 518 произведений, в том числе:

1. Издания поэзии Фридриха фон Логая – 11;
2. Литературные издания, антологии, хрестоматии и другие источники: 146 (в т. ч. на немецком языке – 64; на русском – 47; на латинском – 24; на английском – 6; на французском – 2; на греческом – 2; на польском – 1);
3. Поэтики, литературные энциклопедии и хрестоматии: 43 (в т. ч. на немецком языке – 24; на латинском – 12; на русском – 6; на французском – 1);
4. Ученые, исторические и политические источники, хроники, лексиконы: 36 (в т. ч. на латинском языке – 16; на немецком – 12; на русском – 8);
5. Источники по религиоведению и философии: 18 (в т. ч. на русском языке – 12; на немецком – 5; на латинском – 1);
6. Исследования по творчеству Фридриха фон Логая: 56 (в т. ч. на немецком языке – 53; на английском – 2; на польском – 1);
7. Исследования по теории эпиграммы и малых жанров: 44 (в т. ч. на русском языке – 23; на немецком – 18; на английском – 1; на французском – 1; на латинском – 1);
8. Издания культурологического, исторического, религиоведческого, теоретико-литературного, лингвистического и справочного характера: 165 (в т. ч. на немецком языке – 78; на русском – 70; на английском – 10; на польском – 5; на чешском – 2).

Для обоснования употребления термина «эпиграмма» как универсального обозначения применительно к полиморфной системе малых стихотворных жанров, культивировавшихся в немецкой литературе указанного периода, автор диссертации опирался на два основополагающих труда в данной области: вышеупомянутую монографию Ю. Вайс и исследование М.Л. Гаспарова «Древнегреческая эпиграмма»,¹ в которых данный термин закреплен за стихотворными миниатюрами различного жанрового и тематического характера.

¹ Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I: О поэтах. М., 1997. С. 291–316.

В диссертации во всех случаях употребляется термин «эпиграмматист» (нем. „Epigrammatist“), а не «эпиграммист», поскольку данный термин узаконен в отечественной лингвистической справочной литературе; см. напр.: Большой немецко-русский словарь, М., 1980, т. I, с. 426. Этот же термин применялся и в русской дореволюционной филологической традиции, см.: *Павловский И.Я.* Немецко-русский словарь, Лейпциг – Рига, 1902, с. 439 (а также другие издания).

Названия ряда упоминаемых в диссертации ученых и литературных трудов XV – XVIII вв., используемые в ней образцы эпиграмм Логау, а также тексты отдельных цитируемых в работе произведений эпохи Ренессанса и барокко приведены в орфографии своего времени.

Принцип обозначения эпиграмм Логау в диссертации соответствует принципу обозначений, принятому в современной немецкой критической литературе по творчеству данного автора, и основан на композиционной структуре полного собрания его стихотворений: в цифровом или буквенно-цифровом индексе, стоящем в скобках после заглавия эпиграммы, римская цифра означает номер главы или книги («Тысячи»), первая арабская цифра – номер центурии («Сотни»), вторая арабская цифра – порядковый номер эпиграммы в центурии. Имеющиеся в собрании три «Прибавления» обозначены следующим образом: „1Z“ („Erste Zugabe“) означает первое «Прибавление», следующее после «Второй тысячи», „2Z“ („Zweite Zugabe“) – второе «Прибавление», следующее после «Третьей тысячи», и „ZD“ („Zugabe während des Drucks“) – заключительное «Прибавление». По существующей в немецкой критической литературе традиции пробелы между элементами индекса не ставятся.

Все *стихотворные переводы* эпиграмм Логау, а также стихотворений других авторов, используемые в настоящей работе в качестве иллюстративного материала, за исключением особо оговоренных случаев, выполнены автором диссертации.

Основные положения работы отражены в следующих *научных статьях*:

1. *Новожилов М.А.* Сатирическая традиция в литературе (Эпиграммы Фридриха фон Логау) // Литература в школе. 2003. № 7. С. 19–22.
2. *Новожилов М.А.* Приамель: пример интерпретации средневековой немецкой поэтической традиции в эпиграммах Фридриха фон Логау // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 63. 2004. № 3. С. 47–55.
3. *Michail A. Novožilov.* Logau in Russland. Eine Skizze zur zeitgeschichtlichen und zur gegenwärtigen Rezeption der Sinngedichte // Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Hrsg. von Thomas Althaus und Sabine Seelbach. Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. (= CHLOE. Beihefte zum Daphnis. Bd. 39). S. 429–464.
4. *Новожилов М.А.* Фридрих фон Логау и его литературная судьба // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 66. 2007. № 2. С. 39–53.
5. *Новожилов М.А.* Теория эпиграммы в немецкой поэтике XVII–XVIII вв. // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной – INTRADA, 2010. С. 455–458.
6. *Новожилов М.А.* Остроумие в немецкой барочной эпиграмме // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной – INTRADA, 2010. С. 362–365.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММЫ XVII В. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛОГАУ

§ 1.1. Генезис немецкой литературной эпиграммы

1.1.1. Возникновение и развитие жанра эпиграммы. Эпиграмма (греч. ἐπίγραμμα – «надпись») принадлежит к числу наиболее древних стихотворных жанров, возникших в раннюю эпоху греческой литературы. Греческие эпиграммы архаического и классического периодов (IX – V вв. до н.э.) были, главным образом, надгробными и посвятельными; этот свой характер стихотворения «на случай» эпиграмма сохранила и в дальнейшем. В жанровом отношении греческая эпиграмма была «тем видом словесного творчества, сразу же предназначенного для письменной фиксации, в котором современная жизнь и личная тема нашли свое место, но куда не вошел ни автор, ни его личность».¹ Первоначальным стихотворным размером греческих эпиграмм был гекзаметр; в VII в. до н.э. на смену ему пришел элегический дистих, утвердившийся в качестве классического размера эпиграммы античности. В эллинистическую эпоху (III – I вв. до н.э.) эпиграмма «оторвалась от предмета и вошла в литературу».²

К I в. до н.э. эпиграмм было написано так много, что возникла необходимость их систематизации. Так появился ряд антологий, первой из которых была антология древнегреческого поэта-эпиграмматиста Мелеагра из Гадары (ок. 130 – 70 до н.э.) „Stephanos“ («Венок»), не дошедшая до нашего времени, так же как и две последующие. Наиболее известным сборником древнегреческих эпиграмм является так называемая «Палатинская антология» („Anthologia Palatina“ или „Codex Palatinus“), составленная византийским грамматиком Константином Кефалой в Константинополе в X в. и обнаруженная в Гейдельберге в начале XVII в.³ В пятнадцати книгах этого собрания, включающего 3696 стихотворений, содержатся надгробные, наставительные, описательные, любовные, посвятельные, застольные, сатирические, энигматические и другие эпиграммы.⁴ Поскольку антология Кефалы была составлена уже в христианскую эпоху, в нее были включены также эпиграммы на религиозную тематику (кн. I и VIII). Пропорциональное содержание отдельных разновидностей эпиграмм в древнегреческой традиции, отраженное в Палатинской антологии, показывает, что «...из всего обширного наследия греческих эпиграмм... первое место занимают надгробные (эпитафии), затем описательные и посвятельные, а сатирические вместе с застольными в количественном отношении занимают лишь четвертое место».⁵

В римскую эпоху, приблизительно с середины I в. до н.э., на первое место среди других эпиграмматических типов выдвинулась «...обличительно-насмешливая,

¹ Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н.э. Л., 1983. С. 192.

² Там же, с 196.

³ Блуменау Л.В. Греческая эпиграмма // Греческие эпиграммы. М.–Л., 1935. С. XXI–XXII.

⁴ Гаспаров М.Л. Древнегреческая эпиграмма // Избранные труды. Т. I. М., 1997. С. 291–316.

⁵ Петровский Ф.А. Эпиграмма // История греческой литературы. Т. III: Литература эллинистического и римского периодов. М., 1960. С. 122.

сатирическая или скоптическая эпиграмма, давняя наследница ямбологии и инвективных песен прошлого».¹ Основными представителями этой традиции были греческие эпиграмматисты эпохи Нерона (I в. н.э.) Лукиллий и Никарх, и в особенности их младший современник – выдающийся поэт-эпиграмматист эпохи Домициана Марк Валерий Марциал (40–104). По словам Ф.А. Петровского, «спокойствие и серьезность, свойственные большинству эпиграмм классического периода греческой литературы и роднящие их с эпосом и элегией, начинают все больше и больше уступать место шутке и насмешке, сближая эпиграмму с жанрами сатирическими... С начала римской эпохи слово *эпиграмма* получает то значение, какое ему придают в новое время».²

В эпоху Ренессанса жанр эпиграммы получил распространение в ученом (неолатинском) варианте и в традиционной сатирической разновидности. Предпочтение сатирической эпиграммы эпиграммам антологической традиции у неолатинских авторов сформировалось, главным образом, под влиянием поэзии Марциала и, в меньшей степени, под влиянием других римских авторов, – таких, как Катулл (84/87–54 до н.э.) и поэт эпохи императора Грациана Децим Магн Авсоний (310 – ок. 395). Стихотворным размером неолатинской эпиграммы был элегический дистих.

1.1.2. Предыстория немецкой литературной эпиграммы. К названным трем основным источникам – древнегреческой антологической эпиграмме, сатирической эпиграмме римской поэзии и неолатинской эпиграмме эпохи Возрождения – восходит немецкая эпиграмма эпохи барокко. Греческие эпиграммы в Германии XVI – XVII вв. знали по так называемой „Anthologia Planudea“ (1299), представлявшей собой видоизмененный и дополненный вариант Палатинской антологии, составленный в 1301 г. византийским грамматиком Максимом Планудом (1260–1305). «Антология Плануда» была переиздана во Флоренции в 1494 г.; отдельные циклы эпиграмм из этого собрания были переведены и опубликованы в XVI в. немецкими переводчиками Вольфгангом Хунгером (1511–1555) и Иеремиасом Хельдом (1566–1590).³ В начале 1640-х гг. нидерландский поэт-гуманист Гуго Гроций (де Гроот, 1583–1645) перевел всю антологию на латинский язык. В эпоху барокко к переложениям древнегреческих эпиграмм обращались такие известные поэты, как Мартин Опиц, Георг Рудольф Векерлин (1584–1653), Андреас Чернинг (1611–1659), Андреас Грифиус (1616–1664), Даниэль Чепко (1605–1660) и другие. Список переведенных ими античных авторов весьма обширен.⁴ Указанные факторы, без сомнения, дали мощный импульс зарождению и развитию немецкой эпиграмматики XVII в.

Традиция скоптических эпиграмм в немецкой поэзии восходит к соответствующей традиции римской эпиграмматики, воплощенной в творчестве Марциала, эпиграммы которого, с момента их первого издания во Флоренции в 1471 г., приобрели в Западной Европе широкую известность и, несмотря на активное противодействие церкви,⁵ выдержали в Германии за период 1600–1700 гг. более пятидесяти переизданий.⁶ Неолатинская эпиграмматическая традиция, в свою очередь

¹ Чистякова Н.А. Эллинистическая поэзия: Литература, традиции и фольклор. Л., 1988. С. 153.

² Петровский Ф.А. Эпиграмма // История греческой литературы. Т. III: Литература эллинистического и римского периодов. М., 1960. С. 121.

³ См.: Rubensohn M. Griechische Epigramme und andere kleinere Dichtungen in deutschen Übersetzungen des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Weimar 1897. S. 3–29.

⁴ Ibidem, S. 53–72.

⁵ См.: Dietze W. Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // Dietze W. Erbe und Gegenwart. Aufsätze zur vergleichenden Literaturwissenschaft. Berlin und Weimar 1972. S. 263.

⁶ Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 298.

оказавшая огромное воздействие на немецкую эпиграмматику эпохи барокко, представлена в творчестве поэтов из так называемого «кружка эрфуртских гуманистов», – Генриха Бебеля (1472 – ок. 1518) и Эурициуса Корда (Генрих Ритце, или Зольден, 1484–1535). Значительное влияние на немецких эпиграматистов оказало также творчество зарубежных неолатинских поэтов-гуманистов, и прежде всего – французского поэта-эпиграмматиста эпохи Пляды Марка-Антуана Мюре (1526–1585), а также, в несравнимо большей степени, английского эпиграмматиста елизаветинской и яковианской эпох Джона Оуэна (1564–1622).

Наряду с литературными, у немецкой эпиграммы XVII в. был также фольклорный источник в виде старонемецкого шпруха – национальной традиции рифмованного морально-дидактического изречения, берущей свое начало в творчестве средневековых поэтов Шперфогеля-Хергера (1180/90) и Фрейданка (XIII в.). К данному источнику в значительной степени восходят в немецкой эпиграматике XVII в. эпиграммы духовно-дидактического направления. В классической антологической традиции эпиграммы этого типа соответствуют наставительным и религиозным эпиграммам книги X «Палатинской антологии».

Ранние образцы миниатюрных стихотворных жанров на немецком языке встречаются в немецкой литературе в виде полуфольклорного рода застольных стихотворений – так называемых „Lebegerime“ поэта Иоганнеса Зоммера из Цвиккау (1559–1622),¹ в творчестве средневекового юриста Себастиана Бранта (1457/58–1521), автора знаменитой сатирической поэмы «Корабль дураков» („Daß Narren Schyff ad Narragoniā“, 1494), а также у поэта Амброзиуса Лобвассера (1515–1585), – по мнению отдельных исследователей, прямого предшественника немецких эпиграматистов.² Однако вопрос, в самом ли деле эти образцы являются эпиграммами, вызывает сомнения. Как считает Вайс, стихотворные подписи (subscriptio) из поэмы Бранта, изданные отдельно в середине XVII в.,³ а равно и миниатюры Лобвассера⁴ неверно было бы причислять к эпиграммам в классическом смысле этого слова; далеки они и от того понимания специфики эпиграммы, которое было свойственно гуманистам, в силу чего исследователь относит их к жанру шпруха („Altertümlichen Spruchgedichte“).⁵ Также и весьма популярные в XVI–XVII вв. эмблемы, как считает другой автор – Петер Гесс, «едва ли подлежат обсуждению в контексте эпиграмматики».⁶

1.1.3. Мартин Опиц и начало немецкой эпиграмматики. Датой рождения немецкой литературной эпиграммы считается 1624 год: в этом году в Бреслау вышел сборник «Немецкие стихотворения Мартина Опица» („Martini Opitii Teutsche Poemata“), включавший шестьдесят восемь эпиграмм. Эти первые немецкие эпиграммы были написаны стихотворными размерами новой силлаботонической системы, введенной Опицем в его вышедшей одновременно с «Немецкими стихотворениями» поэтике «Книга о немецком стихосложении» („Buch von der Deutschen Poeterey“), – главным образом, различными видами ямба с рифмами. Среди них были как переложения эпиграмм античных (Платон, Анакреонт, Дионисий Катон) и ренессансных поэтов (М.-А. Мюре, И. Скалигер), так и эпиграммы самого автора. Таким образом, именно

¹ *Sommer, Johannes*. Epatologia Hieroglyphica Rythmica. Magdeburg 1605.

² См.: *Hess P.* Epigramm. Stuttgart 1989. S. 82–83.

³ *Brant, Sebastian*. Narrenschiff. Hg. von Friedrich Zarncke. Leipzig 1854. S. XXXVI–XXXIX; 154–158.

⁴ *Lobwasser, Ambrosius*. H. D. Ambrosij Lobwassers zierliche nützliche vnd artige deutsche Epigrammata. Leipzig, Typ. Tobiae Beyeri, gedr. Lorentz Kober, 1611.

⁵ *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 62–64.

⁶ *Hess P.*, op. cit., S. 83–84.

Опиц дал в своем творчестве первые образцы литературной эпиграммы на национальном языке. Заслуге Опица в становлении жанра эпиграммы в Германии дал высокую оценку Л.В. Пумпянский: «...до Опица и без Опица... не было бы самого жанра, основанного на умном, рассудочно упорядоченном наблюдении».¹

Основополагающий для всей немецкой поэзии трактат Опица «Книга о немецком стихосложении» ориентирован на классический источник – «Послание к Пизонам об искусстве поэзии» („De arte poetica“) Горация, а также на ренессансные трактаты по искусству стихотворства – «Поэтику в семи книгах» („Poetices libri septem“, 1561) Юлия Цезаря Скалигера (Джулио Бордоне, 1484–1558) и «Краткое изложение поэтического мастерства» („Abrégé de l’art poétique“, 1565) Пьера де Ронсара (1524–1585). В главе V своей поэтики Опиц дает определение эпиграммы прежде всего как феномена сатирического жанра: «Эпиграмму я потому причисляю к сатире, что сатира есть длинная эпиграмма, а эпиграмма – короткая сатира: ибо краткость – ее главное свойство, а остроумие, так сказать, ее душа и образ; оно особенно проявляется в заключении, которое должно быть каждый раз иным, нежели мы ожидаем: в этом, прежде всего, и состоит остроумие. Но, хотя в эпиграмме возможны любые предметы и выражения, все же дела Венеры, надписи на могилах и зданиях, похвалы знатным господам и дамам, забавные шутки и все, что ни заблагорассудится, в ней более оправданны, чем издевательские насмешки над наружностью и выведение на свет пороков других людей».² Иными словами, Опиц, в полном соответствии с литературной традицией того времени, рекомендует для эпиграммы тематику антологического характера и отводит обличительные эпиграммы-пасквили на конкретных лиц.

Ставя знак равенства между сатирой и эпиграммой, Опиц распространяет на последнюю и свое определение сатиры, данное им в той же главе его трактата: «К сатире относятся два предмета: учение о хороших нравах и пристойной жизни, а также благородные речи и шутки. Самое же высокое назначение и душа ее – жестокое порицание греха и призыв к благочестию».³ Таким образом, Опиц с самого начала декларирует нравственно-дидактическое направление сатиры в целом и эпиграмматики в частности. Эти теоретические установки основателя Первой силезской школы были затем подхвачены его многочисленными последователями.

По своему содержательному характеру немецкие эпиграммы эпохи барокко подразделялись на религиозные, философские, нравоописательные, галантные, любовные, застольные, посвятительные и т.д., некоторым образом повторяя видовое разнообразие греческих эпиграмм антологической традиции. По степени своей распространенности в Германии XVII в. эпиграмма не имела себе равных среди других

¹ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 374.

² Opitz, Martin. Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey. Brieg 1624. Bl. 14b–15a. Формула Опица «...Сатира есть длинная эпиграмма, а эпиграмма – короткая сатира» восходит к эпиграмме Оуэна „*Epigramma. Satyra*“ (II, 181, 1–2): „Nil aliud Satyrae quam sunt Epigrammata longa; / Est praeter Satyram nil Epigramma breve“. («Эпиграмма. Сатира. Было бы верно сатиру длинной назвать эпиграммой; / Краткой сатирой должны мы эпиграмму считать». – лат.). См.: Epigrammatum Joannis Oweni Cambro-Britanni, Oxoniensis, Editio Postrema, correctissima, et posthumis... adaucta. Wratislaviae 1628. S. 57. Лорау перефразировал формулу Опица – Оуэна во вступлении к своему собранию эпиграмм, а также использовал в виде глоссы к самой длинной из своих сатир – „*Amadis-Jungfern*“ (II,3,59): „Epigramma est brevis Satyra; Satyra est longum Epigramma“. Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw [1654]. S. [II] 65.

³ Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 456–457.

поэтических жанров. Количество эпиграмм, написанных немецкими поэтами эпохи барокко, колоссально: к примеру, Вайс рассматривает в своей монографии 139 эпиграмматических сборников, принадлежащих восьмидесяти авторам, от «Флорилегиев» Опица,¹ книги эпиграмм Пауля Флеминга (1609–1640)² или трех книг эпиграмм Андреаса Грифиуса,³ и до таких монументальных изданий, как книга стихотворений Иоганна Генриха фон Траунсдорфа⁴ и собрание эпиграмм Фридриха фон Логау. Сам термин „epigramma“ не был единственным обозначением этого рода поэзии, но имел в литературе той эпохи целый ряд немецких синонимов: „Überschrift“, „Beischrift“, „Aufschrift“, „Denkspruch“, „Sinnspruch“, „Sinn-Gedicht“, „Schluß-Gedicht“, – а также более поздних, относящихся большей частью к концу XVII в., наименований: „Sinn-Reim“, „Sinn-Schrift“, „Sinn-Rede“. Большинство этих терминов указывает на интеллектуальное содержание данного стихотворного жанра.

Введенная в немецкую поэзию в период раннего барокко, литературная эпиграмма пережила значительный подъем на исходе высокого барокко – в середине XVII столетия. Это произошло во многом благодаря появлению в 1653 г. полного немецкого перевода эпиграмм Оуэна,⁵ а также выходу в свет в следующем году собрания эпиграмм Фридриха фон Логау. Указанные факторы явились причиной расцвета эпиграмматической поэзии в Германии во второй половине XVII века и предпосылкой дальнейшего развития этого жанра в эпоху Просвещения.⁶

§ 1.2. Основные жанровые признаки эпиграммы

1.2.1. Литературная эпиграмма эпохи барокко: структура и свойства. Немецкие теоретики литературы XVII в. придали эпиграмме статус универсального поэтического жанра, обладающего своими неповторимыми особенностями, и предложили ряд дефиниций последнего. Так, выдающийся ученый-языковед, член «Плодоносящего общества» Юстус Георг Шоттель (1612–1676) в своей поэтике «Искусство слагать стихи или рифмовать по-немецки» (1656) определяет эпиграмму как «короткое выразительное стихотворение, устремленное к своей кульминации и увенчанное замечательным, метким, неожиданным изречением».⁷ Магистр Иоганн Готтлиб Майстер (1665–1699), ректор гимназии св. Николая в Лейпциге, в поэтике «Ненавязчивые суждения о немецких эпиграммах, в ясных правилах и приятных

¹ *Opitz, Martin*. Florilegii variorum epigrammatum liber unus [& alter]. Gedani, Typis ac sumptibus Andreae Hünefeldi. Anno M DC XXXIX.

² *Fleming, Paul*. D. Paull Flemings Buch Der Überschriften // *Fleming, Paul*. Teütsche Poemata. Hildesheim 1969. (Nachdruck der Ausg. Lübeck [1642]). S. 268–281.

³ *Gryphius, Andreas*. Andreae Gryphii Epigrammata Oder Bey-Schriften. Breßlau/ Bey Veit Jacob Dreschern/ Buchhändl. Im Jahr M. DC. LXJII.

⁴ *Traunsdorff, Johann Heinrich von*. J.H.V.V.Z.D.G.L.H.V.F.L.G.A. Erstes tausend/ Deutscher weltlicher Poematum, von allerhandt täglich fürfallender Materien/ vnnd Handlungen/ mancherley Sprüchwörtern vnnd Gleichnüssen/ schönen dictis vnnd Sentenziën/ auß deß Authoris operibus manuscriptis vnnd Ethicomoralischen Emblematibus zusammen getragen [...] Gedruckt im Jahr 1642. (Вторая и третья «Тысячи» приложены).

⁵ *Löber, Valentin*. Teutschredender Owenus. Hamburg/ Gedruckt bey George Papen/ Im Jahr 1653.

⁶ *Dietze W*. Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // *Dietze W*. Erbe und Gegenwart: Aufsätze zur vergleichenden Literaturwissenschaft. Berlin und Weimar 1972. S. 277–278.

⁷ *Schottelius, Justus Georg*. Iusti-Georgii Schottelii Teutsche Vers- oder Reim Kunst. Franckfurtt an Mayn in Verlegung Michael Lubachs Buch. in Lüneburg im jahre 1656. S. 256–257.

образцах» (1698) говорит: «Эпиграмма есть сжатое изречение, в котором ясно и кратко сообщается о каком-либо лице, предмете или деянии».¹ В отличие от мнения французского поэта и теоретика литературы Никола Буало (1636–1711), понимавшего эпиграмму как по большей части рифмованную остроту, –

L'épigramme, plus libre en son tour plus borné,
N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes orné.² –

авторы немецких поэтик подчеркивают серьезный характер этого рода лирики: так, педагог и лютеранский теолог Самуэль Шельвиг (1643–1715) в трактате «Опыт учебного руководства в немецком поэтическом искусстве» (1671) говорит: «В эпиграмме мы в немногих словах заключаем глубокое содержание».³

Уже в греческих эпиграммах античной эпохи, представленных в Палатинской антологии, исследователями отмечается наличие двухчастной структуры: «До нас дошло множество эпиграмм, где... двустипхи служит для краткого выражения какой-нибудь законченной мысли, разделенной на основное положение и вывод из него, как, например, в эпиграмме Анакреонта (AP, «Эпитафии воинам», VII, 160):

Мужествен был Тимокрит, погребенный под этой плитою:
Видно, не храбрых Арей, а малодушных шадит».⁴

Ренессансное определение эпиграммы, данное в кн. III, гл. СХХVI «Поэтики» Скалигера, исходит из интеллектуально-риторического характера этого жанра: «Эпиграмма... есть короткое стихотворение, в котором просто сообщается о предмете, лице или событии, либо из посылки нечто выводится» („Epigramma igitur est poema breue cum simplici cuiuspiam rei, vel personae, vel facti indicatione: aut ex propositis aliquid deducens“).⁵ Данное определение недвусмысленно указывает на двухчастную структуру эпиграммы „*propositio – conclusio*“ («посылка – заключение». – *лат.*), представляющую собой не что иное, как логический двучлен.

В теоретических разработках европейских поэтик XVII – нач. XVIII вв. структурные элементы эпиграммы имеют различные наименования, в зависимости от их характера и функции, которую они выполняют в тексте. Например, в «Книге об эпиграммах» (1669) французского иезуита Франсуа Вавассёра (1605–1681), оказавшего известное влияние на немецких теоретиков, говорится об „*expositio et conclusio*“ и „*expositio et clausula*“ («изложение – вывод», «изложение – заключение». – *лат.*).⁶ В поэтике Майстера содержатся обозначения „*antecedens*“ – „*consequens*“ («посылка – заключение». – *лат.*), „*thesis*“ – „*hypothesis*“ («положение – обоснование». – *греч.*), „*thesis*“ – „*antithesis*“ («положение – противоположение». – *греч.*), „*narratio*“ –

¹ Meister, Johann Gottlieb. Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus. Leipzig 1698. S. 73.

² Boileau[-Despréaux, Nicolas]. Art poétique. Paris 1881. P. 20. (II, 103–104). Перевод: «Стих эпиграммы сжат, но правила легки: / В ней иногда всего острота в две строки» (Перевод Э.Л. Линецкой).

³ Schelwig, Samuel. Entwurff der Lehrmäsigen Anweisung zur Teutschen Ticht-Kunst. Wittenberg 1671. S. 120. Цит. по: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 33.

⁴ Петровский Ф.А. Эпиграмма // История греческой литературы. Т. III: Литература эллинистического и римского периодов. М., 1960. С. 120. (Перевод Л.В. Блуменану).

⁵ Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 430.

⁶ Vavasseur, François. Francisci Vavassoris... De Epigrammate Liber Et Epigrammatum Libri Tres. Parisiis. Ex officina Edmundi Martini, M. DC. LXXII. P. 134–135.

„*acumen*“ («изложение – острота». – *лат.*), „*protasis*“ – „*apodosis*“ («положение – противоположение». – *греч.*).¹ В других источниках встречаются также термины „*praesumptio(n)*“ – „*epiphonema*“ («ожидание – разъяснение». – *лат., греч.*). Магнус Даниэль Омейс (1646–1708), профессор поэтики в Альтдорфе и член «Пегницкого ордена», в сочинении «Основательное введение в немецкое искусство рифмы и поэзии» (1704) называет следующие две части эпиграммы: „(1) Propositione sive Narratione; (2) Acumine“ («Посылка или изложение; острота». – *лат.*).²

Наряду с двумя частями, эпиграмме, согласно определению Скалигера, «свойственны два достоинства: краткость и остроумие. В краткости состоит ее своеобразие. В остроумии – душа и форма» („*Epigrammatis duae virtutes peculiare: breuitas & argutia... Breuitas proprium quiddam est. Argutia, anima, ac quasi forma*“).³ Эту формулу французского теоретика литературы практически дословно заимствовал Опиц, который в своей дефиниции эпиграммы повторяет: «краткость – ее главное свойство».⁴ О том, что качество остроты зависит от ее длины, говорил еще римский ритор Марк Фабий Квинтилиан (35–100).⁵ Отдельные немецкие теоретики жанра дают в своих трудах определение категории краткости, ставя последнюю в зависимость от необходимости. Так, по замечанию полигистора и историка литературы Даниэля Георга Морхофа (1639–1691) в его «Учении о немецком языке и поэзии» (1682), «краткость состоит не в том, что необходимое заключается в двух или четырех стихах, но в том, что в словах или предложениях не содержится ненужного».⁶ Согласно схожему суждению Омейса, «не столь существенно, как представляется некоторым, ограничивать ее [эпиграмму. – *М.Н.*] двумя или четырьмя стихами, – довольно, если в словах и изречениях не будет того, без чего можно обойтись».⁷

И тем не менее, хотя краткость и была безусловно признанным атрибутом эпиграммы, для немецкой эпиграммы XVII в. характерно стремление к разрастанию до весьма значительных размеров. Эта тенденция к расширению стихового пространства эпиграммы отчасти объясняется традицией, восходящей к античности, – например, длинными эпиграммами у Марциала или отсутствием четкой границы между эпиграммой и элегией у поэтов греческой антологии,⁸ – отчасти же тем, что определенная формальная норма эпиграммы в немецкой поэзии XVII в. еще не была выработана. Вопрос о формальных рамках эпиграммы восходит к дискуссии в немецких поэтиках второй половины XVII – первой трети XVIII в. о границах данного жанра, бывшей, в свою очередь, продолжением аналогичной дискуссии во французских поэтиках середины XVI в.⁹ В частности, «Биркен видел высшее воплощение эпиграмматического идеала в двустишии; Киндерманн, Майстер, Людвиг и Ротман объявляли необходимым объем от двух до шести стихов; Графе считал октаву находящейся еще в пределах нормы... С другой стороны, целый ряд поэтик причислял

¹ *Meister, Johann Gottlieb*. Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus. Leipzig 1698. S. 87–89, 130–131.

² *Omeis, Magnus Daniel*. Gründliche Anleitung zur Teutschen accuraten Reim- und Dicht-Kunst. Nürnberg 1704. S. 183.

³ *Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri...* Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 431.

⁴ *Opitz, Martin*. Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey. Brieg 1624. Bl. 14b.

⁵ *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 29.

⁶ *Morhof, Daniel Georg*. Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie. Lübeck und Franckfurt 1700. S. 682–683.

⁷ *Omeis*, loc. cit.

⁸ См.: *Чистякова Н.А.* Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н.э. Л., 1983. С. 125.

⁹ См.: *Hess P.* Epigramm. Stuttgart 1989. S. 32.

к жанру эпитагмы сонет в силу заостренного характера последнего, а Филандер фон [дер] Линде настаивал на объеме в 24 строки как все еще отвечающем требованиям жанра».¹ Морхоф в трактате «Рассуждение о науке острословия» („*Commentatio de disciplina argutiarum*“, 1693) говорит также об образцах, насчитывающих 40 или 50 стихов, как о явлении, типичном для эпитагматики этого периода.²

1.2.2. Жанровые рамки немецкой эпитагмы XVII в. Отчетливо очертить жанровые рамки немецкой эпитагмы эпохи барокко достаточно затруднительно по причине полисемантности самого термина, который «...более других жанровых наименований, в ретроспективе своей истории, настолько усложнился, что уже не позволяет дать себе определение».³ По мнению Анны Фрицман, эпитагма в XVII в. могла быть «элегией, сатирой, рифмованной шуткой, миниатюрным любовным стихотворением, воплощением вековой мудрости или выражением религиозного мистицизма».⁴ Как считает Линдквист, «понятие „эпитагма“ в XVII веке все еще сохраняло свое первоначальное значение „надписи“ на надгробных памятниках и зданиях, на картинах и портретах. Кроме того, этим словом именовались все виды малых поэтических форм интеллектуально-аналитического содержания, любая житейская мудрость, сформулированная в виде сентенции, концентрированные рефлексии, а также краткие правила житейского поведения. К эпитагмам причислялись всевозможные короткие стихотворения, посвященные мифологическим и историческим личностям и событиям, особенно имевшим место в античности, затем – посвящения меценатам, могущественным особам и влиятельным дамам, а также достопримечательным местам. Под рубрикой „эпитагма“... часто выступали басни и поучительные анекдоты из повседневной жизни, иногда весьма значительные по объему».⁵

Барочные теоретики литературы наделяли эпитагму всеобъемлющим содержательным диапазоном: уже Опиц, хотя и с оговорками, констатирует: «...в эпитагме возможны любые предметы и выражения...» („...das Epigramma aller sachen vnnd wörter fähig ist“).⁶ В свою очередь, падуанский профессор философии грек Иоанн Коттуниус (1577–1658) в трактате «О сочинении эпитагм» (1632) подчеркивает: «Предметом же эпитагм... является все на свете» („*Materia autem epigrammatis... sunt res omnes*“).⁷ Оба суждения восходят к Скалигеру, который писал: «Эпитагм же может быть столько видов, сколько существует вещей» („*Epigrammatum autem genera tot sunt, quot rerum*“).⁸ Универсализм эпитагмы свидетельствует о сверхродовом характере

¹ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 27–28. Автор перечисляет здесь следующие поэтики: *Sigmund von Birken*: Teutsche Rede- bind- und Dicht-Kunst, Nürnberg 1679 (S. 103); *Balthasar Kindermann*: Der Deutsche Poët, Wittenberg 1664 (S. 257); *Johann Gottlieb Meister*: Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus, Leipzig 1698 (S. 77); *Gottfried Ludwig*: Teutscher Poesie dieser Zeit, Leipzig 1703 (S. 148); *Johann Friedrich Rothmann*: Lustiger Poete, o. O. 1711 (S. 374); *Eberhard Grafe*: Lehr-mässige Anweisung/ Zu der Teutschen Verß- und Ticht-Kunst, Nürnberg 1702 (S. 65); *Philander von der Linde*: Unterredung Von der Deutschen Poesie // *Philander von der Linde*: Vermischte Gedichte, 2. Aufl., Leipzig 1727 (S. 270).

² *Morhof, Daniel Georg*. Danielis Georgi Morhofi Commentatio de disciplina argutiarum. Anno M DC XCIII. (1693). S. 202.

³ *Brummack J.* Zu Begriff und Theorie der Satire. Цит. по: *Fritzmann A.* Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 42.

⁴ *Fritzmann*, op. cit., p. 40.

⁵ *Lindqvist A.* Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // *Pfohl G.* (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 292.

⁶ *Opitz Martin*. Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey. Brieg 1624. Bl. 14b.

⁷ *Cottunius, Ioannes*. De conficiendo epigrammate liber vnus. Bononsis 1632. P. 32.

⁸ *Scaliger J.C.* Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 431.

этого жанра, – так, по мнению Коттуниуса, эпиграмма соединяет в себе свойства всех основных родов литературы: «Эпиграммы по праву соотносимы со всеми... родами поэзии: ибо они... близки к эпосу, или к лирике... сродни трагедии... Иные, наконец, отсылают к комедии» („Epigrammata ritè in omnibus [...] poematum generibus collocantur: etenim illa... spectant ad Eроpeiam, vel ad Lyricam [...] propria sunt Tragoediae [...] Postremò, alia epigramma ad Comoediam reducuntur“).¹

Немецкая литературная эпиграмма эпохи барокко ассимилировала большинство бытовавших в немецкой поэзии того времени малых стихотворных жанров, как литературных, так и фольклорных. Среди первых – эмблематические и аллегорические эпиграммы, сентенции, эпиталамы и другие формы поэзии «на случай», экзостихи, сонеты, мадригалы, пасторали, фацетии, басни; ко вторым относятся загадки, шпрухи, приамели, рифмованные пословицы и т.д. В этом стремлении освоить весь диапазон как импортированных, так и автохтонных поэтических форм, имеющих в национальной литературе, состоит одно из свойств немецкой эпиграмматики указанного периода.

Основанием для причисления ряда поэтических жанров к эпиграмме послужила двухчастная структура последних. Так, Омэйс в своей поэтике предписывает двухчастное эпиграмматическое строение сонету, в котором «первые восемь строк выполняют роль положения, или *protasis*, а последние шесть – противоположения, или *apodosis*».² Виттенбергский профессор поэтики Август Бухнер (1591–1661) в трактате «Введение в немецкую поэзию» (1638) прямо объявляет сонет «разновидностью эпиграммы».³ Для поэзии немецкого барокко типичными являются сборники в виде смеси сонетов и эпиграмм, – например, издание Георга Мартина фон Штайнау «Немецкие эпиграммы и сонеты, или звоностихи» (1654)⁴ и др. Характерно в этом отношении также приложение из десяти сонетов («звоноримов») в сборнике эпиграмм поэта мистического направления Ангелуса Силезиуса (Иоганнес Шеффлер, 1624–1677) «Херувимский странник» („*Cherubinischer Wandersmann*“, 1675).⁵

Благодаря своей двухчастной структуре к эпиграммам был отнесен и итальянский мадригал.⁶ В Германии XVI–XVII вв. существовали два вида мадригала: вокальное произведение и короткое стихотворение эпиграмматического характера. Впервые на формальное родство литературного мадригала с эпиграммой было указано в трактате Каспара Циглера (1621–1690) «О мадригалах» (1653): «Начальные стихи [мадригала. – *M.H.*] представляют собой более или менее определенную *propositio*... [которая] завершается выведенной из всего предыдущего *conclusio*».⁷ В свою очередь, жанр басни считался эпиграмматическим из-за наличия в последней так называемого «периода нагнетания» (*Spannungsperiode*),⁸ завершающегося «разрешением» (*Schluss*). По этой же причине к эпиграммам был причислен и средневековый фольклорный приамель («перечисление с заключением»), почти забытый к XVII в. и вновь воскрешенный в творчестве Логау, – с той лишь разницей, что «период нагнетания»

¹ *Cottunius, Ioannes*. De conficiendo epigrammate liber vnus. Bononsis 1632. P. 27–29.

² *Omeis, Magnus Daniel*. Gründliche Anleitung zur Teutschen accuraten Reim- und Dicht-Kunst. Nürnberg 1704. S. 112.

³ *Buchner, Augustus*. Anleitung Zur Deutschen Poeterey. Wittenberg 1665. S. 175.

⁴ *Martin, Georg*. Georgii Martini Deutsche Epigrammata Vnd Sonette Oder Kling-Gedichte. Bremen/ Druckts vnd Verlegts Joost vnd Jakob Köler/ Jm Jahr 1654.

⁵ *Ангелус Силезиус*. Херувимский странник (Остроумные речения и вирши). Перевод с нем. Н.О. Гучинской. СПб., 1999. С. 404–415.

⁶ См.: *Hess P*. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 40.

⁷ *Ziegler, Kaspar*. Von den Madrigalen. Leipzig 1653. Bl. 6b.

⁸ См.: *Erb T*. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 70–71.

(дискурсивное изложение) в приамеле мог быть весьма продолжительным, а «разрешение» имело характер синтеза.¹

1.2.3. Остроумие как жанровый атрибут эпиграммы. Согласно определению Скалигера, «душой и формой» эпиграммы является остроумие – *argutia*. Иезуит Якоб Понтанус (1542–1626) в книге III своего «Наставления в поэтике» (1594) развивает дефиницию Скалигера: «Эпиграмме требуются в особенности два достоинства, придающие ей очарование и необычайно ее украшающие: это краткость и остроумие, из которых последнее с полным правом можно назвать ее душой, жизнью, духом, движущей силой, ее мощью и кровью» (“*DVO praecipue lumina flagitat epigramma, quibus ornatur commendaturque mirifice: ea sunt breuitas, & argutia: quarum posterior iure optimo anima, vita, & tanquam spiritus eius, nerui, succus, sanguis vocari potest*”).²

Теоретические определения остроумия восходят к античной риторике. Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) в трактате «Об ораторе» говорит: «Шутки бывают двух родов: в одних обыгрывается дело, в других – слово» („*Duo enim sunt genera facetiarum, quorum alterum re tractatur, alterum dicto*“).³ Таким образом, римский оратор различал два вида *argutia*: остроумие, вытекающее из предмета („*in re*“), и остроумие в отдельных выражениях („*in dicto*“).⁴ У немецких теоретиков XVII в. можно встретить почти дословное повторение дефиниции Цицерона: так, поэт Кристиан Вайзе (1642–1708) в сочинении «Политичный оратор» („*Politischer Redner*“, 1677) замечает: «Если необходимо определить, что такое остроумие, то состоит оно частью в игре слов, частью в оригинальных и остроумных предметах».⁵

В эпоху Возрождения *argutia* («острота, тонкость») приобретает значение эстетической категории и становится у европейских гуманистов частью понятия „*elegantia*“ («изысканность, утонченность». – *лат.*). Эпоха барокко восприняла принцип *argutia* и придала ему всеобъемлющий характер, понимая его как «...акт познания неведомого при помощи мгновенно действующей интуиции».⁶ В трактатах XVII в. по теории «остроумного стиля», – «Об остроумных речениях» („*Delle Acutezze*“, 1639) Маттео Перегрини (ок. 1595–1652), «Искусство изощренного ума» („*Agudeza y Arte de Ingenio*“, 1642) Балтазара Грасиана (1601–1658) и, в особенности, в «Подзорной трубе Аристотеля» („*Il Cannocchiale Aristotelico*“, 1655) Эмануэле Тезауро (1591–1675), – *argutia* (*agudeza, acutezza*) преподносится не только как «...идея быстрого разума, охватывающего мгновенно разнообразные явления и способного открывать в них общее»,⁷ но и как «условие прекрасного в поэзии».⁸ Хотя эти сочинения и далеки от столь узкой области, как теория эпиграммы, тем не менее, новое понимание не могло не повлиять на последнюю, приведя к тому, что *argutia*-императив стал одним из канонических требований жанра. В немецкой литературе того времени ведущее место в

¹ См.: *Uhl W.* Die deutsche Priamel, ihre Entstehung und Ausbildung. Leipzig 1897. S. 10. Подробнее о жанре приамеля см. далее (2.2.2).

² *Pontanus, Jacobus.* Poeticarum institutionum libri tres. Ingolstadt 1594. P. 201.

³ *Cicero.* De oratore. With an english translation by E.W. Sutton. Vol. 1. London and Cambridge/Mass. 1959. P. 376. Цит. по: *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 29.

⁴ См.: *Чернявский М.Н.* Теория смешного в трактате Цицерона «Об ораторе» // Цицерон: 2000 лет со времени смерти. Сб. статей. М., 1959. С. 129–131.

⁵ *Weise, Christian.* Politischer Redner. Leipzig 1681. S. 62.

⁶ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Барокко и его теоретики // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 137.

⁷ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Барокко, классицизм, романтизм – литературные теории Италии XVII–XIX вв. // *Голенищев-Кутузов И.Н.* Романские литературы: Статьи и исследования. М., 1975. С. 339.

⁸ *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 28.

разработке теории остроумия принадлежит Якобу Мазению (1606–1681), автору трактата «Новое искусство остроумия» („*Ars nova argutiarum*“, 1649). Мазений, как и Понтанус, был представителем ордена иезуитов, роль которого в пропаганде идеи *argutia* была в эпоху барокко исключительно велика. Идеи названных авторов оказали серьезное влияние на позднейших немецких теоретиков «остроумного стиля».

Argutia преподносилась как акт осмысления неведомого при посредстве острого ума, мгновенно схватывающего суть вещей и явлений. По Голенищеву-Кутузову, остроумие в эпоху барокко «...понимается не только как острословие, породившее весьма развитой жанр эпиграммы, но прежде всего как свободная игра образами и мыслями самого различного содержания – от гротескных до трагических».¹ А.В. Михайлов говорит об «...особом барочном остроумии, которое, как познающая сила, царит на просторах между раздельными и почти изолированными друг от друга представлениями, вещами, смыслами».² Под *argutia*, таким образом, подразумевалось умение оперировать далекими друг от друга образами, понятиями, идеями, свойствами одного или нескольких предметов, и соединять их с целью достижения эффекта *неожиданности* или *новизны* („*novitas*“), посредством которого обнаруживаются новые свойства хорошо известных вещей. В этом состоял принцип так называемого „*discordia concors*“ («соединение несоединимого». – *лат.*). Характерным примером «барочного остроумия» может служить эпиграмма Логау „*Der Hencker vnd die Gicht*“ (I,3,27):

Der Hencker vnd die Gicht verschaffen gleiche Pein;
Nur er/ macht kleine lang; sie/ lange Leute klein.³

Argutia у немецких поэтов XVII в. не обязательно отождествляется с сатирой: «остроумное» проникновение в суть вещей и явлений может иметь философский, наставительный или религиозный характер, заключаясь и в этих случаях в способности увидеть новое в известном, представить обыкновенное в непривычном ракурсе, соединить понятия, не граничащие друг с другом. Так, в другой эпиграмме Логау, – „*Der Tod*“ (II,1,16), – *argutia* состоит в соединении «мужского» (в немецком языке) образа смерти с «женским» – могилы и последующем развитии их в образы «отца» и «матери», из чего следует неожиданный вывод в духе христианской эсхатологии:

DEr Tod ist vnser Vater/ von dem vns new empfängt
Das Erdgrab vnser Mutter/ vnd vns in jhr vermengt;
Wann nun der Tag wird kummen/ vnd da wird seyn die Zeit/
Gebiert vns diese Mutter/ zur Welt der Ewigkeit.⁴

1.2.4. Разграничение понятий *argutia* и *acumen* в теории эпиграммы. Принцип «неожиданности», как свойство остроумия, также восходит к «Поэтике» Скалигера, в которой сформулировано правило о «неожиданном или противоречащем ожиданию заключении» („...*inexpectata aut contraria expectationi conclusionem*“).⁵ Данное свойство

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Барокко, классицизм, романтизм... с. 348.

² Михайлов А.В. Иоганн Беер и И.А. Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 382.

³ «Палач и подагра. Палач подагре – ровня, несчастных сходно мучат, – / Лишь тот растянет гнома, а та верзилу скрючит».

⁴ «Смерть. Смерть – это наш отец: нас от него зачнет / Могила – наша мать – и в чреве понесет. / Когда же срок придет, когда настанет час, / Родит могила-мать для вечной жизни нас».

⁵ Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 431.

выявляется на примере эпиграммы Логау „Welschland“ (I,2,61), в которой расхожее представление об Италии как о «земном рае», путем введения библейского мотива «грехопадения», трансформировано в традиционное для немецкой сатиры со времени Мартина Лютера (1483–1546) и Ульриха фон Гуттена (1488–1523) обличение нравов этой страны. Фактор «неожиданности» имеет в данном примере почти эталонное воплощение, поскольку смысл второго стиха эпиграммы никак не следует из того, о чем говорится в первом:

Das welsche Land heist recht ein Paradeis der Welt/
Weil jeder der drein kummt so leicht in Sünden fällt.¹

Как уже было сказано выше (1.2.1), Опиц в своей «Книге о немецком стихосложении», повторяя и развивая жанровую дефиницию эпиграммы, данную в поэтике Скалигера, говорит, что «остроумие... ее душа и форма; оно особенно проявляется в заключении, которое каждый раз должно быть иным, нежели мы ожидаем: в этом прежде всего и состоит остроумие» („...Die spitzfindigkeit... seine seele vnd gestalt; die sonderlich an dem ende erscheint/ das allezeit anders als wir verhoffet hetten gefallen soll: in welchem auch die spitzfindigkeit vornemlich besteht“).² Иными словами, будучи «душой и формой» эпиграммы как целого, *argutia* в то же время представляет собой локальное явление внутри последней. Как можно предположить, в этом определении Опица налицо контаминация двух понятий, обозначающих различные свойства и композиционные элементы эпиграммы, – и если первое есть общий жанровый принцип, то второе существует только на уровне структуры текста:

Auff Pætum. (II,4,9)
Pætus, du vnd auch dein Weib lebet stets in einem Willen;
Jedes wil das andre sehn ehstes in das Grab vervöllen.³

В поэтиках эпохи барокко этот второй элемент выступает как самостоятельный стилистический прием, обозначаемый латинским термином „*acumen*“, по своему значению («острота», «колкость») соответствующим традиционному немецкому „Spitze“. По образному замечанию Прайзенданца, *acumen* есть «речевой» или «выразительный жест» остроумия („Das *acumen* als die eigentliche Sprechgeste der *argutia*...“).⁴ Под ним подразумевается фигура, заостряющая мысль эпиграммы и, как правило, увенчивающая собой последнюю:

Auff Fallmundum. (ZD,57)
Fallmund leuget was er sagt/ stets/ vnd aller Orte;
Dann er wil kein Sclave seyn seiner eignen Worte.⁵

¹ «Италия. Италия по праву зовется «рай» у всех: / Ведь там любой приезжий легко впадает в грех».

² *Opitz, Martin*. *Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey*. Brieg 1624. Bl. 14b. (Выделено нами. – М.Н.).

³ «На Пэта. Пет, с женою ты своей век в согласии прожил: / Каждый был согласен с тем, чтоб другой в могиле сгнил».

⁴ *Preisendanz W.* *Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz* (Diss.). Heidelberg 1950. S. 32.

⁵ «На Фальмунда. Фальмунд лжет всегда, во всем, снова лжет и снова: / Он не хочет быть рабом собственного слова».

1.2.5. «Простой» и «сложный» типы эпитаграмм. В зависимости от наличия или отсутствия *argutia*, Скалигер определяет два типа эпитаграммы: простой (*epigramma simplex*) и сложный (*epigramma compositum*).¹ Мазений уточняет различие между обоими типами: в первом из них речь идет о простом предмете или единичном событии, в то время как во втором имеет место *argutia*: «...Либо простой, ибо излагает лишь голый факт или происшествие: таковы часто надписи на статуях и гробницах, – либо сложный, поскольку содержит остроумное и меткое заключение» („*Vel etiam est simplex, quod nude tantum rem, & historice exponit: quales non raro sunt tituli statuarum, ac sepulcrorum, vel compositum, quod cum argutia aliqua, peruoque concludit...*“).² Примером первого из типов выступает эпитаграмма Лоран „*Danckbarkeit*“ (III,2,26):

Danck für Wolthat ist ein Saame/
Der nicht überall bekame.³

Элементарной структуре данного образца, смысл которого практически не выходит за рамки того, что выражено словами, можно противопоставить эпитаграмму „*Auff Jungfer Nackt-Lieb*“ (I,2,60):

CUpinuda klaget sehr
Vber Vater Adams Fall/
Drum/ daß niemand überall
Darff jetzund gehn nackend mehr.⁴

Заявленная в экспозиции эпитаграммы проблема предстает в ее заключении в неожиданном ракурсе, никак не обусловленном тем, что ему предшествовало. Асимпел, как воплощение *argutia* на структурном уровне, выражен здесь в переходе от «благочестивого» заявления в первом двустишии к сатирическому разоблачению во втором, с кульминацией в последнем стихе. Таким образом, из двух приведенных примеров формуле Опица соответствует второй: в нем налицо и непредвиденный поворот, и локализация остроумия в клаузуле, являющейся, согласно дефиниции Опица, тем местом, где названное свойство эпитаграммы «особенно проявляется». Это и есть тот специфический признак, который вводит данный образец в категорию «эпитаграмм *composita*». Именно наличие в эпитаграмме данного свойства, нередко выступающего как результат конфликта между содержательно высоким и низким, вызывает, по выражению Скалигера, «смех или удивление» („*excitat vel risum, vel admirationem*“):⁵

Die Arbeit (III,3,26)
Arbeit/ ist der Sünde Fluch; solte Piger viel sich mühen/
Würd er auff sich viel Verdacht eines grossen Sünders ziehen.⁶

¹ *Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem.* [Genève] 1594. P. 430–431.

² *Masen, Jacobus. Ars nova argutiarum.* Köln 1668. S. 2.

³ «Благодарность. Благодарность? Это семя / Плохо всходит в наше время».

⁴ «На деву – любительницу наготы. Купинуда сожалеет, / Что Адам и Ева пали: / Нынче кто-то уж едва ли / Нагишом ходить посмеет!»

⁵ *Scaliger*, op. cit., p. 431.

⁶ «Труд. Труд – проклятие за грех; кабы Пигр трудиться мог, – / На себя бы в тьме грехов подозренье он навлек».

Acumen, как стилистический прием, и argutia, как эстетический принцип, в равной степени обязаны своим происхождением риторике. Их необходимость в поэзии эпохи барокко обусловлена тем, что поэтическая речь в произведениях указанного времени и стиля «...всегда сопряжена с конкретными понятиями, являясь не непосредственным выражением сердечных чувств, но постоянно контролируемым посредством рассудка называнием».¹ Хотя понятие „argutia“ существенно шире по своему значению, в поэтиках эпохи барокко оно подчас «сужается до acumen»:² именно это наблюдается в вышеприведенном определении Опица. Стирание границы между argutia и acumen доходит в XVII – XVIII вв. до практически полного вытеснения в теории первого из терминов, как это можно видеть, например, в поэтике Майстера.³ Лишь немногие теоретики, ориентирующиеся на античную традицию, все еще различают эти понятия, которые на практике слились воедино.

§ 1.3. Пуант как жанрообразующий прием эпиграммы

1.3.1. Пуант, его признаки и особенности. Во второй половине XVIII в. на смену устаревшим латинским терминам „argutia“ и „acumen“, так же как и их немецким синонимам „Witz“, „Scharfsinnigkeit“, „Spitzfindigkeit“ (Опиц), „Kunstfündigkeit“ и „Kunstgrifflein“ (Шоттель), пришел французский термин «пуант».⁴ Этот термин является в настоящее время общепринятым в западном литературоведении, в то время как „argutia“ и „acumen“ принадлежат к области истории жанра.

Концепция литературной эпиграммы XVII в., с ее логико-риторическим характером, требовала особого жанроопределяющего приема, который она обрела в пуанте. Данный формальный прием был заимствован литературой эпохи барокко из поэзии Марциала, в которой он выполняет одну из основных стилистических функций. В силу главенствующей роли пуанта в эпиграммах Марциала, объявленного образцом для подражания, отдельные немецкие критики и теоретики литературы XVII – XVIII вв., формулируя канонические требования к барочной эпиграмме, выводили образцы, не содержащие пуанта, за рамки жанра.⁵ Хрестоматийный случай пуанта имеет место в эпиграмме Марциала „De Paulla vetula“ (X, 8):

Nubere Paulla cupit nobis: ego ducere Paullam
Nolo, anus est: vellem, si magis esset anus.⁶

¹ *Ingen F.J. van.* Vanitas und memento mori in der deutschen Barocklyrik. Groningen 1966. S. 31.

² *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 30.

³ См.: *Meister, Johann Gottlieb.* Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus. Leipzig 1698. S. 94, 177–179.

⁴ От „pointe“ – «острота» (франц.). В российской традиции XVIII в. слово произносилось в женском роде – «пуанта».

⁵ *Meister, Johann Gottlieb.* Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus. Leipzig 1698. S. 173; *Lessing, Gotthold Ephraim.* Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten // Gotthold Ephraim Lessings Sämmtliche Schriften. Bd. I. Berlin 1771. S. 111, 162.

⁶ *Martialis, Marcus Valerius.* M. Valerii Martialis Epigrammaton Libri. Edidit D. F. G. Schneidewin... Vol. II. Lipsiae MDCCCXLII. S. 417. Перевод: «На старушку Павлу. Павла в супружницы метит ко мне, а я не желаю, – / Больно стара. Я бы взял, – если бы старше была».

Тереза Эрб характеризует пуант как «рассчитанный эффект внезапности и основание остроумия».¹ Согласно другому определению, пуант есть «эффект обманутого ожидания».² Обе дефиниции подразумевают один и тот же структурный элемент: неожиданный поворот хода рассуждения, в результате которого все, ранее изложенное, обнаруживает иную – истинную сущность. Именно это можно видеть в приведенной эпиграмме Марциала: второе полустишие ее пентаметра, противоположное по смыслу начальному тезису эпиграммы, проливает свет на суть проблемы: все дело в сроке ожидания наследства. Таким образом, стандартная эпиграмматическая схема представляет собой конструкцию, в первой части которой излагается некое «положение», а во второй происходит его «разоблачение» путем внезапного раскрытия истинной подоплеки изображаемого; иными словами, происходит конфликт между «благополучной видимостью» и «неприглядной сущностью», который разрешается в кульминации, противоположной по смыслу предыдущему тексту: «Заключительная часть стихотворения содержит остроту, которая неожиданно раскрывает некое новое качество, выходящее из ряда привычных представлений, и таким образом заставляет осмыслить сказанное прежде в совершенно другом свете. Тезис и пояснение к нему, на первый взгляд парадоксальное, обнажают самую суть описываемого явления»:³

Auff einen Bücherschreiber. (III,10,10)
 Man sihet deinen Schrifften groß Ehr vnd Sorge geben/
 Man läst sie zierlich binden; worein? in Spinne-Wäben.⁴

1.3.2. Положение пуанта в эпиграмме. Положение пуанта внутри эпиграммы может быть различным, однако традиционным является пуант в клаузуле. По этой причине сатирические эпиграммы с пуантом в конце последней строки в XVI – XVII вв. получили наименование „Stachelgedichte“, или «язвительных» (букв.: «жалящие стихотворения»). Известный в эпоху Возрождения французский поэт-эпиграмматист Марк-Антуан Мюре считается автором знаменитого сравнения эпиграммы с пчелой: «Ученый Муретус прекрасно говорит об этом роде стихов: истинное удовольствие они доставляют тогда, когда, подобно пчеле, ужалив, оставляют жало в месте укуса».⁵ Примером пуанта в заключительном слове последнего стиха может служить эпиграмма Лорая „Gottes vnd deß Teuffels Wort“ (I,3,66):

ES hat Gott durch sein Wort diß runde Haus gebauet/
 Und was man drinnen merckt/ vnd was man aussen schauet:
 Der Teuffel hat ein Wort/ dadurch er Fürsatz hat
 Zu tilgen was Gott schuff; vnd dieses heist Soldat.⁶

¹ *Erb T.* Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 2.

² *Холшевников В.Е.* Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 31.

³ *Дуров В.* Марциал и его поэзия // *Марк Валерий Марциал.* Эпиграммы. СПб, 1994. С. 10.

⁴ «На писателя. У всех в большом почете твои писанья ныне, / В роскошном переплете... В каком? Да в паутине!»

⁵ *Birken, Sigmund von.* Teutsche Rede- bind- und Dicht-Kunst/ oder Kurze Anweisung zur Teutschen Poesy. Nürnberg 1679. S. 102.

⁶ «Слово Бога и сатаны. Бог Словом сотворил весь мир – моря и сушу, / Все то, что видим мы, все то, что полнит душу; / Но словом сатана своим готов стократ / Все Божье погубить, и слово то – солдат».

Подтекст данного образца обусловлен антитезой двух «слов», композиционно усиленной их диаметрально противоположным местоположением. В том, что «Словом» Бога стихотворение начинается, а «солдатом» – заканчивается, также заключен определенный смысл. В другой эпиграмме – „Die göldene Zeit“ (II,1,48) – пуант находится в первом стихе и состоит в игре на демегафоризации. Логау возвращает эпитету «золотой» его буквальное значение, в результате чего мифологема «золотой век» низводится до простого эпитета эпохи меркантилизма:

Jetzt ist die göldne Zeit; wer jetzt kein Gold nicht hat/
Hat keine gute Zeit/ vnd ist jhm auch kein Rath.¹

Подобно тому, как *argutia* не является непременным атрибутом только лишь сатирических эпиграмм, прием пуанта в меньшей степени характерен также и для эпиграмм философского, наставительного и религиозного содержания. Ю. Вайс в своей монографии приводит данные, показывающие превалирование пуансированных эпиграмм в поэтических сборниках не только светских, но и целого ряда духовных авторов.² К примеру, в эпиграмме Логау „Die Nachfolge Christi“ (I,6,2) прием пуанта стилистически оформляет сложную религиозно-нравственную идею, позволяя, при минимальном количестве информации, максимально заострить основную мысль и поставить ее в центр семантического пространства стихотворения. Отчетливо видимый здесь поворот хода рассуждения автора заключен в левых (выделенных курсивом) полустилициях второго и третьего стихов; таким образом, пуант занимает в данной эпиграмме центральное положение:

ES ist ein schlechtes Ding/ dahin mit Christus gehen/
Wo Wein an Wassers stat muß in den Krügen stehen:
Wo Blut an Schweisses stat von jhm zur Erde fällt/
Da lob ich den alsdann/ der stand bey Christus hält.³

Как правило, для большинства эпиграмм нормой является наличие одного пуанта. Однако ситуация «одна эпиграмма – один пуант» не является единственно возможной: вполне допустимо существование двух или нескольких пуантов в пределах одного стихотворения. Крайнюю степень данной тенденции – пуант в каждом стихе – проиллюстрирует эпиграмма „Büssen“ (II,2,29), первый стих которой представляет собой экспозицию, из которой логически вытекают три пуансированных стиха:

Auff finstres folget Licht/ auff Nächte folgen Tage:
Wie kummts/ daß nimmer Ruh sich finden wil auff Plage?
Wie kummts/ daß nimmer Rew sich finden wil auff Sünden?
So würde sich das Heil auff Straffe leichtlich finden.⁴

¹ «Золотой век. Мы в веке золотом; кто златом не богат, – / Не знает счастья тот, никто ему не рад».

² См.: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 49–53.

³ «Последователи Христа. Не следует идти нам за Христом туда, / Где в водоносах стать вином должна вода; / Но там, где, кровью став, с чела струится пот, – / Я каждого хвалю, кто за Христом идет».

⁴ «Покаяние. За тьмой приходит свет; за ночью – день приходит; / Что ж никогда покой за мукой не нисходит? / Что ж никогда греха не сменит покаянье? / Так благо нам дано лишь после наказанья».

1.3.3. Классификации типов пуанта в немецких поэтиках XVII в. В поэтиках эпохи барокко получили распространение классификации пуанта по так называемым «источникам остроумия» – „fontes acuminum“ или „fontes argutiarum“. Число этих «источников» варьировалось от четырех (у Омейса, Майстера и Морхофа) до десяти – в трактате «Искусство апофтегмы» („Ars Apophthegmatica“, 1655–1656) Георга Филиппа Харсдёрфера (1607–1658), основателя и главы нюрнбергского «Пегницкого пастушеского ордена».¹ Преобладающее значение получила четырехчастная классификация „invention der argutiarum“, приводимая Майстером: «I. Contrariorum. Когда взаимоисключающие вещи ставятся рядом... II. Alienorum. Когда сопоставляются вещи, на первый взгляд несопоставимые... III. Comparatorium. Когда используются остроумные сравнения... IV. Когда обыгрываются слова, изречения, анекдоты, басни, аллегории и т.д.».² Более полно и развернуто «источники остроумия» охарактеризованы в поэтике Омейса «Основательное введение в немецкое искусство рифмы и поэзии» (1704): «1. Fons repugnantium & oppositorum [источник противопоставительный. – *M.H.*], – когда противоположные предметы говорят об одном, или когда нечто одновременно утверждает и отрицается... 2. Fons alienorum [источник противительный], – когда о некоей персоне или вещи утверждается нечто, противоречащее им, или не сообщается того, что о них заслуженно можно и должно сказать... 3. Fons comparatorium [источник сопоставительный], – когда подобные или различные вещи корректно сравниваются друг с другом... 4. Fons allusionum [источник игровой], – когда затейливо играют словами, сопоставлением слов, перестановкой букв, пословицами и т.д.».³ Примером на *fons repugnantium & oppositorum* может служить эпиграмма Логая „Die Welt“ (2Z,82):

Die Welt hat grossen Mangel/ die Welt hat grosse Menge/
An frölichem Vergnügen/ an kläglichem Bedränge.⁴

Второму из источников Омейса, *fons alienorum*, с присущей ему антитетикой, отвечает эпиграмма „Fromer Herr/ schlimme Diener“ (II,2,80):

JSt gleich ein Herr gerecht/
Jst aber arg sein Knecht/
So wird der Herr doch vngerecht
Dieweil er hegt den argen Knecht.⁵

Третий источник – *fons comparatorium* – предполагает наличие сравнения или уподобления. В приведенной нами в качестве примера эпиграмме „Ein vnruhig Gemüte“ (II,3,72) пуант основан на тождестве внутренних свойств двух сопоставляемых предметов, далеких друг от друга по своим внешним признакам, – мельничного жернова и человеческого сердца (принцип „discordia concors“):

¹ Harsdörffer, Georg Philipp. *Ars Apophthegmatica*. Nürnberg 1655. S. 2–43.

² Meister, Johann Gottlieb. *Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus*. Leipzig 1698. S. 114–115.

³ Omeis, Magnus Daniel. *Gründliche Anleitung zur Teutschen accuraten Reim- und Dicht-Kunst*. Nürnberg 1704. S. 184–187.

⁴ «*Мир*. Есть в мире недостаток, есть в мире избытие, – / Отрадных утешений, плачевного насилия».

⁵ «*Честный господин, дрянной слуга*. Честней нет господина, / Слуга ж его – скотина? / Нет: чести нет у господина, / Когда слуга его – скотина».

Ein Mühlstein/ vnd ein Menschen-Hertz/ wird stets herum getrieben/
Wo beydes nicht zu reiben hat/ wird beydes selbst zerrieben.¹

Последний из «источников остроумия» – *fons allusionum* – строится на концептизмах (от итал. „conchetto“ – «замысел») и имеет самый обширный диапазон вариантов. Это, во-первых, пуант, построенный на игре слов:

Wein. (III,1,12)
Kümmt Wein vom weinen nicht/ so kümmt vom Weine weinen;
Das sauffen bringet Weh/ das kan mir Niemand neinen.²

Другой вид концептистской игры, нередко встречающийся в поэзии Логау, – это игра с буквенными перестановками в словах и возникающими вследствие этого различными их значениями. В качестве примера можно привести эпиграмму „Wehr- Lehr- Nähr- Her-Stand“ (II,8,21), заглавие которой буквально переводится как «Солдатское, учительское, крестьянское, господское звание/положение» (нем.). Логау обыгрывает эти четыре слова – „Wehrstand“, „Lehrstand“, „Nährstand“ и „Herrstand“ – таким образом, что в трех первых, если убрать начальные буквы, получится слово „Ehr“, т.е. „Ehre“ – «честь»: «Солдатское, учительское, крестьянское звание, – каждое из них имеет в себе свою честь; / Отними W, L и N, и имя научит тебя этому». В четвертом же слове „Her-Stand“ („Herrstand“), если убрать его начальную букву, получится слог „er“, который слова „Ehr“ („Ehre“) не образует. Поэтому Логау и заключает, что данное звание/положение «лишено чести и имени» („ist an Ehr vnd Namen baar“):

WEhr- Lehr- Nähr-Stand; jeder Stand hat sein eigen Ehr in sich;
Nimm W. L. vnd N. weg/ lehrt der Name solches dich:
Nur der Her-Stand/ der bißher andrer Stände Hencker war
Hat bey Ständen keinen Stand/ ist an Ehr vnd Namen baar.³

К этому же источнику относится игра на прямом и переносном значениях слов, на омонимах и омографах, и т.д. Одним из характерных примеров данного рода является эпиграмма „Der Tod ist der Sünder vnd der Krieger Sold“ (I,1,65), пуант которой построен на игре различными значениями слова „Sold“ (нем. «плата; воздаяние»):

Die Sünder haben Sold; Sold haben auch Soldaten:
Der Tod ist gleicher Lohn auff jhre gleiche Thaten.⁴

Пуант другой эпиграммы – „Auff Nepotem“ (III,2,70) – основан на идиоматическом обороте, который представлен в ней таким образом, что на первый план выдвинут его буквальный смысл:

¹ «Беспокойный характер. Всегда в движенье быть – судьба у сердца с жерновами; / Когда им нечего молоть, себя же мелют сами».

² «Вино. Не от вины – вино, но от вина – вина; / Где пьянство, там и скорбь, – та правда всем видна».

³ «Четыре звания. Хлебороб, солдат, учитель, – в каждом званье честь своя, / Уважения достоин всяк из них, считаю я; / И к господскому лишь званью, – палачу всех остальных, – / Нет среди званий уваженья, чести нет ему среди них».

⁴ «Смерть – возмездие грешников и солдат. У грешников расплата; расплата у солдат. Лишь смерть тому ценою, что все они творят».

Nepos geht in grossem Kummer/ aber nur biß an die Knie;
Weiter läst er jhn nicht dringen/ biß zum hertzen kümmt er nie.¹

Логау нередко прибегает к игре на разъятии идиом (например, „in Hülle und Fülle“,² „eile mit Weile“³ и т.д.) на составные части с переосмыслением каждой из них по отдельности. В эпиграмме „Der Poeten Brunnen“ (III,5,49) таким способом обыграно выражение „Brunn-Gewässer“ (имеется в виду Иппокрена – «источник поэтов», возникший на «горе Муз» Геликоне от удара копыта крылатого коня Пегаса):⁴

Poeten sagen viel von jhrem Brunn-Gewässer;
Das Wasser/ ist der Wein; der Brunnen/ sind die Vässer.⁵

В «палитру» данного «источника» входит также обыгрывание пословиц и поговорок, что дополнительно подчеркивает фольклорность эпиграмм Логау. Так, в эпиграмме „Göttliche Rache“ (III,2,24) поэт использует старинную пословицу из антологии Себастиана Франка (1499–1542) «Общепотребительные пословицы немецкого народа» („Sprichwörter gemeiner tütscher nation“, 1545) – „Die Götter malend oder schärend ein langsam/ aber wol“ («Боги мелют медленно, но верно». – *нем.*), восходящую к древнегреческому изречению „ὄψε θεῶν ἀλέουσί μύλοι, ἀλέουσί δε λερτά“ («Долго мелет мельница богов, но мелет мелко». – *греч.*):⁶

Gottes Mühlen mahlen langsam/ mahlen aber trefflich klein/
Ob auß Langmuth er sich seumet/ bringt mit Schärff er alles ein.⁷

Характерным случаем *fons allusionum* являются хронограммы – стихотворения, посвященные той или иной календарной дате. Ряд заглавных букв в тексте этих образцов, стоящих как в начале слов, так и в середине, представляет собой ряд римских цифр, сумма которых составляет число года в заглавии:⁸

Von Jahr 1649. (I,10,5)
Gott/ Der DV hast gegönnt/ Daß WTer so haben können
Von aVssen gVte RVh; aCh gIb sIe nVn Von Innen.⁹

К этому же «источнику» принадлежат все виды формальной концептистской игры: акrostихи, логогрифы, фигурные стихи, и т.д. У Логау одним из примеров подобного рода является акроанаграмма – стихотворение, в заглавии которого стоит

¹ «На Непота. Непот ходит в страшном горе, но лишь только по колено, / И не выше, – а до сердца не доходит совершенно».

² «В достатке», «в изобилии» (нем.).

³ «Спеши медленно» (лат. „festina lente“).

⁴ См.: Овидий, «Метаморфозы», V, 254–259.

⁵ «Источник поэтов. О „влаге вдохновенья“ гласят поэтов строчки; / Вином зовется влага, а вдохновенье – в бочке».

⁶ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 72.

⁷ «Божье возмездие. Божий жернов мелет долго, но измелет в порошок; / Медлит из долготерпенья, – но сполна карает Бог».

⁸ Hess P. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 100.

⁹ «Год 1649. О, будь же до конца к нам милосердным, Боже: / Ты мир нам дал вовне, – внутри нам мир дай тоже!»

акроформа, представляющая собой побуквенную расшифровку исходного ключевого слова, – и далее в тексте стихотворения заглавие-акроформа последовательно раскрывается в ряде соответствующих тезисов, как это имеет место в эпиграмме „In der Welt ist nichts als Wanderschafft/ Eitelkeit/ Leid vnd Tod“ (I,5,52):

In der Welt ist nichts als
 W anderschafft/
 E itelkeit
 L eid vnd
 T od.
 UNsres Lebens Eigenthum
 Jn der Welt/ ist Wanderschafft/
 Vnsres Wesens ganzer Ruhm
 Jst der Eitelkeit verhafft:
 Auff das Leid in tausend Nöthen
 Folgt zu letzte gar das tödten.¹

Сюда относится также традиция анаграмматической перестановки литер в заглавиях стихотворений, бывшая широко распространенной практикой в XVII в. и культивировавшаяся в различных поэтических школах Германии. Данный прием, известный и как метатеза, встречается у Логау более чем в сорока случаях, служа средством выражения основной идеи эпиграммы:

Schlaf/ vmgekehrt/ falsch. (I,2,85)
 Der Schlaf heist rücklings falsch; denn er betreugt vns oft/
 Gibt Gold im Traume/ gibt/ wann wir erwachen/ Luft.²

И, наконец, еще один типичный вид концептистской игры эпохи барокко – использование и обыгрывание латинизмов в немецком тексте – проиллюстрирует эпиграмма „Quid juris? Quid ruris? Quid furis?“ (I,6,77) («К чему закон? К чему деревня? К чему ярость?» – лат.):

Für spöttisch Ding hält Mars, quid juris etwa können
 Quid furis aber/ ist ein ehrenreich Beginnen.
 Noch dannoch wirds geschehn/ daß Mars um einen Bissen
 Wird endlich noch wol gar quid ruris lernen müssen/
 Und dem quid juris dann sich neigen zu den Füßen!³

Как можно убедиться по вышеприведенным примерам на *fons allusionum*, концептизмы не являются в творчестве Логау исключительно формальным приемом, но играют в его эпиграммах конструктивную роль, тесно связанную с авторским замыслом.

¹ «В **мире** нет ничего, кроме **мучений**, **иллюзий**, **разочарований** и **ада**. Наша собственность по праву / В этом мире – лишь мученье; / Наших лет мгновенных слава / Иллюзорна, как виденье; / В муке разочарований / Ад – награда всех деяний». (Выделено нами. – М.Н.).

² «Сон, наоборот: нос. Оставит с носом сон: ведь часто так обманет, / Что золото во сне – въявь воздухом предстанет».

³ «Насмешек Марс достоин, quid juris не умея; / Quid furis же, напротив, – геройская затея! / Но ради пропитанья, – что очень может быть, – / Quid ruris он однажды решится изучить, / Чтоб после пред quid juris колени преклонить!»

1.3.4. Современная классификация типов пуанта. Классификация пуанта, состоящая из пяти типов, – гиперболического, сравнительно-метафорического, парадоксального, иронического и бурлескного, – предлагается в исследовании Терезы Эрб.¹ В понятие *гиперболического пуанта* автор классификации включает, в частности, панегирические эпиграммы, содержащие гиперболизированные комплименты. Одним из примеров подобного рода может служить эпиграмма Логая „Anne Sofie/ Hertzoginn/ versetzt: Sonne zog in eine Fahrt. Oder: Anne Sofieh/ Hertzoginne. Versetzt: Geh O feine Sonnen-Ziraht“ (II,9,5), адресованная бригадой герцогине Анне-Софии Мекленбургской:

Sonne/ die das Land vergoldte/ wo das frome Strelitz steht
 Zog in eine Fahrt von neuem/ wo den Oder-rand erhöht
 Brieg/ das Piasteer-Haus; allda steht sie lieblich stille/
 Streuet lauter Güt vnd Gaben/ fünckelt/ strahlet in der Völle.
 Geh O Sonne feine Sonne/ geh vns nun vnd nie zur Ruh.
 Sonnen-Ziraht selbst Sonne/ wirff vns jimmer Strahlen zu!
 Sonne/ die am Himmel lacht/ lachet dieser Sonne wegen/
 Gibt der Schwester halben vns klären Blick vnd reichern Segen:
 Sonne/ die die Zeiten theilet/ theilet Amt vnd Regiment
 Mit der Sonne/ die von Strelitz gütig sich zu vns gewendt.²

В противоположность торжественно-возвышенному тону этого придворного панегирика, пуант эпиграммы „Auff Planum“ (III,6,78) построен на иронической гиперболе с обыгрыванием «говорящего имени» героя („Planus“ – лат. «коротышка»):

Planus ist so hoch gewachsen/ daß er biß zur Sonne geht;
 Für die Erd ists gar verterblich/ weil er jhr am Lichte steht.³

Второй тип пуанта в классификации Эрб, – *сравнительно-метафорический* (вариант *fons comparatorum*), – объединяет эпиграммы, смысловое поле которых сконцентрировано вокруг фигуры сравнения и/или метафоры. Частым стилистическим приемом в эпиграммах этого типа является параллелизм. Характерный случай сравнительно-метафорического пуанта находим в эпиграмме „Fürsprecher“ (III,10,54):

DJe durch reden werden reich/
 Sind denselben Vogeln gleich/
 Die im Munde tragen zu
 Ein Gebäu zu jhrer Ruh.⁴

¹ *Erb T. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 25–63.*

² «*Анна София, герцогиня, – или: Солнце новый край себе избрало. Иначе: Анна София, герцогиня, – или: Свети нам, истинное солнце.* Солнце, что златило нивы там, где Штрелиц-град сияет, / Новый край себе избрало – край, где Одра брег венчает / Бриг, прекрасный Пястов город: ныне там оно лучится, / Всем лишь блага рассыпает, всем блистает, всем искрится. / Солнце нежное, свети нам и вовеки не скрывайся! / Солнце, истинное солнце, вечным блеском украшайся! / Солнце, блестящее в небе, солнцу новому сияет, / Нам дарит благословенье, свет нам щедрый посылает; / Солнце, делящее сутки, службу делит с солнцем ясным, / Что из Штрелица к нам вышло в благодушии прекрасном».

³ «*На Плана. Исполином вырос План, аж до солнца головой! / Для земли же это – смерть: он ей свет закрыл собой*».

⁴ «*Адвокаты. Те, что кормятся устами, / Схожи с птичками меж нами, / Что пушинки в свой уют / Носят в клювах там и тут*».

Хемпель именует сравнение «излюбленной формой» Логау.¹ Эта мысль подтверждается значительно бóльшим числом в собрании 1654 г. эпитаграмм, в которых употреблен прием сравнения, по отношению к эпитаграммам, в которых использована метафора. В двустишии „Keuschheit“ (III,1,74) имеет место сравнение в характерной для Логау аналитической форме:

Keuschheit/ ist ein Balsam; Weiber/ sind ein Glas;
Jener/ ist sehr köstlich; gar gebrechlich/ das.²

Не менее употребителен в немецкой поэзии эпохи барокко пуант, основанный на *парадоксе*. Этот тип коррелирует в классификации *fontes argutiarum* с первыми двумя «источниками». Мнение Терезы Эрб о том, что Логау был наиболее изобретательным в области пуанта среди немецких эпитаграмматистов того времени,³ доказывает, в частности, эпитаграмма „Leid vnd Freude“ (I,10,35) с пуантом парадоксального типа (*fons repugnantium & oppositorum*):

Jst ein Böser wo gestorben?
Traure! dann er ist vertorben:
Jst ein Fromer wo verschieden?
Frew dich! dann er ist im Frieden.⁴

Следующий тип пуанта – *иронический* – основан на свойстве данной фигуры придавать словам противоположное по смыслу значение (антифразис) или представлять «неприятное под личиной приятного».⁵ В поэзии Логау фигуре иронии придано столь важное значение, что критики называют его «ироническим умом»;⁶ при этом формы иронии в его творчестве обладают большим разнообразием. Характерный случай иронического пуанта имеет место в эпитаграмме „Die Warheit“ (II,9,80):

Weil die Warheit harte klingt vnd zu reden schwer kümmt an/
Schont sich mancher/ der sich fürcht/ sie verletz jhm einen Zahn.⁷

Бурлескный тип, в силу двойственной специфики бурлеска как сатирического приема снижения высокого и возвышения низкого, имеет, соответственно, две разновидности. Примером первой из них может служить эпитаграмма „Frölicher Tod“ (I,3,99), в которой высокая тема смерти снижена до уровня бытовой сатиры:

ES ist ein frölich Ding um eines Menschen sterben/
Es freuen sich darauff die gerne-reichen Erben:
Die Priester freuen sich/ das Opffer zu genissen:
Die Würme freuen sich/ an einem guten Bissen:

¹ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 81.

² «Целомудрие. Целомудрие – бальзам, а сосуд – жена; / Слишком дорого оно, – и хрупка она».

³ Erb T. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 52.

⁴ «Скорбь и радость. Злой скончался человек, – / Плачьте! он погиб навек. / Добрый к Богу отошел, – / Радуйтесь! он мир обрел».

⁵ Erb, op. cit., S. 53.

⁶ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 307.

⁷ «Правда. Правду трудно говорить, ведь слова ее так грубы; / Опасается иной, чтоб не повредила зубы».

Die Engel freuen sich/ die Seele nauff zu führen:
Der Teuffel freuet sich/ wenn sie wil jhm gebühren.¹

Противоположная разновидность бурлескного пуанта представлена в эпиграмме „Eine Helden-That“ (I,4,47), в которой низкая бытовая тема – разграбление дворянского имени бесчинствующей солдатней (заурядное повседневное явление Тридцатилетней войны) – преподнесена в нарочито торжественном, эпидейктическом стиле:

O That/ die nie die Welt/ dieweil sie steht/ gesehen!
O That/ dieweil die Welt wird stehn/ wird nie geschehen!
O That/ die Welt in Ertzt vnd Cedern billich schreibt/
Und wie sie jimmer kan/ dem Alter einverleibt!
O That/ für der hinfort die allerkühnsten Helden/
Was jemals sie gethan/ sich schämen mehr zu melden!
Für der Achilles starrt/ für der auch Hector stutzt/
Und Hercules nicht mehr auff seine Keule trotz!
Hört! seht! vnd steigt empor! macht alle Löcher weiter!
Dort fliehen Helden her/ dort lauffen dreissig Reuter/
Die greiffen kühnlich an ein wüstes Gärtner Haus
Und schmeissen Ofen ein vnd schlagen Fenster auß.²

Приведенные классификации типов пуанта имеют ряд общих черт и отчасти дополняют друг друга. Тем не менее, они не охватывают всего диапазона немецкой эпиграматики XVII в., и за их рамками остается немалое количество образцов, «...в которых опущены разъяснение и вывод, и... в которых не содержится ничего, кроме разъяснения».³ В сущности, как барочные классификации „fontes argutiarum“, так и современная классификация Т. Эрб имеют отношение только к эпиграммам „composita“ и практически не затрагивают эпиграмм „simplex“. Между тем, примеров этого рода в немецкой поэзии XVII в. существовало множество; в особенности в сборниках религиозных эпиграмм число их нередко простирается до 50% и более.⁴ По замечанию Денкера, подобные образцы являются «не столько эпиграммами, сколько общими нравоучениями, максимами...».⁵ С данным суждением коррелирует мнение Лессинга, считавшего, что эти стихотворения «...не содержат ничего, кроме общих моральных уроков или замечаний... [которые] могут с успехом стать второй частью эпиграммы, но сами по себе... не являются ничем кроме максим, хотя и возбуждающих интерес, но все же не могущих извлечь из этого чувства того эффекта, который свойствен

¹ «Радостная смерть. Всем радость человек доставит, умирая: / Наследник радостен, именье забирая; / Священник радостен, вкушая приношенье; / И радость для червей в обильном угошенье; / И ангел радостен, что душу ввысь возводит; / И радуется бес, что все ему отходит».

² «Геройское деяние. О подвиг, о котором на свете не слышали! / О подвиг, что в другой раз увидит свет едва ли! / О подвиг, что в шедеврах увековечит мир / И старине припишет, как новый свой кумир! / О подвиг, что героев прославленных деянья / Ничтожными представил, лишив упоминанья! / Пред ним Ахилл повергся, и Гектор онемел, / С дубиной Геркулесу таких не снилось дел! / Дивитесь же – недаром вы рты пораскрывали: / Здесь рейтары-герои недавно побывали, / Отважно захватили пустой садовый дом, / Повышибли все окна и печь разбили в нем».

³ Erb T. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 65.

⁴ См.: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 49–53.

⁵ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 9.

эпиграммам».¹ Однако на практике дело далеко не всегда обстояло именно так. Одним из примеров, идущих вразрез с вышеприведенным утверждением Лессинга, является эпиграмма „Himmel- vnd Hofe-Leben“ (III,2,81), в которой проводится параллель между лютеранским учением об «оправдании верой» и благосклонностью сильных мира сего (принцип „discordia concors“):

Hofegunst vnd ewig Leben
Wird nicht auß Verdienst gegeben.²

Процитированное двустишие подтверждает мнение Эльшенбройха о том, что «...в изречениях и максимах Логау недостающая двухчастность отсутствует все же достаточно редко, она зачастую лишь менее заметна, чем в тех эпиграммах, которые в своей основе имеют *argutia*».³

1.3.5. Примеры использования пуанта в поэзии Логау. По мнению Ютты Вайс, Логау, благодаря присущей ему искусности в изобретении пуантов, стал «одним из наиболее почитаемых авторов эпиграмм» в немецкой литературе.⁴ Для его поэзии исследовательница указывает степень пуансированности, равную 95,6%.⁵ Творчество поэта дает богатые возможности для анализа функционирования пуанта как катализатора размышления и фактора, придающего необходимую заостренность основной мысли стихотворения. Так, противопоставление (*fons alienatorum*) во втором стихе эпиграммы „Das Creutze“ (II,6,37) поэтически оформляет важнейшую этико-философскую проблему взаимоотношения добра и зла, а также возмездия за творимое зло еще в этой жизни:

Gottes Kelch ist bitter trincken/ sonderlich der letzte Grund:
Bösen/ ist das letzte sauffen; Fromen/ erster Trunck vergunt.⁶

В притчевой эпиграмме⁷ „Finsternüß“ (I,6,8) посредством сравнительно-метафорического пуанта и параллелизма образов раскрывается глубоко духовная тема взаимосвязанности истины и человеческой жизни:

Ob die Sonne finster wird/ wird es dennoch wieder lichte;
Ob die Warheit finster wird/ findet sich das Licht mit nichte.⁸

Пуант парадоксального типа имеет место в эпиграмме „Thorheit“ (III,4,80). Парадокс, выступающий в данном примере в форме антитезы („Thorheit bey Vernunft“), усиливает остроту нравственного обличения:

¹ Lessing G.E. Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten // Gotthold Ephraim Lessings Sämmtliche Schriften. Bd. I. Berlin 1771. S. 111.

² «О жизни придворной и вечной. Милость князя и спасенье / Не даются за служенье».

³ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. von (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 215.

⁴ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 39.

⁵ Ibidem, S. 51.

⁶ «Крест. Горько пить до дна ту чашу, что готовит людям Бог; / Злым – осадок достается, добрым – первый лишь глоток».

⁷ См. об этом далее (2.2.1).

⁸ «Мрак. Если солнце вдруг затмится, – вскоре будет вновь сиять; / Если истина затмится, – света нам вовек не знать».

UNter Thieren ist kein Narr; das die Affen gauckeln können
 Jst bey jhnen Ernst vnd Art/ ist nur Thorheit vnsren Sinnen;
 Bleibt dabey/ daß Menschen nur/ Thorheit bey Vernunfft beginnen.¹

В эпиграмме „Jungfrawschafft“ (II,5,78) сравнительно-метафорический пуант (fons comparatorum) позволяет лаконично очертить и образно интерпретировать сложную нравственную проблему:

EJn glüend Eisen in der Hand/
 Der vnverletzte Jungfern-Stand/
 Jst leichtlich nicht zu tragen allen/
 Man lässet beydes gerne fallen.²

В нравообличительной эпиграмме „Die Lügen“ (II,5,75) Логау, обыгрывая слова „Natur“ и „natürlich“ (fons allusionum), а также известные понятия нравственного богословия, в ироническом смысле ставит вопрос об изначальной порочности человека:

DAß mehr als Hurerey
 Daß Lügen Sünde sey/
 Kümmt her; weil dieses fuhr
 Gar wider die Natur/
 Und jenes in gemein
 Natürlich pflegt zu seyn.³

Таким образом, формальные приемы способствуют в эпиграммах Логау более остроумному, полному и точному воплощению авторского замысла. Применяя, со всей присущей ему изобретательностью, прием пуанта, поэт при помощи «неожиданных и „остроумных“, равным образом очевидных и поражающих сопоставлений»⁴ достигает своей цели: аналитического проникновения в сущность явлений действительности.

§ 1.4. Риторика эпохи барокко и ее роль в творчестве Логау

1.4.1. Риторические фигуры в поэзии Логау. Важнейшую конструктивную роль в немецкой поэзии XVII в. играли стилистические средства латинской риторики. Взаимосвязь поэтики и риторики в эпоху барокко восходит к античной и средневековой традициям: «Artes dictandi, правила эпистолярного стиля, составленные в XI в., объединяли правила античной риторики и распространялись как на прозу, так и на

¹ «Глупость. Среди животных нет глупцов; и ужимки обезьяны – / Вещь, серьезная для них, глупость – в нашем пониманье; / Лишь разумный человек глупые вершит деянья».

² «Девственность. Кусок железа раскаленный / И девства дар неповрежденный, – / Кто удержать способен вас? / Упасть стремитесь вы тотчас».

³ «Лживость. Грех лживости – всегда / Серьезнее блудá: / Ведь тот, – гласит молва, – / Грех против естества, / А этот, – прежде всех, – / Естественный наш грех».

⁴ Kiesel H. „Bei Hof, Bei Höll“: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen 1979. S. 172.

поэзию... Ренессанс и барокко только продолжили эту традицию».¹ Насыщенность поэзии того времени риторическими фигурами свидетельствует о свойственном XVII столетию «риторико-аллегорическом типе художественного восприятия действительности».²

Одним из главных приемов мышления эпохи барокко, с присущей последней идеей двойственности и противоречивости бытия,³ является противопоставление (антитеза). Повсеместно распространенная в поэзии XVII в., эта фигура относится к числу наиболее характерных черт стиля барокко, представляющего собой «форму антитетического мироощущения».⁴ Вторым из основных стилевых и композиционных приемов, используемых в стихотворениях этого времени, является параллелизм (*parallelismus membrorum*), восходящий к библейской поэтике, в которой он играет основополагающую роль.⁵ Эти две риторические фигуры выполняют в немецкой поэзии XVII в., и в особенности – в эпиграматике, основную эстетическую функцию, связанную с принципом *argutia*, выражающимся в противопоставлении или парадоксальном соединении несоединимого („*discordia concors*“).

В соответствии с традицией эпохи, в которую риторика являлась «нормативной поэтикой»,⁶ эпиграмма этого времени также заимствовала целый арсенал фигур, выполнявших в ней функцию стилистического усиления основной мысли произведения. Использование в качестве выразительного средства риторических фигур, наиболее употребительными среди которых являются антитеза и параллелизм, является характерной особенностью поэзии Логау.⁷ По замечанию немецкого литературоведа Эмиля Эрматингера (1873–1953), «...меткая антитетика есть почва, на которой произрастают великолепные „Эпиграммы“ Фридриха фон Логау».⁸ Антитеза выступает главным композиционным приемом в эпиграммах с *argutia* по *fons repugnantium & oppositorum* и *fons alienatorum*:

Poeterey. (I,5,10)
Es bringt Poeterey zwar nicht viel Brot ins Haus/
Das drinnen aber ist/ das wirfft sie auch nicht auß.⁹

Антитеза в эпиграммах Логау, как можно видеть по приведенному примеру, нередко разделяет текст на две эквивалентные части, противопоставленные друг другу способом антитетического параллелизма (*fons oppositorum*). Синтаксическими признаками эпиграмм этого рода, как правило, являются разделяющая стихосинтагмы точка с запятой (семиколон) и противительный союз „aber“ (но). Двухчастность, выраженная эквивалентностью стихосинтагм при одновременном их

¹ *Ingen F.J. van. Vanitas und memento mori in der deutschen Barocklyrik. Groningen 1966. S. 29.*

² *Морозов А.А. Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 121.*

³ *Аникст А.А. Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы // Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966. С. 238.*

⁴ *Zell K.-A. Untersuchungen zum Problem der geistlichen Barocklyrik mit besondere Berücksichtigung der Dichtung Johann Heermanns (1585–1647). Heidelberg 1971. S. 27.*

⁵ См.: *Kugel J. The Idea of biblical Poetry: Parallelism and its history. New Haven and London, 1981. P. 12–13.*

⁶ *Морозов А.А. «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 117.*

⁷ *Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 213.*

⁸ *Ermatinger E. Barock und Rokoko in der deutschen Dichtung. Leipzig und Berlin 1928. S. 69.*

⁹ «Поэзия. Поэзия не много приносит хлеба в дом, – / Но то, что в доме было, она оставит в нем».

противопоставлении, показывает, вместо стандартных „propositio – conclusio“, наличие структуры „thesis – antithesis“. Возникающий при этом двучлен логического характера сближает эпиграмму с силлогизмом.¹

Тенденция барочных теоретиков рассматривать эпиграмму как разновидность неполного силлогизма – энтимемы – восходит к трактату итальянского писателя Эмануэле Тезауро «Подзорная труба Аристотеля» („Il Cannocchiale Aristotelico“, гл. IX: «О метафорических доказательствах»), в котором автор рассуждает «...об изящных энтимемах, то есть о наивысшем остроумии... Таковы концовки эпиграмм...».² Морхоф в своем «Учении о немецком языке и поэзии» говорит: «Circumscriptum [сжатость. – лат.] эпиграммы подобна энтимеме».³ Энтимематический характер эпиграммы выступает в эпиграмме Логау „Gewalt für Recht“ (III,1,38):

Gewonheit wird Gebot/ durch Brauch vnd lange Zeit:
Krieg/ hat durch dreissig Jahr/ Gewalt in Recht gefreyt.⁴

Структура данного образца целиком отвечает условиям неполного силлогизма: его первый стих – большая посылка, второй – малая, а вывод остается за рамками стихотворения. Диада же «тезис – антитезис» коррелирует с аристотелевской «Риторикой», в которой говорится: «Что же касается формы и стиля, то успехом пользуются те энтимемы, в которых употребляются противоположения».⁵ На антитезе основан, в частности, пуант эпиграммы „Das Alter“ (2Z,62) – силлогизма, в котором также имеются большая и малая посылки и опущен вывод:

Zu Sparta war es gut/ ein alter Mann zu seyn;
O Sparta ist für längst der Welt gegangen ein.⁶

С энтимематическим характером ряда эпиграмм Логау соединено качество, которое можно было бы определить как «раскрытость». Само по себе наличие двух посылок, оставляющее место для логического умозаключения, является признаком формальной незавершенности. Поэт как бы намеренно не закрывает тему, оставляя пространство для мысли читателя. Незавершенность, применяемая как осознанный стилистический прием, сообщает эпиграммам Логау специфически барочный колорит. В энтимематической эпиграмме „Gestorbene Redligkeit“ (I,9,82) опущенный вывод отчасти восполняется заглавием:

Man lobt die Redligkeit/ siht aber keine nicht;
Die Todten ist man auch zu loben noch verpflichtet.⁷

¹ См.: Морозов А.А. Развитие стилей и историческая реальность // Русская литература. 1971. № 3. С. 53.

² Тезауро, Эмануэле. Подзорная труба Аристотеля. СПб., 2002. С. 235.

³ Morhof, Daniel Georg. Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie. Lübeck & Leipzig 1682. S. 752–754.

⁴ «Узаконенное насилие. В чем долгий был обычай, – законом позже стало. / Нам тридцать лет насилие война в закон вменяла».

⁵ Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000. С. 128.

⁶ «Старость. Быть старым человеком почетно было в Спарте. / Ах, Спарты в этом мире давно уж нет на карте!»

⁷ «Умершая честность. Пусть честности не видим, – похвалим все ж не раз: / Ведь похвалы умершим – в обычае у нас».

Второй основной риторический прием эпиграматики барокко – *параллелизм* – чаще всего выступает в творчестве Логау в виде более или менее продолжительных анафорических рядов. Нередко подобный ряд представляет собой двухчастную аналитическую структуру, в которой левая часть является константной темой, а правая – ремой, меняющейся в каждом последующем стихе:

Die H. Schriftt. (II,1,78)

DJe Schriftt/ die ist ein Licht/ den Gang vns recht zu weisen:
 Die Schriftt/ die ist die Kost/ die Seele wol zu speisen:
 Die Schriftt/ die ist das Kraut/ Gebrechlichkeit zu dämpffen:
 Die Schriftt/ die ist das Schwerdt/ die Feinde zu bekämpffen:
 Die Schriftt/ die ist die Salb auff deß Gemütes Wunden:
 Die Schriftt/ die ist die Zucht/ drinn ewig Heil wird funden.¹

Метафора в эпоху барокко была «основой поэзии и всех искусств», способствующей «познанию всех явлений мира».² Согласно Т. Эрб, барочная поэтическая метафора имеет две разновидности: рационалистическую, чисто рассудочную, «безыскусный символ», – и орнаментальную, «изысканное украшение».³ Для творчества Логау более характерны метафоры первого рода, например: «на сцене мира» („auff dem Spielplatz dieser Welt“) (ZD,74); «на кривом мосту жизни» („auff deß Lebens krummer Brucke“) (II,5,63); «гостиница души» („das Wirthshaus unsrer Seele“) (III,9,80); «одеянье бед» („Unglücks Rock“) (IZ,118); «черви в совести» („Würmer im Gewissen“) (II,9,69) и др. Ко второму роду можно отнести единственный в его книге пример метафорического ряда в позднебарочном стиле – восемь стихов из оды-эпитафии 1642 г. „Grabmal einer redlichen Frauen“ (I,10,2, ст. 5–12):

Eine Perle/ von der Tugend;
 Eine Rose/ von der Jugend:
 Gold/ von vngefälschter Trew:
 Purpur/ von der Scham vnd Schew:
 Ein Christall/ von recht Beginnen:
 Ein Smaragd/ von keuschen Sinnen:
 Ein Rubin/ von Ehe-Gunst:
 Ein Opal/ von Hause-Kunst [...]⁴

Приведенный образец, предвосхищающий метафорику Христиана Гофмана фон Гофмансвальдау (1616–1679) и поэтическую манеру Даниэля Каспера фон Лознштайна (1635–1683), а также их последователей, подтверждает мнение о переходном характере поэзии Логау как промежуточного этапа между творчеством Первой и Второй силезских

¹ «Св. Писание. Писанье – это свет, что путь нам освещает; / Писанье – это плод, что душу насыщает; / Писанье – эликсир, нам бодрость подающий; / Писанье – это меч, врагов нещадно бьющий; / Писание – бальзам от всех душевных ран; / Писанье – это труд, что нам к спасенью дан».

² *Голенищев-Кутузов И.Н.* Барокко, классицизм, романтизм – литературные теории Италии XVII–XIX вв. // *Голенищев-Кутузов И.Н.* Романские литературы: Статьи и исследования. М., 1975. С. 347–348.

³ *Erb T.* Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 34.

⁴ «*Эпитафия добродетельной жены. ...* Жемчуг праведности ясной, / Роза юности прекрасной, / Злато верности прямой, / Пурпур скромности святой, / Изумруд души лилейной / И рубин любви семейной, / Домоводства чист опал / И хрусталь благих начал...»

школ. Тем не менее, культивирование метафоры в позднесилезском духе, или так называемый «бриллиантизм»,¹ в поэзии Логау более не встречается.

Среди других типичных для поэзии немецкого барокко риторических фигур, употребляемых в эпиграммах Логау, следует назвать *бессоюзие* или *асиндетон*, на характерность которого для творчества поэта указывает Хемпель:²

An einen Freund. (III,7,93)
Stock/ Honig/ Stachel/ Bienen: Buch/ Reime/ Feder/ Sinnen;
So werden deine Wercke sich/ Freund/ vergleichen können.³

Нанизывание понятий или эпитетов, свойственное данной риторической фигуре, в целом ряде примеров совершается по принципу *нагнетания*, или *аккумуляции*, – еще одного аналитического приема, широко употребительного в творчестве поэта. Аккумуляция – фигура, характерная, прежде всего, для приамелей и приамельных эпиграмм,⁴ – обладает значительной выразительной силой, которую она приобретает благодаря присущему ей стилистическому эффекту – нарастанию напряженности по мере увеличения количества перечисляемых объектов:

Wuntsch. (ZD,181)
Für fremdem Brot/
Für grossem Spot/
Für Seelen-Noth
Für bösem Tod/
Bewahr mich Gott!⁵

Из других риторических фигур в поэзии Логау встречается *олицетворение*, или *персонификация*. При посредстве этого приема поэт добивается большей образной выразительности и точности воплощения замысла. В этом можно убедиться, в частности, на примере эпиграммы „Ungleiche Ehe“ (III,5,61), в которой фигура персонификации выступает в сочетании с метафорой:

DEr junge Schnee/ der Haut; kam zu dem Schnee/ der Haare/
Auff daß mit jenem der/ auff eine Zeit sich paare:
Das paaren gieng wol an/ doch ward man zeitlich innen/
Der Haut-Schnee/ der war Glut; der Haar-Schnee/ muste rinnen.⁶

Логау применяет необычные формы олицетворения: например, в эпиграмме „Haben vnd gehabt“ (1Z,200) персонифицированы глагольные формы:

¹ Пумпянский Л.В. Третьяковская и немецкая школа разума // Западный сборник. I. М.–Л., 1937. С. 165.

² Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 177, 209, 149–151.

³ «К другу. Мед, улей, жало, пчелы: стих, книга, ум, чернила, – / Трудам твоим, друг, в пору сравненье б это было».

⁴ См. об этом далее (2.2.2).

⁵ «Пожелание. Чужой кусок, / Дурной порок, / Злых бедствий рок, / Конец жесток / Не дай мне, Бог!»

⁶ «Неравный брак. Снег кожи молодой, седин почтенных снег / Союз между собой задумали навек. / Когда ж они сошлись, недолго длилась нега: / Растаял снег седин в пылу другого снега».

Haben/ ist ein reicher Mann; vnd Gehabt ein armer Mann;
Daß auß Haben wird Gehabt/ ist offft Haben Schuld daran.¹

В эпиграмме „Krieg/ zwischen hier vnd dort“ (I,3,26) имеет место редкая форма персонификации наречий-понятий «здесь» и «там», обозначающих реалии духовной географии – «этот свет» и «тот свет»:

Hier vnd dort sind Brüder zwar/
Doch ein gantz verkehrtes Paar.
Hier/ führt wider dort viel Krieg/
Doch behauptet dort/ den Sieg.
Jeder muß in diesen Zug;
Wer dem dort dient der ist klug;
Dort/ belohnt mit lauter Gott/
Hier/ bezahlt mit lauter Tod.²

В эпиграмме „Tod vnd Schlaf“ (I,5,100) использован другой известный барочный стилистический прием – *хиазм*: этим греческим словом именуется симметричная относительно своего центра фигура с перекрестной композицией, в которой субъект и предикат меняются местами. В поэзии эпохи барокко хиазм выражает собой идею «превращения вещей друг в друга, взаимозамещения их».³ Посредством его достигается предельно лаконичное выражение максимально сложных идей:

Tod/ ist ein langer Schlaf; Schlaf/ ist ein kurtzer Tod/
Die Noth die lindert der/ vnd jener tilgt die Noth.⁴

Эпиграмма „Auff Albidam“ (III,7,29), построенная на контрастах, представляет собой характерный случай *оксюморона*. Подобно метаморфизму предыдущего приема, контрастность оксюморона также выполняет у Логау аналитическую функцию:

Albida du warmer Schnee/ aber kalte Glut
Jst dein weisser Leib gleich warm/ ist doch kalt dein Mut.⁵

Столь же распространена в эпоху барокко риторическая *градация*, или *климакс*. В четверостишии „Ehre vnd Würde“ (III,2,28) наглядно выражено возрастание степеней градации от первого стиха к четвертому:

¹ «Иметь и Имел. Богатей Иметь зовется, бедняка Имел зовут; / Если стал Иметь Имелом, – лишь Иметь виновен тут».

² «Война между Здесь и Там. Здесь и Там хотя и братья, / Но превратны их объятья. / Здесь идет на Там войной, / Там выигрывает бой. / Все на той войне солдаты. / Те, что с Там – умом богаты; / Там награда – неба твердь; / Здесь уплата – только смерть».

³ Гучинская Н.О. Ангел Силезский и немецкая мистика // *Ангелус Силезиус*. Херувимский странник. СПб., 1999. С. 47.

⁴ «Сон и смерть. Смерть с долгим сном сравнима; сон – краткой смерти вид; / Сон бедствия смягчает, а смерть их упразднит».

⁵ «На Альбиду. Альбида, ты – снег горячий и холодный зной, / С жаркой тела белизмой, с душою ледяной».

Schwer ists auff nach Ehren steigen/
Schwerer/ sie zu haben eigen/
Und am schwersten/ wann sie fleucht/
Wie man sie zu rücke zeucht.¹

В религиозной эпиграмме „Die Sünden“ (I,6,98) использована разновидность градации, которую Пауль Хемпель называет «двойным климаксом» („Doppelklimax“).² Данная риторическая фигура выступает в эпиграмме в сочетании с другой фигурой – *симплой*, то есть повторением слов в смежных стихах. Иерархия этических или духовных реалий, выстраиваемая при помощи данного приема, показывает тонкость проводимого поэтического анализа:

MEenschlich ist es/ Sünde treiben/
Teufflich ists/ in Sünden bleiben:
Christlich ist es/ Sünde hassen/
Göttlich ist es/ Sünd erlassen.³

Среди других приемов риторики у Логау встречается также *удвоение* (anadiplosis, epizeuxis), применяемое как «патетическое» средство усиления ключевой мысли и/или повышения эмоционального уровня стихотворения. Эпизевксис имеет место, в частности, в эпиграмме „An die Deutschen“ (ZD,220), острие которой нацелено против так называемого «модного образа жизни» – „A-La-Mode-Wesen“:

Bleibt beym sauffen! bleibt beym sauffen! saufft jhr Deutschen jmmmer hin!
Nur die Mode, nur die Mode, last zu allen Teuffeln ziehn!⁴

Синекдоха принадлежит к числу стилевых средств, почерпнутых в фольклорных источниках. Так, Хемпель указывает в эпиграмме „Schönheit“ (I,1,33) наличие оборотов типа *pars pro toto*, восходящих к стилистике народной поэзии (курсив наш. – М.Н.):

Wenn der Schönheit schöne Frucht
Wäre Keuschheit/ Ehr vnd Zucht/
Wären *manche schöne Wangen*
Nicht ins Hurenhaus gegangen/
Manches krauses Haar wär nicht
Mit der Grichen П verpflichtet.⁵

¹ «Честь и достоинство. Трудно чести нам добиться; / В ней труднее утвердиться; / Но всего трудней – вернуть, / Коль утратим хоть чуть-чуть».

² Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 175.

³ «Грех. По-людски – грехи творить, / По-бесовски – грех любить, / По-христиански – грех прогнать, / А по-Божьи – грех прощать».

⁴ «К немцам. Напивайтесь! напивайтесь! пейте, немцы, здесь и там! / Только мода, только мода пусть идет ко всем чертям!»

⁵ «Красота. Были б чада красоты / Целомудренно-чисты, – / Дивных щечек бы иных / Не было б в домах срамных, / Кудри б черные едва ли / Греческое „П“ узнали». По мнению Э.-П. Викенберга, под «греческим П» Логау имел в виду начальную букву греческого слова „порνεϊα“ – «проституция», поскольку стих „Mit der Grichen П verpflichtet“ переводится как «принужденный к греческому „П“» (Wieckenberg E.-P. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 230). Однако вероятно и то, что выражение «греческое „П“» у Логау содержит также намек на виселицу, по форме напоминающую заглавную букву «П»

В эпиграмме „Steuer“ (I,5,61) содержится целый комплекс риторических фигур: антитеза (ст. 6, 7, 8), анафора (ст. 1, 3, 7), риторический вопрос (ст. 5, 7) и восклицание (ст. 8), метафора (первое и второе двустишия), сравнение (первое четверостишие с третьим двустишием), ирония (ст. 8), персонификация (ст. 5), уподобление (первое двустишие со вторым), градация (ст. 1–6) и параллелизм (первое и второе двустишия):

WO Venus weiland saß vnd den Adonis küste
Wuchs Gras vnd Blumen auff/ ob gleich der Ort war wüste:
Wo Bacchus weiland zoh/ da wuchsen lauter Reben
Und aller dürrer Strauch müst eitel Trauben geben:
Kans nicht die Steuer auch? Ein wolversteuret Grund
Soll geben her jemehr/ jemehr er wüste stund.
Wer weiß ob jenes wahr? Wer weiß ob diß kan seyn?
Dort glaube wer da wil/ hier gibts der Augenschein.¹

1.4.2. Стилистическая роль риторических фигур в поэзии Логау.

Стилистические фигуры латинской риторики, применяемые как художественные приемы и аналитические средства, способствуют бóльшей точности и объемности выражения авторской мысли в стихотворении и одновременно придают этой мысли отточенность и лаконизм, особенно необходимые в эпиграммах. К примеру, в четверостишии „Von der Nachtigal“ (I,7,79) фигура антитезы, использованная в первом, втором и четвертом стихах, дает возможность при помощи минимума слов охватить максимальное смысловое поле внутри пространства изображаемого явления:

VOn fernem bistu viel/ von nahem meisten nichts/
Ein Wunder deß Gehörs/ ein spotten deß Gesichts:
Du bist die Welt/ die Welt ist du/ o Nachtigal/
Zum ersten lauter Pracht/ zu letzt ein blosser Schall.²

Прием противопоставления расширяет семантическое пространство эпиграммы, придавая последней напряженную смысловую и аналитическую остроту. Так, в двустишии „Die christliche Liebe“ (II,4,48) антитеза позволяет выявить суть нравственной проблемы:

Weiland war die Lieb ein Feuer/ wärmen war jhr nützer Brauch/
Nun sie aber ist erloschen/ beist sie nur als wie der Rauch.³

(«пи») греческого алфавита, поскольку близкий к глаголу „verflechten“ глагол „flechten“ имеет значение «истязать, мучить», – напр., „einen Verbrecher aufs Rad flechten“: «колесовать преступника» (нем.).

¹ «Налог. Где в древности Адонис познал любовь Венеры, – / Цветами и травую пустырь оделся серый; / Где Бахус шел когда-то, там виноградник ныне, / И гроздьями усеян засохший куст в пустыне. / Не так ли и налог? Где он предъявит счет, – / Пустырь беднейший даст обильнейший доход. / То вправду было ли? То въяве ль, что теперь? / Не верить можешь там; не можешь тут, – а верь!»

² «О соловье. Вдали ты – всё, вблизи – ничто, мой соловей; / Для слуха волшебство, – насмешка для очей. / Ты – как наш мир, а мир – как ты, певец ночной: / В начале – только блеск, в конце – лишь звук пустой».

³ «Христианская любовь. Грела всех любовь когда-то ярким пламенем своим, – / А теперь она погасла, и глаза лишь есть, как дым».

В религиозной эпиграмме „Der Christen Rätzel“ (I,3,96), принадлежащей, как это явствует из ее заглавия, к жанру загадки, при помощи системы образов выражена христианская идея пресущствления зла этого мира в добро. Символическая наполненность стихотворения достигается при посредстве градации тезисов, выстроенных по принципу параллелизма. Содержанием их является ряд парадоксальных по своей сущности противопоставлений исходного зла и конечного добра, иллюстрирующих известный парадокс апостола Павла – «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9):

HEil erfolgte durch die Wunde;
Kranckheit/ diene zum Gesunde:
Freude wuchs auß Traurigkeit:
Stärcke von Gebrechlichkeit:
Sterben brachte zu dem Leben/
Vnd das fallen/ zum erheben.¹

В эпиграмме „Die Vernunfft“ (I,6,83) антитеза имеет место в отношении первого стиха ко второму, третьего – к четвертому и между полустихиями третьего и четвертого стихов, параллелизм – в лексических и синтаксических аналогиях первого и второго двустиший. Посредством противопоставления Бога и человека – в первом двустишии, и человека и зверя – во втором, показано истинное значение человека в мире:

GOtt gab vns die Vernunfft/ dadurch vns zu regiren;
Wir brauchen die Vernunfft dadurch vns zu verführen:
Ein Mensch hat zwar Vernunfft/ lebt aber wie ein Vich
Ein Vich hat nicht Vernunfft/ lebt menschlich gegen sich.²

Изобилие в эпиграммах Логау риторических фигур и характер их использования свидетельствуют о воплощении в творчестве поэта тенденций, закономерных для немецкой эпиграмматики XVII в., с присущим последней тяготением к готовым формам и симметричным структурам. Однако, хотя риторическая оснащенность есть общее свойство литературы того времени, использование риторических фигур не является в эпиграммах Логау всего лишь формальным приемом, но обеспечивает возможность лаконичного выражения максимально сложных идей.

§ 1.5. Типологизация эпиграмм эпохи барокко на примере поэзии Логау

1.5.1. Опыты научной классификации эпиграмм в XVI – XX вв. Один из первых опытов научной классификации эпиграмм имел место в «поэтике» Скалигера, в которой были определены три типа:³

¹ «Христианская загадка. Благо достается кровью; / Хворь – преддверие здоровью; / Радость из скорбей растет; / Немощь к силе нас ведет; / Смерть нам служит к воскрешенью, / А паденье – к возвышенью».

² «Разум. Бог даровал нам разум, чтоб чувства знали власть; / Используем мы разум, чтоб нам удобней пасть. / Дан разум человеку, – а он, как зверь, живет; / Неведом зверю разум, – но все ж гуманней тот».

³ Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 431–432.

- (1) „genus apologeticum“ («повествовательный род») – сюжетные эпиграммы;¹
 (2) „genus suasorium“ («обольстительный род») – интимно-лирические и галантные эпиграммы, „Amatoria“;²
 (3) „genus laudis et vituperationis“ («хвалебный и порицательный род») – «эпитафии и элогии».

В XVII – XVIII вв. попытки классификации эпиграмм предпринимались авторами различных поэтик, от Винцентия Галлуса в его «Сочинении об эпиграмме, оде и элегии» (1624)³ до исследования Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803) «Об истории и теории эпиграммы» („Über Geschichte und Theorie des Epigramms“, 1785).⁴ Отдельные опыты типологизации эпиграмм, – как по жанру в целом, так и по творчеству отдельных поэтов, – можно встретить и в настоящее время. Так, литературовед Вильтруд Бринкман в статье «Эпиграммы Логау как феномен жанра» (1974) предложила свою классификацию эпиграмм Логау, включающую три разряда:

- (1) эпиграммы, содержащие нравственное или этическое наставление;
- (2) эпиграммы, отвечающие опицевскому определению сатиры (см. выше, 1.1.3);
- (3) собственно сатирические эпиграммы.⁵

Наиболее рациональным из современных опытов типологизации немецких эпиграмм эпохи барокко можно считать классификацию эпиграмматических типов, содержащуюся в монографии Ю. Вайс «Немецкая эпиграмма 17-го столетия» (1979). Классификация Вайс составлена по принципу характеристики содержания и цели написания стихотворения. Все эпиграммы эпохи барокко разделены в ней на четыре основных и девять смешанных типов, – причем в качестве критерия, определяющего различие типов, принято наличие или отсутствие дидактической установки. Основные эпиграмматические типы, по Вайс, следующие:

- (1) гномический, объединяющий религиозные, философские, наставительные и критические эпиграммы;
- (2) сатирический, включающий скоптические и нравоописательные образцы;
- (3) гимно-панегирический, содержащий образцы энкомиастического характера;
- (4) игриво-концептистский,⁶ интегрирующий анакреонтические, т.е. застольные, галантные, шуточные, эротические и обценные эпиграммы, а также эпиграммы с концептистской формальной игрой.

К гибридным (смешанным) типам у Вайс относятся:

- (1) гномо-сатирический,
- (2) гномо-игривый,
- (3) гномо-концептистский,
- (4) гномо-панегирический,
- (5) сатирико-концептистский,

¹ Автор классификации приводит, в качестве образца, эпиграмму Катутла „Lesbia mi semper dicit male...“ (№ 92): «Лесбия дурно всегда, но твердит обо мне постоянно. / Нет, пропади я совсем, если не любит меня. / Признаки те же у нас: постоянно ее проклиная, / Но пропади я совсем, если ее не люблю». (Перевод С.В. Шервинского).

² Т.е. любовные. Как пример, автор приводит стихотворение того же Катутла «К Лесбии» (№ 5) – „Vivamus mea Lesbia, atque amemus...“ («Будем, Лесбия, жить, любя друг друга»).

³ Gallus, Vincentius. De Epigrammate, Oda, et Elegia Opusculum. Mediolanum o.J. [1624].

⁴ См.: Hess P. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 66–68.

⁵ Brinkmann W. Logaus Epigramme als Gattungerscheinung. // Zeitschrift der Philologie (ZfdPh). № 93 (1974). S. 514.

⁶ Игриво-концептистский тип Вайс не вполне вписывается в классификацию, поскольку его концептистская составляющая является параметром формального, а не содержательного, характера.

- (6) сатирико-панегирический,
- (7) игриво-сатирический,
- (8) игриво-панегирический и
- (9) панегирико-концептистский.¹

Согласно классификации Вайс, в книге Логау на долю эпиграмм гномического типа приходится 37,8%, сатирического – 20,2%, игривого – 3,4%, концептистского – 3,3%, гимно-панегирического – 2%; гномо-сатирического – 6,1%, гномо-игривого – 2,5%, гномо-концептистского – 5,8%, гномо-панегирического – 0,8%, игриво-сатирического – 0,8%, сатирико-концептистского – 16,6%, сатирико-панегирического – 0%, игриво-панегирического – 0,3%, и панегирико-концептистского – 0,4%.² Итого гномических эпиграмм всех видов – 53%, сатирических – 37,6%, прочих – 12,4 %.

В настоящей работе предлагается классификация барочных эпиграмм, составленная на материале поэзии Логау; она основана на принципе характеристики содержания и включает семь типов:

1. Гномические эпиграммы;
2. Религиозные эпиграммы;
3. Критические эпиграммы;
4. Обличительные эпиграммы;
5. Сатирические эпиграммы;
6. Панегирические эпиграммы;
7. Игриво-гедонистские эпиграммы.

1.5.2. Гномические эпиграммы. Первый по количеству и значению среди основных типов немецкой эпиграммы XVII в. – гномический. Гномические эпиграммы представляют собой прямое выражение дидактической тенденции: им свойственна «рефлексирующая отдаленность от предмета, соединенная с исследованием и обобщением» и имеющая целью повлиять на читателя путем непосредственного назидания. Им также положено вызывать «умное удивление», остроумие же должно служить в них в качестве специфического заострения, рождающего размышление.³

Гномическая эпиграмма восходит к античной гноме (от греч. „γνώμη“: «изречение», «сентенция») – жанру короткого нравственного или морального наставления в стихах. Создателем гномы считается древнегреческий поэт Фокилид из Милета (VI в. до н.э.), который прославился своими краткими наставительными гекзаметрами, получившими название «Фокилидовы поучения» („Gnomai Phokylidu“):

Так говорит Фокилид: малый град, на утесе стоящий,
Правопорядок блюдя, превосходит град Нина безумный.⁴

В римской литературе жанр гномы находит свое воплощение в сентенциях мимического поэта I в. до н.э. Публилия Сира:

Taciturnitas stulto homini pro sapientia est.⁵

¹ См.: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 127–138.

² Ibidem, S. 300.

³ Ibidem, S. 80.

⁴ Ярхо В.Н. (Сост.). Эллинические поэты VIII–III вв. до н.э. М., 1999. С. 274. (Пер. Г. Церетели).

⁵ «Молчанье для глупца – замена мудрости» (лат.). Цит. по: Полонская К.П., Поняева Л.П. (Сост.). Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 126–127 (№ 627). Перевод М.Л. Гаспарова.

На формирование европейской гномической традиции Нового времени в значительной степени повлиял также позднеантичный дидактический источник – так называемые „*Dicta Catonis*“, или „*Disticha Catonis moralia*“.¹ Так именовался сборник из 144 латинских нравственных сентенций в форме двустиший, написанных античным гекзаметром. Сборник был составлен около 300 г. римским философом и ритором Дионисием, греком-вольноотпущенником из рода Катонов. Со времени их первого перевода, изданного в конце XV в. Себастианом Брантом, «Катоновы дистихи» перелажались на немецкий язык около 1250 раз.² В XVI столетии неоднократно выходили их параллельные латинско-немецкие издания.³ В эпоху барокко в Германии было широко известно билингвическое издание «Дистихов» в переложении Опица: «Двустишия Дионисия Катона о нравах для детей» („*Dionysii Catonis Disticha de Moribus ad Filium*“, 1629). В этом эталонном произведении гномического жанра, считавшемся «одной из основных дидактических книг средневековья»,⁴ главенствует тенденция морального наставления в духе античного стоицизма:

Virtutem primam esse puta, compescere linguam:
Proximus ille Deo est, quiscit ratione tacere.⁵

С появлением в эпоху Возрождения европейской литературной эпиграммы гномическая стихия влилась в эпиграматику и стала ее неотъемлемой частью.⁶ Основателем жанра гномической эпиграммы Нового времени считается французский поэт Ги дю Фо де Пибрак (1529–1584),⁷ друг Монтеня, автор книги дидактических «Катренов», получивших известность в Германии благодаря переводам Иоганна Валентина Андрэе (1586–1654)⁸ и Опица (1634).⁹

Dieu tout premier, puis père et mère honore;
Sois juste et droit; et en toute saison
De l'innocent prends en main la raison:
Car Dieu te doit là haut juger encore.¹⁰

¹ «Дистихи Катона», «Катоновы нравственные двустишия» (лат.).

² Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 64.

³ См.: Weller E. Annalen der poetischen Nationalliteratur der Deutschen im XVI und XVII Jahrh. Freiburg im Breisgau, 1864. Bd. 2. S. 15–16.

⁴ Scholz M.G. Gnome // Metzler Literatur Lexikon. Stuttgart 1984. S. 175.

⁵ *Catonis disticha moralia*, latine et Græce, cum scholijs D. Erasmi Roterod. Basileae, In officina Frobeniana anno M. D. XXXIII. P. 12. (I, 3). Перевод: «Из добродетелей первая – в речи блюсти воздержанье; / Ближе всего к Божеству тот, кто молчит, размышляя» (лат.).

⁶ Hess P. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 21.

⁷ См.: Beckmann A. Motive und Formen der deutschen Lyrik des 17. Jahrhunderts und ihre Entsprechungen in der französischen Lyrik seit Ronsard. Tübingen 1960. S. 99.

⁸ *Andréä, Johann Valentin*. Etliche Frantzösische Quatrains Herren Pibracij verteutschet // *Andréä, Johann Valentin*. Geistliche Kurtzweil. Straßburg 1619. S. 87–94.

⁹ *Pibrac Guy du Faur de*. Vidi Fabri Pibracii in supremo senatu Parisiensi praesidis olim tetrasticha Gallica, Germanicis versibus expressa auctore Martino Opitio. Dantisci Typis Hünefeldianis Anno M DC XXXIV (1634). См. также: Deß Herren von Pibrac Tetrasticha oder Vier-Verse/ von Martin Opitzen Deutsch gegeben // *Opitz M*. Weltliche Poemata 1644. Bd. 1. Tübingen 1967. S. 507–536.

¹⁰ *Pibrac, Guy du Faur de*. Quatrains de Pibrac, traduits en vers grecs et latins. Paris, 1802. P. 3. Перевод: «Чти Бога, а затем – отца и мать; / Будь справедлив и честен; будь всечасно / Защитником невинных и несчастных, – / Ведь Божьего суда ты должен ждать».

Одним из важнейших факторов генезиса немецкой гномической эпиграммы было также влияние упоминавшегося выше (1.1.2) повсеместно популярного в ту эпоху английского неолатинского эпиграмматиста Джона Оуэна, в поэзии которого гномическая тенденция находит свое выражение в значительном количестве эпиграмм на философские и теологические темы:

De ortu et occasu (VI, 39)
Sole oriente, tui reditus a morte memento.
Sis memor occasus, sole cadente, tui.¹

Третьим – не жанровым, но тематическим – источником гномической эпиграмматики была национальная традиция шпруха – краткого стихотворного изречения или стихотворения морально-наставительного характера. Шпрух был излюбленной формой бюргерской нравоучительной поэзии, хотя свое первоначальное развитие и литературную обработку он получил еще в поэзии миннезанга. Эпоха литературного шпруха продолжалась до конца XVI в.; после краткого расцвета в творчестве нюрнбергского поэта Ганса Сакса (1494–1576) он к исходу эпохи Реформации практически исчезает. Однако тематика и характер этого средневекового дидактического жанра находят свое продолжение в гномической эпиграмматике XVII в.

По мнению Акселя Линдквиста, основным источником немецких дидактических эпиграмм были популярные собрания крылатых изречений, – такие, как «Триста общеупотребительных пословиц» („Dreihundert Gemeiner Sprichwörter“, 1529) И. Агриколы, «Пословицы, изящные, мудрые и велелепные речения» („Spruchwörter, Schöne, Weise, Klugreden“, 1560) С. Франка, «Немецкие апофтегмы» („Teutsche Aprophtegmata“) Ю.В. Цинкгрефа, а также «Детальное исследование главного немецкого языка» („Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt Sprache“, 1663) Ю.Г. Шоттеля (книга V) и сборник средневековых шванков И. Паули «Смешное и серьезное» („Schimpff und Ernst“, 1524).²

Устойчивой тенденцией немецких поэтов эпохи барокко, традиционно ориентированных на сатирическую эпиграмму в духе Марциала, было игнорирование эпиграмм гномического типа, несмотря на то, что последние имели в указанный период безусловное количественное преобладание. Так, гномические эпиграммы составляли подавляющее большинство в сборниках религиозных поэтов, – „Sibenmahl Sibentzig Epigrammata“ Михаэля Альбинуса (1610–1653), „Geistliche Kurtzweil“ (1619) И.В. Андрэ, „Praeceptorum moralium“ (1644) Иоганна Германа (1585–1647) и др.; также в сборниках целого ряда поэтов светского направления они составляли не менее трети, а во многих случаях и гораздо бóльшую часть, по сравнению со значительно меньшим содержанием сатирических.³ Эта парадоксальная ситуация нашла свое разрешение только к концу века в поэтике Д.Г. Морхофа «Рассуждение о науке острословия» (1693), где данный род поэзии („Epigrammata Gnomica“) получил официальное признание в качестве эпиграмматического.⁴

¹ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni, Cambro-Britanni Oxoniensis... Vratislaviae, Sumtibus Joh. Adam. Kästneri, M. DC. LXXX. P. 128. Перевод: «О восходе и закате. Помни, лишь солнце взойдет: ты из смертного мрака вернулся, – / И о закате своем помни, коль солнце зашло» (лат.).

² Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 295.

³ См.: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 295–303.

⁴ Ibidem, S. 81.

В собрании эпиграмм Логау гномическая тенденция играет одну из главных ролей. Заметное место в его творчестве отведено традиции моральных стихотворных наставлений. Поэт предстает в них как своего рода *magister vitae*, проповедующий комплекс этических предписаний в стоицистском духе:

Menschliche Unvollkommenheit. (II,7,85)
 Daß wir unvollkommen sind/ wann wir diß erkennen
 Kan man solch Erkäntnüß schon/ eine Beßrung nennen.¹

Эпиграммы Логау данного типа нередко аккумулируют тематику философского характера, являясь удобным способом выражения максимально сложных идей, какие только могут быть воплощены в столь лаконичной форме. К примеру, в эпиграмме „Hier/ sind wir: Dort/ bleiben wir“ (I,1,31) находит свое воплощение глубокая, абстрактно сформулированная религиозная мысль:

Jch bin/ ich bleibe nicht in dieser schnöden Welt/
 Und weil das bleiben mehr mir als das seyn gefällt/
 So lieb ich sterben mehr als leben/ weil ich kan
 So hören auff zu seyn/ zu bleiben fangen an.²

Вместе с тем, в значительной части своих гномических эпиграмм Логау придерживается горациева принципа «поучать, развлекая» („*prodesse et delectare*“),³ включая в них, как непрменный элемент, иронию. Принцип «наставления в увлекательной форме» сформулирован им в программной эпиграмме „Poeterey mindert das Ansehen“ (II,1,82, ст. 7–8):

Auch so bringt man ernste Sachen
 Füglich an vnd ein/ durch lachen.⁴

1.5.3. Религиозные эпиграммы. К гномическим эпиграммам в жанровом отношении примыкают эпиграммы на религиозную тематику. Предметом этих стихотворений чаще всего являются положения той или иной религиозной доктрины, духовные рефлексии, поэтические выражения религиозных чувств и т.д. В области эпиграмматики эти стихотворения являются феноменом пограничного характера, так как присущий многим из них вероисповедный пафос «находится в оппозиции к рассуждению».⁵ В общей картине немецкой поэзии XVII в. традиции религиозных стихотворений и эпиграмм принадлежит свое законное место, и с ней соединен ряд известных имен, – таких, как И.В. Андрэе, И. Герман и другие. Автором значительного количества религиозных эпиграмм является и Логау, для духовной поэзии которого характерны, в частности, эпиграммы катехетического характера, содержащие те или иные сюжеты и реалии из Священного Писания:

¹ «Человеческое несовершенство. То, что мы несовершенны, – в ком сознание это есть, – / Он само сознание это совершенством вправе счесть».

² «Здесь мы есть, там – пребудем. В презренном мире есмь, но не пребуду я; / И, – коль спасенье мне желанней бытия, – / Мила мне больше смерть, чем жизнь: в ее плену / Я перестану быть – и пребывать начну».

³ См. далее (2.1.1).

⁴ «...И серьезное мы дело / Преподносим в шутке смело».

⁵ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 97.

Dreyerley Aufferweckung von Todten. (II,4,12)
 ZU Hause: Für dem Thor: Und auß deß Grabes Klufft:
 Wird von deß Todes Schlaf ins Leben auffgerufft
 Jairus Kind/ der Sohn zu Nain, Lazarus;
 Hertz/ Mund vnd Werck in vns soll aufferstehn zur Buß.¹

В своих религиозных эпиграммах Логау нередко выступает как апологет учения Аугсбургской (лютеранской) Церкви, защищая краеугольный камень последнего – догмат об «оправдании верой» (лат. „per fidem propter Christum“) – в полемике с учением католицизма о необходимости личных заслуг для достижения индивидуального спасения (justificatio):

Das Blut Christi (II,7,57)
 JCh wag vnd glaub es nur/ daß Jesus Christus Blut
 Zu tilgen meine Schuld/ sey gar genug vnd gut;
 Wer wil/ der wasche sich durch eigener Wercke schwitzen/
 Jm sterben wird man sehn/ was Blut/ was Schweiß wird nützen.²

Поэт развивает в этих эпиграммах различные положения лютеранской религиозной доктрины, в отдельных случаях излагая их почти дословно. К примеру, в эпиграмме „Zugerechnete Gerechtigkeit“ (II,6,62) в двух стихах практически исчерпывающе изложен догмат о «вменении» верующему «чужой праведности» (лат. „imputatio alienae iustitiae“), – т.е. праведности Христа, который является одним из фундаментальных вероучительных положений Аугсбургской церкви, касающихся оправдания человека перед Богом:

Christus, der durch fremde Schuld schuldig sich gemacht/
 Hat durch seiner Unschuld Dienst/ vns zur Unschuld bracht.³

Логау отстаивает истинность своей веры в полемике не только с католицизмом, но и с другими религиозными доктринами его времени, – в частности, с учением секты антиринитариёв-социниан, отрицавших иррациональное в вере:

Der glauben. (II,3,95)
 Mjch dünckt/ Religion sey schlecht Religion,
 Wann mehr nicht/ als nur diß man glauben soll davon
 Was die Vernunfft erlaubt; wie wil doch dieser ein/
 Daß Gott ohn Ort vnd End/ vnd Welt auß nichts soll seyn.⁴

¹ «Тройное воскресение из мертвых. В дому, в могильной бездне, у городских ворот / От смерти пробудились для жизни и забот / Дочь Иаира, Лазарь и сын вдовы в Наине; / Устами, сердцем, жизнью встань к покаянью ныне!»

² «Кровь Христова. Я верю и дерзаю, что Кровь Христа одна / Достаточно, чтоб долг мой уплачен был сполна. / Кто ждет от дел спасенья, пусть вволю пот свой льет; / Увидим в лучшем мире, что стоят Кровь и пот».

³ «Вмененная праведность. Вины всех людей Христос на Свой крест поднял, / Этой жертвой без вины с нас вину Он снял».

⁴ «Вера. Мне кажется, что та религия дурна, / Что на рассудке лишь одном утверждена: / Не станет ли в тупик наш разум оттого, / Что бесконечен Бог, и мир – из ничего?»

Отдельного рассмотрения заслуживает уникальное произведение религиозной лирики Логау, – так называемый церковно-годовой или «перикопный»¹ цикл, занимающий большую часть IX центурии I Тысячи (I,9,1–69). Традиция церковно-годовых циклов, сочинявшихся на материале церковных евангельских чтений годового богослужебного круга и соответствовавших всей последовательности воскресений и праздников церковного года, восходит к неолатинской поэзии гуманистов XVI столетия: изданиям Георга Преториуса († после 1614),² сборнику Каспара Кунрада (1571–1633) «Благоуханный луг евангельских цветов» (1616),³ а также к собственно немецкой религиозной поэзии этого периода (Амброзиус Лобвассер⁴ и др.). Авторами известных в эпоху барокко перикопных циклов были, в частности, Опиц, сочинивший цикл эпистол на апостольский ряд «Послания на воскресные дни и важнейшие праздники за целый год» (1628),⁵ и Грифиус, издавший евангельский цикл «Воскресные и праздничные сонеты» („Son- vndt FeiertagsSonnete“, 1639).⁶ Цикл Логау, написанный во второй половине 1648 г., представляет собой по форме строго единообразную книгу четверостиший на евангельские тексты, выдержанную в традиции «Катренов» сеньора де Пибрака. В сюжетном отношении эти стихотворения в основном следуют указаниям лютеранского «Проприя»,⁷ а вернее – порядку евангельских чтений из старинного сборника лютеранских богослужебных текстов Карла Блюма „Gnade um Gnade“.⁸ Катрены Логау не являются ни парафразами, ни изложением евангельских текстов, но поэт выстраивает на материале последних собственную экзегезу:

Am Palm-Sontage. (I,9,26)
 WJe daß der HErre Christ/ den Esel wil beschreiten?
 Und Grosse dieser Welt/ wolln schöne Hengste reiten?
 Ein sanffttes Thier gehört auff einen engen Steg/
 Ein tummelhafftig Gaul/ auff einen breiten Weg.⁹

¹ *Перикона* (от греч. *περικολή*: «отделение») – целостный по смыслу раздел или отрывок текста Св. Писания; то же, что ц.-слав. «зачало».

² *Praetorius, Georg. Disticha dominicalia & festivalia Evangeliorum & Epistolarum...* Francofurti, typis Nicolai Voltzii 1608; *Praetorius, Georg. Libellus secundus sacrorum distichorum...* Francofurti typis Voltzianis 1610.

³ *Cunradus, Caspar. Pratum evangelicum in quo fragrantissimi evangeliorum cum dominicalium, tum Festorum anniversariorum visuntur flores, sparsim auctorum XV. Quorum nomina versâ pagellâ indicantur, sati genio, Collecti veró, & usui publico destinati à Caspare Cunrado, Phil. & Med. D. Cum mantissâ ejusdem geminâ. Freibergae M. DC. XVI.*

⁴ *Lobwasser, Ambrosius. Die Disticha Stigelij vber die Sontags euangelia des gantzen jahrs // Lobwasser, Ambrosius. Bewerte Hymni Patrum. Leipzig 1579.*

⁵ *Opitz, Martin. Die Episteln der Sontage/ vnd fürnehmsten Fest deß gantzen Jahrs/ Auff die gemeine Weisen der Psalmen gefasset/ Von Martin Opitzen // Opitz, Martin. Martini Opitii Geistliche Poemata. Der Dritte Theil. Breslau/ Verlegts JEsaias Fellgibel. O.J. [1638]. S. 90–150.*

⁶ *Gryphius, Andreas. Sonn- und Feiertagssonette. Hrsg. v. Heinrich Witt. Abdruck der ersten Ausgabe (1639). Halle a. S.: Niemeyer, 1883.*

⁷ Одна из двух (вместе с «Ординарием») основных богослужебных книг евангелическо-лютеранской церкви.

⁸ В русском переводе: *Блюм К. Милость ради милости. Омск [Б. г.].* Имеется в виду так называемый «Старый ряд» современного «Проприя», опирающийся на книгу Блюма и используемый в настоящее время лишь в немногих лютеранских общинах.

⁹ «В Вербное воскресенье. Для Господа удобен осел был молодой, – / А сильных мира должен скакун носить гнедой? / Смиранный ослик нужен, чтоб тесный путь пройти; / Конь норовистый нужен пространному пути».

Церковно-годовой цикл Логау, включающий как религиозные, так и гномические образцы, в содержательном отношении представляет собой развернутую апологию христианства, несущую в себе пафос духовной борьбы против гонителей «истинной веры» и воплощающую надежду на конечное торжество «претерпевших до конца»:

Am 3. Sontage nach der H. Dreyfaltigkeit (I,9,45)
 DEr HErre Christ geht um mit Zöllnern vnd mit Sündern;
 Der Phariseer Art taug nicht zu Gottes Kindern:
 Drum der sich heilig dünckt vnd vns für Ketzler schilt/
 Seh zu/ daß Ketzerey für Heiligkeit nicht gilt.¹

1.5.4. Критические эпиграммы. В эпиграммах Логау, представляющих собой критику современной поэту эпохи (*Zeitkritik*) и имманентных ей реалий, наряду с патетическим обличением существующего порядка вещей, как правило, содержится наставление, выраженное обычно в прямой, а в отдельных случаях – в косвенной форме:

Die vnartige Zeit. (I,1,71)
 Die Alten konten frölich singen
 Von tapffern deutschen Heldens-Dingen
 Die jhre Väter außgeübet/
 Wo Gott nach vns ja Kinder gibet/
 Die werden vnsrer Zeit Beginnen
 Beheulen/ nicht besingen können.²

Хотя эти образцы по справедливости следует отнести к гномическому типу, как и поступают отдельные исследователи,³ их тематическая специфика заставляет видеть в них промежуточную стадию между гномикой и сатирой. Пафос этих стихотворений – чаще всего гневный протест, однако при этом их тон может быть и саркастическим:

Heutige Sitten. (I,8,36)
 WOzu soll doch sein Kind ein Vater aufferziehen
 Bey so bewanter Zeit? Er darff sich nur bemühn/
 Daß sein Sohn keine Schew vnd kein Gewissen hat/
 So ist schon alles gut/ so ist schon allem Rath.⁴

Одной из главных тем немецкой литературы 50-х – 60-х годов XVII в., «как зеркало отражавшей муки духовного надлома, совершенного в немецком народе Тридцатилетней войной»,⁵ была тема повсеместного упадка нравов в Германии,

¹ «В третье воскресенье после Троицы. Лишь мытарь с грешником спасутся в целом свете; / Быть фарисеями не могут Божьи дети. / Кто „ересь“ нам кричит, святым быть вознамерясь, – / Смотри, чтоб святостью не обернулась „ересь“!»

² «Скверный век. Пусть наши деды были рады / О славных предках петь баллады, / Известных доблестью своей; / Но если Бог нам даст детей, – / Те века нашего деяний / Не смогут вспомнить без рыданий!»

³ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 89.

⁴ «Современные нравы. Чему должны отцы учить сынов своих / В наш искушенный век? Пусть лишь наставят их, / Как совесть им и стыд вернее отогнать, – / Вот все, что нужно им; вот все, что должно знать».

⁵ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 112.

явившегося следствием войны и разрушения ею традиционного жизненного уклада. Данной теме отдает должное и Логау:

Wunder-Werck der Welt. (I,3,46)
 MAn sagt/ vnd hat gesagt von grossen Wunder-Wercken
 Die wol zu mercken sind/ vnd waren wol zu mercken;
 Noch ist ein größres kaum/ als daß ein fromer Mann
 Bey dieser bösen Zeit from seyn vnd bleiben kan.¹

Творчество Логау – «аристократа, потрясенного нравственным крушением Германии и бичующего ее острыми эпиграммами»² – насыщено то скорбным, то гневным обличением неправды его эпохи:

Die Zeiten. (I,4,29)
 Wer sagt mir/ ob wir selbst so grund-verböste Zeiten
 Verbösern/ oder ob die Zeiten vns verleiten?
 Der Tag daran ein Dieb dem Hencker wird befohlen/
 Hätt jhn wol nicht gehenckt/ hätte er nur nicht gestolen.³

В критике своего времени Логау исходит, прежде всего, из своего христианского миропонимания. Обличаемым в его эпиграммах негативным явлениям окружающей действительности он стремится противопоставить постулаты религиозной морали:

Ein rechtschaffener Friede. (II,5,8)
 DEr Fried ist nun gewiß; Ruchlosigkeit gewisser;
 Viel Frevler hat es noch/ vnd wenig rechte Büsser:
 Jst Friede da mit Gott? Wird Friede Friede seyn/
 Jst Friede nicht mit Gott? Jst Friede nur ein Schein.⁴

Эпиграммы Логау, содержанием которых является критика эпохи, тематически коррелируют с эпиграммами, посвященными сатирическому обличению мира.

1.5.5. Обличительные эпиграммы. По замечанию советского литературоведа Л.Е. Пинского, «начиная с более поздних стадий античности (Ювенал), существует... не комическая сатира, воодушевляемая одним негодованием, чисто сатирическим, лишенным условно игрового оттенка».⁵ Эпиграммы Логау, тяготеющие к сатире «ювеналовского» типа, наряду с обличением времени и нравов, содержат также иронию, сарказм и т.п. Пафос и наставление в них, как правило, отсутствуют:

¹ «Чудо в целом свете. Нередко говорят о чудесах в народе, / Что были или есть на свете и в природе; / Но чудо из чудес – как добрый человек / Остаться добрым смог в наш беспощадный век!»

² *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 112.

³ «Времена. Кто скажет мне: иль время чудовищное сами / Творим мы, – или время так поступает с нами? / Не день ведь тот, в который вор к палачу попал, / В петлю его отправил, – а то, что он украл!»

⁴ «Истинный мир. Не мир настал у нас – бессовестность настала; / Злодеев множество, а кающихся мало. / Лишь если в Боге мир – мир истинный нам дан; / А коль без Бога мир – не мир он, а обман».

⁵ *Пинский Л.Е.* Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. М., 1989. С. 342.

Die schamhafftige Zeit. (I,3,13)
 SJe sey sonst wie sie sey die Zeit
 So liebt sie doch Verschämlichkeit/
 Sie kan die Warheit nackt nicht leiden/
 Drum ist sie emsig/ sie zu kleiden.¹

В диапазон «ювеналовской» сатиры Логау входит обличение традиционных изъянов его века, – таких, как меркантилизм, лицемерие и т.д., – а также бедствий, порожденных войной, – вседозволенности и цинизма, девальвации основных человеческих ценностей и разрушения естественных жизненных устоев:

Schwanger seyn/ schadet dem schön seyn. (I,1,85)
 Schwanger seyn/ ist eine Schande/
 Keine Schand in Buhlschafft schweben:
 Dannenher in vnsrem Lande
 Huren mehr/ als Mütter leben.²

Поэт объясняет принцип иронического обличения, используемый им в эпиграммах «ювеналовского» типа, в четверостишии „Die lachende Warheit“ (II,6,83):

SJedend Wasser kan man stillen
 Wann man kaltes dran wil völlen:
 Glimpff/ kan auch durch fromes Lachen
 Bittre Warheit süsse machen.³

Эпиграммы Логау данного рода сближаются по своему характеру с эпиграммами сатирического типа, – однако содержащееся в них обличение имеет, как правило, философский характер и не содержит осмеяния, типичного для сатирических и, в особенности, скоптических эпиграмм.

1.5.6. Сатирические эпиграммы. Предметом этих стихотворений также является критика негативных сторон действительности, но их главное оружие – осмеяние. Последнее редко принимало у немецких поэтов XVII в. форму личного выпада: в соответствии с общепринятой традицией, высмеивался порок, но не его носитель. «Поэт может иметь в виду вполне определенное лицо, когда он делает героями своей обличительной сатиры корыстных адвокатов, продажных судей, бездарных врачей, неверных супругов, легкомысленных и кокетливых дам, но тщательно избегает любых индивидуальных признаков, которые могли бы привести к узнаванию в кругах придворного общества».⁴ Анонимность осмеяния находила идейное обоснование в известном тезисе Марциала, сформулированном в эпиграмме «К Нумацию Галлу» (X, xxx, ст. 10): «Щадить лица, говорить лишь о пороках» („Parcere personis, dicere de

¹ «Стыдливый век. Не может обойтись эпоха / Без целомудренного вздоха; / Ей голой правды не стерпеть: / Стремится вмиг ее одеть».

² «Беременность вредит красоте. Быть беременной – постыдно, / Быть гулящей – веселей: / Оттого у нас, как видно, / Больше шлюх, чем матерей».

³ «Смеющаяся правда. Должен кипяток остыть, / Коль воды холодной влить; / Добрым смехом мягкость в нас / Горькой правде сладость даст».

⁴ *Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 217.*

vitiis“).¹ Мысль римского сатирика обыгрывается в одноименной эпиграмме Логау „Laster sind zu straffen/ Personen sind zu schonen“ (I,4,91):

PErsonen gar nicht auß zu rüchten/
Die Laster aber zu vernichten/
Hat jeder mügen Reime tichten.²

Заявление, сделанное поэтом во вступлении к его собранию эпиграмм, – о том, что он стремится «высмеивать пороки, а не одобрять и поощрять их»,³ – он повторяет в авторепрезентативной эпиграмме „Von meinen Reimen“ (III,6,2, ст. 5–8). Это стихотворение, принадлежащее к программному для автора классу эпиграмм на тему собственного поэтического творчества,⁴ представляет собой своего рода манифест, в котором Логау, вновь перифразируя Марциала,⁵ объявляет о причинах и целях своего сатирического обличения:

<...> Mein Reim ist manchmal frech/ die Sinnen sind es nicht/
Der eine Zeug/ ist Gott; der ander/ das Gerücht.
Jch höhne Laster auß/ ich schimpffe böse Zeit/
Dann die macht grosses Werck von grosser Uppigkeit.⁶

В эпиграмме „Von meinen Reimen“ (I,10,74) поэт снова говорит о целях своей сатиры, подчеркивая дидактический характер последней:

MEin Reim ist oft was frey; noch freyer ist mein Mut/
Auff das was lasterhafft/ von deme was nicht gut:
Jch rede frey von dem/ was Schande heist vnd bringt/
Vielleicht ist wer/ den Scham von Schanden abezwingt.⁷

¹ *Martialis, Marcus Valerius*. M. Val. Martialis Epigrammata. Venetiis, M. DC. XCV. P. 193: „Hunc seruare modum nostri nouere libelli, / Parcere personis, dicere de vitiis“ („Ad Numatium Gallum“, X, xxx, v. 9–10). Перевод Ф.А. Петровского: «Книжки мои соблюдать приучены меру такую: / Лиц не касаясь, они только пороки громят». *Марциал, Марк Валерий*. Эпиграммы. СПб., 1994. С. 264.

² «Пороки карать, на лица не злиться. Пусть личности не ославляет, / Но лишь пороки исправляет, / Тот, кто сатиры составляет».

³ Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 2.

⁴ См.: *Hess P.* Poetologische Reflexionen in den Epigrammen von Friedrich von Logau: Versuch einer Rekonstruktion seiner Poetik. // *Daphnis*. Amsterdam 1984. № 13. S. 299–318.

⁵ Первый стих приведенного четверостишия восходит к эпиграмме Марциала «К Цезарю» („Ad Cæsarem“, I, 4, v. 8): „Improba si qua mihi est pagina, vita proba est“. *Martialis Marcus Valerius*. M. Valerii Martialis Epigrammata. Coloniae, M. D. XCIX. P. 12. Вариант этого стиха Марциала: „Lasciua est nobis pagina, vita proba“. Перевод Ф.А. Петровского: «Пусть шаловливы стихи, – жизнь безупречна моя». *Марциал*, цит. соч., с. 28.

⁶ «О моей поэзии. <...> Пусть смел мой стих порой – не дерзкого я нрава: / Тому свидетель Бог с моею доброй славой; / Бичую я порок и век ругаю злой: / Ведь все его труды – дань роскоши пустой».

⁷ «О моей поэзии. Мой стих всегда свободен; еще свободней – взгляд / На то, что зло зовется, на тех, что зло творят. / Свободно говорю я про все, что срам и стыд: / Быть может, стыд кого-то от срама отвратит».

В эпиграмме „Abgehende Bücher“ (III,5,13) Логау обосновывает необходимость сатирической поэзии условиями книжного рынка и спецификой читательского спроса:

Wer Bücher schreiben wil/ die wol solln abegehn/
Der seh/ das drinnen nur mag viel zum Lachen stehn.¹

В каталоге нравоописательной сатиры Логау содержится целый ряд бессмертных сатирических мотивов и тем, многократно разрабатывавшихся в мировой эпиграмматики. В сатирических эпиграммах Логау, так же как и других немецких эпиграмматистов эпохи барокко, высмеиваются всевозможные пороки и недостатки человеческой природы, «маленькие слабости и смешные привычки... повседневные пороки и воскресные добродетели»² его современников:

Auff Gulanum. (III,10,22)
WEil Gulanus von dem Tode fort vnd fort Gedancken hat/
Jsst vnd trinckt er jeden Abend sich sehr saat vnd übersaat
Dann er meint/ daß solche Mahlzeit werde sein Valete seyn/
Wil in sein sonst leeres Schieffchen/ den Ballast vor schaffen ein.³

Герои сатирических эпиграмм Логау, как правило, выступают под особыми «говорящими» именами, традиция употребления которых в европейской эпиграмматики восходит к Марциалу.⁴ В предисловии к своему собранию эпиграмм Логау говорит: «...То, что я сохраняю латинские поэтические имена, а также время от времени изобретаю, на латинский манер, и свои собственные, происходит оттого, что имена эти уже получили у немцев права гражданства и повсеместно сделались привычными... новые же немецкие имена еще весьма грубы и непривычны, а подчас даже менее понятны, чем латинские. Последние и более годятся в дело, нежели немецкие, – ибо каждый язык имеет свой собственный характер и дух, которые неохотно подчиняются и служат другому языку»⁵. В этом признании содержится отсылка к многовековой традиции употребления «говорящих» имен в сатирических эпиграммах римских и неолатинских поэтов, от которых данную традицию перенял XVII век.

По замечанию Акселя Линдквиста, «...герои немецких эпиграмм редко индивидуальны, по большей части это шаблонные типы, понятия без плоти и крови: Филлида, Таис или Хлоя – легкомысленные женщины, Корнутус или Корнелиус – обманутые супруги, Вайнхольд или Бибулус – пьяницы, Гарпаг, Гебхарт или Низатт – скупцы, и т.д.»⁶ Герои скопических «марциаловских» эпиграмм Логау иногда носят подлинные римские «когномены», – такие, как Непот, Котта, Красс или Крисп;⁷ в ряде случаев их украшают сатирические или буколические «псевдонимы», заимствованные

¹ «Успешные книги. Коль хочешь, чтобы книга неплохо продавалась, – / Смотри, чтоб в ней смешного побольше помещалось».

² Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 300.

³ «На Гулана. Так как Гулан постоянно держит в мыслях смертный час, / Ест и пьет он за обедом до отвала всякий раз: / Если каждое застолье стать последним пиром может, – / В утлую свою лодчонку добрый он балласт положит».

⁴ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 232.

⁵ Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 1–2.

⁶ В оригинале: „Weinhold, Gebhart, Niesatt“. Lindqvist, op. cit., S. 311.

⁷ Непот – когномен в роде Корнелиев, Котта – когномен в роде Аврелиев, Красс – когномен в роде Лициниев и Папириев, Крисп – когномен в роде Саллюстиев и Вибиев.

из античной мифологии и литературы: Руф, Лесбия, Галл, Галла, Флора и т.п. Однако в подавляющем большинстве это персонификации, созданные самим поэтом на лексическом материале, главным образом, латинского, и значительно реже – греческого, современного немецкого и старонемецкого, а также, в некоторых случаях, польского и чешского языков, и представляющие собой, как правило, индикатор внешнего изъяна или аллегория нравственного порока:

Von dem Pravo (I,4,97)
 ES schrieb jhm Pravus an sein Haus
 Hier geh nichts böses ein vnd auß;
 Jch weiß nicht/ soll sein Wuntsch bestehen
 Wo Pravus auß vnd ein wird gehen.¹

В собрании эпиграмм Логау насчитывается порядка 670 сатирических эпиграмм, в которых использовано более 480 говорящих (и не-говорящих) имен или значащих псевдонимов; из них созданных самим автором – около 300. В нравоописательных эпиграммах Логау эти имена выполняют функцию концептуально необходимых характеристик того или иного обличаемого поэтом нравственного порока или недуга. По мнению Хемпеля, посвятившего в своей монографии обширную главу расшифровке, классификации и объяснению этимологии этих имен,² Логау не имел себе равных в их изобретении и употреблении ни среди неолатинских поэтов, ни среди современных ему немецких эпиграмматистов. Как замечает исследователь, ярко выраженная склонность к использованию говорящих имен является характерной особенностью эпиграмматики Логау.³ В эпиграмме „Eine Mansvete Jungfraw“ (I,4,98) необычное составное имя героини является ярким примером имятворчества поэта:

EJne Dam ist mir bekant
 Deutsch ist Zung vnd Vaterland/
 Wann sie redet/ muß dazwischen
 Halb Latein sich vntermischen;
 Drum jhr Name/ solls so seyn/
 Halb muß Deutsch seyn/ halb Latein.
 Daß man mag jhr Art erkennen
 Wil ich sie Man-sveta nennen.⁴

Логау иронически называет свою героиню наполовину по-немецки, наполовину по-латыни «Ман-светою», что означает «падкая до мужчин» („Man-sveta“, от нем. Mann: «мужчина», и лат. svetus: «привыкший»). Двухязычный характер имени подчеркивается в издании 1654 г. разными шрифтами, которыми набраны обе его части, – фразатурой в слове „Ман“, указывающей на его немецкое происхождение, и антиквой в слове „sveta“, отсылающей к латыни. Также, вероятно, здесь имеет место намек на латинское слово „mansueta“ [manus + sueta], – т.е. «ручная, прирученная».

¹ «На Права. Свой дом украсил Прав словами: / „Не входит сими зло дверями!“ / Но можно ль верить тем словам, / Коль Прав той дверью входит сам?» Перевод говорящего имени: «дурной, развращенный» (от лат. pravus).

² Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 232–281.

³ Ibidem, S. 254–255.

⁴ «Девушка Мансвета. С дамой я одной знаком, – / Немкой родом, языком, / Но ее беседа ныне – / Вполовину на латыни; / Ее имя, пополам, – / Дань обоим языкам; / Сорт узнайте дамы этой: / Я зову ее „Ман-светою“».

1.5.7. Панегирические эпиграммы. К панегирическому типу относятся все виды энкомиастической поэзии «на случай»: комплиментарные эпиграммы, эпиграмматические восхваления августейших особ, посвящения городам и историческим личностям, послания, поздравления и т.д. Дидактический элемент в этих стихотворениях принимает форму похвалы добродетелей того лица, которому панегирик посвящен.¹ В книге Логау панегирических эпиграмм относительно немного. Среди них, прежде всего, следует назвать религиозные эпиграммы, предметом которых является восхваление Бога:

An den wolthätigen Gott. (I,4,84)
 O Gott/ wo nem ich Danck/ der ich so viel genummen
 Von Wolthat/ die mir ist zu Hause häufig kummen
 Durch deine Gütigkeit? Thust du nicht mehr hier wol/
 So weiß ich keinen Rath/ wie recht ich dancken soll!²

Логау был автором значительного количества светских и придворных панегириков, традиция сочинения которых была всецело в духе того времени.³ Ярким примером поэзии этого рода является энкомий австрийскому императорскому дому Габсбургов, написанный по случаю избрания 24/31 мая 1653 г. Римским королем Фердинанда IV (1633–1654), – „Das Haus Oesterreich“ (ZD,147):

JHr Töchter Hesperii, nicht rühmt die goldnen Früchte:
 Zweyträchtiges Geschlecht der Bäume/ bleib vom Lichte/
 Du vnd Alcinous: Die Epicurus hegte/
 Auch die Mäcenas baut vnd die Lucanus pflegte
 Jhr Gärt vnd Gärtner all: Jhr seydt mit Ruhm zu schonen/
 Der Garten Oesterreich trägt lauter Käyser-Kronen.⁴

Ряд хвалебных эпиграмм поэта посвящен герцогу Людвигу и двум другим князьям Силезского Пястовского дома – его братьям Георгу III (1611–1664) и Христиану II (1619–1672), – а также таким знаменитостям, как князь Людвиг Ангальт-Кётенский (1579–1650), основатель и глава «Плодоносящего общества», и саксонский фельдмаршал герцог Франц Альберт Саксен-Лауенбургский (1598–1642). Примером панегирической эпиграммы Логау является стихотворение „An J. F. G. Hertzog Ludwigen zum Brieg. Ludewig/ durch Theilung der Sylben/ Lud ewig“ (I,10,72):

DEr redliche Piast/ begabt mit fromer Güte/
 Gerechtigkeit vnd Trew/ lud alles Volcks Gemüte
 Durch Wolthat jhm zur Gunst/ vnd trug die Polsche Kron/
 (Vielmehr was ewig ist/ vnsterblich Lob/) davon.
 Mein Hertzog folgt jhm nach; das erbliche Geblüte

¹ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 118.

² «Всеблагодарю Богу. О, как благодарить я б мог Тебя, Создатель? / Ты – дому моему несчетных благ Податель / По благодсти Своей. Отнимешь милость впредь, – / И все ж достойных слов найти мне не сумеешь».

³ Meid V. Barocklyrik. Stuttgart 1986. S. 8.

⁴ «Австрийскому дому. Не хвастай, Гесперида, златыми ты плодами! / И сад, плодоносящий весь год, – что он пред нами, / Как, Алкиной, и сам ты! И Эпикура кущи, / Луканов рай тенистый и Мecenата рощи, – / Всех этих вертоградов днесь слава увядает: / Лишь кесарей короны сад Австрии рождает!»

Erweckt ihm Redlichkeit/ Gerechtigkeit vnd Güte
Nicht minder gegen vns: Nicht minder lud er ein
Dadurch/ hier Fürstlich Lob/ dort ewig benedeyn.¹

Наибольшее количество посвячительных эпиграмм Логау адресовано супруге герцога Людвига – герцогине Анне Софии Мекленбургской. Все они перенесены автором в его книгу из поэтического сборника-приношения „Anna Sophia“ (1652) и представляют собой характерные образцы придворно-комплиментарного стиля:

An eine Briegische Fürstin. (I,10,34)
Fürstin/ da von Euch zu schreiben mir erkühnte nechst mein Sinn/
Als so himmlisch Thun ich spürte/ fiel mein jrdisch Witz dahin.²

К этому же роду панегирических эпиграмм принадлежат, в силу своего посвячительного характера, оды-эпитафии или эпикедии (leichencarina):

An einen verstorbenen Alten (III,3,10)
Werther Freund/ du lieber Alter/ alt von alten Bidersinnen/
Alt von Jahren/ Witz vnd Ehren/ wir sind hier/ du bist von hinnen/
Einzunemen Ehr vnd Gut/ das durch Alt-seyn nicht vergeht/
Sondern mit der Ewigkeit jimmer in die Wette steht:
Alt von Jahren/ frisch von Lastern/ ist die Welt bey vnsren Tagen/
Pfleget das Alter zu begehren/ Alten aber Hohn zu sagen.
Aber wann der reine Schnee alter Häupter so zerfleust/
Siht man/ daß in gantze Länder trübes Wasser sich ergeust.³

1.5.8. Игриво-гедонистские эпиграммы. Эпиграммы данного типа характеризуются отсутствием дидактизма и сознательной установкой на развлекательность. К игриво-гедонистскому типу относятся, прежде всего, галантные эпиграммы, – именно их имел в виду Лессинг, называя Логау «немецким Катуллом». ⁴ Этот род проиллюстрирует двустихие „Frage“ (III,10,8) – эпиграмма, считавшаяся в XVIII в. «наиболее полным воплощением понятия „Sinngedicht“» и «высшим проявлением галантного остроумия»: ⁵

¹ «Е. К. М. герцогу Людвигу Бригскому. Людвиг: Стяжавший вечность. Благочестивый Пяст, друг праведности вечной, / Народ свой одарил отрадой бесконечной, – / И Польши получил в наследство он венец / С бессмертною хвалою признательных сердец. / И князь мой наделен высокой предка кровью: / Он правду и добро дарует нам с любовью; / Он, словно древний Пяст, стяжал своим делам / Здесь – вечную хвалу, благословенье – там».

² «Герцогине Бригской. О княгиня, Вас восславить лишь осмелился едва я, – / Пред небесным сим предметом пала мудрость ниц земная».

³ «На почившего старца. Добрый друг, прекрасный старец, ветхий честностью старинной, / Древний мудростью и честью, ты земной наш мир отринул, / Честь и благо взяв с собой, коим старость – не предел: / Вместе с вечностью в иной перейдут они предел. / Стар годами, юн пороком мир сегодняшней сторицей; / Вечно старости он жаждет – и над старыми глумится; / Но когда растает снег благородной седины, – / Хлынет мутных вод поток по лицу моей страны».

⁴ Lessing G.E. 43. Brief // Briefe die Neueste Litteratur betreffend. T. 1. II. Theil. Berlin 1759. S. 395.

⁵ Preisendanz W. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz (Diss.). Heidelberg 1950. S. 45.

Wie wiltu weisse Lilien/ zu rothen Rosen machen?
Küß eine weisse Galathe, sie wird erröthet lachen.¹

Тема «поцелуев» является центральным мотивом эротических эпиграмм, фигурирующих в тематическом каталоге Опица как «Венерины дела»:

Ein Kuss. (II,1,15)
Die süsse näscherey/ ein lieblich Mündlein-Kuß
Macht zwar niemanden fett/ stillt aber viel Verdruß.²

В игриво-гедонистских эпиграммах нередко встречается специфическая игра слов двусмысленного и даже обценного характера:

Beyschlaff. (I,9,91)
DEr bey einer Jungfer schläft/ ist der Straffe werth geacht:
Aber der hat offtmals Lohn/ der bey einer Jungfer wacht:
Jst es billich? Ja; man frag' eine Jungfer selbst davon;
Gebt dem faulen spricht sie: (hört!) Straffe; gebt dem wackren Lohn.³

К игриво-гедонистскому типу принадлежат также анакреонтические эпиграммы, в которых обыгрывается тема «радостей жизни» под девизом „carpe diem“. В застольных эпиграммах смысловой акцент, как правило, делается не на мотиве обжорства или пьянства с обличительной интонацией, а на мотиве наслаждения,⁴ – как в афоризме Лютера «Кто песен, баб, вина не любит, тот век дурацкий свой загубит» („Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein lebelang“):⁵

Beliebliche Sachen. (III,5,5)
WO in der Schale springt der Wein/
Wo kluge Seiten spielen rein/
Wo süsse Küsse fallen drein/
Da kan man hertzlich lustig seyn.⁶

Третья группа игриво-гедонистских эпиграмм – шуточные эпиграммы, содержащие юмор в чистом виде, без обличения, осмеяния и дидактизма:

Leib und Seele. (II,8,57)
Jst die Seele Wirth vnd der Leib jhr Haus;
Wie daß dieses dann jenen offft jagt auß?⁷

¹ «Вопрос. Как может розой алою стать лилий белизна? / Ты Галатею поцелуй: зардеется она».

² «Поцелуй. Нет сладости на свете, подобной поцелую: / Пусть он и не насытит, но скорбь уймет любую».

³ «Сожительство. Кто с девицей юной спит, тот достоин только гнева; / Но стократ вознагражден, кто не спит, коль рядом дева. / Справедливо это? Да! Вот что скажет нам девица: / «Если лодырь – накажи, труженик – воздай сторицей!»

⁴ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 226.

⁵ Цит. по: Dietze W. Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // Dietze W. Erbe und Gegenwart. Berlin, Weimar 1972. S. 268.

⁶ «Радости жизни. Где чаша, полная вина, / Где звонкая звенит струна, / Где поцелуев ночь полна, – / Там радость жизни нам дана».

⁷ «Тело и душа. Коль душа – хозяйка, ну, а тело – дом, / Как же дом хозяйку гонит прочь потом?»

Несмотря на то, что игриво-гедонистские эпиграммы, так же как и гномические, сатирические, панегирические и т.д., восходят к антологической традиции,¹ они «в XVIII столетии считались типично барочными» и, по причине содержащихся в них обценных элементов, «повсеместно осуждались».² Это порицание игриво-гедонистских эпиграмм в эпоху Просвещения, сформировавшееся в немецкой поэзии на рубеже столетий и особенно резко выраженное у представителей так называемой «разумной школы» – поэтов Фридриха Рудольфа фон Каница (1654–1699) и Иоганна фон Бессера (1654–1729), а также «в прусской профессорской среде около 1700 и следующих годов»,³ повлекло за собой в итоге отвержение и забвение всей поэзии немецкого барокко, продолжавшееся вплоть до начала XX в.

Выводы к первой главе. Собрание эпиграмм Логау является оригинальным произведением немецкой светской поэзии XVII века в жанре эпиграмматики. Наблюдающийся в нем относительный количественный паритет наставительных, религиозных, философских и критических эпиграмм (43%) с обличительно-сатирическими (49%) свидетельствует о важном значении моралистической тенденции в творчестве поэта.

Эпиграммы Логау, в отношении используемых автором стилистических и композиционных средств, стоят на высоте требований, предъявляемых литературной теорией его времени. Структура эпиграмм Логау в большинстве случаев отвечает каноническому требованию жанра – двухчастности с ее логическим характером. Поэзия Логау может служить ярким примером применения принципа остроумия (*argutia*) и приема пуанта: его эпиграммы отличаются смелыми стилевыми и смысловыми параллелями, оригинальностью и убедительностью выводов, а также глубиной проникновения в тему, чему немало способствуют используемые поэтом стилистические средства латинской риторики.

Хотя в собрании Логау находит отражение отмечаемая отдельными исследователями эволюция немецкой барочной эпиграммы «от преобладания эпиграмм в стиле греческой антологии к преобладанию сатирических эпиграмм в стиле Марциала»,⁴ однако его сатира имеет принципиально иной характер, нежели марциаловская, поскольку в ее основе лежит задача исправления нравов, которой у Марциала нет. В этом отношении сатира Логау не только является воплощением в жизнь теории Опица, но и сближается с национальной традицией обличительной сатиры XV – XVI вв., которая, как правило, была морализирующей.⁵

Эпиграмма предстает у Логау как жанр, способный нести сложное и глубокое идейное содержание и вмещающий огромный диапазон мыслей, наблюдений и лирических переживаний поэта. Эпиграммы Логау могут по праву считаться произведениями серьезной литературы, воплощенными в миниатюрную форму.

¹ См.: *Гаспаров М.Л.* Древнегреческая эпиграмма // *Избранные труды*. Т. I. М., 1997. С. 291–316.

² *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 118.

³ *Пумпянский Л.В.* Тредиаковский и немецкая школа разума // *Западный сборник*. I. М.–Л., 1937. С. 160.

⁴ *Dietze W.* Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // *Dietze W.* Erbe und Gegenwart. Berlin und Weimar 1972. S. 294.

⁵ *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 72.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭПИГРАММЫ ЛОГАУ КАК ЖАНРОВЫЙ ФЕНОМЕН

§ 2.1. Собрание эпиграмм Фридриха фон Логау

2.1.1. Описание книги. Собрание стихотворений и эпиграмм Логау представляет собой, по описанию Лессинга, «том in octavo объемом без малого в три алфавита»,¹ содержащий 754 страницы убористого текста. Книга набрана, по обычаю того времени, готическим шрифтом: фрактурой² в текстах стихотворений и крупным швабахером³ в заголовках, с буквицами и виргелями,⁴ кроме заимствованных слов и имен латинского либо французского происхождения, набранных ренессансной антиквой.⁵ Каждый из ее разделов традиционно завершается виньеткой; особая виньетка помещена на титульном листе. Полное заглавие издания в оригинале: «Три тысячи немецких рифмованных речений Соломона из Голау. Милостью и привилегией Свящ<енного> Императорского Величества. Бреслау, в издательстве Каспара Клоссмана; отпечатано в типографии Баумана Готфридом Грюндером». ⁶ Дата издания отсутствует; она была установлена позже по автографу самого поэта на экземпляре из его личной библиотеки.⁷

В типично барочной эмблематической композиции на фронтисписе собрания эпиграмм имя автора и название книги обрамлены символическими фигурами «Удовольствия» („Lust“) и «Полезы» („Kost“) в виде двух дев в лавровых венках, с цветами, колосьями и плодами в руках. Смысл изображения отсылает к известному принципу «сочетания приятного с полезным» („prodesse et delectare“), восходящему к следующим стихам из «Науки поэзии» Горация (ст. 333–334):

¹ Lessing G.E. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. IX. ...in octavo... – Т.е. в восьмую часть печатного листа (лат.). ...без малого в три алфавита. – В старинных изданиях страницы и тетради книг не имели сплошной цифровой пагинации, а обозначались буквами латинского алфавита. В Германии для этой цели служил готический алфавит, насчитывавший 27 букв.

² Фрактура – популярная разновидность готического шрифта, изобретенная в XVII столетии.

³ Швабахер, или швабах (другое название: «еврейское письмо») – разновидность готического шрифта, созданная в г. Швабах и широко распространенная в Германии в XV – XVI вв.

⁴ Виргель (от итал. virgule, virgola: «запятая») – кося черта с наклоном вправо, использовавшаяся в готическом шрифте вместо запятой вплоть до XVIII в.

⁵ Антиква (от лат. antīqua: «древняя») – тип типографских наборных шрифтов с засечками, появившийся в Западной Европе в эпоху Возрождения и повсеместно используемый в книгопечатании и в наши дни.

⁶ Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Cum Gratiâ & Privilegio Sac. Cæs. Majestatis. Breßlaw/ In Verlegung Caspar Klobmanns/ Gedruckt in der Baumannischen Druckerey durch Gottfried Gründern. Формула «Милостью и привилегией Священного Императорского Величества» есть не что иное, как императорская привилегия, предоставлявшаяся книгопечатнику или издателю, которая формально действовала на территории Империи и была равноценна современному «копирайту».

⁷ См.: Seelbach U. Die Autographen Friedrich von Logaus // Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. Amsterdam: Rodopi BV, 1990. Band 19, Heft 2. S. 279.

Aut prodesse volunt aut delectare poetæ
Aut simul et iucunda et idonea dicere vitæ.¹

В нижней части фронтисписа, под изображением раковины с надписью «Суд» („Gerichte“), помещена аллегорическая картина, напоминающая аналогичную нижнюю сцену на фронтисписе «Насмешливой и серьезной Клио» (1638) поэта Эрнста Кристофа Хомбурга (1607–1681).² На фоне сельского пейзажа с полем, купами деревьев и шпилем церкви вдалеке, стоит длинный, накрытый скатертью стол. Слева от него на табурете лежит раскрытая книга с надписью „Sinn-Getichte“ – т.е. книга эпиграмм Логау. За столом восседают три человека, «одежда которых изобличает в них членов судейской коллегии: „Дворянина“, „Придворного“ и „Ученого“». Книга на табурете символизирует самого Логау, или «Поэта», как четвертого участника суда, или, точнее, подсудимого, а также «зеркало, в котором современное поэту общество видит свое отражение».³ Крайний слева из этой тройки – «Дворянин», улыбаясь, указывает на книгу; средний, «Придворный», смотрит на нее; у третьего же – «Ученого», сидящего во главе стола, в руках две половинки сломанного жезла, что, согласно старинному обычаю преломления жезла над кем-либо, означает вынесение приговора.⁴ По предположению некоторых исследователей, этот третий, солидный мужчина с седой бородой и в камзоле с испанским воротником, – единственный дошедший до нас портрет самого автора, и вся сцена показывает дидактический замысел книги.⁵ Однако согласно другой, общепринятой ныне версии, это – аллегорическое изображение «Читателя как Судии», выносящего о книге Логау свой вердикт, и вся композиция обозначает пресловутый «суд людской», отсылая к следующему двустихию поэта:⁶

Von meinem Buche. (ZD,221)
Gut Gerüchte/ scharff Gerichte/ werden sich an diesem üben
Was zur Lust/ vnd was zu Nutze/ ward in dieses Buch geschrieben.⁷

Соответственно, полигистор⁸ с преломленным жезлом, сидящий во главе стола, символизирует собой «строгий суд», а двое смеющихся придворных – «славу», которые в этом мире ожидают труд поэта. Как противоположность земным «суду» и «славе», вверху фронтисписа изображен «суд небесный»: крылатая античная богиня молвы Фама на облаке трубит в фанфару или тубу и протягивает поэту лавровый венок; под ней видна лента с надписью: «Слава» („Gerüchte“).

Издательская виньетка на титульном листе издания представляет хищную птицу, торжествующую над поверженным соловьем; над ними на ленте – надпись: „ADSIT“.

¹ *Horatius Flaccus, Quintus*. Des Quintus Horatius Flaccus Buch über die Dichtkunst, oder Brief an die Pisonen. Raßau 1824. S. 16. Перевод: «Или полезными быть, иль развлечь желают поэты / Или приятно и с пользой о жизни поведать стремятся» (лат.).

² *Homburg, Ernst Christoph*. E. C. Homburgs Schimpff- vnd Ernsthaffte CLIO. 1 Th. Jehna 1642.

³ *Fritzmann A.* Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a. M., 1983. P. 39.

⁴ Ср.: «И возьму жезл Мой – жезл благоволения и преломлю его» (Зах. 11, 10).

⁵ *Seelbach K.-U.* Die Autographen Friedrich von Logaus // *Daphnis*. Amsterdam 1990. Bd. 19, Hf. 2. S. 267.

⁶ См.: *Wieckenberg E.-P.* Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 224–225.

⁷ «О моей книге. Строгий суд готов и слава для поэзии моей, / Что для пользы и услады поместил я в книге сей».

⁸ *Полигистор* («многознающий»), от греч. πολύς: «многий» и ἱστορέω: «узнавать, исследовать»), – синоним ученого в европейской культуре Средних веков и Нового времени.

Это изображение взято из III тома сборника Якоба Типоция (1540–1601) и Ансельма Бозция де Боодта (1550–1632) «Эмблемы различных отдаленных властителей» (1603)¹ и представляет собой эмблему итальянского герцога Стефано Колонна ди Палиано (?);² подпись под ним гласит: «Берегись осквернить руки, предназначенные для благочестивых деяний» („Parce pias scelerare manus“). Объяснение эмблемы: соловей пытается умиловить хищника, именуя его «добродетельным» и убеждая не пятнать себя злодейством. Хищная птица символизирует князей, двор и вообще сильных мира сего, под соловьем же подразумевается поэт. Аббревиатура „ADSIT“, начертанная на ленте над картинкой, отсылает к двум другим изображениям из I тома того же издания – «Божественные и человеческие эмблемы жрецов, полководцев и царей» (1601), представляющим собой орла – символ императора Рудольфа II: на первом – одноглавый орел со стрелой в лапе попирает ленту с этой аббревиатурой; на втором она начертана над императорской короной, увенчивающей двуглавого имперского орла, также со стрелой в лапе и с гербовым австрийским щитком на груди. Как явствует из пояснения, данная аббревиатура представляет собой императорский девиз: „Adjuvante Domino Superabo Imperatorem Turcarum“.³ По мнению Э.-П. Викенберга, исследовавшего содержание фронтисписа и титульного листа собрания эпиграмм, Логау имел в виду именно второе из изображений, поскольку ему придано изречение «Необходимо, чтобы Божья помощь была с нами, когда человеческая нас оставляет» („Divinum enim adsit auxilium, ubi humanum deficit nos, necesse est“).⁴

Книга эпиграмм Логау включает 3560 стихотворений и разделена на три части – «Тысячи», в каждой из которых по десять центурий, или «Сотен», и три «Прибавления» («Zugabe»): после второй «Тысячи» (201 стихотворение), после третьей «Тысячи» (102 стихотворения), и заключительное, озаглавленное «Нижеследующие эпиграммы добавлены во время набора» („Folgende Sinn-Getichte sind unter wehrendem Druck eingelauffen“) (257 стихотворений). Первую и третью «Тысячи», согласно обычаю того времени, предваряют предисловия «К читателю» („An den Leser“), в которых поэт излагает свои соображения по поводу эвфонии немецких стихов, объясняет правила произношения и написания им звуков немецкого языка, устанавливает принцип фонетической рифмы и объявляет о цели и назначении своей сатиры, предназначенной «высмеять пороки, а не одобрить и поощрить их».⁵

В начале каждой из трех «Тысяч» помещены эпиграфы – цитаты из ученых латинских трактатов эпохи Ренессанса и раннего Барокко, переведенные, очевидно, самим поэтом и призванные отразить взгляды автора на сущность и назначение поэзии. Помимо «Поэтики» Скалигера,⁶ это «Соцветия из писем Скалигера» (1625) барона Ханса Ульриха фон Мюффлинга,⁷ «О республике, в шести книгах» (1596) французского

¹ *Typotius, Jacobus & Boetius de Boodt, Anselmus. Symbola Varia Diversorum Principum. T. III. Pragae 1603. P. 106.*

² В списке герцогов княжества Палиано это имя отсутствует. – *М.Н.*

³ «С помощью Божьей одолеем турецкого султана» (лат.). *Typotius, Jacobus & Boetius de Boodt, Anselmus. Symbola Divina & Humana Pontificum, Imperatorum, Regum. T. I. Pragae 1601. P. 54-55, 58-59. (Комментарий XXXIII на с. 55).*

⁴ См.: *Wieckenberg E.-P. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 225-226.*

⁵ *Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw <1654>. Bl. [3].*

⁶ *Scaliger, Julius Caesar. Julii Caesaris Scaligeri Viri Clarissimi, Poetices libri septem. [Genève] Apud Petrum Santandreamum, M. D. XCIV.*

⁷ *Müffling, Johannes Ulricus. Flores Julii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, sive mellificium sententiarum selectissimarum, ex ejus operibus confectum. Studio Johannis Ulrici Müfflingii weis dicti. Editio Secunda, longe auctior. Jenae, Apud Johannem Bircknerum, Bibliop. Anno M.D.CXXXV.*

юриста, автора комментариев к римским классикам Пьера Грегуара (1540–1597);¹ «Классификация латинской трагедии» (1593–1594) испанского писателя-гуманиста иезуита Мартино Антонио Дельрио (1551–1608);² «Историку и философу о политике, в семи книгах» (1614) немецкого юриста, писателя и государственного деятеля пфальцграфа Георга фон Шёнборнера (1579–1637),³ – и, наконец, «Христианский политик» (1626) бельгийского ученого иезуита Шарля Скрибани (1561–1629).⁴

2.1.2. История создания книги. Итоговое произведение поэта, главный труд всей его жизни, – монументальное собрание эпиграмм, религиозно-наставительных шпрухов, сатир, посланий, лирических элегий и од, – создавалось им на протяжении многих лет, приблизительно от начала 1630-х гг. и по 1653 г. включительно. Ввиду того, что раннее творчество поэта с большим трудом поддается датированию, исследователи расходятся в оценке точной даты начала работы над книгой. Густав Эйтнер, один из первых биографов Логау и автор критического издания его эпиграмм 1872 г., называет 25-летний срок как общую продолжительность труда поэта: это означает, что начало его приходится на 1628 г. – т.е. год, в который Логау завершил свое образование в Альтдорфском университете.⁵ В свою очередь, Пауль Хемпель считает, что книга эпиграмм Логау была начата в 1632 г.,⁶ в то время как Аксель Линдквист говорит в этой связи о 1635 г.⁷ Точка зрения Хемпеля представляется более близкой к истине, чем прочие, поскольку первое стихотворение в книге – «Некоторым авторам дифирамбов павшему герою» („An etliche Lobsprecher eines verstorbenen Helden“, I,1,1), посвященное памяти шведского короля Густава II Адольфа (1594–1632), павшего в сражении под Лютценом (близ Вейсенфельза в Саксонии) 16 ноября 1632 г., могло быть написано уже в конце 1632 г. К этому же году относится публикация энкомия «О „Пасторали Амены“ неизвестного друга» („Über die Schäfferey Amœna, eines vngenannten Freundes“, I,1,3), написанного в честь вышедшего в том же 1632 г. буколического романа Георга Кристофа фон Грегерсдорфа († после 1664) «Новая пастораль, или Целомудренное описание любви между влюбленной нимфой Аменой и достохвальным пастушком Амандусом».⁸ Следующее стихотворение в книге, поддающееся датированию, – сатира „Waffen-Anstand“ (I,1,4), – относится, очевидно, уже к весне 1635 г., когда между противниками в Тридцатилетней войне – императором Фердинандом II и саксонским курфюрстом Иоганном Георгом – был заключен так называемый Пражский сепаратный мир, о чем говорит и ее заглавие («Перемирье»).

¹ *Gregoire, Pierre*. De repvblica libri sex et viginti in dvos tomos distincti. Auctore D. Petro Gregorio Tholosano. Editio Germaniae nova [...]. Ex Officina Paltheniana Cura & sumtibus haeredum Petri Fischeri. Anno. M.D.XCVII.

² *Delrio, Martino Antonio*. Martini Antonii Delrii Ex Societate Iesu Syntagma Tragoediae Latinae In tres partes distinctum. Lvtetiae Parisiorvm, Sumptibus Petri Billaine, Anno M.DCXX.

³ *Schönborner, Georg von*. Georgii Schönborner/ IC. Historici ac Philosophi Politicorvm Libri VII [...]. Editio secunda. Lipsiae Impensis Iacobi Apellii, Bibliop. Anno 1614.

⁴ *Scribani, Charles*. Caroli Scribani ex Societate Jesu Politicus Christianus. Antwerpiaë, apud Martinum Nutium anno M. DC. XXVI.

⁵ *Eitner G*. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 716. (См. Приложение I).

⁶ *Hempel P*. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 88.

⁷ *Lindqvist A*. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // *Pfohl G*. (Hg.). Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt 1969. S. 335.

⁸ [*Gregersdorff, Georg Christoph von*]. Jüngst-erbawete Schäfferey/ Oder Keusche Liebes-Beschreibung Von der Verliebten Nimfen AMCENA Vnd dem Lobwürdigen Schäffer AMANDUS... Leipzig/ Jn Verlegung Eliae Rehefelds/ Buchhändl. Jm Jahr 1632.

Стихотворения в книге, за немногими исключениями, не датированы, поэтому о времени их написания можно судить лишь предположительно. Тем не менее, в эпиграммах Логау нашел свое отражение целый ряд современных поэту событий, разворачивающихся в книге как целостная панорама его времени и его собственной жизни, и в этих историко-биографических свидетельствах поэта внимательному взгляду предстает некая достаточно связная хронология. Это дало ряду исследователей творчества и жизни поэта основание для утверждения, что книга эпиграмм Логау имеет характер творческого дневника.¹ И в самом деле, если оставить за скобками отдельные анахронизмы, то в целом данный взгляд соответствует действительности.

Две первые и часть третьей центурии первой «Тысячи» собрания эпиграмм представляют собой частично переработанный автором текст сборника 1638 г. Корпус сборника включен в книгу не адекватно оригинальному изданию: порядок стихотворений изменен, латинские заголовки заменены немецкими. Кроме этого, в книгу вошло большинство эпиграмм из сборника-приношения «Анна София» (1652).

Согласно новейшей хронологии творчества Логау, составленной д-ром Ульрихом Зеельбахом, первая «Тысяча» эпиграмм была начата поэтом в 1632 г. и закончена в конце 1649 г.; вторая «Тысяча» начата в конце 1649 г. и завершена зимой-весной 1651 г. Последние годы работы над книгой (1650–1653) были особенно плодотворными: в этот период им было написано более двух тысяч стихотворений. В мае 1653 г. Логау закончил «Третью тысячу» и составил из ранее написанного два «Прибавления», завершив тем самым составление основного корпуса книги, в который вошло 3303 стихотворения. Рукопись была отдана в типографию Георга Баумана в Бреслау. Летом 1653 г. Логау дополнил уже находившуюся в наборе рукопись еще одним «Прибавлением».² Судя по отсутствию у него отдельной начальной страницы, имеющейся у остальных разделов книги, можно предположить, что этот заключительный раздел был вставлен в уже практически отпечатанный том. Общая продолжительность работы поэта над книгой составила, таким образом, двадцать один год. В апреле 1654 г., за год с небольшим до смерти поэта, полное собрание его эпиграмм вышло в свет в столице Силезии Бреслау.

По мнению некоторых исследователей, книга Логау, в момент ее выхода в свет, была попросту обречена на неизвестность, так как, при тогдашнем уровне развития книжного рынка, она едва ли имела шанс получить распространение за пределами узкого круга друзей, знакомых и родственников поэта.³

§ 2.2. Поэзия Логау как отображение жанровой картины немецкой эпиграмматики XVII в.

2.2.1. Литературные разновидности эпиграммы в творчестве Логау.

Особенностью творчества Логау является стремление использовать в нем все разнообразие поэтических форм, культивировавшихся в немецкой поэзии этого периода. Поэтическим жанром, составляющим основное содержание его книги, является

¹ См. об этом далее (3.4.4).

² *Seelbach U.* Chronologische Übersicht. In: *Seelbach U.* Leben als Strukturgeber des Werks? Noch einmal zu einem chronologischen „Leitfaden“ der *Sinn-Getichte* Logaus // *Althaus, Thomas* und *Seelbach, Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 303–304.

³ *Kurz J.* Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 10.

литературная эпиграмма в том виде, в каком она сложилась к его времени, и в той форме, какую поэт придал ей в своем творчестве:

Geitzhals. (I,2,44)
Den Geitzhals vnd ein fettes Schwein
Schaut man im Tod erst nützlich seyn.¹

Помимо собственно эпиграмм, книга Логау включает почти все существовавшие в то время в немецкой поэзии малые стихотворные жанры, как литературные, так и фольклорные. Наиболее типичными для творчества поэта являются сентенции, притчевые эпиграммы, эпиталамы, эпитафии, эмблемы «ohne pictura»,² приамели, шпрухи, рифмованные пословицы; кроме того, в небольшом количестве встречаются эхостиhi, сонеты, пасторали, фацетии, басни, шванки, загадки и др. Все это многообразие жанров также получает у Логау эпиграмматическую форму. Помимо этого, в его книге имеется ряд образцов классических жанров: од, элегий, посланий, анакреонтических песней, сатир и эклог.

Значительную роль в творчестве Логау играет традиция *casual-carmina* – «характерная силезская традиция поэзии „на случай“, которая вообще занимала большое место в немецкой литературе XVII в.».³ Стихотворения «на случай», бывшие в ту эпоху родом конъюнктурного творчества, вызвали резкое осуждение Опица, высказанное им в главе III его трактата.⁴ Однако ярко выраженный дидактический характер этих стихотворений Логау позволяет говорить о них как о произведениях серьезного жанра. Денкер подчеркивает многочисленность образцов этой поэзии в первом сборнике эпиграмм Логау 1638 г.;⁵ в особенности это касается *эпиталам* („votum nubtiale“):

Hochzeit-Wuntsch. (I,1,16)
Lebt/ liebes Paar/ mit GOtt/ lebt liebes Paar mit Segen/
Lebt/ liebes Paar/ im Glück daß Neid euch könn erregen/
Jch sage noch einmal/ lebt hin in süsser Ruh
Biß Kindes/ Kindes/ Kind drück euer Augen zu!⁶

¹ «Скупец. Полезны боров и скупец, / Лишь если им пришел конец». Распространенный сюжет, эпиграммы на который написали в XVII в., помимо Логау, также поэты Мартин фон Кемпе (1642–1683) и Ханс Рудольф Гримм (1665–1749).

² «Без картинки» (нем., лат.).

³ Самарин Р.М. И.Х. Гюнтер // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 445.

⁴ «...доброму имени поэта немало вреда приносят те, кто безо всякой умеренности требуют стихов обо всем, что они делают и замышляют. Ни одна книга, ни одна свадьба, ни одно погребение не обходятся без нас; и наши стихотворения умирают вместе с ними, как будто бы нельзя умереть в одиночестве. Наши стихи хотят видеть на всех чанах и мисках, мы запечатлены на стенах и камнях, и когда кто-нибудь приобретает себе дом, мы опять-таки должны описать это в наших стихах. Одному нужна песня для чужой жены, другой мечтает о соседской служанке, третьему по-приятельски улыбнулась предполагаемая любовница или, скорее, посмеялась над ним, как это принято у подобных людей, – и нет конца дурацким просьбам. Таким образом, мы должны либо навлечь на себя вражду этих людей отказом, либо, пойдя им навстречу, заметно уронить достоинство поэзии». Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 448.

⁵ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 4.

⁶ «Свадебное пожелание. Друзья, живите с Богом и благодатью вместе; / Друзья, живите в счастье, на зависть всем без лести; / Я повторяю снова: покой ваш сладок будь, – / И дай вам Бог с любовью на правнуков взглянуть!»

К стихотворениям «на случай» относятся и все виды альбомной поэзии: посвящения, комплиментарные эпиграммы и т.д. Логау включил в свою книгу большое количество образцов этого рода, от длинных посланий до коротких эпиграмм, наподобие приводимого ниже двустишия „Stamm-Buch“ (III,8,89), название которого дает исчерпывающее представление о его характере и содержании:

Freund/ ich soll dir auff Begehren etwas in dein Stamm-Buch schreiben/
Stets solst du in meinem Sinne/ mich laß stets in deinem bleiben.¹

Еще одна разновидность *casual-carmina* – так называемые *крёстные* или *крестинные письма* („Patenzettel“), – памятные записки восприемника своему крестнику (крестнице). Как поясняет в своем «Женском лексиконе» (1715) Амарантес (Готлиб Зигмунт Корвинус, 1677–1747), «„Крестинными записками“ назывались гравированные на меди или отпечатанные листки, адресованные крестнику или крестнице и украшенные различными стихотворными пожеланиями счастья, к которым восприемники прилагают подарок или крестинные деньги с подписанием своего имени».² Пример «крестинного» стихотворения Логау – „Patenzettel“ (I,7,89):

ES ist sehr gut
Durch Christus Blut
Das Ewig-seyn im Himmel erben;
Dann/ was die Welt
Zum höchsten hält
Jst täglich Tod vnd endlich sterben.³

К древнейшей традиции поэзии «на случай» принадлежит жанр *эпитафии*, представляющий собой одну из первичных форм *надписи* (inscriptio). К эпитафиям в собственном смысле слова принадлежит эпиграмма, написанная по поводу кончины принца Христиана Альберта, сына герцога Людвиг IV (†20.01.1652 г.) – „Auff eines verstorbenen Printzen Sarck, zur Rechten“ (III,5,81). Эта эпитафия (одна из двух, написанных поэтом по этому случаю) выбита на саркофаге принца, в настоящее время хранящемся в Музее Силезских Пястов в Бжеге (Польша):

Allhier/ war ich ein Fürst; dort/ hab ich eine Kron;
Bin dort/ ein Himmels-Kind; war hier ein Erden-Sohn.⁴

В книге Логау имеется целый ряд *псевдоэпитафий*, в которых в той или иной степени отражено антологическое разнообразие этого жанра. В соответствии с классической традицией, чисто сатирических псевдоэпитафий (*epitaphia ludicra*) у Логау

¹ «В альбом. Друг, в альбом твой напишу я из симпатии сердечной: / Навсегда в моем ты сердце, – быть в твоём позволь мне вечно!»

² *Amaranthes*. Nutzbares, galantes und curiöses Frauenzimmer-Lexicon. Bd. 2. Leipzig 1773. Sp. 2469.

³ «Крестное напутствие. Блажен, кто вновь, / Чрез Божью кровь, / Рожден для жизни бесконечной; / А то, что мир / Возвел в кумир, – / Лишь путь вседневный к смерти вечной!»

⁴ «На гроб умершего принца, справа. Был князь я на земле; я там увенчан днесь; / Я там – дитя небес; сын праха был я здесь». См.: Iwanik A. Das Kind im Werk Logaus: Von „der Liebe Pfand“ zum „Huren-Kind“ // *Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 347.

немного; более характерными для творчества поэта являются псевдоэпитафии сатирико-наставительного характера:

Grabschrift eines Fischers. (ZD,118)
 Hier fischt ein Fischer jetzt im Sande/ der vor im Wasser hat gefischt/
 Der Tod hat ihn/ wie er die Fische/ nunmehr in seinem Garn erwischt.¹

В упоминавшейся выше (1.5.1) классификации эпиграмм Скалигера рядом с эпитафией стоит *элогий* („genus laudis et vituperationis“ – «эпитафии и элогии»²) – античный стихотворный жанр краткого изречения комплиментарного характера, похвальной надписи на саркофаге и т.д.:

Grabschrift einer tugendhaften Frauen. (III,1,60)
 Schaut diesen schlechten Stein
 Ein Demant soll es seyn.
 Denn/ das was er beschwert
 Ist mehr als dieses wehrt:
 Hier liegt die Frömmigkeit
 Und harret auff jene Zeit.³

Важное место в поэзии Логау отведено жанру *гномы* (сентенции), в которой дидактическая тенденция реализуется в прямой форме. Данный род представлен в книге поэта немалым количеством образцов, содержащих декларативное наставление морально-этического характера:

Beginnen. (III,6,54)
 Fang alles an nur mit Bedacht: Führe alles mit Bestand:
 Was drüber dir begeben mag/ da nimm Geduld zur Hand.⁴

В небольшом количестве представлен в поэзии Логау также оригинальный барочный жанр *сравнительных изречений* – аналитических двустийных координирующе-дифференцирующего характера, в которых объекты анализа приводятся в виде аналогии и/или антитезы. Помимо Логау, подобные эпиграммы встречаются в XVII в. у Андреаса Грифиуса, Ханса Ассмана фон Абшатца (1646–1699), Георга Греффлингера (1620–1677) и других поэтов. Пример сравнительного изречения координирующего типа с аналогией представит эпиграмма „Saltz vnd Creutz“ (I,4,23):

Das Creutz vnd auch das Saltz/ sind beyde gleich vnd gut;
 Das faule Fleisch dämpfft dieß/ vnd jenes frechen Mut.⁵

¹ «*Эпитафия рыбака*. Кто некогда рыбачил в море, в песке рыбачить будет впредь: / Ведь так же, как ловил он рыбу, смерть и его поймала в сеть».

² Scaliger J.C. Julii Caesaris Scaligeri... Poetices libri septem. [Genève] 1594. P. 431–432.

³ «*Эпитафия добродетельной дамы*. На камень сей взгляни! / Алмазу он сродни; / Он должен быть таким / Для той, что спит под ним: / Скрыл Добродетель он / До будущих времен».

⁴ «*Начинания*. Обдумав, дело начинай; будь стоек в продолжение. / Преграды ль встретятся тебе, – на все имей терпенье».

⁵ «*Соль и крест*. Мы соль и крест житейский похвалим с полным правом: / Та сладит с тухлым мясом, а этот – с дерзким нравом».

Обратный случай – сравнительное изречение дифференцирующего типа с противопоставлением – находим в эпиграмме „Armut vnd Blindheit“ (I,4,93):

Ein blinder Mann ist arm/ vnd blind ein armer Mann
Weil jener keinen siht/ vnd keiner den siht an.¹

Более шестидесяти стихотворений Логау, в подавляющем большинстве – морально-этического и наставительного содержания, написано в традиции *притчевых шпрухов* (Gleichnissprüche), а точнее – *притч* в эпиграмматической форме. Поэтический жанр „Gleichnissprüche“ (букв.: «притчевые изречения») был заимствован немецкой эпиграмматикой эпохи барокко у авторов предшествующих столетий, – в частности, у Фрейданка, образцы притчевых шпрухов которого можно увидеть в издании Себастиана Бранта 1508 г.² По мнению Вайс, «для всех притчевых форм, в которых формулируется применение... характерно сообщение двух истин».³ Притчевые эпиграммы Логау во всех случаях отвечают традиционной двухчастной структуре притчи «изображение – применение», в которой первая, изобразительная часть (Bildsphäre), содержащая некий отвлеченный сюжет или картинку, выполняет эстетическую, а вторая, предметная (Sachsphäre), где предлагается философская, этическая или религиозная максима, ради которой и написано стихотворение, – гносеологическую функцию.⁴

Для притчевых эпиграмм Логау характерны эквивалентность частей и их симметричность относительно условного центра притчи – *tertium comparationis*,⁵ или *основания сравнения*, в котором обе части согласуются в своем значении.⁶ По замечанию Хемпеля, подобная эквивалентно-симметричная структура притчевых эпиграмм является специфическим признаком поэтической манеры Логау и не встречается у других немецких поэтов XVII в.⁷ Примером притчевой эпиграммы может служить двустишие „Glauben vnd Vernunfft“ (III,6,34), в котором *tertium comparationis*, обуславливающий смысловую связь между изобразительной (первый стих) и предметной (второй стих) частями, заключается в идее отдаления:

Jemehr der Athem weicht vom Munde/ je minder wird er warm verbleiben
Jemehr Vernunfft weicht von dem Worte/ je minder wird der Glaube gläuben.⁸

Притчевые эпиграммы выступают в творчестве Логау по большей части в форме двустиший, однако это не абсолютное правило: среди стихотворений этого рода встречаются и четверостишия, и октавы, и т.д. Одним из ярких примеров притчевой эпиграммы-четверостишия является стихотворение с анаграмматической игрой в заглавии „Erde/ durch Versetzung/ Rede“ (I,2,76):

¹ «Бедность и слепота. Слепой – всегда бедняк; бедняк – всегда слепой: / Не видит мира тот; незрим ему другой».

² Der Freidanck. o. O. u. J. Hg. von Sebastian Brant. Strassburg 1508. С4^r. См.: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 218.

³ Ibidem, S. 94.

⁴ См.: Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart 1989. S. 345–346.

⁵ Буквальный перевод термина: «третий член сравнения» (лат.).

⁶ Wilpert, op. cit., S. 928.

⁷ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 121.

⁸ «Разум и вера. Чем далее от уст дыханье, тем холодней оно тотчас; / Чем далее от речи разум, тем вера все слабей у нас».

OB eine Red vns schön vnd künstlich gleich bedeucht
 So ist sie doch ein Wind/ der hin zum Winde zeucht:
 Wer Erde liebt/ liebt das/ was endlich Angesichts/
 Wann Gott gebeut/ zersteubt/ vnd wird ein lehres nichts.¹

Притчевые эпиграммы существовали в немецкой эпиграмматики XVII века в трех разновидностях: *экзегетической*, *эмблематической* и *фольклорной*. Эпиграммы первой разновидности сочинялись на материале Священного Писания. Данный род представлен в немецкой поэзии большим количеством образцов, в которых «...первая часть излагает „факты“ из Библии, которые затем, в виде сравнения, интерпретируются применительно к человеческой жизни».² Одним из примеров притчевой эпиграммы экзегетического типа является двустишие „Krieg“ (II,1,58) с сюжетом из Исх. 32, 19–20:

Moises, kunte Staub vnd Aschen von dem klaren Golde machen:
 Krieg hat gar gemacht zu nichte/ Gold vnd Gut vnd alle Sachen.³

В *фольклорных* притчевых изречениях в изобразительной части использовались афоризмы из сборников устного народного творчества, в то время как в предметной формулировалась параллельная по смыслу сентенция. Примером притчевого изречения данного рода является эпиграмма „Gefährlichkeit“ (III,2,12), в которой использована поговорка из сборника Кр. Лемана „Florilegium politicum“ (1630) – „Glüende kohlen muss man mit der zang auss der ess nehmen, nicht mit der hand“ («Раскаленные угли из печи вынимают щипцами, а не руками»):⁴

Kohlen/ daß die Hand bleibt sicher/ fasset man mit Zangen:
 Mit bedencken/ was gefährlich/ hat man an zu fangen.⁵

Как правило, в экзегетических и фольклорных притчевых эпиграммах имеет место сочетание двух тезисов. Помимо этого, существовал также обширный класс *эмблематических* притчевых эпиграмм, в изобразительной части которых помещалась символическая картинка из области явлений природы или человеческой жизни. Для творчества Логау характерен тип эмблематической притчевой эпиграммы с симметричной структурой в форме «картинки» в изобразительной части и ее истолкования в предметной:

Neumonat. (II,10,37)
 Graß vnd Blume felht dahin/ durch der Sense scharffen Streich:
 Auch der Tod haut munter zu/ der vnd jener gilt ihm gleich.⁶

¹ «Слово и жизнь. Пусть слово нас пленяет своею красотой, – / Но прочь уносит ветер его, как звук пустой. / Кто любит жизнь, тот любит, в конце концов, лишь то, / Что Божий глас разрушит и обратит в ничто».

² Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 92–93.

³ «Война. В прах и пепел сжег тельца Моисей, исполняясь рвения; / Обратила в прах война вещи, золото, именья».

⁴ Цит. по: Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 71.

⁵ «Опасность. Мы берем щипцами угли, – руки бережем; / Приступать к вещам опасным следует с умом».

⁶ «Июль. Вслед за взмахами косы падают цветы с травой; / Так и смерть сметает всех; все равно ей – тот, другой».

Эмблема – «овеществленная метафора» – отражала «свойственное позднему Ренессансу и особенно маньеризму и барокко стремление прорваться за рамки эмпирического познания к глубокому символическому постижению мира».¹ Слияние эпиграммы с эмблемой в поэзии происходило путем модификации канонической трехчастной структуры эмблемы „*inscriptio – pictura – subscriptio*“ («заглавие – картинка – текст». – *лат.*) в двухчастную за счет замены изображения экфразой. Эмблемы, содержащие вместо пиктуры ее описательный эквивалент, именовались „*emblemata nuda*“ или „*emblemata ohne pictura*“ («эмблемы без картинки» – *лат.*) и были литературной разновидностью данного жанра. По мнению А.В. Михайлова, об эмблематическом характере эпиграммы можно говорить также в том случае, если «заглавие эпиграммы рассматривается как *inscriptio*, а сам текст – как *subscriptio*».²

Хотя Логау и не включил в свою книгу ни одного примера канонически правильной эмблемы, его поэзии свойствен эмблематизм в широком смысле этого слова, как одна из распространенных тенденций литературы того времени. Как считает Йозеф Курц, многие стихотворения Логау, в том числе и не принадлежащие к классу „*Gleichnissprüche*“, тяготеют к эмблеме, представляя собой своего рода *subscriptio*, подразумевающее наличие *pictura*, как эпиграмма „*Hoffnung vnd Geduld*“ (I,2,66):³

HOffnung ist ein fester Stab/
Vnd Geduld ein Reise-Kleid/
Da man mit durch Welt vnd Grab
Wandert in die Ewigkeit.⁴

В отдельных эпиграммах Логау «в название стихотворения выносятся сам эмблематический образ, что позволяет рассматривать текст стихотворения как развернутую вербальную эмблему».⁵ Подобный характер имеет, в частности, следующий образец, заглавие которого есть *inscriptio*, первое двустишие (экспозиция) – *pictura*, второе двустишие (религиозная сентенция) – *subscriptio*:⁶

Der Sonnen vnd deß Menschen Untergang. (I,2,96)
UNtergehn vnd nicht vergehn/
Jst der Sonnen Eigenschafft:
Durch deß Schöpffers Will vnd Krafft
Stirbt der Mensch zum aufferstehn.⁷

¹ Морозов А.А., Сафронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 25.

² Михайлов А.В. Время и безвременье в поэзии немецкого барокко // Рембрандт: Художественная культура Западной Европы XVII в. М., 1970. С. 207.

³ Kurz J. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 27–31, 58–59.

⁴ «Надежда и терпение. Дан надежды посох прочный, / Добрый плащ нам дан терпенья, – / Через жизнь и смерть бессрочно / В вечности искать спасенья».

⁵ Плаксина Ю.А. Жанр «созерцания» в немецкой лирике XVII века // Мировая культура XVII – XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 191.

⁶ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. von (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 216.

⁷ «Закат солнечный и человеческий. Угасанье, возрожденье – / Путь небесного светила; / Божьей волей нам и силой / Смерть дана для воскресенья».

В силу свойственного эпохе барокко «постепенного восхождения от орнаментов и деталей к эмблемам, от эмблем к аллегориям, от аллегорий к символу»,¹ заметное место в жанровой картине немецкой эпиграмматики XVII в. принадлежит эпиграммам, в основу сюжета которых положена та или иная аллегорическая картина или образ. По замечанию А.А. Морозова, обращение поэзии эпохи барокко к аллегории «свидетельствует о стремлении добраться до сущности вещей и найти этическое оправдание мира».² Эпиграммы этого класса в стилевом отношении родственны эмблематическим. В *аллегорической эпиграмме* „Die Welt“ (I,4,88) Логау развивает один из традиционных образов религиозной поэзии – образ «жизни как бурного моря»:³

DJe Welt ist wie das Meer; jhr Leben ist gar bitter;
Der Teuffel/ machet Sturm; die Sünden/ Ungewitter;
Drauff ist die Kirch/ ein Schiff; vnd Christus Steuer-Mann;
Sein Segel/ ist die Rew; das Creutze/ seine Fahn;
Der Wind/ ist Gottes Geist; der Ancker/ das Vertrauen/
Dadurch man hier kan stehn vnd dort im Port sich schauen.⁴

Характерным для творчества Логау является сближение различных литературных традиций. Один из примеров соединения разнокультурных и разновременных традиций представляет собой *басня* в эпиграмматической форме „Einfalt vnd List“ (III,4,83), в которой действуют персонажи, выступавшие в этой роли уже в античных баснях, а в Средние века и в эпоху Возрождения – в «животном эпосе» и народных шванках:

DA Lamm vnd Fuchs nach Hofe kam/
Geschah es/ daß man beyde nam;
Den Fuchs/ der nachmals oben saß/
Das Lamm/ davon ein jeder fraß.⁵

Логау также сближает традиции, когда дает эпиграмматическую интерпретацию популярному в эпоху барокко античному жанру *пасторали*. В принадлежащей к данной разновидности эпиграмме „Von vier Hirtinnen“ (III,1,18) использован мифологический мотив «суда Париса» (Apoll. Ep. III, 2):⁶

CHloris, Doris, Iris, Ciris liebten einen Hirten alle;
Jhm zu weisen mit dem Wercke/ daß er jeden wol gefalle/
Krönte Chloris jhn mit Blumen: Doris bracht jhm Honig-Schmidte:
Jris grüset jhn mit lächeln: Ciris fasst jhn in der Mitte
Küste seinen Mund-Rubin. Jhm/ behagte nur das küssen

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Барокко, классицизм, романтизм – литературные теории Италии XVII–XIX вв. // Романские литературы: Статьи и исследования. М., 1975. С. 348.

² Морозов А.А. «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 124.

³ Жирмунский В. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919. С. 188.

⁴ «Мир. Наш мир подобен морю, – жизнь, как вода, горька; / Поднимет дьявол бурю; грохочет шторм греха; / Корабль спасенья – Церковь, Христос – наш рулевой; / Наш парус – покаянье, крест – вымпел над кормой; / Наш ветер – Дух Господень, а якорь – вера в нас, / Что здесь хранит, – и в гавань введет нас в смертный час».

⁵ «Простота и хитрость. Овца с лисою ко двору / Явились как-то поутру; / Лисе там пост высокий дали, / Овцу на части разорвали».

⁶ См.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993. С. 81.

Nam von sich vnd gab der Ciris Krone/ Honig/ vnd das grüssen.¹

Стихотворные формы, уходящие корнями в античность или восходящие к наследию Средних веков, соседствуют на страницах книги Логау с рядом типично ренессансных поэтических жанров. Одной из посредствующих форм, представляющих собой синтез разновременных эпиграмматических традиций, является традиция *диалогических эпigramм*, восходящая как к античной эпиграмматике (Посидипп, Фалек, Марциал, Авсоний), так и к неолатинской поэзии (Э. Корд, М.-А. Мюре, Д. Оуэн):

Gespräche eines Pfarrers vnd Küsters. (III,7,39)
 EIn Küster sprach: Herr Pfarr/ sie bringen eine Leiche/
 Der Priester sprach: Wol gut! ists aber eine reiche?
 Der Küster sprach: O nein. Der Priester sprach: Deß Armen
 Deß hätte sich der Tod noch mögen wol erbarmen
 Der Küster sprach: O ja. Der Priester sprach: zu legen
 Dem Tode seinen Zoll/ ist jeder vnter wegen.²

Фацетия – жанр остроумного анекдота, созданный итальянским гуманистом Поджо Браччолини (1380–1459) и получивший распространение в эпоху Ренессанса (в стихотворной форме он культивировался и в немецкой литературе XVII – XVIII вв.), находит у Логау эпиграмматическое воплощение в кратких сюжетных стихотворениях, имеющих нарративный характер и, как правило, одно или несколько действующих лиц. В ряде случаев эти образцы лишены канонической двухчастности:³

Auff Simonem. (I,4,4)
 SImon wüntschet/ daß sein Weib
 Eine Moschkowitin wäre/
 Wann er jhr gleich bleut den Leib/
 Daß sie sich doch nicht beschwere:
 Aber/ weil sie deutsch gesinnet/
 Schaut sie/ wie sie sich erwehrt/
 Wie sie Oberhand gewinnet/
 Vnd die Stube mit jhm kehrt.⁴

¹ «О четырех пастушках. Хлора, Дора, Ира, Кира в пастушка влюбились вдруг, / И дары ему вручили вместе четверо подруг: / Хлора кудри увенчала, Дора соты принесла, / Ира нежно улыбнулась, Кира ж – за руку взяла / И его поцеловала... Выбрал Киру пастушок / И отдал ей все подарки – мед, улыбку и венки».

² «Разговоры священника и служителя. Служитель: „Герт священник, сегодня погребень“ / Священник: „Велико ли усопшего имень“ / Служитель: „Нет“ / Священник: „Так, стало быть, он бедный? / Ах, не пристало смерти быть столь немилосердной! “ / Служитель: „Да“ / Священник: „Что ж, в этом мире каждый / Положенное смерти заплатит ей однажды“».

³ Термин „facetienhaften Sprüchen“ применительно к эпиграммам встречается в диссертации В. Прайзенданца „Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz“ (Heidelberg 1950, S. 47–48), что может служить основанием для применения термина «фацетия» по отношению к сатирическим сюжетным эпиграммам.

⁴ «На Симона. Симон хочет, чтоб жена / Московиткою считалась, / На побои чтоб она / Никогда не обижалась. / Та же – немкой уродилась, / Не желает уступать, – / И супругом научилась / Пол в жилище подметать». Сюжет эпиграммы отсылает к рассказанному Сигизмундом фон Герберштейном (1486–1566) в его „Rerum Moscoviticarum Commentarii“ (1549) анекдоту о

Стихотворный жанр *эхостиха* („Wiederschall“, „Wiederhall“, „Wiederton“), пользовавшийся широкой популярностью у неолатинских поэтов,¹ был введен в немецкую поэзию Г.Р. Векерлином и в особенности Опицем,² давшим в своем первом поэтическом сборнике (1624) классические образцы этого жанра.³ Логау является автором четырех эхо-эпиграмм, из которых наиболее типичным примером данного рода является стихотворение „Der Welt Widerthon“ (II,2,22):

WAs ists worauff jhr Ziel gesetzt hat alle Welt?
 Befrag ein Echo drum; was sagt sie? Höre! Geld.
 Was ist dann wol das Geld/ das solche Liebe stiftt?
 Geh frag ein Echo drum/ was sagt sie? Höre! Gifft.
 Ach ja! wer diese Gifft nimmt vnbesunnen ein/
 Wird ehstes Seelen-arm vnd Sinnen-lose seyn.⁴

2.2.2. Фольклорные жанры в творчестве Логау. Введение в эпиграмматическую традицию фольклорных форм свойственно в рассматриваемый период главным образом творчеству Логау, в книге эпиграмм которого можно встретить примеры разнообразных жанров немецкой народной поэзии. Среди них в количественном отношении лидирует *приамель* (Priamel) – краткая стихотворная форма «перечисления с заключением» („Beispielreihung mit Schlußpointe“), в структурном отношении представляющая собой ряд параллельных конструкций, составленных по принципу нанизывания независимых образов и требующих разъяснения, которое дается в заключении, представляющем собой синтез. Наименование жанра происходит от нем. „Präambel“, восходящего к новолатинскому „p̄raeambulūm“ («то, что предшествует»). Приамель возник в XII в. в студенческих или ученых кругах средневековых немецких университетов. В числе первых авторов приамелей называют Старшего Шперфогеля (Гергера, 1180/90), Фрейданка, Марнера и Гуго фон Тримберга (ок. 1230–1313). В Позднем Средневековье приамель культивировался в творчестве мейстерзингеров Ганса Фольца (ок. 1435–1513) и особенно Ганса Розенплюта (Шнепперер, 1400–1470):

WEr gerne spilt vnd vngern gilt/
 Vnd juden lobt vnd pfaffen schilt/
 Vnd vngern pet vnd gern swert
 Vnd also sein zeit all verzert/
 Vnd vngern fast vnd gern leugt/
 Vnd kirchen/ meß vnd predigt fleucht/
 Vnd frü vnd spat ist gern vol:

немце, женатом на русской и забившем свою жену до смерти, чтобы доказать ей свою любовь. См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 112.

¹ См.: *Мартин Опиц.* Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 457.

² *Meid V.* Barocklyrik. Stuttgart 1986. S. 58.

³ См.: *Opitz M.* Teutsche poemata. Abdruck der Ausgabe von 1624. Halle/Saale 1967. S. 36–37, 139.

⁴ «*Мирское эхо.* Ты хочешь знать, чего так жаждет этот свет? / Так эхо расспроси; что слышно там? – „Монет“. / А что в монетах тех, что любит стар и млад? / Спроси-ка эхо вновь; что скажет? Слушай! – „Яд“. / О, да! кто этот яд бездумно примет, – тот / Душою станет нищ, рассудком – идиот».

Der taug zu keim kartheuser wol.¹

Логау был первым из немецких поэтов XVII в., использовавшим в своем творчестве эту забытую стихотворную форму.² Согласно подсчетам исследователей, в его собрании насчитывается около двухсот образцов данного жанра.³ Подавляющая часть приамелей Логау представляет собой так называемые «приамельные эпиграммы» („priamelartige Sinngedichte“),⁴ большинство из которых по своим формальным признакам соответствует канонической двухчастной схеме. Характерным примером поэзии данного рода является стихотворение „Ein Trunckener“ (I,10,11), в формальном отношении представляющее собой, если можно так выразиться, приамельную идею, доведенную до своего логического завершения. Сюжет стихотворения восходит к Книге Притчей Соломоновых (23, 29–30):

EJnen Greiner/ einen Schreyer/
 Einen Praler/ einen Dräuer/
 Einen Buhler/ einen Zäncker/
 Einen Balger/ einen Stäncker/
 Einen Herren/ einen Narren/
 Einen Richter/ einen Pfarren/
 Einen Doctor, einen Simpel/
 Einen Witzel/ einen Gumpel/
 Einen Tüntzer/ einen Singer/
 Einen Schläfer/ einen Springer/
 Einen Mörder/ einen Stehler/
 Einen Wäscher/ einen Höler/
 Einen Lügner/ einen Trieger/
 Einen Schmeichler/ einen Rüger/
 Einen Flucher/ einen Beter;
 Aller Laster einen Thäter
 Hat in dem man zu erkennen/
 Den man kan versoffen nennen.⁵

Приамели и приамельные эпиграммы являются в творчестве Логау примерами тенденции к соединению ученой поэзии и фольклора. Другим случаем подобного симбиоза является популярный народный жанр «загадки с отгадкой» (Rätsel). Логау является автором двух «загадок», из которых соответствует жанровому канону лишь одна – „Ein Rätsel vnd seine Lösung“ (II,8,91):

¹ «Кто день-деньской играть готов, / Бранить попов, хвалить жидов, / Кто рад бретером всюду слыть / И жизнь в безделье проводить; / Кто, пост забыв, с охотой лгут, / Церквей, попов и месс бегут, / С утра и до ночи пьяны, – / В картезианцы не годны». Цит. по: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 78.

² Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 9.

³ См.: Uhl W. Die deutsche Priamel, ihre Entstehung und Ausbildung. Leipzig 1897. S. 357–373.

⁴ Weidhase H. Priamel // Metzler Literatur Lexikon. Stuttgart 1984. S. 341.

⁵ «Пьяница. Нытиком и горлопаном, / Хулиганом и буяном, / Господином и шутом, / Прокурором и попом, / Скандалистом, донжуаном, / Забиякой, интриганом, / Простаком и мудрецом, / Острословом и глупцом, / То певцом, а то танцором, / То убийцею, то вором, / Скупщиком и болтуном, / Лежебокой, прыгуном, / Богомоллом, сквернословом, / На любое зло готовым, / Доносителем, льстецом, / Шарлатаном и лжецом, – / Всем такого почитают, / Кого пьяницей считают».

DJe Mutter frist das Kind;
 Daß dieser Stamm vergeh/
 Frist jhn die Erd vnd Wind:
 Es regnet in den Schnee.¹

Возрождая в эпиграмматической форме *шванк*, практически исчезнувший к началу XVII века, Логау вновь выступает как продолжатель национальной литературной традиции. Шванки Логау сближаются по своему характеру с его эпиграмматическими фацетиями, отличаясь от последних лишь более выраженным фольклорным характером и наличием обычного для этой формы дидактического наставления или морали:

Enderung der Kleider (1Z,76)
 DJe Mode gieng spatziren/ vnd kam zu einem Alten;
 Da war jhr gar zu wider/ bei jhm sich auff zu halten:
 Der Alte/ der diß merckte/ sprach: Liebe Freundin dencke/
 Man legt dich nach sechs Monden gleichwol schon vnter Bäncke.²

Эпиграмма „Gemeinschaft bringt Verachtung/ sonderlich Fürsten“ (II,3,64) представляет собой вариацию немецкого фольклорного жанра *цепного шпруха*, в котором смысловые элементы текста логически вытекают один из другого, «цепляясь» друг за друга и образуя подобие цепочки (отсюда название):

WO viel Gemeinschaft ist/ ist Ansehn nicht gemein;
 Wo Ansehn mehr nicht ist/ wil auch nicht Folge seyn;
 Wo Folge reisset auß/ kan Ordnung nicht bestehen;
 Wo Ordnung nicht besteht/ muß Wolfahrt vntergehen.³

Еще один пример диалога с фольклорной традицией в творчестве Логау – охотно используемый поэтом жанр *рифмованных пословиц* (*proverbia metrica*), или кратких двустихий дидактического характера. Рифмованные пословицы Логау представляют собой стихотворные максимы с ярко выраженным моралистическим заострением, выделяющиеся среди других эпиграмм своим подчеркнутым лаконизмом (как правило, их размеры не превышают 12–16 слогов). Количество их в книге не слишком значительно (162 образца) и возрастает от первой «Тысячи» к третьей (соответственно, 25, 51 и 86 номеров). По существу, эти стихотворения являются разновидностью *шпруха*:

Die Mittel zur Gesundheit. (III,5,89)
 Hunger haben: Müde seyn:
 Würtzt die Speise/ schläft wol ein.⁴

¹ «Загадка и отгадка. Съедает мать свое дитя; / Чтоб извести сей род, / Земля и ветр его едят: / То дождь на снег идет».

² «Перемены костюмов. Пройтись решила мода – и старца навестила, / Но у него уютиться ей не по нраву было. / Старик, заметив, молвил: постой, подружка-мода! / Побудь здесь, – там ведь бросят тебя через полгода».

³ «Где общение, там и презрение, особенно к князьям. Где частое общенье – падет авторитет; / Где нет авторитета – повиновенья нет; / Где нет повиновенья – порядка не бывает; / Где нет порядка – благо людское погибает».

⁴ «Путь к здоровью. Голод нам и тяжкий труд / Appetit и сон дадут».

И, наконец, стоит упомянуть еще об одном фольклорном жанре, хотя и получившем известность через посредство письменного источника, – о так называемой *библейской числовой притче*. Числовая притча, – гномический стихотворный жанр, принадлежащий к древнееврейской поэтической традиции, – представляет собой вид наставительного изречения, содержащего численное название объектов (см.: Притч. 6, 16–19; 30, 15–31; Иов 5, 19; Сир. 23, 20–21 и др). Некоторые числовые притчи представляют собой гибрид изречения, загадки и сравнения (напр.: Притч. 30, 15–31). Больше всего числовых притч содержится в Книге Притчей Соломоновых, например: «Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: „Довольно!“: преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говорит: „Довольно!“» (Притч. 30, 15–16). У Логау к данному жанру принадлежит около десяти эпиграмм; литературовед В. Уль относит эти образцы к приамелям,¹ что, однако, вызывает сомнение по причине их двустрочной структуры и минимальной длины перечислительного ряда, а также упоминания числа: все эти признаки вкуче указывают именно на числовую притчу:

Drey W (III,8,19)
Würffel/ Weiber/ Wein
Bringen Lust vnd Pein.²

2.2.3. «Неэпиграмматическая» поэзия Логау. Подавляющее большинство стихотворений в собрании эпиграмм Логау составляют двестишестистишие и четверостишие; в меньшем количестве в нем встречаются эпиграммы длиной от трех-, пяти- и шести стихов до октавы. Помимо этого, в книге имеется сорок семь стихотворений неэпиграмматического характера, весьма значительных по своей протяженности; сорок три из них имеют от двадцати до ста, а четыре – от ста до без малого двухсот стихов. На поле возле самого длинного из них, – „Amadis-Jungfern“ (II,3,59), – Логау поставил латинскую глоссу: „Epigramma est brevis Satyra; Satyra est longum Epigramma“ («Эпиграмма – короткая сатира; сатира – длинная эпиграмма». – *лат.*).³

Среди этих «длинных эпиграмм» на первый план выдвигаются *сатиры*, которых насчитывается более двух десятков. Здесь следует назвать сатиры на современные нравы, – помимо вышеупомянутой „Amadis-Jungfern“ (196 ст.), также „Schutz-Rede einer Jungfraw/ über die spielenden Augen“ (II,1,37) (76 ст.) и „Schutz-Rede einer Jungfraw/ über die gänge Zunge“ (II,1,38) (92 ст.); антивоенные сатиры „Die auffgeweckte Chimæra“ (I,3,80) (76 ст.) и „Waffen-Anstand“ (I,1,4) (32 ст.), – а также сатиру „Beschreibung der Fuchsschwänzerey“ (2Z,102) (163 ст.), представляющую собой стихотворное переложение (с французского перевода 1619 г.) главы «Льстец» („The Flatterer“) из трактата «Свойства пороков и добродетелей» („Characters of Virtues and Vices“, 1615) английского писателя и философа Джозефа Холла (1574–1656).⁴

В свою очередь, классический жанр *элегии* играет в поэзии Логау хотя и эпизодическую, но заметную роль благодаря присущему этим стихотворениям ярко выраженному лирическому характеру. Густав Эйтнер отмечает значение элегии у Логау и считает последнего, в этой связи, стихотворцем, чье «дарование лежит скорее в области лирической поэзии, нежели в области рассудочных изречений, эпиграмм и

¹ См.: Uhl W. Die deutsche Priamel, ihre Entstehung und Ausbildung. Leipzig 1897. S. 357–373.

² «Три зла. Кости, вина, блуд / Страсть и скорбь несут».

³ См. выше (1.1.3.).

⁴ Hall, Joseph. Characters of Virtues and Vices in two books by Jos. Hall (1608) // Hall, Joseph. The works of Joseph Hall. Vol. VI. Oxford 1837. P. 87–122.

сатир».¹ Собственно, речь идет о *сельских элегиях* (эклогах) – „An mein väterlich Gut/ so ich drey Jahr nicht gesehn“ (I,3,4) (48 ст.), „Poeterey“ (I,5,3) (56 ст.), „An die Fichte auff meinem Gute“ (I,8,99) (120 ст.) и „Das Dorff“ (ZD,56) (16 ст.). По мнению А. Эльшенбройха, этими «четырьмя описательно-рефлексивными александрийскими элегиями Логау закрыл европейскую традицию сельской идиллической поэзии с ее горацианским „Beatus ille, qui procul negotiis...“.² В этих стихотворениях находит свое выражение традиционный для элегической поэзии и автобиографический для автора социально-критический мотив ухода от городской цивилизации на лоно природы:

MEin Gut besucht ich nechst; das Feld war voller Segen:
 Sonst war mirs nicht so gut/ wie in der Stadt/ gelegen <...>
 Noch dennoch war mir wol vnd alles viel geliebet/
 Weil Ruh mir wolgefiel. Das zancken der Parteyen/
 Der Uberlauff deß Volcks/ deß Hofes Schwelgereyen/
 Verleumdung/ Neid/ vnd Haß/ Trug/ Heucheley vnd Höhnen/
 Die außgeschmückten Wort vnd fälschliches beschönen/
 Das hatte hier nicht stat; ich kunte seyn mein eigen/
 Und alle meine Müh zu meinem besten neigen.
 O Feld/ O werthes Feld/ ich muß es nur bekennen/
 Die Höfe/ sind die Höll; vnd Himmel du zu nennen.³

Наряду с эклогами, Логау обращается к традиционным жанрам *посланий* (эпистол), *комплиментарных* и *надгробных од* (эпикедиев), принадлежащих к традиции *casual-carmina*. В его собрании эпиграмм содержится более десяти посланий, самое протяженное из которых – „An einen guten Freund über dem Abschiede von seiner Liebsten“ (II,2,70) (84 ст.) – адресовано неизвестному другу поэта, покойная жена которого была подругой и близкой родственницей первой жены Логау – Хелены фон Груттшрайбер (†1641). Среди *комплиментарных од* Логау наиболее длинная – „Glückwunsch an eine fürstliche Person über geschlossenem Friede“ (IZ,201) (132 ст.) – адресована герцогу Людвигу; еще одна – „Über die deutschen Getichte Herren Wentzel Schärffers“ (III,6,13) (74 ст.) – написана его другу, бригадному поэту-опицианцу Венцелю Шерферу фон Шерфенштайну (ок. 1603–1674), в ответ на посвящение книги стихотворений (1652).

Немногочисленные *эпикедии* Логау отличаются проникновенным лиризмом: так, надгробная ода 1646 г. „Abschied von einem verstorbenen Ehegatten“ (I,8,69) (40 ст.) посвящена, как считает Эйтнер, памяти первой жены поэта;⁴ ода-эпитафия „Grabmal einer redlichen Frauen“ (I,10,2) написана в память Анны Хелены фон Бибран (†1642) –

¹ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämmtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 731.

² Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. von (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 219. „Beatus ille, qui procul negotiis...“ («Блажен тот, кто вдали от дел...» – лат.) – начало II эпода Горация.

³ «Деревня. Я навестил свое наследие благое; / Но сельское житье – не то, что городское <...> / Но был я рад: ведь там желанный свой покой / Обрел я наконец. Партийных склок позорных, / Народа толчеи, роскошества придворных, / Насмешек, злобы, лжи и лести с клеветой, / Слов приукрашенных и хитрости людской / Там не было вовек, – но был себе я верен, / И только мне служил мой труд, нелицемерен. / О, милые поля! оглядываясь вспять, / Я адом должен двор, а раем – вас назвать!»

⁴ Eitner, op. cit., S. 705 f.

жены друга Логау, герцогского советника в Лигнице Иоахима фон Нимица (†1669), также поэта и автора траурных од;¹ и т.д.

Необходимо упомянуть здесь и несколько *духовных од* поэта, – например, „Die H<eilige> Schrifft/ der beste Schatz“ (II,2,54) (48 ст.) и „Selig sind die Todten“ (I,8,61) (28 ст.), – а также известное количество анакреонтических песней, одной из которых – „Ursprung der Bienen“ (III,6,10) (52 ст.) – дал высокую оценку Лессинг в своих «Письмах о новейшей литературе» (1759).²

Собрание эпиграмм Логау является, таким образом, литературным феноменом, в котором не только с максимальной полнотой отображено формальное и жанровое разнообразие немецкой эпиграмматики XVII в., но который содержит также и практически полный реестр классицистских поэтических жанров. Представленный в настоящем разделе далеко не исчерпывающий обзор показывает, что книга Логау может быть с полным правом названа *энциклопедией поэтических форм*.

§ 2.3. Языковые и версификационные особенности эпиграмм Логау в свете теории Опица

2.3.1. Версификационные особенности поэзии Логау: метрика. В своем творчестве Логау выступает как последовательный сторонник реформы стихосложения, осуществленной Опицем в 1624 году.³ В эпиграмме „Der Beylaut in den Worten/ ist die beste Reim-Kunst“ (II,6,26) поэт формулирует основной фонологический принцип введенной Опицем силлаботонической системы:⁴

Deutscher Reim-Kunst meistes Werck/ steht im Beylaut oder Schalle
Ob der Sylben Außspruch kurtz/ lang/ vnd wo er hin verfalle.⁵

Метрика Логау во всех случаях является правильной силлаботоникой. Единственное исключение в книге – эпиграмма „Soldaten/ Mahler vnd Poeten“ (I,3,28), написанная подобием досиллаботонического книттельферза – неравносложного «говорного стиха с чисто-силлабическими сдвигами ударений»:⁶

Tjchtern vnd Mahlern/ war weiland leichte gegünnet
Ans Licht zu bringen was nur jhr Gehirne gekünnet:
Soldaten steht jetzt durch sich selbst frey

¹ Стихотворение „Grabmal einer redlichen Frauen“, опубликованное в собрании 1654 г. (I,10,2), представляет собой вторую часть (эпитафию) двухчастной надгробной оды „Freyherrliches Ehren-Gedächtniß Der Wolgeborenen Frauen/ Frauen Anna Helena Niemitzin gebornen Freyin von Bebranin...“ (246 ст.), вышедшей в 1642 г. отдельным изданием.

² Lessing G.E. 43. Brief // Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1. Berlin 1759. S. 395–397.

³ См. выше (1.1.3).

⁴ См.: Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 470.

⁵ «Ударение в словах – лучшее искусство стихосложения. Для немецкого стиха ударение и тон, / Краткий или долгий слог, – вот поэтики закон».

⁶ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 164. По современным понятиям цитируемый образец написан паузным трехдольником с аритмией.

Bald Teuffel/ bald Gott/ bald Mensch zu seyn.¹

И тем не менее, следуя по стопам Опица, Логау самостоятелен в собственной поэтической практике. Так, он игнорирует предписание, касающееся первенствующей роли в новой немецкой поэзии александрийского стиха, в котором Опиц, вслед за Ронсаром, видел стихотворный размер, заменяющий в поэзии Нового времени гекзаметр древних.² Число его эпиграмм, написанных этим размером, не превышает трети общего количества (1020 номеров) и имеет тенденцию к сокращению от «Первой Тысячи» к «Третьей» (422—303—295). В ряде случаев, из-за наращений при цезуре после ударной константы, александрийский стих превращается в подобие сдвоенного трехстопного ямба с чередованием мужских и женских клаузул на концах полустиший – традиционного стихотворного размера лютеранских церковных гимнов.³

Sorgen. (I,10,93)

Bey wem bleibt Kummer gerne/ zeucht auch am liebsten ein?

Bey denen die jhn warten vnd fleissig bey jhm seyn.⁴

Помимо 6-ст. ямба, в эпиграммах Логау используются 4-ст. и 8-ст. ямб, а также 6-ст. и 8-ст. хорей. Хореические размеры встречаются в его книге гораздо чаще, чем александрийский стих, и в особенности многочисленны эпиграммы, написанные четырехстопным хореем; он также используется в длинных стихотворениях. Встречаются близкие к народной поэзии чередующиеся 4-ст. / 3-ст. ямб и хорей, а также трех- и двухстопные. Отдельные образцы написаны пятистопными размерами – хореем и ямбом двух видов: бесцезурным по английскому типу и так называемым „vers commun“⁵ с цезурой после второй стопы. В подтверждение мнения Августа Бухнера (1591–1661) о том, что, кроме ямба и хоря, в немецком стихе возможны и трехсложные стопы, дактиль и анапест,⁶ Логау применяет оба этих размера, а кроме того, два вида амфибрахия: двух- и четырехстопный. Амфибрахий в XVII в. считали то ли особой разновидностью анапеста, то ли неким «ямбо-анапестическим стихом».⁷ Логау на практике доказывает самостоятельность и версификационную пригодность амфибрахия, используя этот размер как в эпиграммах, так и в длинных сатирах.⁸

Поскольку Опиц утверждает, что «ямбические и хореические стихи могут перемежаться»,⁹ нет ничего неожиданного в существовании образцов, в которых

¹ «Солдаты, живописцы и поэты. Прежде поэтам и живописцам, бывало, / Все позволялось творить, что в их ум ни запало; / По воле своей солдат в наш век – / То дьявол, то бог, то человек».

² Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 471.

³ Ср. напр. текст адвентского песнопения Валентина Тило-Младшего (1607–1662): „Mit Ernst, o Menschenkinder, / das Herz in euch bestellt, // Damit das Heil der Sünder, / der wunderstarke Held...“ («О братья, вознесите / С надеждою сердца: // Приходит к нам Спаситель, / Сын Вышнего Отца...»). См.: Evangelisches Kirchengesangbuch (EKG). Ausgabe für die evangelisch-lutherische Kirche in Bayern. München [о. J.]. S. 12. (Nr. 9).

⁴ «Скорби. Кого на этом свете несчастье предпочтет? / Кто ждет его прихода и с мужеством несет».

⁵ См.: Meid V. Barocklyrik. Stuttgart 1986. S. 55–56.

⁶ Buchner, Augustus. Anleitung Zur Deutschen Poeterey. Wittenberg 1665. S. 116–118.

⁷ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 184.

⁸ Напр., в сатире „Anzeigungen deß Sieges“ (I,8,46).

⁹ Опиц М., цит. соч., с. 477.

нарушаются законы классицистской эквиметричности. Один из подобных случаев перемежающихся метров (3-ст. и 4-ст. хорей) представляет собой эпиграмма „Die Verwüstung Troja“ (III,6,93) с асимметричной структурой из четырех диагонально отраженных полустий:

Eine Stut vnd Hengst/ | haben Troja umgekehrt:
Nemlich Helena, vnd der | Griechen höltznes Pferd.¹

Не менее интересным формальным экспериментом выглядят у Логау случаи соединения различных размеров в одном стихе. Так, в эпиграмме „Gunst vnd Abgunst“ (II,7,38) цезура разделяет 4-ст. ямба и 2-ст. хорей. Возникающий при этом стихотворный размер приводит на память античный асклеиадов стих:

Bey Hofe kan man zu der Gunst/ | langsam dringen:
Bey Hofe kan man von der Gunst/ | leichtlich springen.²

Примером полиметрии является и эпиграмма „Das höchste Gut“ (I,1,29) с чередованием трех стихотворных размеров – 4-ст. ямба, 4-ст. хорей и 2-ст. ямба:

Zum höchsten Gut in dieser Welt
Wehlt jeder/ was jhm selbst gefällt;
Gar im Schoß sitzt der dem Glücke
Dem gegeben sind vier Stücke:
Ein gütig GOTT/
Ein liebes Weib/
Ein frischer Leib/
Ein selig Tod.³

2.3.2. Рифмика поэзии Логау. В предисловии к своему собранию эпиграмм поэт говорит о правилах рифмовки: «Окончания стихов, даже на письме, следует рифмовать только согласно нашему произношению... как мне кажется, необходимо придерживаться в стихах своего природного выговора».⁴ Данное положение было для того времени новым и существенно важным установлением в области фонетического состава немецкой рифмы.⁵

Большинство рифм у Логау – грамматические; имеется также немало бедных рифм – на предлогах, частицах, модальных глаголах, различных видах местоимений. Подчас его рифмы, в соответствии с традицией барочной поэтики, представляют собой различные формы одного и того же слова:

¹ «На разрушение Трои. Лошадь с жеребцом | Троию ввергнули в огонь: / То Елена – и царей | деревянный конь».

² «Милость и немилость. К придворной милости наш путь | долго длится; / Придворной милости легко | вмиг лишиться».

³ «Наивысшее благо. В сем мире каждый изберет, / Что высшим благом он сочтет. / Тот за пазухой у счастья, / У кого земною частью – / Благой Господь, / Любви венец, / Без хворей плоть, / Честной конец».

⁴ Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 1.

⁵ Гугнин А.А. Фридрих фон Логау: Комментарии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 605 (Прим. 1).

Unschuld. (III,6,58)
 WEr nicht selbsten kan betriegen
 Wird gemein betrogen:
 Wer nicht andre kan belügen
 Wird gemein belogen.¹

Логау почти всегда употребляет точные рифмы, лишь в редких случаях рифмуя открытый слог с равнозвучным закрытым. Помимо этого, отход от точной рифмовки наблюдается у поэта в немногочисленных случаях ассонансных рифм, – например, „Reichthum / Nachruhm“ (2Z,58), „Topfe / Suppe“ (III,2,60), – а также в рифменных парах „i / ö“ и „u / o“: „Göttinnen / können / gewinnen“ (I,1,40), „Klufft“ / „offt“ (I,7,64), „Gunst / umsonst“² и т.д., указывающих на специфику фонетической огласовки того времени:

An einen lieblichen Poeten. (I,1,40)
 Daß die dreimal drei Göttinnen
 Dich so herrlich angenommen/
 Da du bist auff Pindus kommen/
 Jst geschehen/ daß sie können/
 Jetzund für Bellona wüten/
 Jhren Stand durch dich behüten/
 Vnd ein Haus in dir gewinnen.³

Как правило, Логау игнорирует аксиому Опица: «Последний слог в стихах с мужской рифмой и два последних слога в стихах с женской рифмой не должны совпадать вплоть до последней буквы».⁴ Рифмующиеся слова в его эпиграммах нередко совпадают вплоть до последнего знака и звука; в ряде случаев налицо тавтологическая рифма, как в эпиграмме „Die Poeten“ (III,7,88):

UBer seinen Schatten springen
 Kan dem Leichsten nicht gelingen:
 Tichtern aber kans gelingen
 Über jhren Tod zu springen.⁵

Логау нередко практикует разнообразные виды чисто барочной игры на рифмах, среди которых – зеркальное отражение рифм первого двусишия во втором (как в процитированном примере) или выстраивание рифменных цепочек, отличающихся друг от друга всего одной буквой:

¹ «Невинность. Кто не любит надувать, / Будет сам надут; / Кто другим не хочет лгать, – / Все такому лгут».

² Рифма „Gunst (gonst) – umsonst“ встречается в гимнах Лютера („Geistliche Lieder“, № 4, стр. 2): „Bey dyr gillt nichts den gnad vnd gonst... / Es ist doch vnser thun vmbsonst“. См.: Berger A.E. Lied-, Spruch- und Fabeldichtung im Dienste der Reformation. Leipzig 1938. S. 105.

³ «Любимому поэту. Чтобы трижды три богини / Тебя радостно встречали / На горах, где обитали, / Им укрыться нужно ныне / От неистовства Беллоны; / Пусть же те покинут склоны / И в тебе живут отныне!» (Выделено нами. – М.Н.).

⁴ Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 469.

⁵ «Поэты. Перепрыгнуть тень свою / И легчайшим не дается; / Лишь поэтам удается / Перепрыгнуть смерть свою».

Von meinen Reimen. (III,6,97)
 SInd meine Reime richtig?
 Sind meine Worte wichtig?
 Nur/ daß nicht beydes nichtig/
 Sonst sind sie gar nicht tüchtig!¹

В эпиграмме-панториме „Die Gelegenheit“ (III,6,53) полностью равнозвучны оба стиха, за исключением одной-единственной чередующейся буквы (r/n) в рифмующемся слове, – но переменной этой буквы обусловлен пуант данного образца (fons oppositorum):

Es mangelt nie Gelegenheit/ was gutes zu verrichten;
 Es mangelt nie Gelegenheit/ was gutes zu vernichten.²

В эпиграмме „Hofe-Wercke“ (III,1,51) имеет место достаточно редкий у Логау случай составной рифмы (выделено нами. – М.Н.):

WAs zu Hofe wol *geht an*
 Hat die Herrschafft selbst *gethan*:
 Was daselbst gefehlet hat
 Dieses hat versehn der Rath.³

Эпиграмма „Hoffart“ (III,8,100) представляет собой подобие логогрифа:

Pracht
 Macht
 Acht.⁴

2.3.3. Строфика поэзии Логау. Логау большей частью придерживается введенного Франсуа Малербом (1555–1628) и подтвержденного Опицем общеклассицистского правила о совпадении стиха и синтагмы;⁵ случаи переносов в текстах его эпиграмм немногочисленны. Преобладающим структурным элементом поэзии Логау является традиционное парно зарифмованное двустишие, которое выступает в его стихотворениях то как самостоятельная строфическая единица, то в виде цепей протяженностью от четырех до восьмидесяти и более стихов. Соответственно, в его книге наблюдается преобладание парных рифм, в то время как процент стихотворений с перекрестными и опоясывающими рифмами незначителен. В длинных цепочках двустиший Логау соблюдает принцип альтернанса мужских и женских рифм, хотя и не во всех случаях. В ряде длинных стихотворений поэт подчас применяет сложную строфику, – пятистрочную строфу аВВаа, шестистрочную ааВсВс; в стихотворении „Kenne dich selbst“ (2Z,98) использует оригинальную, по всей

¹ «*O моих стихах. Стихи мои – точны? / Слова мои – верны? / Но только бы – важны! / Иначе – не нужны*».

² «*O возможностях. Всегда возможность есть все то, что добро, приумножить; / Всегда возможность есть все то, что добро, уничтожить*».

³ «*Придворные дела. То, что благом двор считает, – / Это князь там учреждает; / Что ж немилу всем подряд, – / В том советник виноват*».

⁴ «*Спесь. Счет / Почет / Влечет*».

⁵ *Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 472.*

вероятности, им самим разработанную девятистрочную строфу aBВаССddС, в которой 6-й и 9-й стихи – укороченные:

FRey von eigner Lieb vnd Gunst/
Sich von aussen vnd von innen
Kennen/ ist das beste können
Und passirt für alle Kunst.
Andrer Leute Mängel richten/
Seine schlichten/
Tieff zu andren sehen ein/
Jhme selbst fremde seyn/
Taug mit nichten.¹

Структура небольших стихотворений нередко представляет собой моноримы в виде трех-, реже – четырех-, пяти- и шестистиший, а также «композицы» из двух трехстрочных моноримов, как эпитаграмма „Von dem nassen Jahre 1649“ (II,1,13):

WAs meint der Himmel doch mit so gehäufftem Regen?
Wil von deß Krieges Schmutz befleckte Welt er fegen?
Bedeut es wol hinfür/ viel Heil vnd reichen Segen?
Mich dünckt er traure so/ vnd giesse milde Zehren/
Um das/ was Sicherheit der Welt wil noch gewehren/
Die Friede brauchen wil/ den Himmel zu gefahren.²

Приамельная эпитаграмма „Deß Krieges Buchstaben“ (I,5,49) представляет собой своеобразный случай эпитаграммы-акростиха, в которой начальные буквы членов перечисления составляют слово «ВОЙНА» (в оригинале: „KRJEG“). В формальном отношении данный образец является моноримом, в котором равнозвучность рифм подчеркивает на версификационном уровне тематическую взаимосвязь тезисов перечисления в рамках единой картины:

K ummer/ der das Marck verzehret/
Raub/ der Hab vnd Gut verheret/
Jammer/ der den Sinn verkehret/
E lend/ das den Leib beschweret/
G rausamkeit/ die vnrecht fehret/
Sind die Frucht die Krieg gewehret.³

Целый ряд эпитаграмм Логау представляет собой по форме оригинальную четырехстрочную строфу со своеобразным стихотворным размером – 8-стопным хореем с перебоем стиховых пар: в первом дистихе – женские рифмы на цезуре и мужские –

¹ «Познай себя. Кто себя, без лестных чувств, / Подвергает испытанью, – / Это лучшее познание, / Что превыше всех искусств. / Кто чужой изьян осудит, / Свой – забудет, / Кто судья грехам чужим, / А к своим всегда терпим, – / Прав не будет».

² «На дождливый год 1649-й. Как должно понимать нам это наводнение? / От пакостей войны, быть может, омовение? / Иль то, во благо нам, небес благословение? / Мне кажется, они лишь проливают слезы: / Ведь в мире вновь цветут раздоры, а не розы, / И нужен мир ему, чтоб небу слать угрозы».

³ «Азбука войны. Вопль рассудок иссушает, / Ограбление средств лишает, / Исступление помрачает, / Нищета нас изнуряет, / А жестокость озлобляет: / Вот что нам война рождает».

в клаузуле, во втором они меняются местами. Происхождение этого стиха неизвестно; Л.В. Пумпянский, изучавший этот вопрос в связи с проблемой-tonизированного 13-сложника в поэзии В.К. Тредиаковского (1703–1768), считает, что он был заимствован Опицем у нидерландских поэтов.¹ Анализируя данный стихотворный размер в своем исследовании «Длинный стих Тредиаковского», Пумпянский замечает, что ему известны некоторые его образцы у немецких поэтов послеопицевского периода, но не уточняет, у кого именно. Одним из этих поэтов мог быть Логау, в книге которого можно указать немало случаев применения данного метра:

Fürsten. (II,9,50)
 HAnne/ die nicht Hüner locken/ krähen nicht vnd wachen nicht/
 Sind nichts nütze/ sind Капаunen/ leisten keine Hannes-Pflicht:
 Obre/ die für Leut vnd Land sorgen/ streiten/ wachen nimmer/
 Tügen übel auff den Thron/ tügen nur ins Taffel-Zimmer.²

Из твердых строфических форм в книге Логау имеются два сонета – „Das Haus-Leben“ (I,8,19) и „Jn Person eines Wittibers“ (II,6,84), система рифм в которых приближается к типу сонетной рифмовки *AbbA/AbbA/Cdd/See*. Этот специфически немецкий тип сонета сформировался, по-видимому, под влиянием английского сонета с его тремя свободными строфами и финальным синтезирующим дистихом; первые четыре стиха его секстета фактически представляют собой добавочный третий катрен с системой рифм, аналогичной двум первым: *AbbA/AbbA/CddC/ee*. Таким образом, сонет модифицируется в стихотворение из двенадцати строк с заключительным двустистишем.³ Образцы подобной сонетной рифмовки были даны Опицем в его первом поэтическом сборнике 1624 г.: это, в частности, перевод СXXXII сонета Петрарки – „Sonnet. Auß dem Italienischen Petrarchae“.⁴ Автор переложения, отойдя от строгой формальной схемы оригинала, преобразовал секстет итальянского типа *CDE/DCE* в схему, близкую к английской, и, кроме того, не воспроизвел в своем переводе канонической равнозвучности рифм в октаве: *AbbA/AccA/Dee/Dff*. Аналогичная тенденция наблюдается и в обоих сонетах Логау:

Jn Person eines Wittibers.
 BRingt lieben etwa Lust/ bringt Lust von Liebe sagen/
 Bringt beydes dennoch mir nichts als nur Bittrigkeit/
 Was andren Hertzens-Wonn/ ist mir nur Hertzens-Leid/
 Dann meine Lieb ist längst zu Grabe weg getragen;
 Wiewol/ wer recht geliebt/ pflegt nichts darnach zu fragen/
 Er liebet fort vnd fort/ vnd hat erst auß geliebt
 Wann jhm sein Ende selbst deß liebens Ende gibt;
 Die Liebe war nicht starck die sich verzehrt von Tagen.
 Jch liebe weil ich bin! die nicht mehr ist zu lieben
 Erfodert jhre Trew/ jhr Werth ist ewig werth
 Daß mehr als nur von jhr/ mein Mund kein Wort begehrt/

¹ Пумпянский Л.В. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. I. М.–Л., 1937. С. 183–185.

² «Князь. Раз петух не топчет куриц, нас не будит, не кричит, – / Он – каплун, он непригоден, петуха в нем – только вид. / Так и власть: коль за народ к схваткам, к жертвам не готова, – / Для престола не годна, а пригодна лишь в столовой».

³ См.: Erb T. Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 75–76.

⁴ Opitz M. Teutsche poemata. Abdruck der Ausgabe von 1624. Halle / Saale 1967. S. 48 (№ 20).

Mein Sinn sonst keine Lust; hieran wil ich mich üben!
 Geht dieses lieben gleich bey andren bitter ein/
 Soll mir um Liebe doch/ lieb auch das bittre seyn.¹

2.3.4. Язык поэзии Логау. В своих языковых установках Логау идет по стопам Опица, который ориентировался на всеобщий эталон того времени – язык лютеровской Библии. В 1628 г. Опиц писал своему другу Бальтазару Венатору (1594–1664): «Есть язык типа аттического у греков, его ты можешь вслед за мной назвать лютеровским. Если ты не будешь следовать ему, то неизбежно ошибешься».² Автор «Книги о немецком стихосложении», в частности, рекомендует поэтам следовать, «...чтобы слова были чистыми и отчетливыми».³ Насколько Логау следует этим указаниям, свидетельствует его поэзия, которой свойственны «отчетливая разумность, ироническая сжатость, трезвая объективность».⁴ Поэт вступает здесь в конфронтацию со своим веком: на фоне выпяченного многословия немецкой лирики середины XVII столетия безыскусный и лаконичный стиль Логау выделяется своей «грацией и привлекательностью, прозрачностью и ясностью».⁵

Лессинг первым отметил эту особенность поэзии Логау: в предисловии к своему изданию избранных эпиграмм поэта, вышедшему в 1759 г., он говорит о «прозрачной непринужденности», «силе, тонкости, остроумии, точности» его поэтического языка.⁶ В своем лингвистическом комментарии к изданию («Словарь») Лессинг заявляет: «Язык нашего поэта... есть язык Опица и лучших его сограждан и современников... Его слова всегда соотносятся с языком в целом: они убедительны и полновесны, когда он поучает; патетичны и полнозвучны, когда он бичует; мягки, деликатны и любезны, когда он говорит о любви; смешны и наивны, когда он шутит; ворчливы и забавны, когда он всего лишь хочет рассмешить».⁷

Опиц в своей поэтике (гл. VI), касаясь проблемы лексического состава немецкого стиха, рекомендует авторам «избегать чужеземных слов».⁸ Логау следует императиву своего учителя, однако без гипертрофии данной тенденции. И, хотя и в его эпиграммах

¹ «Об одном вдовце. Любовь ли тешит нас, иль разговор о ней, – / Приносят мне они лишь горькие терзанья. / В чем счастье для других, в том для меня – страданье; / Любовь моя – в гробу, тому уж много дней. / Кто подлинно любил, поймет меня верней; / Он любит без конца, и лишь тогда разлюбит, / Когда его любовь с ним вместе смерть погубит; / Лишь мнимая любовь с годами все бледней. / Люблю, покуда жив! Ведь те, кого уж нет, / Взывают к верности; они достойны вечно, / Чтоб лишь о них уста твердили бесконечно, / И сердце б жило в них, – и в том даю обет! / Пусть горькой ту любовь иные называют, – / Без горечи любви на свете не бывает».

² Цит. по: Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 238.

³ Опиц, Мартин. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 459.

⁴ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 375.

⁵ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 129.

⁶ Lessing G.E. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Zwölf Bücher mit Anmerkungen über die Sprache des Dichters hrsg. von C.W. Ramler und G.E. Lessing. Leipzig 1759. S. XII, XIV.

⁷ Lessing G.E. Wörterbuch // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. 3–4. Утверждение Лессинга о том, что «язык Логау есть язык Опица», требует уточнения. Опиц в своем трактате декларировал чистоту и ясность языка, – на деле же сам он в своем творчестве явился основоположником «искусственного и тяжеловесного» стиля, который был преодолен «лишь немецкой классической поэзией» (Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 244).

⁸ Опиц, цит. соч., 462.

можно найти известное количество «модных» иноязычных слов,¹ но частота их употребления не идет ни в какое сравнение с общераспространенной языковой практикой того времени.² Как иронически пишет французский историк литературы Артур Шюке (1853–1925): «Командант крепости должен *se maintenir*, *se defendiren* с *courage* и *valor*, не *desesperiren* из-за отсутствия *succurs*, или *se reteriren* без *confusion*, или же *negotiren*, *accordiren* со своим противником, который, может быть, согласится *tractiren* его с *courtoisie*. Главнокомандующий или *general capo*, прежде чем рисковать своей *armada*, прежде чем на что-нибудь *tentiren*, прежде чем *avanciren* или *attaquiren*, должен все *consideriren*, должен *ponderiren* положение, должен *consultiren* со своими офицерами, чтобы выяснить свои *avantage* и *desavantage*: если он достигнет *successus*, если ему удастся его *impresa*, он должен приложить усилия, чтобы *continuiren*, *prosequiren* свою *victoire*: он пробудит *gelosia* врага и помешает его *progresse*; он сумеет поддержать своих офицеров, если они *periclitiren*, и найдет способы их *securiren*, *assistiren* и достичь *conjunction* с ними. Валленштейн, когда *intrigue* двора еще не *degustirt* его, пишет Паппенгейму, что ему *remittirt* командование и *advisiret* его подчиняться его *ordonanzen*, и приглашает его *s'incaminiren*, *in continente* и без *dilation!*»³ В эпиграмме „Deß Krieges Zugpferde“ (I,5,6) Логау высмеивает эту манеру военных его времени:

*B' Astant, Succurß, Courage,
Quartier, Recruten, Gage:
Kan Mars nicht diese Sechs anspannen
So weicht er keinen Schritt von dannen.*⁴

Эпиграмма „Auff Volvinum“ (I,5,4) может служить примером иронического осмеяния Логау еще одной современной ему общераспространенной языковой тенденции – манеры использования в речи так называемых «ученых слов» и засорения немецкого языка латинскими терминами:

*Volvinus ist gelehrt/ vnd gibt materi her
Sein Weib/ die concipirt, so wächst ohngefahr
Ein richtiger Context, der wann er ist für voll
Kan sagen alsdann selbst wie man jhn nennen soll.*⁵

¹ *Advocat*, *alamode*, *Bastant*, *Banqrot*, *caressiren*, *Cavalliers*, *Complimenta*, *concupiren*, *Confect*, *Context*, *Contribution*, *Costus*, *Courage*, *Courtoisie*, *credenzen*, *Curassirer*, *Dame*, *Despect*, *Discours*, *Gage*, *Ethic*, *Laquey*, *Madam*, *Majestät*, *Monsieur*, *Person*, *Potentat*, *prosperiren*, *Prosperitas*, *Quartier*, *Recrut*, *Regiment*, *Respect*, *Succurß*, *Suspect*, *verobligiren* и др. Употребление слов „Person“ и „Majestät“ «узаконено» тем, что они встречаются в лютеровской Библии. См.: Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 196.

² В письме герцога Валленштейна фельдмаршалу фон Арниму от 7.08.1629 г. на 182 слова приходится 20 иноязычных, в подавляющем большинстве – французских. См.: Бах А., цит. соч., с. 227.

³ Шюке А. История немецкой литературы. М.–Пг., 1923. С. 75–76.

⁴ «Упряжные лошади войны. Пригодность, сикурс и кураж, / Казармы, рекруты, фураж, – / Марс недалёко в наши дни / Умчит без этой шестерни!» „*Bastant, Succurß, Courage, / Quartier, Recruten, Gage*“, – «Годность, помощь, храбрость, казарма, набор, жалованье» (фр., лат.). *Сикурс* (от лат. *succurs*) – помощь, подкрепление; *кураж* (от фр. *courage*) – храбрость, мужество.

⁵ «На Вольвина. Жене Вольвин ученый субстанцию дает; / Та конципирует, – и случаем растет / Контекст, да не по дням у них, а по часам, / И, как его трактуют, однажды скажет сам». Говорящее имя героя означает «распутник» (от лат. *volva* = *vulva*: «матка»).

Хотя лексика Логау и отмечена многочисленными вкраплениями силезского диалекта,¹ она настолько самобытна и выразительна, что столетием позже Лессинг призывал вновь ввести в употребление некоторые устаревшие к его времени слова из лексикона поэта.² По мнению критика, Логау также «...довольно удачно перевел различные неологизмы, заимствованные из других языков...».³ Отдельные выражения из эпиграмм Логау вошли в немецкий языковой обиход как фразеологизмы, например: „Kleider machen Leute“ («Одежда создает человека»), «По одежде встречают...»), восходящее к эпиграмме „Kleider“ (III,5,35), или „ein bewaffneter Friede“ («вооруженный мир»), происходящее от заглавия эпиграммы „Gewaffneter Friede“ (I,8,2):

Krieg hat den Harnisch weg gelegt/ der Friede zeucht jhn an;
Wir wissen was der Krieg verübt/ wer weiß was Friede kan?⁴

В эпоху засилья франкофилии и повсеместного поголовного «офранцузивания» немецкой жизни творчество Логау являет собой пример активного противодействия нарастающему процессу галлицизации устной и письменной речи. Логау иронизирует над этим пристрастием своих современников, в частности, в сатире „Schutz-Rede einer Jungfrau/ über die gängige Zunge“ (II,1,38, ст. 25–28):

...Und dann von *courtoisie* vnd süßem *caressiren*
Der Damen die es wehrt vnd sie *verobligiren*
Zu dienstlichem *faveur*, durch schönen Unterhalt
Und lieblichen *Discours* <...>⁵

Во вступлении к словарю языка поэта в издании 1759 г. Лессинг говорит: «Многоязычие, столь распространенное в его время, которое он справедливо производит от множества чужих народов, приведенных войной на немецкую землю, он не считал для себя обязательным, и то, что он мог выразить посредством немецкого слова, он никогда не выражал с помощью слов латинского и французского языка, хотя последний и считался у его современников почти незаменимым...».⁶ Сам Логау, с обычной для него иронией, высказывает свои мысли об этом в эпиграмме „Die Frantzösische vnd Deutsche Sprache“ (III,5,43):

WEr zu einer/ die nicht ehlich ist geboren/ sich verfreit/
Dieser macht/ daß jhn bey Zunfften/ kein in jhrem Mittel leidt:
Weil Frantzösisch/ wie man saget/ ist/ Latein/ dein Huren-Kind

¹ Arbten = arbeiten (I,6,37); Arbter = Arbeiter (ZD,51); Dorf voll (schles. durffel) (I,7,11); Ele = elle (II,9,42; III,4,53; 5,32; 8,92; 9,48); Emse (schles. òmße) = Ameise (I,8,61); Geträut = getraut (III,1,98); Gütte = das gute (I,1,34); Pusch = Busch, gebüsch (III,2,47); Riebe = Rippe (ZD,73; 113); ribbe (I,6,71); Rutte = Ruthe (III,10,25); Veilken (schles. velken) = Veilchen (I,3,2) и др.

² Например: „Besonnenheit, Wegelagerer, Unzahl, herzlich“. Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 234.

³ Lessing G.E. Wörterbuch // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. 4.

⁴ «Вооруженный мир. Война, устав, положит меч, а мир возьмет опять. / Войну мы знаем, – но чего от мира ожидать?»

⁵ «Оправдание девицы по поводу вольного язычка. ...О куртуазности любезной, что даруют / Нам дамы милые, – а тех облизывают / Явить фавор, дискурс пленительных бесед...» (Курсив наш. – М.Н.)

⁶ Lessing, loc. cit.

Wie dann/ daß um sie bey Deutschen so viel tolle Freyer sind?¹

В программной эпиграмме „Deutsche Sprache“ (I,3,57) Логау не только сетует на засоренность немецкого языка чужеземными словами, но и прямо указывает их источники. Поэт обнаруживает в этом стихотворении свою солидарность с идеалами «Плодоносящего общества» за десять лет до своего вступления в последнее:

DAs Deutsche Land ist arm; die Sprache kan es sagen/
Die jetzt so mager ist/ daß jhr man zu muß tragen
Auß Franckreich was sie darff vnd her vom Tiber-Strom
Wo vor Latein starb auch/ mit dir/ UnRömisch Rom/
Zum Theil schickts der Iber: Das andre wird genummen/
So gut es wird gezeugt/ vnd auff die Welt ist kummen/
Durch einen Gerne-Klug/ der wenn der Geist jhn rürt/
Jetzt dieses Prale-Wort/ jetzt jenes rauß gebiert.
Die Musen würckten zwar durch kluge Tichter-Sinnen
Das Deutschland solte Deutsch vnd artlich reden können/
Mars aber schafft es ab/ vnd hat es so geschickt
Daß Deutschland ist Blut-arm/ drum geht es so geflickt.²

Приведенная эпиграмма примечательна полемическим выпадом (ст. 6–8) против поэта Филиппа фон Цезена (1619–1689). Цезен, автор поэтики «Верхненемецкий Геликон» (1649), был ученым языковедом и также главой гамбургского «Немецкомыслящего товарищества» („Deutschgesinnte Genossenschaft“), основанного им самим в 1643 г. и ставившего своей задачей очищение немецкого языка от заимствованных слов. Страстный энтузиаст словотворчества, Цезен приобрел широкую известность как изобретатель многочисленных неологизмов, далеко не всегда удачных и нередко вызывавших смех у его современников, наградивших его прозвищем «Дон-Кихот немецкого языка».³ Логау высмеивает языковые инновации Цезена также в эпиграмме „Poetische Namen“ (II,8,47), свидетельствующей об умеренной и разумной позиции Логау в вопросах словотворчества. Хотя сам поэт не менее решительно настроен против модных иноязычных заимствований, однако в данном случае он показывает себя умеренным пуристом:

VENus soll man mehr nicht sprechen/ nur Lustinne soll man sagen:
Als wann Name zu der Sache künt ein ander Art beytragen;
Jst lateinisch Venus Hure/ wird Lustinne Deutsch nicht frömer:
Ob ein Schuster nicht verstehet was mit Venus meint ein Romer/
Wird er fast noch minder wissen/ was ein Deutscher mit Lustinne
Für Verstand vnd Deutung führt. Wann wir Christen in dem Sinne

¹ «Французский и немецкий язык. На рожденной незаконно если кто решит жениться, – / Здесь ни в цех вступить такому, ни успеха не добиться. / Речь французская, как слышно, есть твое, латынь, отродье, – / Что же женихов безумных столько у нее в народе?»

² «Немецкий язык. Германия в беде; речь немцев умирает, – / Ведь обнищала так, что крохи подбирает / У франков иль с лугов, где плещет Тибр волной, / Где умерла латынь, неримский Рим, с тобой! / И Эбро нам порой сгодится... Остальное / Она находит там, где, упоен собою, / Знаток один живет, что духом воспарит – / И слово там и тут хвастливое творит. / Стараниями муз, писателей трудами / Немецкий наш язык цвести бы мог меж нами, – / Но Марс, что рушит все, столь в хитрости силен, / Что край немецкий нищ, и весь в заплатах он».

³ Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 229.

Nicht der Heyden Wesen hausen/ wurden wenig jhre Worte
Aergern durch die blossen Namen/ die so kennlich aller Orte.¹

Одним из наиболее проникновенных выступлений Логау в защиту родной речи является эпиграмма „Frantzösische Sprache“ (II,6,94):

WEr nicht Frantzösisch kan
Jst kein gerühmter Mann;
Drum müssen wir verdammen
Von denen wir entstammen/
Bey denen Hertz vnd Mund
Alleine Deutsch gekunt.²

2.3.5. Форма и содержание в поэзии Логау. Несмотря на признание основополагающего значения теории Опица, Логау не относится к последней как к непререкаемой догме и нередко уклоняется от следования ее постулатам. В эпиграмме „Von meinen Reimen“ (II,8,70), выполняющей роль поэтического манифеста, он высказывает мысли, идущие вразрез с теоретическими предписаниями своего учителя, но принципиальные для его собственного творчества: о том, что первенствующую роль в стихотворении должно играть содержание, форме же следует отводить второстепенное место. Для того, чтобы поэтическое произведение было правдивым, говорит поэт, его не обязательно насильно загонять в строгие формальные рамки, предписанные авторитетами от литературы, и можно даже погрешить против законов силлаботоники:

DAß jimmerdar mein Reim/ das sag ich nicht/ recht lauffe/
Jch schliesse mich nicht gantz in Schrancken/ die der Hauffe/
Der Reimen-Künstler baut: Das lang für kurtz; für lang
Das kurtz/ das glaub ich wol/ zu Zeiten schlich vnd sprang:
Zu Zeiten satzt ich was im Kummer/ was in Eile/
Zu Zeiten hatt ich kurtz- zu Zeiten lange-weile...³

Все это, по мнению Логау, будет оправдано в том случае, если главенство в произведении будет отдано смыслу и духу:

Wann nur der Sinn recht fällt/ wo nur die Meinung recht/
So sey der Sinn der Herr/ so sey der Reim der Knecht.⁴

¹ «Поэтические имена. Говорить нельзя – «Венера», мы должны сказать: «Люстина», – / Словно имя суть меняет, словно в имени – причина. / Если та у римлян – шлюха, то и эта ведь не чище; / Пусть «Венеру» по-латыни не поймет сапожник нищий, – / Еще менее он знает, что такое по-германски / Нам «Люстина» означает... Жили б мы по-христиански, / Нрав языческий забыли б, – так едва ль их именами / Мы бы столько возмущались: ведь они повсюду с нами».

² «Французский язык. Кто по-французски нем, / Тот нелюбезен всем, – / И мы проклясть должны / Того, кем рождены, / Кто сердцем и душой / Язык лишь знал родной».

³ «О моих стихотворениях. Я вовсе не твержу, что стих мой – друг канона: / Ведь он не подчинен велениям закона / Искусных мастеров. За долгим – краткий слог, / За кратким – долгий я вполне б поставить мог, / Когда бы не писал то в спешке, то в печали, / Когда б досуги мне подольше выпадали...»

⁴ «...Лишь был бы верен дух, лишь мысль вела б рукой; / Пусть князем будет смысл, пусть будет стих слугой».

Заключительная мысль эпиграммы, по всей вероятности, восходит к программному тезису, провозглашенному в «Поэтическом искусстве» Буало, – о том, что смыслу следует отводить главенствующую роль в поэтическом произведении:

Aimez donc la raison: que toujours vos ecrits
Empruntent d'elle seule et leur lustre et leur prix.¹

Отмеченной выше особенностью творчества Логау является то, что любой формальный прием выполняет в тексте его эпиграмм функцию аналитического заострения авторской мысли. Образцом симфонии содержания и формы в его поэзии, а также символической выразительности, достигаемой при помощи средств версификации, может служить единичный у поэта пример фигурного стихотворения (*carmen figuratum*), – имеется в виду ропалическое стихотворение „Gottes Wort“ (I,8,25). Стихотворение имеет форму треугольника, направленного вершиной вправо: этот формальный эффект достигается путем постепенного удлинения, а затем укорачивания на одну стопу каждого из его пятидесяти двух стихов:

Das
Was
Gott heist/
Wers leist
Der besteht/
Wanns gleich geht
Arg überauß
Tumm/ krumm vnd krauß;
Er lacht nur dazu
Was jmmermehr thu
Der Teuffel mit blasen/
Die Welt mit viel rasen/
Der Tod mit Zähne-wetzen
Das Fleisch mit dem entsetzen:
Er läst jhm diß genugsam seyn
Jst seine Krafft gleich schwach vnd klein/
O dem er dient/ dem er vertrauet
Dem hat für keinem noch gegrauet;
Was ist jhm/ als zu wincken mehr zu thun?
So fällt dahin in einem schnellen nun
Das was da ist/ wie das das vormals ware.
Der steh auff Gott/ der stehn wil für Gefahr!
Er steht viel fester noch als feste Cedern stehn
Die Regen/ Thaw/ Reiff/ Schnee/ Frost/ Hitze/ Wind angehn/
Er steht viel fester noch als auff den Bergen Schlösser/
Als Felsen im Gehöltz/ als Klippen im Gewässer:
Wer aber seinen Sinn auff Eitelkeiten stellet/
Von Gotte sich entzeucht/ von seinem Worte fället
Der gibt sich auff das Eiß/ der nimmt jhm einen Grund
Der schlipffrig ist/ der hoch/ der schwanckend ist vnd rund.
Das was er hat/ bleibt vielmals nicht biß morgen

¹ *Boileau*. Art poétique. Paris 1881. P. 4. (I, 37–38). Перевод Э.Л. Линецкой: «Так пусть же будет смысл всего дороже вам, / Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!»

Wird leer von Hab/ vnd reich an Angst vnd Sorgen/
 Daß/ dem er dient/ das weiß jhm selbst nicht Rath/
 Sein eigne Witz hat keine Krafft noch That/
 Das was er darff/ wo soll ers suchen?
 Wann man jhn drängt/ was soll sein pochen?
 Wem klagt er Hohn? Wem klagt er Noth?
 Wer zehlt die Threnen? Rächt den Spot?
 Und deckt jhn mit dem Schaten?
 Wann er nun soll entrathen
 Deß Lebens im sterben/
 Was hat er zu erben?
 Das ewige Weh
 Da nimmer vergeh
 Der Wurm vnd Schmertz
 An Leib vnd Hertz/
 Da sein Gut
 Jn der Glut
 Wird bloß
 Hülf-loß
 Pein
 Seyn.¹

Структура этого религиозно-дидактического стихотворения является формальным отображением его духовного смысла. В первой его части (ст. 1–26) повествуется о человеке, всецело утвердившемся в вере и во всем уповающим на Бога. Последовательное удлинение стихов от одно- до тринадцатисложных есть символическое изображение духовного «расширения» жизни праведника, возрастания его жизненной силы, зиждящейся на всемогуществе Божьем. Напротив, во второй части (ст. 27–52) говорится о грешнике, уповающим лишь на суету земного мира и, в силу этого, отлучившем себя от Бога и Его благодати. Постепенное сокращение отведенных ему стихотворных строк от максимума – тринадцати слогов к минимуму – двум односложным словам в финале стихотворения символически отображает духовное «сужение» жизни этого человека, вплоть до предельной «скорби и тесноты» (Рим. 2, 9) в том месте, куда его закономерно приводят его дела и вся его жизнь. Таким образом, формальные особенности этого религиозного стихотворения служат прямым отражением его содержания. То, что данное стихотворение не представляет собой по

¹ «Слово Божье. То, / Что / Рек Бог, / Кто смог / Воплотить, – / Будет жить, / Пусть все кругом – / Мрак и содом. / Его не страшит / Все то, чем грозит / Бес, что множит чары, / Мир, в безумствах ярый, / И смерть, что точит зубы, / И ужас плоти грубой. / Ему довольно и Того, – / Хоть сил не много у него, – / Кому он верит, Кем гордится, / С Кем никого он не страшится: / Ведь если Тот лишь бровью поведет, / То во мгновенье ока упадет / Все то, что есть, как то, что было прежде. / Тот стоек, чья на Бога лишь надежда! / Он, как могучий кедр, незыблемо стоит; / Дождь, иней, снег, мороз, зной, ветер победит; / Стоит надежней он, чем замок на вершине, / Чем средь дубрав – утес, чем риф – в морской пучине. / Кто ж верит в суету, тот Господа отвергнет, / И Словом уст Своих Господь его низвергнет. / Он утверждён на льду; опора ног его / Колеблется, скользит, бежит из-под него. / Исчезнет завтра то, чем он владеет; / Заботы, страх – вот все, что он имеет; / Ведь тот, чей он слуга, бессилён сам / И не способен ни к каким делам. / Где соберёт себе он жито? / В гоненьях – кто его защита? / К кому в нужде прибегнет он? / В обиде – кем он отомщен? / Где сень та, чтоб укрыться? / А срок придёт лишиться / Души поневоле, – / Так что его доля? / Край горестный тот, / Где адский грызет / Червь без конца / Души, сердца, / Где на дне, – / Там, в огне, – / Всегда / Беда, / Круг / Мук».

форме абсолютно правильного треугольника, что сравнительно легко достижимо с точки зрения версификации и более отвечало бы специфике барочных *carmina figurata*, дополнительно свидетельствует о том, что для автора приоритетным является не внешняя форма, а именно содержание.

Ярким примером использования сложной системы рифм для выражения символической наполненности стихотворения являются два религиозных четверостишия, очевидно, не случайно следующие друг за другом на соответствующей странице книги эпиграмм, поскольку они объединены общей идеей человеческой жизни как аналога «страстей Господних». Данная идея зашифрована в них при посредстве оригинальной рифмовки. В первом из них – эпиграмме „Undanck gegen GOTT“ (II,8,52), представляющей собой интересный в жанровом отношении пример переосмысления фольклорной традиции «замкнутого стихотворения» (Konklusionsschema) в духе лютеранской катехетики, – рифмуются концы и начала всех четырех стихов, причем рифмы в стихотворении равнозвучные. Рифмующееся слово в конце первой строки переходит затем в начало второй, второй – в начало третьей, третьей – в начало четвертой, и в финале четвертой строки все рифмующиеся слова выстраиваются в ряд:

GOtt hat seinen Sohn gesand/ vns zu retten auß der Noth;
 Noth hat seinen Sohn erbarmt/ drum zu leiden bittren Tod;
 Tod wird schlecht von vns bedanckt/ mehrentheils mit Fluch vnd Spot;
 Spot darff leichte rechnen so ewig mit Spot/ Tod/ Noth/ Gott.¹

Как легко можно убедиться, цепочка рифм „Gott — Noth — Tod — Spot“ («Бог — нужда — смерть — гонения») представляющая собой нисходящую парадигму, является, по сути дела, самостоятельной сентенцией в виде ряда символов, лишь условно связанного со смыслом всего стихотворения, но несущего в себе свой собственный смысл: это Христос и три аспекта Его земного поприща: нужда – гонения – крестная смерть. Финальный ряд, выстроенный в заключительном стихе эпиграммы в порядке восходящей парадигмы, представляет собой наставление в том, каким путем христианин должен идти к Богу: повторяя путь Христа, то есть через гонения, нужду и крестную (в смысле несения жизненного креста или умирания для страстей) смерть: „Spot — Tod — Noth — Gott“. Те же символы видим в двух вертикальных колонках рифм слева и справа, то есть по началам и концам стихов. Левая (нисходящая парадигма) – „Gott — Noth — Tod — Spot“ – есть изображение того, что претерпел Бог для спасения людей, или того, во что Он «снисшел» с этой целью. Правая колонка символов (восходящая парадигма) – „Noth — Tod — Spot — Gott“ – указывает христианину на этапы его жизненного следования за Христом и напоминает о словах Спасителя, обращенных к Его последователям: «...и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38).

В другом религиозном стихотворении Логау – четверостишии „Das Werck der Erlösung“ (II,8,53) – рифмуются между собой не стихи, а начало и конец каждого из четырех стихов; для того же, чтобы катрен не распался на отдельные, не связанные между собой стихотворные фразы, его стихи объединены в два двустихия при посредстве внутренних рифм на цезуре (курсив наш. – М.Н.):

¹ «Неблагодарность к Богу. Бог послал на муки Сына, да иссякнет бедствий рог; / Рог невзгод Ему не выпал, – ждал Его смертельный рок; / Рок смертельный мы не славим, а клянем весь жизни срок; / Срок наш смысла исполняют навсегда срок, рок, рог, Бог».

Gott/ was bin ich gegen *dir*: Nichts als eitler Koth;
 Hohn vnd Tod wie daß dann *mir* lied zu Nutz/ dein Sohn?
 Bloß die Liebe hats *gemacht*/ die mir Erden-Kloß
 Heil von Sünden hat *gebracht*/ vnd am Himmel Theil.¹

Здесь последовательность рифм состоит из четырех пар: „Gott — Koth“; „Hohn — Sohn“; „Bloß — Erden-Kloß“ и „Heil — (an Himmel) Theil“, то есть: «(Ты) Бог — (я) грязь»; «гонения — Сын»; «только — ком праха»; «спасение — (небесный) удел». Символический смысл первой пары: «перед Богом должно смиряться»; второй: «нужно терпеть гонения, как терпел их Сын Божий»; третьей: «ты — не более чем ком праха»; четвертой: «твой удел — небесное блаженство». Возможно также прочтение по вертикали; здесь выстраиваются две колонки символов: „Gott — Hohn — Bloß — Heil“ (слева) и „Koth — Sohn — Kloß — Theil“ (справа). Символический смысл левой колонки: «слава Божья достигается только путем страданий (гонений)»; символический смысл правой: «Бог избрал своим уделом воплощение в человека (грязь, прах)». Таким образом, обе эти христианские эпиграммы Логау содержат символические ряды, составленные посредством приемов версификации, которыми поэт владеет в совершенстве.

Приведенные примеры показывают, что на том уровне поэтического мастерства и владения языковым материалом, который имеет место в собрании эпиграмм Логау, форма становится адекватнымместилищем содержания, и что при помощи версификационной техники возможно выражение сложных идей, выходящих далеко за рамки стихотворного текста.

§ 2.4. Тематические источники эпиграмм Логау

2.4.1. О практике литературных заимствований в эпоху барокко. Обращение поэта к стихотворным жанрам античности и Ренессанса свидетельствует о его широком знакомстве с многочисленными учеными, литературными и фольклорными источниками, известными в его время. Это подводит нас к проблеме *заимствований* как творческого метода Логау.

Эпоха, в которую жил и творил поэт, не знала понятия «плагиат», как не знала и авторского права. Семнадцатый век в немецкой литературе был «...эпохой подражания... веком заимствований, цитирований и переложений».² Литература того времени пестрит заимствованными идеями; одни и те же мысли, одни и те же сюжеты повторяются в целом ряде стихотворений и эпиграмм, принадлежащих различным авторам. Современники не видели в этом ничего из ряда вон выходящего. В эпиграмме 1650 года „Von meinen Reimen“ (II,8,72) Логау, говоря о своем первом сборнике из двухсот эпиграмм «Первая сотня немецких стихотворных изречений Соломона из Голау», вышедшем в 1638 г., иронически замечает, что многие его стихотворения послужили источниками заимствований для других немецких поэтов:

¹ «Труд спасения. Бог мой, — что я пред Тобой? Мерзости клубок. / Стал ли скорбный подвиг мой нужным для Христа? / В том Любви лишь милость днесь, что я, праха ком, / Всех грехов избавлен здесь — и на небесех».

² Waldberg M. von. Die deutsche Renaissance-Lyrik. Berlin 1888. Цит. по: Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 302.

SO ich meinem Reim erlaube/ hin zu springen in die Welt
 Thu ich solches/ weil sein Wesen auff die Prob ist vor gestellt/
 Dann zwey Hundert derer sind aussen schone bey viel Jahren
 Und ich seh in fremder Schrifft/ daß sie wol gastiret waren.¹

Практика литературных заимствований эпохи барокко восходит к ренессансной традиции, в которой литературные достоинства того или иного автора нередко оценивались в зависимости от того, насколько искусно он умеет обработать тот или иной странствующий сюжет и создать собственную интерпретацию общеизвестных *loci communes*. Полигисторство пользовалось всеобщим уважением, и высоко ценились произведения, насыщенные заемной мудростью и переполненные разнообразными учеными сведениями, почерпнутыми в энциклопедиях, и расхожими истинами, заимствованными из антологий крылатых слов. Закономерно поэтому, что и собрание эпиграмм Логау в значительной своей части также восходит к разнообразным источникам, из которых поэт почерпнул идеи, тезисы и сюжеты для своих шпрухов и эпиграмм. Исследователь творчества поэта П. Гесс насчитывает в его собрании 1600 текстов, восходящих к Марциалу, Оуэну, Эурициусу Корду и другим античным и неолатинским авторам, а также к всевозможным популярным в ту эпоху собраниям пословиц, афоризмов и мудрых изречений, так называемым флорилегиям.²

Неотъемлемым свойством дарования Логау является отличающая его интерпретации оригинальность: у кого бы ни заимствовал поэт, он всегда остается самим собой, в силу чего можно говорить о переосмыслении чужих традиций в его творчестве. По мнению Линдквиста, среди других немецких авторов Логау наиболее художественно самостоятелен в своих переработках. Для иллюстрации этой мысли приведем две эпиграммы – Оуэна и Логау – на один и тот же сюжет:³

(Оуэн) Regum status (II, 132)
 Dum non vult alter, timet alter dicere verum
 Regibus. O miserum regis in orbe statum!⁴

(Логау) Die Wahrheit (ZD,16)
 Bey Hofe sagt man nicht von Wahrheit allzu viel;
 Es wil nicht, der da darff; es darff nicht, der da wil.⁵

В эпиграммах, созданных на основе заимствованного материала, Логау нередко использует сопоставительный метод: изложив найденный материал в виде экспозиции, он дополняет его обобщающим выводом и/или интерпретирует его применительно к современной действительности. Поэт обосновывает практику своих заимствований в эпиграмме „Nach-Folge“ (II,7,97):

¹ «О моих стихотворениях. Я стихам своим спокойно позволяю выйти в свет, – / Ведь на опыте проверил, что для них препятствий нет: / Их две сотни я издал, – много лет с тех пор промчалось, – / И мое в чужих стихах мне не раз уже встречалось».

² Hess P. Epigramm. Stuttgart 1989. S. 88.

³ Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 301.

⁴ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 39. (II, 132). Перевод: «Королевский статус. Правду сказать королям тот – не хочет, а этот – страшится. / О, сколь несчастен, король, ты в государстве своем!» (лат.).

⁵ «Правда. Кто при дворе нам правду нелестную изложит? / Кто может, тот не хочет; кто хочет, тот не может».

OB die Mahler jhre Farben bey dem Krämer schonen nemen/
 Dörfften sie sich jhrer Bilder dannenher doch nimmer schämen:
 Wer von andren was gelernt/ diesem steht es ja wol frey
 Daß mit andrer Weis vnd Art er es andren bringe bey.¹

В следующей эпиграмме – „Von meinem Buche“ (II,7,98) – Логау еще раз оправдывает литературное заимствование как творческий метод:

JSt in meinem Buche was/ das mir gaben andre Leute/
 Jst das meiste doch wol mein/ vnd nicht alles fremde Beute/
 Jedem/ der das seine kennet/ geb ich willig seines hin/
 Weiß wol/ daß ich über manches dennoch Eigner bleib vnd bin;
 Zwar ich geb auch gerne zu/ daß das meine böses heisse/
 Gar genug! wann fremdes Gut recht zu brauchen ich mich fleisse.²

2.4.2. Заимствования из Библии. Одним из важнейших источников заимствований и реминисценций Логау является Библия. Следы внимательного чтения и изучения поэтом Священного Писания постоянно встречаются на страницах его книги. Поэт сам отметил глоссами около тридцати эпиграмм, сюжет которых восходит к таким книгам Ветхого Завета, как Бытие, Исход, Второзаконие, Книга Иисуса Навина, Первая Книга Царств, Третья Книга Царств, Паралипоменон, Книга Иова, Псалтирь, Притчи, Екклесиаст, Книга пророка Исаяи, Книга Иисуса сына Сирахова. К названным следует прибавить значительное число образцов, не снабженных авторскими пометами. Точно так же три ссылки Логау на книги Нового Завета не отражают всей полноты картины: только среди его религиозных эпиграмм можно указать не менее десяти примеров, восходящих к этому разделу Библии. Священные тексты используются поэтом в форме скрытых цитат, аппликаций и экспозиций в притчевых изречениях. Случаи явных и неявных отсылок к Священному Писанию в собрании эпиграмм Логау настолько многочисленны, что можно было бы без преувеличения утверждать, что вся книга поэта буквально пронизана библейскими цитатами и реминисценциями.

Характерным примером использования, с последующим интерпретированием, цитаты из Библии, – «Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедаю» (Втор. 4, 2), – является эпиграмма „Das Wort Gottes. Deut. 4. V. 2“ (1Z,132):

Abbruch wil an seinem Wort vnser GOtt mit nichten leiden/
 Zusatz sol bey seinem Wort auch sein Volck nicht minder meiden.
 Gottes Wort nicht dürffen lesen; dieser Abbruch ist nicht klein.
 Alles Thun was Menschen setzen; wil ein starcker Zusatz seyn.³

¹ «О подражании. Если краски живописец у торговца покупает, / То картин ему стыдиться оттого не подобает. / Кто учился у других, волен то, что смог он взять, – / Пусть в манере и своей, – всем, кто ищет, передать».

² «О моей книге. Есть ли в книжице моей то, что дали мне другие, – / Это мысли все ж мои, не совсем они чужие. / Кто трясется над своими, тем добро я рад отдать, / Зная все же, что иными буду вечно обладать. / Пусть мое не хорошо, – я охотно соглашаюсь: / Мне довольно, коль с чужим я разумно обращаюсь».

³ «О Законе Божьем. Бог не терпит убавленья слов Закона Своего; / Прибавлять к Его Закону не должны мы ничего. / Слова Божьего не чтить – не зовется ль убавленьем? / Жаждают все дела людей стать к Закону прибавленьем».

Аналогично этому, в антивоенной эпиграмме „Soldaten“ (1Z,146) цитата из Нового Завета, – «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21), – применена с целью выражения взглядов поэта на события Тридцатилетней войны и их катастрофические последствия:

Krieger waren freche Teuffel/ waren von derselben Zahl
Die man durch Gebet vnd fasten hat vertrieben nie kein mal.¹

В ряде случаев библейский материал используется в текстах в перифрастической форме. Например, второй стих эпиграммы „Ein Glaube vnd kein Glaube“ (III,4,33) представляет собой перифраз евангельского изречения, – «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 8), – примененный поэтом с целью показать степень апостасийности его отечества:

Deutschland soll von dreyen Glauben nunmehr nur behalten einen;
Christus meint/ wann er wird kummen/ dürfft er alsdann finden keinen.²

Сюжет религиозно-наставительной притчевой эпиграммы „Weg deß Lebens“ (I,8,10) указывает на Книгу Исхода: «Господь же шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью» (Исх. 13, 21):

BEy dem Tag in einer Wolcke/
Jn dem Feuer bey der Nacht/
Gieng Gott herfür Jacobs Volcke/
Biß er in jhr Land sie bracht:
Christus geht für seinem Volke/
Daß er sie durch heisse Pein/
Daß durch trübe Jammers-Wolcke
Er sie führ in Himmel ein.³

Библия дает поэту сюжеты не только для гномических и обличительных эпиграмм, но и для сатирических. Примером может служить вставка библейской цитаты «Тогда один из слуг его сказал: вот, я видел у Иессея Вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека *храброго и воинственного, и разумного в речах, и видного собою, и Господь с ним*» (1 Цар. 16, 18) в текст эпиграммы „Ein perfecter Cavallier. 1. Sam. 16. V. 18“ (II,2,64), где она выполняет роль антифразиса (иронический пуант):

Rüstig/ streitbar/ auch verständig/ schön/ mit dem der HERR auch ist;
Wann ein solcher Held sich findet/ ist er von Gott selbst erkiest.⁴

¹ «Солдаты. Не солдат, а злобных бесов здесь хозяйничала рать, – / Тех, которых ни молитвой, ни постом нам не изгнать».

² «Вера и безверие. Сделать выбор меж трех вер обречен мой край родной; / В этот мир придя, Христос не застанет ни одной».

³ «Путь жизни. Днем – в столпе под небосводом, / Ночью – пламенем света, / Пред Иакова народом, / Шел Господь, в Свой край ведя. / Так Христос идет пред нами / В туче бедствий и невзгод, / Огненных скорбей путями / В рай небесный нас ведет».

⁴ «Совершенный кавалер. Смел, воинствен, видом славен, мудр, и сила Божья с ним: / Коль герой такой нашелся – избран Богом он Самим». (Курсив наш. – М.Н.).

Сюжет из Первой Книги Царств дал Логау материал для сатирической антивоенной эпиграммы „Der Schrift-kündige Mars“ (I,2,72), в которой речь идет о военных поставках, опустошивших страну. Слова царя Саула в эпиграмме (ст. 3–4) соотносимы со следующим местом из этой книги: «И сошел Дух Божий на Саула, когда он услышал слова сии, и сильно воспламенился гнев его; и взял он пару волов, и рассек их на части, и послал во все пределы Израильские чрез тех послов, объявляя, что так будет поступлено с волами того, кто не пойдет вслед Саула и Самуила. И напал страх Господень на народ, и выступили все, как один человек» (1 Цар. 11, 6–7):¹

WEr spricht daß vnser Mars auff Gottes Buch nicht fraget?
Er hat genau gemerckt/ was König Saul dort saget:
Wer mir nicht nach zeucht auß/ deß Rinder soll man stücken/
Und also hin vnd her durch alle Gräntzen schicken:
Drum ist nun alles Vieh/ verschickt/ zerstückt/ vertrieben/
Daß vns von jhnen kaum der lehre Stall ist blieben.²

Из того же источника проистекает сюжет обценной эпиграммы „David durch Michal verborgen“ (I,2,71), восходящий к 1 Цар. 19, 12–16: «И спустила Мелхола Давида из окна, и он пошел, и убежал и спасся. Мелхола же взяла статую и положила на постель, а в изголовье ее положила козью кожу, и покрыла одеждою. И послал Саул слуг, чтобы взять Давида... И пришли слуги, и вот, на постели статуя, а в изголовье ее козья кожа»:

DJe Michal legt ein Bild ins Bett an Davids stat/
Und dann zu seinem Haupt ein Fell von einer Ziegen:
Wil mancher wie ein Bild im Bette stille liegen/
So gibt man jhm gemein ein Fell das Hörner hat.³

2.4.3. Заимствования из антологий. Значительный пласт тематических заимствований в эпиграммах Логау связан с немецким фольклором. Поэт использует в качестве источников популярные в XVII в. собрания изречений, загадок, пословиц и поговорок. Генрих Денкер указывает в своей диссертации следующие антологии:

Иоганн Агрикола (1499–1556): «750 немецких пословиц» („750 teutscher sprichwörter“, 1534);

Иоганн Бухлер (1570–1640): «Собрание изречений или достопамятных сентенций» („Гνωμολογία seu sententiarum memorabilium“. Coloniae 1606);

Ян Грутер (1560–1627): «Этико-политический цветник, а также золотые изречения П. Сира и Л. Сенеки» („Florilegium ethico-politicum, nec non P. Syri ac L. Senecae sententiae aureae“. Francofurti 1610);

Кристоф Леман (1568–1638): «Политический цветник» („Florilegium politicum. Politischer Blumengarten“, 1630);

Его же: «Приумноженный и обновленный политический цветник. Дополнение» („Florilegium politicum auctum. Das ist: Erneuerter Politischer Blumengarten“. Franckfurt 1640. Additio);

¹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 18.

² «Марс – знаток Писания. Кто говорит, что Марс Писанья не читает? / Нет, – знает он, как там Саул повелевает: / „Кто не идет за мной, – у тех скотину режь / И шли ее туда, сюда и за рубеж!“ / Вот отчего у нас скота не остается, / И только стойло нам пустое достается».

³ «Давид, скрытый Мелхолой. Мелхола положила Давиду в головах / Овчину, и укрыла там статую на ложе. / Коль недвижим в постели, как статуя, ты тоже, – / Овчина ожидает тебя о двух рогах».

Его же: «Третья часть политического цветника» („Florilegii politici tritter theil“. Franckfurt 1642);

Его же: «Четвертая часть политического цветника» („Florilegium politicum auctum. Das ist: Erneuerter Politischer Blumengarten zum drittenmal außgangen“. Franckfurt 1662);

Фридрих Петри (1549–1617): «Мудрость немцев» („Der Teutschen Weisheit“. Hamburg 1605);

Себастиан Франк (1499–1542/43): «Пословицы, изящные, мудрые и велелепные речения» („Spruchwörter, Schöne, Weise, Klugreden“. Frankfurt a. M., 1560);

Его же: «Общепотребительные пословицы немецкого народа» („Sprichwörter gemeiner tütscher nation“. Zürich 1545);

Иоганн Хайдфельд (1563–1629): «Теолого-философская Сфинкс» („Sphinx theologico-philosophica“, 1621);

Юлиус Вильгельм Цинкгреф (1591–1635): «Немецкие апофтегмы» („Teutsche Arophthegmata“. Т. I–III. Leyden 1644).

Андреас Чернинг (1611–1659): «Сто пословиц Али, калифа мусульман» („Centuria proverbiorum Alis imperatoris Muslimici“. Vratislaviae 1641);

Эухариус Эйеринг (1520–1597): «Собрание пословиц» („Proverbiorum copia“. Eisleben 1601, 1604).¹

К приведенному списку следует прибавить «Загадки» („Joannis Lauterbachii aenigmata“, 1601) Иоганна Лаутербаха (1531–1593). Близость эпиграмм Логау к данной традиции можно видеть при их сопоставлении с соответствующими образцами немецкого фольклора. Например, эпиграмма „Wolthat“ (I,3,100) восходит к пословице из антологии Лемана „Florilegium politicum. Politischer Blumengarten“ (1630, 909¹) „Unzeitige oder langsame wolthat ist ein ubelthat“ («Несвоевременно или неспешно сделанное добро есть зло». – нем.):²

Die Wolthat übel angewand
Wird Vbelthat gar wol genant.³

Антологии Лемана, Грутера, Бухлера, Хайдфельда и, в особенности, столь популярный в XVII в. источник, как «Немецкие апофтегмы» Цинкгрефа, содержат множество изречений, заимствованных из ученой и художественной литературы и почерпнутых у целого ряда авторов от античности до Нового времени. Порой Логау опосредованно – через ту или иную антологию – использует сюжеты и мысли, отсылающие к произведениям античных классиков. К примеру, мысль эпиграммы „Sich selbst besiegen“ (III,4,46) коррелирует с одной из сентенций Публилия Сира, которые Логау мог знать по изданию Грутера 1610 г.⁴ Согласно Денкеру, эта мысль была заимствована поэтом из антологий Хайдфельда (№ 697) и Лемана (1642, № 109³⁴), в свою очередь, отсылающих к «Законам» Платона (I):⁵

¹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 2.

² Ibidem, S. 19.

³ «Благодеяния. Добро, что дурно мы творим, / К делам относится дурным».

⁴ „Bis vincit qui se vincit in victoria“ («Славнейшая победа – над самим собой» – лат.). См.: Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 124–125 (№ 64). Перевод М.Л. Гаспарова.

⁵ Denker, op. cit., S. 77.

Sich selbselbsten überwinden/ ist der allerschwerste Krieg:
Sich selbselbsten überwinden/ ist der allerschönste Sieg.¹

В ряде случаев материал, почерпнутый в антологиях, служит поэту для создания образцов фольклорного же характера. В этом отношении примечательна эпиграмма „Wiedervergeltung“ (I,10,27), сюжет которой восходит к антологии загадок и афоризмов И. Хайдфельда «Теолого-философская Сфинкс». Выстраиваемая здесь цепь пословиц-парадоксов, почти дословно воспроизводящая латинский оригинал,² имеет христианско-моралистический характер:

Für gut/ nicht gutes geben; ist eine böse That:
Für böses/ böses geben; ist ein verkehrter Rath:
Für gutes/ böses geben; ist schändlicher Beginn:
Für gutes/ gutes geben; gebühret fromem Sinn:
Für böses/ gutes geben; ist recht vnd wol gethan/
Dann dran wird so erkennet ein rechter Christen-Mann.³

Сюжеты из антологий служат Логау также в качестве материала для критических и сатирических эпиграмм, в которых поэт обличает пороки своего века. Например, сюжет эпиграммы „Der Rhein ein Ehren-Richter“ (I,6,14) восходит к преданию об обычае древних кельтов бросать в Рейн новорожденных младенцев, происхождение которых считалось сомнительным. Если волны выбросят дитя на берег, то его законность доказана; если же оно утонет, то, следовательно, было незаконным. Поэтому Рейн назывался „ελεϋζιγαμοζ ποταμοζ“ – «поток, испытывающий честь»:⁴

WAnn der Rhein hielt jetzt Gerichte
Vber Eh- vnd Ehren-Früchte/
Lieber/ welche fette Fische
Würden kummen drauß zu Tische?⁵

Заимствуя тот или иной материал, поэт строит на нем фабулу, благодаря чему происходит трансформация поговорки, гномы, апофтегмы или хрии в эпиграмму.⁶ Денкер приводит, в качестве иллюстрации данного механизма, пословицу из антологии

¹ «Победа над собой. Нам себя преодолеть – той войны труднее нет; / Нам себя преодолеть – вот победа из побед!»

² „Non reddere bona pro bonis malum est, reddere mala pro malis, perversum est, reddere mala pro bonis, pessimum est, reddere bona pro bonis, bonum et aequum est, reddere autem bonum pro malis, omnium optimum et piissimum est“. Цит. по: *Denker H.* Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 37.

³ «Воздаяние. Добру не воздавать добром – деянья хуже нет; / За злое расплатиться злом – превратен тот совет; / На доброе ответить злом – гнуснее нет черты; / За доброе воздать добром – то дело доброты; / За злое воздавать добром – достойный, славный труд, / И настоящих христиан лишь в этом узнают».

⁴ *Eitner G.* (Hg.). Sinngedichte von Friedrich von Logau. Leipzig 1870. S. 34 (Anm.).

⁵ «Рейн – судия чести. Если б вновь дать Рейну суд – / Честное ль дитя несут, / То каких нам жирных рыб / Подавать на стол могли б!»

⁶ «„Гнома“ – безличная сентенция; „апофтегма“ – сентенция, вложенная в уста конкретного лица; „хрия“ – сентенция, вложенная в уста конкретного лица при конкретных обстоятельствах». *Гаспаров М.Л.* Примечания. Изречения царей и полководцев // *Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1990. С. 559.

Лемана „Florilegium politicum“ (1630, 205²) – „Freunds hilf reit auf der ochsen- oder krebspost“ («Дружеская помощь едет на волах или раковой почтой»),¹ которая под пером Логау стала сатирической эпиграммой с сюжетом и действующими лицами, т.е. приобрела вид характерной сценки. Критик приводит по этому случаю слова Лессинга: «Разница невелика, – но первое, при одном и том же обороте, не более чем холодное общее рассуждение, тогда как второе есть картина, исполненная души и жизни; первое – нравоучительное изречение, второе – подлинная эпиграмма»:²

Ein geschmünckter Freund. (II,9,37)
Ptochus ruffte seinen Freund in der Noth um Beyschub an;
Dieser schickt jhm Hülffe zu/ spannet aber Krebse dran.³

Характерный случай использования странствующего фольклорного сюжета представляет собой эпиграмма „Schläge“ (II,1,92). Согласно авторской глоссе („Heidf. in Sphin. Coroll.“), сюжет стихотворения восходит к антологии Хайдфельда. Денкер относит данный сюжет к числу общераспространенных в XVI – XVII вв., указывая на его наличие также в фольклорных собраниях Лаутербаха, Петри и Бухлера:⁴

EJne Glock vnd eine Nuß vnd ein Esel vnd ein Knecht
Thun nicht leichtlich ohne Schlag/ was sie sollen jemals recht;
Jene schweiget/ die verharrt: Jener steht/ vnd dieser liegt;
Wann das Eisen vnd das Holtz jhnen recht wird angefügt
Klinget jene/ diese bricht: Jener geht vnd dieser eilt;
Drum was jedem zugehört/ sey auch jedem zugetheilt.⁵

2.4.4. Заимствования из классических ученых источников. Антологии, упомянутые выше, являлись в своем большинстве творениями полигисторов, и сам Логау в эпиграммах, написанных на материале, почерпнутом из различных источников, выступает как полигистор. Не менее часто, чем цитаты из антологий, можно встретить у Логау заимствования из произведений античных историков и философов. Среди трудов древних авторов, опосредованно цитируемых поэтом, фигурируют «Диалоги» Платона, «Записки о галльской войне» и законодательные акты Цезаря, «История Рима от основания Города» Тита Ливия, «Естественная история» Плиния Старшего, речи Цицерона и его трактат «Об обязанностях», трактат его брата Квинта Туллия «О домогательстве консульства», «Образцы, отрывки и оттенки мастерства различных ораторов и раторов» Сенеки Старшего, «Пословицы» и «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки Младшего, трактат «О происхождении греха» („Hamartigeneia“) Аврелия Пруденция Клемента (348 – после 405), анонимный трактат V в. «Сочинители

¹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 8, 61.

² Ibidem, S. 8. Приведенный исследователем пассаж фигурирует в статье Лессинга „Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten“ как комментарий к эпиграмме Вернике „An den sparsamen Celidor“ (I, 49). См.: Gotthold Ephraim Lessings Sämmtliche Schriften. Bd. 1. Berlin 1771. S. 113.

³ «На фальшивого друга. Птох приятеля просил, чтоб помог в беде он тяжелой; / Помощь друг ему послал, – только раковой упряжкой».

⁴ Denker, op. cit., S. 43.

⁵ «Удары. Ни орех, ни колокол, ни лакея, ни осла / Не заставить без битья исполнять свои дела. / Тот твердеет, тот молчит, тот лежит, а тот стоит; / Если ж дерево иль сталь их ударом пробудит, / Треснет тот, тот зазвучит, встанет тот, а тот пойдет. / Что кому здесь надлежит, пусть получит в свой черед!»

жизнеописаний Августов» („Scriptores Historiae Augustae“), – а также труды Геродота, Диогена Лаэртца, Аполлодора и Аристотеля. Так, последнему принадлежит выражение «Природа не терпит пустоты» (лат.: „Non patitur vacuum in rebus natura“; „Natura abhorret vacuum“). Поэт на свой лад иронизирует по этому поводу:

Die Natur/ duldet nichts Leeres (I,3,22)
 DEr da saget: Daß kein leer
 Jrgend wo zu finden wär;
 Der hat nicht gesehn so weit
 Jn die Beutel vnsrer Zeit.¹

Эпиграмма „Die Element“ (III,8,20) отсылает к античному учению о так называемых «первоосновах» (греч. ἀρχή), или «стихиях» (греч. στοιχεῖα). Согласно древнегреческому философу Эмпедоклу (ок. 495 – 435 до н.э.), «первичных элементов» в природе четыре: огонь, вода, земля и воздух. Четырех элементов (стихий) придерживались и стоики. Логау иронически присоединяет к ним пятый – золото:

Wieviel sind Element? Man sagt von vier- auch zweyen;
 Nein/ fünffe; denn das Gold wil auch sich drunter reyen.²

Примером использования Логау сюжетов из сочинений античных ученых может служить эпиграмма „Ein Feigenbaum im Capitolio zu Rom“ (I,4,78), в которой Логау иронически интерпретирует сообщение из «Естественной истории» Плиния Старшего (23–79): «Помимо того, в Риме, во время войны с Персеем, на алтаре Юпитера на Капитолии выросла пальма, предвещавшая победу и триумф; и, после того как это дерево было повержено бурей, на том же месте в цензорство М. Мессалы и К. Кассия выросло фиговое дерево, и с того времени, согласно сообщению столь авторитетного автора, как Пизон, начался упадок нравов»:³

ZV der Zeit da in Jovis Schlosse
 Zu Rom ein Feigenbaum entsprosse/
 Fing Keuschheit an von dar zu weichen:
 Jch weiß nicht ob nicht dessen gleichen
 Bey vns geschieht? O wie ich träume
 Sind alle Bäum jetzt Feigenbäume.⁴

Сюжет другой эпиграммы, – „Ein Schauspiel“ (I,7,64), – восходит к «Истории Рима от основания города» (VII, 6) Тита Ливия (59 до н.э. – 17 н.э.), в которой описан легендарный эпизод из истории республиканского Рима. Как гласит предание, в 362 г.

¹ «Природа не терпит пустоты. Тем, кто уверяет свет: / „Пустоты в природе нет!“ – / Видно, просто невдомек / Глянуть веку в кошелек».

² «О стихиях. Стихий первичных много ль? Твердят, – четыре, две... / Нет, – пять: ведь нынче злато быть хочет во главе».

³ „Nec non et Romae in Capitolio in ara Iovis bello Persei enata palma victoriam triumphosque portendit; hac tempestatibus prostrata eodem loco ficus enata est M. Messalae C. Cassii censorum lustro, a quo tempore pudicitiam subversam Piso gravis auctor prodidit“. *Plinius*, „Historia naturalis“, XVII, 244.

⁴ «Смоковница на римском Капитолии. Лишь во Юпитеровом храме / Вдруг фи́га зацвела плодами, / Как добродетель сокрушилась... / Боюсь, не то же ли случилось / У нас? Ведь ясно и без книги, / Что нынче все деревья – фи́ги».

до н.э. посреди римского форума «образовался огромной глубины провал, вроде обширной пещеры; и эту пропасть нельзя было наполнить землей, которую приносил туда каждый, прежде чем по совету богов стали расследовать, в чем заключается главная сила римлян; ибо, по заявлению гадателей, этот предмет и надо посвятить тому месту, если римляне хотят, чтобы их государство было вечно. Тогда Марк Курций, юноша, отличившийся на войне, с упреком спросил недоумевающих граждан, ужели есть у римлян благо высшее, чем оружие и доблесть. Среди молчания, взирая на высящиеся над форумом храмы бессмертных богов и на Капитолий и простирая руки то к небу, то в зияющую пропасть к богам-манам, он обрек себя на жертву; сидя на коне, украшенном с возможной роскошью, он бросился в провал, а толпа мужчин и женщин забросала его приношениями и плодами; озеро, именуемое Курциевым, названо, согласно преданию, по его имени...».¹ Логау использует этот древний героический сюжет как предлог для осмеяния порока чревоугодия (говорящее имя героя эпиграммы образовано от лат. *gulo*: «обжора, гурман»):

VOn Marcus Curtius vnd seiner tieffen Klufft
 Kan Gulo schönes Spiel/ das spielt er viel vnd offft:
 Ein Ochs/ ist Curtius; die Klufft/ ist Gulo Bauch;
 Wann jener springt in die/ so stillt sich Flamm vnd Rauch.²

Эпиграмма „Soldaten-Zucht“ (I,7,11), сюжет которой почерпнут из биографии римского «солдатского» императора Песценния Нигера (193–94), изложенной в трактате неизвестного римского историка Элия Спартиана (IV в.),³ представляет собой сатиру на нравы Тридцатилетней войны:

PEscennius ein Römisch Käyser/
 Der Kriegs-Zucht ernster Vnterweiser/
 Bey dem/ als etwa neun Soldaten
 Dem Bauren einen Hahn verthaten/
 Da ließ er sie bey vielen Wochen
 Als Brot vnd Wasser nichts versuchen:
 Jetzt schadets nichts/ ob ein Soldate
 Neun Bauren gleich sied oder brate/
 Eh als er trucknes Brot solt essen
 Möcht er ein gantzes Dorff voll fressen.⁴

Сатирическая тенденция присуща и тем эпиграммам Логау, в основе которых – сюжеты из античной мифологии, применяемые в плане сопоставительного метода. Так,

¹ Ливий Т. История Рима от основания города. М., СПб., 2009. С. 332–333.

² «Фарс. Про Марка Курция и пропасть среди Рима / Гулон играет фарс весь век неутомимо: / В нем Курций – это бык, провал – Гулона чрево; / Лишь прыгнет вниз герой, – утихнет пламя гнева».

³ Aelii Spartiani Pescennius Niger (X, 5–6) // *Scriptores Historiae Augustae ab Hadriano ad Numerianum. Vol. I. Berolini MDCCCLXIII* [1864]. P. 145. (У Спартиана говорится о десяти солдатах, а не о девяти, как у Логау. – М.Н.).

⁴ «Воинская дисциплина. Песценний, римский император, / Солдатской честности куратор, / Девятерых своих солдат, / Что петуха украли всклад, / Закону строгому в угоду, / Упек в тюрьму на хлеб и воду. / А в наши дни солдат готов / Зажарить девять мужиков, / И, – прежде, чем сухарь отведать, – / Хоть всей деревней пообедать».

в эпиграмме „Die Pasiphae“ (III,6,64) на материале греческого мифа осмеивается один из распространенных обычаев современной поэту действительности:

Freundin deß Ochsens, Pasiphae, höre,
Wie man dir bösllich stahl weiland dein Ehre!
Üblich ists heute noch; artliche Kinder
Wehlen zu Männern wie Esel so Rinder.¹

Сюжеты отдельных эпиграмм Логау отсылают к цитируемым в антологиях ученым сочинениям средневековых писателей. К примеру, в эпиграмме „Die Welt ein Buch“ (III,8,11) характерно барочное уподобление мира «книге» восходит к средневековому пониманию мира как «раскрытой книги Бога»: «Все творения мира, – писал французский богослов и поэт Алэн Лилльский (ок. 1128–1202), – суть для нас как бы книга, картина и зеркало...».² Это понимание, в свою очередь, отсылает к словам христианского апологета и проповедника Климента Александрийского (150–215), цитируемым в антологии Хайдфельда (61): «Весь мир сотворенный есть рукопись Господня, в которой три листа: небо, земля и море. Столько же суть в книге сей букв, сколько есть созданий в небе и на земле...».³

DJe Welt/ die ist ein Buch; ein jeder/ eine Letter;
Die Länder/ sind der Bund; die Zeiten/ sind die Blätter;
Jn diesem findt man mehr bethört/ als kluge Sachen/
Jn diesem findt man mehr zum klagen/ als zum lachen/
Jn diesem findt man mehr zu meiden als zu üben/
Jn diesem findt man mehr/ zu hassen als zu lieben.⁴

Сюжет эпиграммы „Wissenschaft auß Bernharδο“ (II,1,43) восходит к сочинению Бернарда Клервоского (1090–1153) «Проповеди на Песнь Песней» („Sermones in Cantica Canticatorum XXXVI“, 1400), – однако Логау, по всей вероятности, почерпнул его опять-таки из антологии Хайдфельда, в которой исходный текст приведен полностью:⁵

Theils sucht man Wissenschaft/ nur bloß zu schlechtem wissen;
Und dieses dient dahin den Fürwitz nur zu büssen:
Theils sucht man Wissenschaft/ damit man sey geehrt;
Und dieses thun nur die/ die Eitelkeit bethört:
Theils sucht man Wissenschaft/ damit man was verdiene;
Und dieses schlägt nur auß zu schändlichem Gewiene:
Theils sucht man Wissenschaft/ dem Nechsten zum Genieß;
Und dieses ist ein Werk/ das wahre Lieb vns hieß:

¹ «Пасифая. Подружка быка, Пасифая, послушай, / Как бычьей тебя обесчестили тушей! / Но милые девы и ныне, бывает, / В мужья то ослов, то быков избирают».

² См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 73.

³ „Mundi creationem esse Dei scripturam, cujus tria sint folia coelum, terra et mare. Totidem etiam sunt in hoc libro litterae, quot creaturae sunt in coelo et terra...“ Цит. по: Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 83–84.

⁴ «Мир есть книга. Подобен книге мир, где буква – человек, / Где земли – переплет, а каждый лист – как век: / В ней более найдем соблазнов мы, чем правды; / В ней более причин для слез, чем для отрады; / В ней чаще избегать должны, чем видеть вновь; / В ней чаще ненависть мы встретим, чем любовь».

⁵ См.: Denker, op. cit., S. 40.

Theils sucht man Wissenschaft/ sich selbst zu versorgen;
Und diß dient/ daß man so/ nicht fremde Witz darff borgen.¹

Из других средневековых ученых трудов, используемых поэтом, следует назвать сочинение Марко Поло (1254–1324) «Книга о разнообразии мира» (кн. II, гл. CLII), в котором итальянский путешественник сообщает: «...величавый город Кинсай, а по-французски это значит „Небесный город“... Без спору, то самый лучший, самый величавый город в свете... город в округе около ста миль, и двенадцать тысяч каменных мостов в нем...». Согласно «Большому универсальному лексикону всех наук и искусств» Иоганна Генриха Цедлера (1706–1751), Кинсай – «старинный город в Китае, резиденция императора, о котором хронисты говорят по-разному... Одни утверждают, будто город имеет 25 миль в окружности и 12 тысяч каменных мостов... Иные рассказывают об этом городе всевозможные чудеса, а именно: что всадник не пересечет его за один день; что он имеет 30 миль в окружности, 10 миль в длину и 5 в ширину, и окружен стеной с 470 воротами, настолько толстой, что по ней могут ехать бок о бок 12 лошадей...».² Логау, как и в других случаях, использует этот источник для его иронической интерпретации в эпиграмме „Grosse Birnen“ (ZD,133):

ZU Quinsay hat es Birnen/ die wägen auff zehn Pfund;
Es wird davon geschrieben/ hats aber auch wol grund?
Die Stadt hat hundert Meilen; daß eine solche Stadt/
Jst billich/ nach der grösse/ so grosse Birnen hat.³

Наряду с заимствованиями из произведений античных и средневековых писателей, в эпиграммах Логау также можно встретить цитаты и реминисценции из ученых сочинений эпохи Ренессанса и барокко, – таких, как «О недостоверности и бесплодности всех наук и искусств и превосходстве Слова Божьего» („De incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium et de excellentia verbi Dei“, 1519) Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского (1486–1535), «О нравах и обычаях различных народов» („De moribus ac ritibus gentium“, 1557) историка и этнографа Алессандро Сарди из Феррары (1520–1588), «О брачных обычаях, в шести книгах» („Silvae nuptialis libri sex“, 1556) итальянского библиографа и юриста Джованни Невиццано (†1540), «История Индии» („Historia Indica“) Георга Готгарта (1552–1619), «История моего времени» („Historia sui temporis“, 1550) Павла Иовия.⁴ В отдельных случаях поэт сам указывает источник в глоссе или заглавии эпиграммы, например: „Von dem Sinan Bassa beym Jovio, im 17. Buche seiner Historien“ (1Z,91):

¹ «Знание по Бернарду. Иные ищут знаний лишь только ради знания, / И те лишь любопытству доставят пропитанье; / Иные ищут знаний, чтоб честь себе добыть, / И суете себя лишь позволят обольстить; / Иные ищут знаний лишь ради возвышенья, / И выгодой презренной их обернется рвенье; / Иные ищут знаний, чтоб ближним помогать, – / Мы истинной любовью их труд должны назвать; / Иные ищут знаний, чтоб только прокормиться, / И к мудрости заемной не нужно им стремиться».

² Zedler, Johann Heinrich. Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Halle und Leipzig 1732. Bd. XXX. S. 287–288. Имеется в виду Линьан – столица империи Южная Сун (XII–XIII вв.), современное название – Ханьчжоу.

³ «Гигантские груши. В Кинсай, – читал я, – груши по десять фунтов есть; / Но все ли то правдиво, что можем мы прочесть? / Сто миль в округе город; что ж, – в этаким-то крае / Огромные должны быть и груши, полагаю».

⁴ Итальянский ученый-гуманист, придворный врач римских пап, историк и географ Паоло Джовьо, или Павел Иовий Новокомский, епископ Нуцерийский (1483–1552).

Den/ dem Glücke günstig ist/ kan zum grossen Manne machen
Eine Saw/ die jhm beist weg/ drauß der Mann ist Mann/ die Sachen.¹

К названным трудам следует причислить трактат Мартина Лютера «Свобода христианина», «Апологию Аугсбургского вероисповедания» (1530) Филиппа Меланхтона (1497–1566) а также сочинение Никколо Макьявелли (1469–1527) «Государь» („Il principe“, 1513). В эпиграммах Логау можно встретить следы внимательного прочтения им этой широко известной в его время книги секретаря Городского совета Флоренции, – это особенно касается нескольких последних глав трактата, таких, как «О советниках государей» (XXII) и «Как избежать льстецов» (XXIII). К примеру, мысль итальянского автора о том, что «дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами» (гл. XIX: «О том, каким образом избегать ненависти и презрения»),² находит очевидную параллель в эпиграмме „Fürsten-Befehl“ (II,3,48):

SAchen die bequemlich seyn/ wolln die Herren selbst befehlen/
Sachen die gefährlich seyn/ solln die Diener selbst erwehlen:
Nicht umsonst; es ist zu thun/ daß sie mügen Mittel finden
Diener jhnen/ aber nicht sich den Dienern/ zu verbinden.³

В ряде эпиграмм Логау отразилось его знакомство с распространенными в его время мистико-философскими учениями Майстера Экхарта (ок. 1260 – ок. 1327/1328), Себастиана Франка и Якоба Бёме (1575–1624), а также, в более широком плане, с идеями апофатического богословия, представленными в философских системах Николая Кузанского (1401–1464) и Джордано Бруно (1548–1600):

Ein enges Hertze (I,8,1).
WEr den Himmel wenig acht/
Wer mit Erde saat sich macht/
Hat ein Hertze drinnen kaum
Leeres nichts hat Stell vnd Raum.⁴

¹ «О Синан-паше у Иовия, в книге XVII его „Истории“. Счастья баловню удастся стать великим в миг единый, / Коль свинья ему откусит то, что делает мужчиной». Павел Иовий рассказывает в своей «Истории»: «Синан-паша был рожден в никому не известной эпирской деревне в горах Амбракии, и достопамятный случай возвысил его к доблестному могуществу и величию. Ибо, когда он был еще совсем маленьким ребенком, свинья, жившая в доме, откусила и сожрала его мужские части. Вскоре после того, благодаря его телесному уродству, знатный вербовщик необыкновенных детей, найдя его, привез в Константинополь и обратил в магометанскую веру. И в скором времени судьба, столь жестоко, хотя и непреднамеренно, его кастрировавшая, вознесла его к предопределенной ему славе доблестного военачальника». См.: Pauli Jovii Novocomensis episcopi Nucerinii Historiarum sui temporis. Venetiis, Matthæus Bosellus excudendum curabat. M D LXVI. T. I. P. 148.

² Макьявелли, Никколо. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 2008. С. 66.

³ «Княжеская власть. Те дела, что им удобны, господа себе оставят; / Те дела, что им опасны, своим слугам предоставят. / Неспроста! ведь для князей есть в обычаях таких / Средство, чтоб не им – в слуге, а слуге б нуждаться в них».

⁴ «Узость сердца. Кто небес не почитает, / Кто земным свой дух питает, – / Нет в том места (знай про то!) / Для Великого Ничто»

Последнему из перечисленных авторов посвящена эпиграмма „Viel Welten“ (II,6,70), в которой иронически обыгрывается выдвинутый Джордано Бруно тезис о множестве обитаемых миров: «...я провозглашаю существование бесчисленных миров, подобных миру этой Земли»:¹

Wo jeder Stern ist eine Welt/ O Welch ein Hauffen Welten?
Weil eine nicht gar viel ist werth/ was werden viele gelten?²

Идея о множественности миров во вселенной изначально принадлежала древнегреческому философу-материалисту Демокриту Абдерскому (ок. 460 – ок. 370 до н.э.), учившему, что «миры бесконечны и подвержены возникновению и разрушению».³ Согласно Денкеру,⁴ сюжет этого двустихия Логау восходит к эпиграмме Оуэна „De mundis Democriti“ (IV, 87):

Si quot Democritus mundos ait esse tot essent,
Innumerabilium pessimus iste foret.⁵

2.4.5. Заимствования из классических литературных источников. Не менее часто, чем к античным, средневековым и ренессансным ученым трактатам, Логау обращается к произведениям классиков мировой литературы. По замечанию С.С. Аверинцева, «...для эпиграмматиста интересно и почетно заключить в метрические рамки... мысль, уже звучавшую в логаэдах Софокла и в ямбических триметрах Алексида».⁶ Литературовед Макс Рубензон (1864–1913) считает, что Логау достиг значительных успехов в поэзии именно благодаря своей ориентации на лучшие античные образцы.⁷ Здесь следует назвать таких классиков, как Гомер, Эзоп, Аристофан, Вергилий, Гораций, Овидий, Публилий Сир, Теренций, Плавт, Проперций, Ювенал, Марциал. В качестве характерного примера приведем эпиграмму „Die verkoppelte Freundschaft“ (I,1,88) с авторской ремаркой: „Ovid. 2. d. Pont. Eleg. 3.“:

Der Freundschaft keuscher Stand/ war weiland voller Ehren:
Jetzt läst sie sich durch Geld/ zum Huren-Brauch bethören.⁸

Помета Логау означает: «Овидий, „Понтийские элегии“, II, 3». Поэт, впрочем, ошибается, так как его эпиграмма восходит не к «Понтийским элегиям» (они же –

¹ Рожницын В.С. Джордано Бруно и инквизиция. Протоколы процесса Джордано Бруно в венецианской инквизиции // Вопросы религии и атеизма. Вып. I. М., 1950. С. 342.

² «О множественности миров. Коль звезды – целые миры, не счастье миров на свете! / Но одному-то грош цена, – так много ль стоят эти?!»

³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 346.

⁴ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 54.

⁵ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 83. Перевод: «О мирах Демокрита. Если был прав Демокрит, что без счета миров во вселенной, – / Значит, поистине в ней тьма наихудших миров» (лат.).

⁶ Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 177.

⁷ Rubensohn M. Griechische Epigramme und andere kleinere Dichtungen in deutschen Übersetzungen des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Weimar 1897. S. CCXXXV.

⁸ «Обольщенная дружба. Был дружбы прежде чист и благороден дух, – / Но золото ее свело к повадкам шлюх».

«Скорбные элегии», „Tristia“), а к другой книге Овидия – «Письмам с Понта», а именно – к следующим стихам из послания Котте Максиму (II, 3, 19–20):

Illud amicitiae quondam uenerabile nomen
Prostat et in quaestu pro meretrice sedet.¹

Среди перечисленных выше имен следует особо выделить Марциала – популярнейшего в эпоху барокко античного автора, эпиграммы которого служили эталоном и предметом для подражания для всех немецких эпиграмматистов. Творчество Марциала оказало значительное влияние на Логау,² выразившееся не только в мастерстве пуанта, но и в применении поэтом в его книге используемого Марциалом способа расположения произведений – так называемого принципа „δοικλία“ («пестрота», «разнообразие» – *греч.*), состоящего в том, чтобы «перемежать и перемешивать стихи разных размеров и разных тем, чтобы читателю доставляло удовольствие самому нащупывать и ощущать переключку схожих стихотворений из разных мест книги».³ Наконец, имеются и случаи прямых заимствований Логау из творчества римского эпиграмматиста, – так, сюжет приамеля „Auff Technicum“ (I,3,32) восходит к эпиграмме Марциала „Declamas belle, causas agis, Attice, belle“ (II,7):⁴

TEchnikus kan alle Sachen
Andre lehren selbsten machen;
Reiten kan er/ fechten/ tanzten/
Bauen kan er Stät vnd Schantzen/
Singen kan er/ messen/ rechnen/
Schön vnd zierlich kan er sprechen/
Stat vnd Land kan er regiren/
Recht vnd Sachen kan er führen/
Alle Krankheit kan er dämpffen/
Für die Wahrheit kan er kämpffen/
Alle Sterne kan er nennen/
Bös vnd gutes kan er kennen/
Gold vnd Silber kan er suchen/
Bräuen kan er/ backen/ kochen/
Pflantzen kan er/ säen/ pflügen
Vnd zuletzt: erschrecklich lügen.⁵

¹ «Дружба, которая прежде божественным чтилась почетом, / Нынче пошла с торгов, словно продажная тварь». *Овидий Назон, Публий*. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1982. С. 108. (Пер. М.Л. Гаспарова).

² Подробный материал о влиянии Марциала на Логау содержится в исследовании: *Levy R. Martial und die deutsche Epigrammatik des 17. Jahrhunderts (Diss.)*. Heidelberg 1903.

³ *Гаспаров М.Л.* Катулл, или изобретатель чувства // *Избранные труды*. Том I: О поэтах. М., 1997. С. 83.

⁴ «И в декламациях мил, и дела ведешь, Аттик, ты мило, / Мило историю ты, мило ты пишешь стихи; / Мило ты мим сочинишь, эпиграммы твои тоже милы, / И как грамматик ты мил, мил ты и как астроном; / Мило ты и поешь, и танцуешь, ты мило, / Мило на лире бренчишь, мило играешь ты в мяч. / Хоть ничего хорошо, но все ты делаешь мило... / Хочешь, скажу я, кто ты, Аттик? Пустой лоботряс». *Марциал, Марк Валерий*. Эпиграммы. СПб., 1994. С. 59. (Перевод Ф.А. Петровского).

⁵ «На Техникуса. Все-то Техникус умеет, / Всех обучит, всем владеет: / И измерит, и сочтет, / Красно скажет и споет, / Строит город, роет шанцы, / Знает фехтованье, танцы, / Может и недуг

В современных критических источниках встречаются свидетельства о влиянии на творчество Логау французской литературы эпохи Ренессанса. Так, Э.-П. Викиенберг отмечает сходство сюжета эпиграммы „*Neuerung gefährlich*“ (I,9,90) с изречением из «Опытов» Мишеля де Монтеня (1533–1592): «Я разочаровался во всяких новшествах, в каком бы облики они нам ни являлись».¹

Das böse wol gestellt laß stehen wie es steht/
Es ist noch vngewiß wie neues abegeht.²

Существенное воздействие оказала на Логау европейская ренессансная неолатинская традиция. Исследователи творчества поэта отмечают влияние на него таких гуманистов, как Юлий Цезарь Скалигер, Марк-Антуан Мюре, Эурициус Кордус и др. В качестве примера приведем эпиграмму последнего „*Ad Damam*“:

Quod facili arrides humaniter obuius ore,
Virtuti tribuo non ego Dama tuae.
Noc facis ut pulchros possis ostendere dentes,
Concolor his intus te cor habere velim.³

Согласно комментарию М.Л. Гаспарова к стихотворению Катуллы (XXXIX) „*Egnatius, quod candidos habet dentes...*“ («Эгнатий, красотой кичась зубов белых...»), «насмешки над людьми, который смеются только затем, чтобы блеснуть зубами, восходят еще к аттической комедии (Алексид у Афиняя, 568 сл.)».⁴ Логау обыгрывает тот же сюжет в эпиграмме „*Auff Stultinam*“ (ZD,13):

Ob gleich alle sehen ernst/ wil Stultina jmmmer lachen:
Weil sie weisse Zähne hat/ wil sie sich beliebt machen.⁵

Мысль двустишия „*Die Liebe vnd der Todt*“ (I,159) восходит к стихотворению «О смерти и любви» („*De morte et Amore*“, CLV) из «Книги эмблем» Джованни Андреа Альчиато (1492–1550):⁶ «Смерть с Купидоном бродила...» („*Errabat socio Mors iniuncta Cupidine...*“). Данная эпиграмма – единственный случай заимствования Логау сюжета из этой знаменитой в свое время книги:

унять, / И за правду постоять, / Может править он странюю, / Справедливым быть судьбою, /
Может звезд назвать число, / Различать добро и зло, / Клад отыскивать ретиво, / Стряпать,
печь, сварить и пиво, / Хлеб посеять и убрать, / Наконец – безбожно врать».

¹ Монтень, «Опыты». Кн. I. М., 1979. С. 112. См.: *Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 302.*

² «*Опасность новизны. Зло старое оставь жить дальше, как живет: / Ведь знать нам не дано, что новизна несет.*».

³ *Cordus, Euricius. Euricii Cordi Epigrammatum Libri IX. Marpurgi 1529. L. VII, N₂.* Перевод: «*К даме. Каждого встречного ласково уст одарять улыбкой, – / Дама, достоинством я не почитаю твоим. / Так поступаешь ты, дивные чтобы показывать зубы; / О, если б сердце твое с ними равнялось красой!*» (лат.).

⁴ *Гаспаров М.Л. Примечания // Катулл. Книга стихотворений. М., 1986. С. 233.*

⁵ «*На Стульцину. Все серьезны, хоть умри, – весела одна Стульцина: / Зубы у нее белы, – вот и вся тому причина.*».

⁶ *Alciatus, Johannes Andreas. Emblematum liber. Augsburg 1531. P. I, p. 53.*

Tod vnd Liebe/ wechseln offters jhr Geschoß;
Jenes/ geht auff junge; diß/ auff alte los.¹

Сюжеты целого ряда эпиграмм Логау восходят к «Похвале глупости» Эразма Роттердамского (1466–1536): так, мысль последнего – «Кто страстно любит другого, тот живет уже не в себе, но в любимом предмете...»² – находит несомненную параллель в эпиграмме „Liebhabere“ (ZD,64):

Die Liebe treibt ins Elend auß/ die/ die sie wo belohnet
Denn der ist nie bey sich zu Haus/ der in der Liebsten wohnet.³

Среди эпиграмм, написанных благодаря обращению к трудам ренессансных авторов, имеется ряд образцов, в которых обычаи различных времен и народов используются поэтом как сопоставительный материал для критики негативных сторон современной ему действительности. К ним относится, например, эпиграмма „Eine Wunder-Glocke“ (II,3,97), написанная на сюжет, заимствованный из литературного источника нач. XVII в. «Ахиллес, во всеоружии воскресший» Иоганна Эрнста Бургграфа.⁴ Этот фантастический сюжет из эпохи короля Артура, якобы рассказанный итальянским историком Полидором Вергилием (1470–1555) в его «Истории Англии» („Polydori Vergilii Vrbinatis Anglicae Historiae Libri Vigintiseptem“, 1570), служит автору для обличения нравственного состояния его современников:

DJe Glocke deß Virgilius, wann diese weiland klang
Bey deß Arturus Hofestat/ so sah man wie da sprang
Und stürzte sich ins Wasser ein/ wer jhm nur war bewust
Von schändlicher Ehbrecherey vnd andrer Huren-Lust:
Wie gut/ daß diese Glock jetzund bey vnsrer Zeit nicht klinget
Sie zwingt größres Volck in Tod/ als das Geschütze zwingt.⁵

2.4.6. Заимствования из немецкой сатирической литературы. Источником, оказавшим на творчество Логау влияние, во много раз большее, чем иностранные авторы, была немецкая сатирическая литература предшествующих столетий. Преемство поэзии Логау по отношению к традициям отечественной словесности выражается, прежде всего, в обращении поэта к темам, канонизированным немецкой сатирой. Тематика целого ряда эпиграмм Логау восходит к произведениям бюргерских поэтов, к народным сатирическим жанрам. В эпиграммах Логау получили свое воплощение такие

¹ «Любовь и смерть. Смерть с любовью часто свой прицел меняют: / Эта – в юных метит, старцев – та сражает».

² Эразм Роттердамский. Похвала глупости (LXVII) // Себастиан Брант. Корабль дураков. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен. Диалоги. М., 1971. С. 205.

³ «Влюбленные. Любовь ввергает в сотни бед любовью одержимых: / Ведь, кто влюблен, те не в себе – они в своих любимых».

⁴ Joan. Ernesti BurggravI Neostadensis Palatini Philosophi ac Medici Achilles Πανοπλος Redivivus. Amsterodami apud Hendrium Laurentium [1612]. См.: Wieckenberg E.-P. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 246.

⁵ «Чудо-колокол. Встарь у Вергилия рассказ о колоколе был, / Что при артуровом дворе порою сам звонил, – / И в воду прыгали тотчас все те, о коих слух / Твердил, что тот – прелюбодей, а тот – охоч до шлях... / Как хорошо, что в наши дни ему уж не звонить: / Побил бы столько он людей, сколь пушкой не побить!»

традиционные для немецкой сатиры мотивы, как падение нравов, произвол властей предрержащих, лицемерие и карьеризм придворных, невежество и корыстолюбие врачей, продажность адвокатов, алчность слугителей церкви, и т.д. Тематика и даже форма ряда эпиграмм восходит к популярнейшей в Германии на протяжении трех столетий сатирической поэме Себастиана Бранта «Корабль дураков».¹ Так, эпиграмма „Damen“ (I,4,48) своим эмблематическим характером и структурой трехстрочного шпрухамонорима приводит на память стихотворные надписи (inscriptio) над гравюрами в начале каждой из глав поэмы Бранта:

Vil dünt jnn dorheyt hye beharren
Vnd ziehen vast eyn schweren karrhen
Dort würt der recht wag naher faren²

THeils Damen haben solche Sitten
Sind oben zwar nicht zu erbitten/
Sind willig aber in der mitten.³

С Себастианом Брантом Логау объединяет общность по меньшей мере следующих сатирических тем: стяжательство; новая мода; старость и глупость; воспитание детей; истинная дружба; волокитство; бражничество и гульба; служба у господ; болтовня; самовлюбленность; сребролюбие и скупость; бесполезные книги; бесполезное учение; бессмысленность охоты; злые жены; караульщики собственных жен; прелюбодеяние; женитьба на деньгах; безрассудный гнев; дураки, облеченные властью; зависть и злоба; врачи-шарлатаны; астрология; хвастовство и сословное чванство; игра; придворное подхалимство; фальшь и надувательство.⁴ Вот характерный пример («о бесполезном учении»):

Auff Brutum. (ZD,91)
Brutus zoh mit vollem Beutel/ daß er Wissenschaften lerne/
Kam auch wieder/ wuste dieses/ daß sein Geld blieb in der Ferne.⁵

В эпиграмме „Das Fegefeuer“ (II,3,2) также нашли свое воплощение два традиционных мотива европейской сатирической литературы: злой жены (постоянный мотив немецких народных шванков) и подагры. Последний отсылает, в частности, к «Книжечке утешения при подагре» („Podagrammisch Trostbüchlein“, 1577) Иоганна Фишарта (1546–1590), у которого он, в свою очередь, восходит к шуточным энкомиям подагре немецких гуманистов XVI в. – «Защита и восхваление подагры» („Apologia, seu

¹ *Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 216–217.*

² *Brant, Sebastian. Narrenschiff. Hg. von Friedrich Zarncke. Leipzig 1854. S. 49. Ср. также: «Кто вечно только модой занят – / Лишь дураков к себе приманит / И притчей во языцех станет». Брант, Себастиан. Корабль дураков // Себастиан Брант. Корабль дураков. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен. Диалоги. М., 1971. С. 33. (Пер. Л. Пеньковского).*

³ «Дамы. Таков нередко пол прекрасный: / Хоть умолять их – труд напрасный, / Они в душе на все согласны».

⁴ *Брант, цит. соч., с. 31–101.*

⁵ «На Брута. Брут науки изучать с полным кошельком отбыл; / Знал, вернувшись, лишь одно: что все деньги там спустил».

laus Podagræ“, 1522) Вилибальда Пиркхаймера (1470–1530) и «Прославление подагры» („De Podagrae laudibus Oratio“, 1553) Иоганнеса Карнариуса Старшего (1527–1572):¹

Jst ein Fegefeuer wo? Darff doch dieses keiner dulden
Der ein böses Weib hat hier/ Armut/ Darmgicht/ grosse Schulden.²

В сборнике немецких шванков „Schimpff und Ernst“ (1524) средневекового монаха-францисканца Иоганнеса Паули (1455–1530) есть шванк на сюжет о том, что крупные воры наказывают мелких.³ Мысль об избирательности наказаний для преступников в зависимости от их общественного положения была известна уже в древности; ср. изречение Сенеки Младшего (4 до н.э. – 65 н.э.) „Sacriligia minuta puniuntur, magna in triumphis feruntur“ („Ad Lucilium epistularum moralium“, XII, LXXXVII, 23).⁴ Эта же мысль положена в основу эпиграммы Логау „Diebstahl“ (II,9,16):

DAs man einen Dieb beschenckt/
Das man einen andren henckt/
Jst gelegen an der Art
Drinnen einer Meister ward.⁵

Ниже перечислены некоторые темы обличительных и сатирических эпиграмм Логау, находящие свое соответствие в творчестве немецких и неолатинских авторов Средних веков, эпохи Реформации и Барокко:

Церковь и клир: Бебель, Корд, Эразм, Фишарт, Брант, Мурнер, Паули;

Власть и князья: Брант, Мурнер, Паули, Бебель, Эразм, Фишарт, Себастиан Франк, Гуттен;

Галломания, мода, порча нравов: Брант, Мурнер, Фишарт, Гуттен;

Врачи, адвокаты, алхимики, астрологи: Брант, Мурнер, Фишарт, Корд, Бебель, Эразм, Сакс;

Крестьяне и народ: Мурнер, Бебель, Корд, Франк, Гуттен, Опиц;

Война и солдаты: Мурнер, Эразм, Фишарт, Опиц;

Порок и добродетель: Фишарт, Франк, Опиц;

Лицемерие и лесть: Мурнер, Эразм, Сакс; и т.д.⁶

Как показывают исследования, в собрании эпиграмм Логау насчитывается 2775 (78%) стихотворений, тематика которых в той или иной степени перекликается с немецкой сатирой Средних веков и эпохи Реформации;⁷ однако в каждом отдельном случае поэт дает собственную интерпретацию традиционных мотивов и тем.

¹ De Boor, Helmut und Newald, Richard. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. IV Band, 2. Theil. München 1973. S. 215.

² «Чистилище. Нет чистилища, иль есть, – тех не ввергнут в его пламя, / Кто подагрой мучим здесь, нищетой, женой, долгами».

³ Паули И. В шутку и всерьез // Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 54 (№ 47).

⁴ «За мелкие святотатства наказывают, за крупные награждают триумфом» (лат.). Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1993. С. 188.

⁵ «Воровство. Если этот вор казнен, / Если тот вор награжден, – / Что решило их удел? / Ранг, который вор имел». Ср. поговорку „Die Kleinen hängt man, die Großen lässt man laufen“ – «Малых [злодеев] вешают, великих отпускают» (нем.).

⁶ См.: Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955.

⁷ Fritzmann A. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 101–104.

2.4.7. Заимствования из поэзии Оуэна. Среди европейских авторов – предшественников Логау, оказавших влияние на его творчество, на первом месте стоит английский неолатинский эпиграмматист Джон Оуэн (1564–1622). В XVII веке Оуэн по степени своей популярности далеко опередил другого кумира немецких эпиграмматистов – Марциала. Уроженец Уэльса, выпускник Винчестерского колледжа и затем Оксфорда, бакалавр гражданского права и ректор Королевской школы в Уорике, Оуэн издал в 1606–1613 гг. под именем «Джон Оуэн Камбро-Британский Оксфордский» (лат. „Ioannes Audoenus Cambro-Britannus Oxoniensis“) четыре сборника эпиграмм общим числом более 1500 номеров. Эпиграммы Оуэна имели огромный успех и выдержали целый ряд переизданий как в Англии, так и на континенте. От своих современников он получил прозвание «британский Марциал»; его также называли «воскрешенным Марциалом». Вследствие того, что эпиграммы Оуэна, из-за их ярко выраженной антипапской направленности, были запрещены католической церковью, они были особенно популярны среди протестантов. Уже при жизни Оуэна его сборники были переведены вначале на английский, а затем, на протяжении XVII – XVIII вв., также на французский, немецкий и испанский языки. По свидетельству современников, в континентальной Европе того времени Оуэн был не менее известен и прославлен, чем другой его великий современник – Шекспир.

Эпиграммы Оуэна послужили для многих немецких поэтов эпохи барокко образцом для подражания и материалом для заимствований и переложений. Оуэн был «крестным отцом» также и Логау, тем автором, из творчества которого последний почерпнул наибольшее количество сюжетов и мыслей для своих эпиграмм. Денкер в своей диссертации насчитывает у силезского поэта 125 реминисценций из Оуэна;¹ к ним следует прибавить еще не менее 100 заимствований, установленных другим исследователем влияния валлийского эпиграмматиста на немецких поэтов XVII в., – автором монографии «Оуэн и немецкие эпиграмматисты XVII столетия» Эрихом Урбаном († после 1900).² На целый ряд мест у Логау, восходящих к текстам Оуэна, так же как и на стилевые параллели в эпиграммах обоих поэтов, указывает и Хемпель.³ В качестве примера приведем эпиграмму „Feile Gerechtigkeit“ (ZD,171):

Sind deß Richters Ohren zu? Mache du die Hand nur auff/
Recht hat jetzt/ wie alles Ding/ einen eben hohen Kauff.⁴

По Урбану⁵ и Денкеру,⁶ сюжет этого двустихия Логау восходит к эпиграмме Оуэна „In tenacem clientem“ (IV, 27):

Mirarus clausae quod sint tibi iudicis aures,
Cum tua iudicibus non sit aperta manus?⁷

¹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 94-95.

² См.: Urban E. Owenus und die deutschen Epigrammatiker des XVII. Jahrhunderts. Berlin 1900. S. 25–27.

³ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 102–111, 167–168, 221–222, 237 и др.

⁴ «Продажная справедливость. У судьи закрыты уши? Ты ладонь свою раскрой, – / Ведь закон, как все на свете, нынче – с твердою ценой».

⁵ Urban, op. cit., S. 26.

⁶ Denker, op. cit., S. 93.

⁷ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 76. Перевод: «Скупому клиенту. Странно ль, что уши судьи для тебя постоянно закрыты, / Если руки ты своей не раскрываешь ему?» (лат.).

Хотя большинство эпиграмм Оуэна относится к сатирическому типу, он написал и немалое количество религиозных стихотворений. В творчестве Логау можно указать целый ряд примеров заимствований у английского поэта также и духовных сюжетов. Подтверждением тому может служить религиозная эпиграмма „Der Weg in Himmel“ (I,4,27), восходящая к оуэновской „Christus via“ (III, 101):

Ad coelos vis scire viam tibi qua sit eundum?
Ad te descendit coelitis ipsa via.¹

Wer nach dem Himmel zu/ den Weg hat fürgenommen/
Hat keinen beßren Weg/ dann der vom Himmel kummen.²

В силу того, что стихотворения Оуэна явились одним из важнейших факторов формирования гномической традиции немецкой эпиграмматики XVII в., закономерно, что и Логау испытал на себе влияние соответствующего направления в творчестве этого выдающегося эпиграмматиста. Одним из примеров влияния гномической поэзии Оуэна на Логау является эпиграмма „Himmel vnd Hölle“ (III,6,63), мысль которой, согласно Урбану³, восходит к двустишию Оуэна „Via lata“ (IX, 43):

Lata via est et trita via est, quae ducit ad Orcum;
Invenit hoc etiam se duce caecus iter.⁴

Der Himmel liegt gar weit/ ist leichte nicht zu finden:
Die Höll ist aber nah/ es treffen sie die blinden.⁵

Общим источником для этих эпиграмм служит изречение древнегреческого мудреца Биона (ок. 300 до н.э.) «Дорога в Аид легка, потому что на нее вступают с закрытыми глазами».⁶ На этот же сюжет в III в. до н.э. была написана эпиграмма Леонида Тарентского «Дорога к Аиду» („Anthologia Palatina“, App. IV, 39). Другим случаем тематической аналогии между творчеством обоих эпиграмматистов может считаться концептистская эпиграмма „Das Hofe-Leben“ (I,7,92), представляющая собой перифраз двустишия Оуэна „Verona, Placentia, et Beneventum. Ad Italum“ (X, 18):

Verona Beneventanum raro itur ad urbem,
Esto Placentinus, tu Bene-ventus eris.⁷

¹ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 59. Перевод: «Христос есть путь. Хочешь ли путь ты узнать, которым подняться на небо? / Видишь – нисходит к тебе Путь от самих небес» (лат.).

² «Путь на небеса. Для тех, кто возжелал на небеса взойти, / Есть Тот, Кто шел с небес, – и лучше нет пути».

³ Urban E. Owenus und die deutschen Epigrammatiker des XVII. Jahrhunderts. Berlin 1900. S. 27.

⁴ Owen, op. cit., p. 170. Перевод: «Широкий путь. Путь проторен и широк, что в царство теней нас приводит; / Без провожатых слепой дорожку отыщет туда» (лат.).

⁵ «Небо и ад. Как небо далеко – попасть непросто к Богу! / Зато как близко ад – слепой найдет дорожку».

⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 182.

⁷ Owen, op. cit., p. 179. Перевод: «Верона, Пьяченца и Беневенто. На итальянцев. Кто из Вероны, тот редко сумеет попасть в Беневенто; / Так из Пьяченцы ты будь и благосклонность лови» (лат.).

Durch Laudes vnd Placentz, stracks für Veron fürbey
Muß/ wer nach Hofe wil/ vnd wil willkumen seyn.¹

Лоди, Пьяченца и Верона – города в Северной Италии; Логау использует эти названия в символическом значении, обыгрывая их буквальный смысл (на латыни): „laudes“ (от лат. „laudare“) – «восхваления, превозношения», „placentz“ (лат. „placentia“) – «привлекательность, прелесть», „veron“ (от лат. „verum“) – «правда, истина». Смысл эпиграммы: при дворе правда („veron“) не в чести, и тот, кто хочет быть придворным, должен употреблять лесть („laudes“) и быть всем по нраву („placentz“). Почти такую же игру на буквальном смысле названий городов видим у Оуэна: кто честен („Verona“ от лат. verus: «правдивый»), тот сегодня не в фаворе („Beneventum“, от лат. beneventus: «благосклонность»); надо уметь нравиться („Placentia“ от лат. placentia: «прелесть, привлекательность»), чтобы обрести милость („Beneventum“).

Существует также целый ряд формальных параллелей между творчеством Логау и Оуэна. Лучшим из возможных примеров этому может служить гномическая эпиграмма „Straff-Buchstaben“ (I,7,55), в отношении формы являющаяся практически точным отображением религиозной эпиграммы Оуэна „Scala coeli“ (IV, 259):

	S	
	A	
S	T	
E	I	S
D	R	E
I	A	P
F	C	S

In Coelum gradibus virtutum maxima septem,
Quattuor ascendit Spes bona, quinque Fides.
Spes lunam, solemque Fides contingit: Amoris
Scala vel ad summum pertinet usque polum.²

1P	1K	1H
2e	2r	2u
3s	3i	3n
4t	4e	4g
	5g	5e
		6r

WEEn Gott nicht mit Vier/ Fünff/ Sechs Zeichen
Kan auß dem A.B.C. erweichen/
Der wird nicht weich/ ist gläublich/ eh
Biß jhn bezwingt der Höllen W!³

¹ «Придворная жизнь. Стремись в Пьяченцу, – Лоди ж с Вероной избегай: / Лишь так, – коль мил быть хочешь, – ты ко двору езжай».

² Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 104. Перевод: «Небесная лестница. Вера. Милосердие. Надежда. Десять ступеней есть у добродетелей высших; / Их у Надежды – лишь семь, Вере – четыре даны; / Вера достигнет Луны, и Солнца – Надежда; Любовь же / В лестнице этой небес вплоть до зенита взойдет» (лат.).

³ «Азбука Божьей кары. Чума. Война. Нищета. Те, кого буквами Господень алфавит / Здесь четырьмя, пятью, шестью не умягчит, / Тех не смягчить вовек, увы, до дня того, / В который укротит их в преисподней „О!“»

Обращаясь в поисках мыслей и сюжетов для своих эпиграмм к поэзии Оуэна, Логау нередко коренным образом перерабатывает заимствованный у последнего материал. Так, в эпиграмме „Der schwartze Schnee“ (III,4,19), пуант которой (парадоксального типа) построен на оксюмороне «черный снег», Логау практически дословно повторяет мысль первого дистиха эпиграммы Оуэна „Calumniatores, adulatores“ (I, 115). Эта мысль отсылает к изречению древнегреческого философа Анаксагора из Клазомен (ок. 500–428 до н.э.), автора сочинения «О природе», отстаивавшего идею, что вещи имеют те свойства, которыми их наделяют чувства. Однако сюжет и пуант эпиграммы Логау принципиально иные, чем у Оуэна:

Dixit Anaxagoras atram esse nivem, gravis auctor.
Haec aetas multos vidit Anaxagoras...¹

Griso hat ein graues Haupt/ Griso hat ein schwartzes Hertze;
Anaxagoras ist recht: deine Farbe/ Schnee/ ist schwärtze.²

Интересно, что содержание первого стиха двустишия Логау, в свою очередь, коррелирует с эпиграммой Грифиуса „An Fuscum“ (II, 46):

Die Zeitt kan deinen Kopff und Bart in weiß verkehren/
Die Schwärtze des Gemüts wird bey dir ewig weren.³

Теме реминисценций Логау из Оуэна уделил значительное внимание Хемпель, который указывает, в частности, на эпиграмму „Auff Gallum vnd Gallam“ (I,8,92) как на переработку эпиграммы Оуэна „In Gallam“ (IX, 75), сюжет которой, в свою очередь, восходит к Марциалу:⁴

Ussusti me, Galla, videndo: tangere noli!
Nam si uras oculis, quid facias osculo?⁵

Логау видоизменил фабулу этой обценной эпиграммы, перенеся ее, если так можно выразиться, из лирической плоскости в сатирическую:

Gallus sagte/ wie jhm Galla einen starcken Brand erwecket;
Lege/ sprach sie/ dich mir oben daß man diesen Brand erstecket.⁶

¹ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviae, M. DC. LXXX. P. 15. Перевод: «Лжецы, льстецы. Анаксагор встарь изрек: „Снег – черен!“ Автор добавит: / Встретишь в избытке сейчас Анаксагоров везде...» (лат.).

² «Черный снег. Весь, как лунь, седой Гризон, а душа – чернее нет. / Видно, прав Анаксагор, – вправду черен, снег, твой цвет!»

³ Gryphius, Andreas. Andreae Gryphii Epigrammata Oder Bey-Schriefften. Breßlau 1663. S. 26. Перевод: «На Фуска. Хоть время сединой тебя и убелило, / Но черноту души оно не изменило».

⁴ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 237. «Хочет, не хочет давать мне Галла, сказать невозможно. / Хочешь, не хочешь, понять, что хочет Галла, нельзя». Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы. СПб., 1994. С. 98. (Пер. Ф.А. Петровского).

⁵ Owen, op. cit., p. 173. Перевод: «На Галлу. Галла меня обжигает глазами: не прикасайся! / Но, если взглядом жжет, что же целует тогда?» (лат.).

⁶ «На Галла и Галлу. Галл поведал Галле прямо, что она зажгла в нем пламя. / Та в ответ: „Так лягте сверху, мы пожар потушим с вами!“»

Примечательно, что, в отличие от английского неолатинского поэта, в своих эпиграммах неизменно остающегося верным антологической традиции, Логау то и дело переводит стилистику своих переложений в область фольклора: так, эпиграмме Оуэна на сюжет античного мифа об Орфее и Эвридике („Orpheus“, VI, 6) соответствует эпиграмма „Von Orpheo vnd Eurydice“ (I,9,76), в которой Логау, в типичной для него манере, вновь разрабатывает тему «злых жен» (см. выше, 2.4.5):

Orpheus uxorem raptam repetivit ab Orco.
Duxit ad inferno foemina nulla virum.¹

Niemand um ein todtes Weib/ fährt zur Höll in vnsren Jahren:
Aber um ein lebend Weib/ wil zur Hölle mancher fahren.²

2.4.8. Заимствования из поэзии современников. Поскольку Оуэн был старшим современником немецких поэтов XVII в., проблема его влияния на Логау соприкасается с проблемой отражения в творчестве поэта современной ему немецкой эпиграмматической традиции. При исследовании проблемы влияния на Логау поэзии его времени необходимо, прежде всего, упомянуть поэтов Первой силезской школы. Линдквист подчеркивает, что для многих эпиграмм Логау «дали бесспорный импульс... Опиц, Флеминг, Грифиус, Чернинг».³ Эльшенбройх, также уделивший внимание творчеству Логау в контексте литературы эпохи барокко, называет те же имена.⁴ Хемпель отмечает у Логау многочисленные примеры стилевых реминисценций из Флеминга⁵ и указывает также на доскональное знание поэтом творчества другого силезца – ростокского профессора поэтики Андреаса Чернинга.⁶ При рассмотрении вопроса о влиянии на Логау Опица и его последователей справедливо было бы включить в контекст школы и тех ее членов, которые, как правило, пребывают вне поля зрения исследователей, – прежде всего, бригского поэта-опицианца Венцеля (Венцеслава) Шерффера фон Шерффенштайна (1603–1674), с которым Логау объединяет общность жанрово-тематического диапазона,⁷ и который в известном смысле оказал на него воздействие, отмечаемое критиками.⁸ Одним из примеров тематических параллелей с современной поэзией в творчестве Логау может служить псевдоэпитафия „Grabschrift einer schwangern Frauen“ (II,8,33), популярный сюжет которой, восходящий к латинскому оригиналу Даниэля Хейнсия (1580–1655), встречается в XVII в. у таких поэтов, как Квириин Кульман (1651–1689), Иоганн Георг Шох (1627–1689) и Андреас Чернинг, чей образец приводится для сравнения:⁹

¹ Owen, John. Epigrammatum Ioannis Oweni. Vratislaviæ, M. DC. LXXX. P. 123. Перевод: «Отнятую жену Орфей возвратил из Орка; / Муж ни один женой не был из ада спасен» (лат.).

² «Об Орфее и Эвридике. Нынче вряд ли в ад пойдут за умершею женой, / Но готов подчас иной в ад пойти из-за живой».

³ Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 301.

⁴ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 216.

⁵ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 124, 162–166, 169, 186–87, 193, 209.

⁶ Ibidem, S. 125.

⁷ См.: Piprek J. Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole 1961. S. 200–205 etc.

⁸ Hempel, op. cit., S. 124–125, 137, 202.

⁹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 59.

(Чернинг) Auff ein ungebornes Kind,
 dessen Mutter stirbt.
Auß dem Lateinischen deß Dan. Heinsius.
 JN diesem Grabe liegt die Mutter/ du in ihr/
 Die Erde gibt das Grab der Mutter/ Sohn/ sie dir.
 Du stirbest in der Grufft so dir das Leben gab/
 Zuvor war diß dein Hauß/ was jetzund ist dein Grab.
 So war die Mutter dir zum Grab und Hauß erkohren/
 Und man begräbet dich/ eh als du bist gebohren.¹

(Логау) HJer liegt ein Grab im Grab/ vnd in deß Grabes Grabe
 Was Welt noch nie gesehn/ jhm auch nicht Namen gabe;
 Das Grab begrub zuvor/ eh Grab begraben ward;
 Zwey Gräber sind nur Eins/ vnd eine Leich ein Paar.²

С другой стороны, проблема влияния на Логау поэтов Первой силезской школы неотделима от проблемы влияния на него основоположника самого направления, в связи с чем закономерен вопрос о преемственности Логау по отношению к своему учителю. Уже в первом сборнике Опица можно видеть образцы тех тематических направлений и стихотворных жанров, которые Логау в дальнейшем использует в своем творчестве. Опицевский жанрово-тематический каталог явился своего рода стандартом, во многом определившим как творческие палитры его последователей, так и поэзию эпохи в целом. Таким образом, проблема влияния Опица на Логау есть, в сущности, проблема следования поэта установкам немецкой академическо-псевдоклассицистской школы. Этим обусловлен ряд параллелей в творчестве обоих поэтов, и прежде всего – наличие у них антологических и религиозных эпиграмм, эпиграмм на гражданственную и патриотическую тематику, эпиграмм, посланий, од и т.д. Можно указать также на ряд прямых заимствований Логау из Опица в тематическом плане; один из них – эпиграмма „Auff Nasatum“ (II,4,69), осмеивающая физический недостаток героя и, вне всяких сомнений, восходящая к эпиграмме Опица „Vom Trulla“:

(Опиц) DEr Trulla ist bald da/ er wird nicht lange seyn/
 Dann seine Nase kömpt schon zuvoran herein.³

(Логау) Nasatus, wie ein grosser Herr/ schickt/ eh er kümmt/ vor ins Quartier;
 Laquey vnd Trompter ist es nicht/ die Nase kümmt weit für jhm für.⁴

¹ *Tscherning, Andreas.* Deutscher Getichte Fröling. Breslaw 1642. S. 266–267. Перевод: «На нерожденное дитя, чья мать мертва. С латинского Дан. Хейнсия. В могиле мать лежит, во чреве – ты у ней; / Она – твой вечный гроб, земля – могила ей. / Ты умер в склепе том, что жизнь в тебя вселил, / Могилой стал твоей, – а прежде домом был. / Так дом тебе и гроб даны единым лоном, / И похоронен ты, не будучи рожденным».

² «Эпитафия беременной. Здесь гроб лежит в гробу, в могиле здесь могила, / Чего не видел свет, и в ум не приходило; / Здесь гроб похоронил, и погребен был гроб; / Два гроба здесь – одно; один двойной здесь труп».

³ *Opitz, Martin.* Florilegii variorum epigrammatum liber unus. Danzig 1639. S. 40. Перевод: «О Трулле. Что Трулла к нам идет, узнаем без труда: / Ведь нос его давно пожаловал сюда».

⁴ «На Назата. Назат, как важный господин, шлет на квартиру пред собой, – / Но не лакея с трубачом: нос у Назата вестовой».

В эпиграммы Логау встречается и ряд характерно опицевских выражений – например, метафора «голубая соль»¹ в эпиграмме „Schiffen“ (II,1,11). «Голубой солью» Опиц в поэмах „Lob des Krieges Gottes“ (ст. 783) и „Vesuvius“ (ст. 341) именует море:

AVff dem blauen Saltze reiten
Vnd ein höltznes Pferd beschreiten/
Läst sich thun; doch hats Bedencken
Daß mans nicht zu tieff darff träncken.²

Кроме того, творчество основателя Первой силезской школы значительно обогатило поэзию Логау в стилистическом отношении: так, в эпиграммах Логау, наряду с асиндетонами, восходящими к Опицу, встречаются параллельные перечислительные ряды, несомненно, также заимствованные у последнего:

(*Опиц*) Die Sonn' / ein Pfeil / der Wind / verbrennt / verwundt / weht hin /
Durch Feuer / Schärffe / Sturm mein' Augen / Hertze / Sinn.³

(*Логау*) Der Buchstabe G. (III,1,47)
MEistens alles auff der Erden / drauff die Leut am meisten streben /
Stehet vnter denen Dingen / die sich auff ein G. anheben:
Gold / Geld / Gut / Geschencke / Gaben / Gunst / Gewin / Gewalt / Geschicke /
Glaube / Glimpff / Gesund / Gewissen / vnd mit einem Worte Glücke /
Wil sich alles drunter stellen: Wann zu diesem zu sich zehlet
Gott mit seiner Gnad vnd Güte / weiß ich nicht was Gutes fehlet.⁴

Неудивительно поэтому, что Логау ставит своего учителя выше всех современных стихотворцев, именует его «Аполлоном силезского Парнаса» (2Z,3, ст. 3) и защищает его память против нападков литературных недругов, – например, таких, как нидерландский поэт Йост ван ден Вондел (1587–1679), утверждавший, что Опица «нельзя считать самостоятельным автором, так как его творчество не оригинально и целиком состоит из заимствованного у других».⁵ В одной из своих эпиграмм, посвященных Опицу, Логау приравнивает его к Вергилию:

Vom Opitio (1Z,133)
Jm Latein sind viel Poeten / jimmer aber ein Virgil:
Deutsche haben einen Opitz / Tichter sonsten eben viel.⁶

¹ *Hempel P.* Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 209.

² «Корабли. Голубую солью мчать, / Коня-древо погонять, – / Пусть; но помни о коне, / Чтоб не пил на глубине».

³ «Ветр, стрелы, солнце ранят, сдувают прочь, спелят / Порывом, жалом, жаром мне сердце, ум и взгляд».

⁴ «Буква „С“. То, чего на свете люди страстно все века желали, / Именуем мы словами, в коих „с“ стоит в начале: / Сила, слава, сан, сноровка, смелость, самоутверждение, / Серебро, семья, свобода, стойкость, совесть, снисхождение, – / Все, что вкратце словом «счастье» мы зовем; когда ж прибавить / Нам Создателя, спасенье, – должен всяк судьбу прославить».

⁵ *Piprek J.* Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole 1961. S. 81.

⁶ «Об Опице. Пусть латинских сонм поэтов, – но один у нас Вергилий; / И один у немцев Опиц, сколько б строф тут ни плодили».

Сравнивая Опица с великим римским поэтом, Логау имеет в виду значительность того, что совершил его учитель для немецкой поэзии. Уподобление Опица бессмертным классикам древности было в эпоху барокко общим местом: по замечанию Б.И. Пуришева, Опица «...прославляли как основоположника новой немецкой „классической“ поэзии... В нем видели одновременно немецкого Горация, Гомера, Вергилия и Пиндара».¹

2.4.9. Логау как поэт-переводчик. Денкер называет Логау «искусным переводчиком».² На деле, однако же, речь может идти не о поэтическом переводе в современном смысле этого слова, но, главным образом, о переложениях (*Nachdichtung*) отдельных стихотворений, эпиграмм и фрагментов драматических сочинений, а также о стихотворных переложениях прозаических текстов. Поэтические переложения, встречающиеся в книге Логау, несомненно, принадлежат к той же традиции, что и его заимствования, в силу того, что поэт помещает их среди своих собственных произведений. В этих переложениях, так же как и в использовании древнегреческих источников,³ Логау выступает как продолжатель традиции Опица, «Флорилегии» которого содержат стихотворные переводы и переложения эпиграмм различных авторов от античности до Ренессанса.⁴ Одним из наиболее ярких примеров переводческого искусства Логау является эпиграмма „Tisch-Freundschaft“ (I,8,30), представляющая собой переложение эпиграммы Марциала „Hunc quem mensa tibi“ (IX,14):

Hunc quem mensa tibi, quem cena paravit amicum
esse putas fidae pectus amicitiae?
aprum amat et mullos et sumen et ostrea, non te.
tam bene si cenem, noster amicus erit.⁵

VErmeinstu wol/ daß der ein treues Hertze sey
Den dir zum Freunde macht dein offte Gasterey?
Dein Austern liebt er nur/ dein Wildbrät/ gar nicht dich;
Auch mein Freund würd er bald/ wann so wie du/ lebt ich.⁶

Творчество римского комедиографа Тита Макция Плавта (250–184 до н.э.), в свою очередь, дало Логау сюжеты для двух эпиграмм, в заглавиях которых указан их первоисточник: „Auff Thrasonem, auß dem Plauto“ (III,3,30), восходящая к комедии «Пуниец» («*Poenulus*», II, 1), и „Der Plautinische Teller-Lecker“ (II,1,91) на сюжет из комедии «Господа и рабы» («*Stichus*», II, 1). В обоих случаях Логау почти буквально перелагает в стихи текст оригинала:

¹ Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 275.

² Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 10. См. также: Fritzmann A. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 90.

³ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 82, 253 etc.

⁴ Opitz, Martin. Florilegii variorum epigrammatum liber unus [& alter]. Gedani, Typis ac sumptibus Andreae Hünefeldi. Anno M DC XXXIX.

⁵ «Тот, кого другом твоим твой обед с его яствами сделал, / Думаешь, искренней он дружбою связан с тобой? / Устрицы любы, кабан, барвена и вымя, – не сам ты: / Стану обедать, как ты, станет он другом моим». Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы. СПб., 1994. С. 229. (Перевод Ф.А. Петровского).

⁶ «Застольная дружба. Считаешь, верного нашел ты друга в том, / Кто дан тебе в друзья разгульным кутежом? / Лишь устрицы и дичь он любит, – не тебя; / Он стал бы другом мне, когда б так жил и я».

Der Plautinische Teller-Lecker.

MEine Mutter war der Hunger; seit sie mich auß sich geboren
 Hat sie sich bey keinem Tage noch zur Zeit auß mir verloren.
 Zwar zehn Monat trug sie mich/ vnd zehn Jahre trag ich sie/
 Keines hat für diese Last andrem noch gedancket je.
 Jch war klein/ da sie mich truge/ sie ist mächtig groß zu tragen/
 Drum entstunden jhr gar kleine/ mir gar grosse Kindes-Plagen/
 Jch auch fühle fort vnd fort grosse Schmerzen/ grosses Weh
 Doch vermerck ich daß so bald/ sie von mir nicht weg noch geh.¹

По мнению Хемпеля,² эпиграмма Логау „An Rhodiam“ (ZD,24) является переложением древнегреческой эпиграммы „Ανθοδίατε μέλισσα, τί μοι χροός Ἠλιοδώρας“ из тома I собрания Ришара Франсуа Филиппа Брунка (1729–1803) „Analecta Veterum Poetarum Graecorum“ (I, 30, CVIII). В этом тексте можно без особого труда узнать эпиграмму «Пчеле» из «Венка» Мелеагра Гадарского (130–60 гг. до н.э.):

Ἀνθοδίατε μέλισσα, τί μοι χροός Ἠλιοδώρας
 φαύεις, ἐμπρολιποῦς' εἰαρινὰς κάλυκας;
 ἢ σὺ γε μηνύεις ὅτι καὶ γλυτὰ καὶ δυσύποισον
 πικρὸν ἀεὶ κραδίᾳ κέντρον Ἔρωτος ἔχει;
 ναὶ δοιέω, τοῦτ' εἶπας ἴθι φιλέρασε, παλιμπους
 στεῖχε· πάλαι τὴν σὴν οἶδαμεν ἀγγελίην.³

RHodia, nicht geh ins Feld/ werden Bienen deiner jnnen/
 Wird sich dein Gesicht vnd Mund jhrer nicht erwehren können/
 Werden lassen Roß vnd Klee/ werden alle Blumen lassen/
 Werden deinen Honig nur/ werden deinen Zucker fassen.⁴

¹ «Плавтовский лизоблюд. Моя матерь – Голодуха; с той поры, как я родился, / От нее я и донныне вовсе не освободился. / Десять месяцев она все была чревата мной; / Десять лет ее ношу, даже мысли нет иной. / Был я крошечным во чреве, – ныне груз таскаю тяжкий; / Мучилась недолго мною, – сколько ж мне страдать, бедняжке? / Боль ужасную терплю, скорбь жестокою кляня, – / Но не верю, что она скоро выйдет из меня». Ср. Плавт, «Господа и рабы», II, 1, 155–166: «Я думаю, что голод – мать родная мне: / Со дня рожденья сытым хоть бы раз я был! / Никто так благодарен не был матери / Своей, как я невольно благодарен ей: / Она меня во чреве десять месяцев / Носила, я ношу ее не десять лет, / А больше; и меня носила крошечным, / Тем меньше, полагаю, было ей труда, / А я ношу во чреве не какой-нибудь / Ничтожный голод – нет, огромный, тягостный. / Во чреве боли каждый день, но мать свою / Родить мне не под силу, не могу никак». Плавт, *Тит Макций*. Избранные комедии. <Т. I>. М.–Л., АCADEMIA, 1933. С. 369. (Пер. А.В. Артюшкова).

² Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 253.

³ Brunck R.F.P. Analecta Veterum Poetarum Graecorum. T. I. Argentoratum (Straßburg), 1785. P. 30. Перевод Л. Блуменау: «Пчелка, живущая соком цветов, отчего так, покинув / Чашечки луга, к лицу Гелиодоры ты льнешь? / Хочешь ли тем показать, что и сладких и горьких до боли / Много Эротических стрел в сердце скрывает она? / Если пришла мне ты это сказать, то лети же обратно, / Милая! Новость твою сами мы знаем давно». См.: Греческая эпиграмма. СПб., 1993. С. 236 (№ 50).

⁴ «К Родии. Родья, в поле не ходи! Быстрых пчелок растревожишь, / И свои уста, лицо защитишь от них не сможешь; / Станут розы, клевер им, станут все цветы не в радость, / Станут твой вкушать нектар, станут пить твою лишь сладость!»

Другая эпиграмма, „Ein alt Weib“ (II,3,49), согласно Хемпелю, также является переложением с древнегреческого подлинника „Νῦν μοι χαίρει Λέγεις“ Зелота (Ζηλωτος), который можно увидеть во II томе того же собрания Брунка:¹

Alte Weiber sind die Sträuche/ drauff für Zeiten Rosen stunden/
Ob die Rosen sind verblichen/ werden doch die Dörner funden.²

Эпиграмма „Ehstand deß Hertzens vnd der Zunge“ (I,3,74), согласно Денкеру, есть не что иное, как перевод латинского катрена из антологии Иоганна Хайдфельда «Теолого-философская Сфинкс» („Sphinx theologico-philosophica“, 1621, 445):³

Cor linguæ foederat naturæ sanctio
Velut in quodam certo connubio,
Ergo cum dissonant cor et locutio
Sermo concipitur in adulterio.⁴

DAs Hertz vnd Zung/ ist wie vermählt/
Die zeugen Kinder vngezählt;
Wenn beyde sie nicht eines sind/
Wird jedes Wort ein Huren-Kind.⁵

Аналогично этому, эпиграмма „Der Weiber-Calender“ (I,3,86) является, по Денкеру,⁶ переложением obscene фольклорного четверостишия из антологии Фридриха Петри «Мудрость немцев» („Der Teutschen Weisheit“, 1605):

Wenn die hunde das gras speyen
Und die weiber über die flöh schreyen/
Oder jhnen die zeen jucken/
So thut nass wetter her rucken.⁷

WAnn die Flöh die Weiber necken/
Wil die Lufft bald Näß erwecken:
Wann sie sticht der böse Wurm/
Folgt gewiß ein Hagel-Sturm.⁸

¹ Brunck R.F.P. Analecta Veterum Poetarum Graecorum. T. II. Argentoratum (Straßburg), 1785. P. 399 (II, 399, XXXVIII). См.: Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 82.

² «Старые дамы. Дамы старые – кусты, где когда-то были розы; / Но увяли лепестки, лишь шипы торчат с угрозой».

³ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 20.

⁴ «Дано устам и сердцу природою, / Как двум супругам, быть в единении; / Но если нет меж ними согласия, – / Погрязнет речь в прелюбодеяниях».

⁵ «Супружество языка и сердца. Язык и сердце – муж с женой – / Детей рожают день-деньской; / Но стоит только им расстаться, – / На свет ублюдки народятся».

⁶ Denker, loc. cit.

⁷ «Если псы травой блюют, / И бабы из-за блохи орут, / Или клещи свербят у них, – / То бури жди от дел таких».

⁸ «Женский календарь. Если блохи дам кусают, – / Слезы воздух увлажняют; / Если червь их жалит злой, – / Значит, града жди с грозой».

Среди опытов Логау в переводческом жанре, представляющих собой стихотворные переложения фрагментов сочинений, написанных прозой, можно назвать весьма значительную по своей протяженности (163 стиха) сатиру „Beschreibung der Fuchsschwäntere“ (2Z,102), являющуюся, как упоминалось выше (2.2.3), переложением главы «Льстец» („The Flatterer“) из трактата «Свойства пороков и добродетелей» („Characters of Virtues and Vices“, 1615) английского писателя Джозефа Холла;¹ упоминавшуюся выше эпиграмму „Wissenschaft auß Bernhardo“ (II,1,43) на сюжет из «Проповедей на Песнь Песней» св. Бернара Клервоского;² эпиграмму „Vom Mißbrauch der Sing-Kunst“ (II,5,39), оригинал которой можно найти в сочинении немецкого гуманиста, врача, алхимика, астролога и адвоката Корнелия Агриппы из Неттесгейма «О недостоверности и бесплодности всех наук и искусств» („De incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium“, 1519),³ и мн. др.

Стихотворные переложения произведений других авторов не являются для Логау самоцелью, но существуют в контексте его творческого метода, предполагающего ассимиляцию заимствованного материала в оригинальном творчестве поэта.

Выводы ко второй главе. Собрание эпиграмм Логау – труд всей жизни его автора. В отношении своего объема книга Логау является феноменом, исключительным для своей эпохи; в идейном же отношении она несет дидактический замысел, что наглядно показывают как ее заглавие, так и внешнее оформление.

В собрании Логау представлено большинство стихотворных жанров, которые в литературе его времени причислялись к эпиграммам. Наряду с использованием уже существующих поэтических форм, Логау является создателем специфической формы притчевой эпиграммы, выступающей одним из наиболее характерных способов поэтического самовыражения автора, а также зачинателем включения в эпиграмматику ряда фольклорных жанров.

В отношении используемых поэтом языковых и поэтических средств его творчество является ярким образцом литературы «ученого классицизма» и дальнейшим развитием литературных теорий основоположника этого стиля Мартина Опица.

Поскольку авторская индивидуальность Логау проявляется в его эпиграммах, в соответствии с тенденциями эпохи, в рамках тематических реалий литературы его времени, характер творчества поэта в контексте тематической специфики немецкой поэзии эпохи барокко можно обозначить как «самобытное в типическом».

Благодаря обширному диапазону заимствований и реминисценций книга Логау представляет собой собрание изречений универсального характера. Но, хотя в эпиграммах Логау поднимаются те же проблемы и обыгрываются те же мотивы, что и в произведениях других немецких эпиграмматистов, несомненным отличием творческой манеры Логау является самостоятельность стиливых, смысловых и сюжетных интерпретаций, придающая его поэзии особенный, неповторимый облик. Необычайно высокая степень насыщенности поэзии Логау заимствованным материалом обуславливает возможность рассмотрения его книги эпиграмм в качестве произведения, имеющего свой особый замысел, который раскрывается в совокупности всех включенных в нее стихотворений.

¹ Denker H. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Hildesheim 1889. S. 89-90.

² Ibidem, S. 40.

³ Ibidem, S. 52.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОНЦЕПЦИЯ КНИГИ ЭПИГРАММ ЛОГАУ

§ 3.1. Эволюция восприятия творчества Логау в XVII–XXI вв.

3.1.1. Эпиграммы Логау в оценке века барокко и Просвещения. Собрание эпиграмм Логау при жизни его автора не удостоилось критической оценки со стороны ведущих литературных мэтров того времени, и скупые отклики на него появились лишь четверть века спустя. Первым из авторов немецких поэтик второй половины XVII в. написал о Логау член «Плодоносящего общества», а также «Пегницкого ордена» поэт Зигмунд фон Биркен (1626–1681). В своем «Искусстве немецкого красноречия и стихосложения, или Кратком руководстве по немецкой поэзии» (1679) он упомянул о «Самуэле фон Голау», поставив его на одну ступень с Марциалом и Оуэном, что для того времени было серьезной похвалой.¹ Морхоф, «отец немецкого литературоведения», в сочинении «Уроки немецкого языка и поэзии» (1682) заметил, что «эпиграммы силезца Соломона фон Голау не испытывают недостатка в остроумии, но многие из них довольно грубы».² В свою очередь, Майстер в своем трактате «Ненавязчивые суждения о немецких эпиграммах» (1698) поставил Логау в один ряд с Флемингом и Грифиусом. Упомянув поэта как под псевдонимом (который он называет без ошибок и искажений, ставших к тому времени уже нормой), так и под его настоящим именем, критик высказал мнение, что среди эпиграмм «Соломона фон Голау... или господина Фридриха фон Логау... большинство остроумны по замыслу, выразительны и благозвучны».³

Впрочем, подлинное имя поэта еще с 1638 г. было известно в «Плодоносящем обществе», в бригском высшем свете и при герцогском дворе. Знали его и в силезских литературных кругах: так, в сборнике Квирина Кульмана «Смертное бессмертие» (1668) была помещена эпитафия «Надгробие Соломона Голау, силезского Марциала», перепечатанная в новом издании книги (1671) уже под заглавием «Надгробие Фридриха фон Логау, силезского Марциала»:

Grab Friedrichs von Logau/ des Schlesischen Martialens.
 JCh bin aus derer Schaar/ di von der Wigen an
 Mit aller Weißheit sich zuziren Fleiß gethan:
 Drum gab der Musen-Printz mir solche Himmels-Gaben/
 So kaum di Meisten halb/ ja kaum nur einzeln haben.⁴

¹ Birken, Sigmund von. Teutsche Rede- bind- vnd Dicht-Kunst/ oder Kurze Anweisung zur Teutschen Poesy... Nürnberg 1679. S. 102.

² Morhof, Daniel Georg. Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie... Lübeck & Leipzig 1682 / Hrsg. von Henning Boetius. Bad Homburg v.d. H. 1969. S. 361.

³ Meister, Johann Gottlieb. Unvorgreifliche Gedancken von Teutschen EPIGRAMMATIBUS. Leipzig 1698. S. 29, 35–38. Образцы эпиграмм Логау, приводимые Майстером: I,2,63, I,3,74 (с. 36); I,5,73, I,9,76 (с. 37); I,1,73, II,10,7, II,5,53 (с. 38); I,4,32 (с. 78–79).

⁴ Kuhlmann, Quirinus. A.Z! Qvirin Kuhlmanns Unsterbliche Sterblichkeit Oder Hundert Spil-ersinnliche Virzeilige Grabe-schriffthen/ Zum zweitemahl gedruckt. Zu JENA/ Druckts Samuel Adolph Müller 1671. S. 14. Перевод: «Из тех я, кто себя от самой колыбели / Украсить мудростью усердые»

Смутное воспоминание о поэте сохранилось и в немецком литературном и ученом мире эпохи Просвещения. Так, Эрдман Ноймайстер (1671–1756), духовный поэт и обер-пастор церкви св. Якоба в Гамбурге, в своем труде «Пример историко-критического рассуждения о немецких поэтах» (1695) опубликовал литературный псевдоним и подлинное имя Логау; он же был первым из биографов, кто наградил его баронским титулом („ex illustri *Baronum* gente“). О самом поэте критик отозвался так: «Не на последнем месте среди первоклассных поэтов, но грубоватый, неразборчиво и притом не всегда служащий целомудрию, – однако блеском остроумия он искупает грубость...»¹ Иоганн Сигизмунд Йон (1697–1749), проректор гимназии св. Марии Магдалины в Бреслау, в трактате «Силезский Парнас, или Обзорение стихотворцев силезских, либо на родном, либо также на ином языке Музе служащих» (1728) заметил, что эпиграммы поэта «не лишены изящества и остроумия» („Quae quidem Epigrammata lepore suis et salibus non destituuntur“).² В 1726 г., спустя более четверти века после смерти ее автора, вышла поэтика И.Г. Майстера «Теория и образцы по большей части забавных и занимательных эпиграмм», в которой были вновь опубликованы эпиграммы Логау, приведенные в его труде «Ненавязчивые суждения о немецких эпиграммах» (1698), и повторены ранее высказанные мысли о поэте.³

Лейпцигский издатель Иоганн Генрих Цедлер (1706–1751) в XVIII томе своего «Универсального лексикона всех наук и искусств» (1738) отозвался о Логау как о «галантном поэте», издавшем в 1638 году «под именем *Соломона фон Голау* 3000 немецких эпиграмм, которые хотя и, в духе того времени, несколько грубы, однако являют собой приятную игру ума».⁴ Академик Кристиан Готлиб Йохер (1694–1758) посвятил Логау подробную справку во второй части своего «Всеобщего словаря ученых» (1750), в которой практически дословно повторил отзыв Цедлера.⁵ Наконец, критик и теоретик литературы Иоганн Кристоф Готшед (1700–1766) в трактате «Опыт критической поэтики, с обозрением и изъяснениями примеров из наших лучших стихотворцев» (1751) сообщил о том, что «Зал. фон Голау или, вероятнее, фон Логау выпустил в свет многочисленное собрание маленьких поэтических цветов».⁶

И тем не менее, несмотря на перечисленные публикации и другие упоминания о поэте, к середине XVIII в. Логау, по справедливому суждению Лессинга, был «известен не далее, чем по имени».⁷ Неопровержимым доказательством неизвестности поэта, на взгляд критика, было то, что даже поэт-эпиграмматист Кристиан Вернике (1661–1725), ученик Морхофа, по его собственным словам, «не знал никого, кто бы отважился написать целую книгу эпиграмм на одном из живых языков».⁸ «Мы могли бы, – говорит далее Лессинг, – привести длинный список критиков, преподавателей поэтики, собирателей ученых анекдотов, которые либо вовсе его (Логау. – М.Н.) не помнят, либо

возымели, / И дар небесный мне Водитель Муз послал – / Такой, каким никто досель не обладал».

¹ *Neumeister, Erdmann. Specimen Dissertationis Historico-Criticæ de Poëtis Germanicis. 1695. S. 40.*

² *John, Johann Sigismund. Parnassi Silesiaci sive Recensiones Poëtarvm Silesiacorvm quotqvot vel in patria vel in alia etiam lingua Mvsi litarvnt centvria I. Wratislaviae 1728. S. 137.*

³ *Meister, Johann Gottlieb. Anweisung und Exempel/ Mehrentheils Lustiger und annehmlicher Epigrammatum. Leipzig und Frankfurt 1726. S. 36–38.*

⁴ *Zedler, Johann Heinrich. Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 18. Halle u. Leipzig: Zedler 1738. S. 256.*

⁵ *Jöcher, Christian Gottlieb. Allgemeines Gelehrten-Lexicon. Thl. 2. Leipzig 1750. S. 2502.*

⁶ *Gottsched, Johann Christoph. Versuch einer Critischen Dichtkunst Durchgehends mit den Exempeln unsrer besten Dichter erläutert. Leipzig 1751. S. 685.*

⁷ *Lessing G.E. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. III.*

⁸ *Ibidem, S. IV.*

припоминают, но с существенными ошибками».¹ В своем журнале «Письма о новейшей литературе» (1759) он повторяет: «Наши новые критики и профессора поэтики едва упоминают его имя и ничего из него не цитируют», – и продолжает: «Они никогда его не читали; они не знают и того, что у него имеется...».² Одним из тех, кого имел в виду просветитель, был Готшед. «Этот человек, – говорит Лессинг в 43-м „Письме“ от 21 июня 1759 г., – который славится своим знанием наших старых поэтов, именует его [Логау. – М.Н.] в указателе своей поэтики „Соломоном Логау“ – диковинной смесью его подлинного имени и псевдонима. Он также ни разу не привел из него ни единого примера, как приводит их из Опица, Флеминга, Даха, Чернинга и других...».³ Образцы же эпиграмм Логау, приведенные в поэтиках Майстера и Йона, по мнению Лессинга, являются лишь очевидным доказательством убогого вкуса их авторов и едва ли способны пробудить в читателе желание познакомиться с поэтом ближе. Таким образом, – заключает Лессинг, – Логау «никогда не был оценен по достоинству, и, пройди еще полстолетия, он, вероятно, так бы и погиб».⁴

Одной из непосредственных причин этого критик называет вышедший в 1702 г. анонимный сборник «Воскрешенные стихотворения С<оломона> ф<он> Г<олау>»,⁵ издатель которого Иоганн Адам Пленер (годы деятельности: 1682–1709) по собственному произволу подверг тексты Логау многочисленным и по большей части неоправданным исправлениям, сокращениям и переделкам, что послужило основанием для острой критики Лессинга: «...Тому уже более полувека, как некий аноним... издал „Воскрешенные стихотворения С. ф. Г.“... Заглавие это есть окончательное и неопровержимое доказательство того, что его эпиграммы к тому времени были уже похоронены. Вероятно, на этом анониме лежит и вся вина за то, что наш Логау еще глубже канул в забвение и отныне с полным основанием обречен быть погребенным вновь. Та часть его стихотворений, которая была, без всякого разбора, „воскрешена“, не только оказалась перемешанной с бесконечно дурными и грубыми пиэсами, но и сами логауские эпиграммы были до такой степени удлинены, укорочены, переиначены, что утратили всю свою силу, тонкость, остроумие, точность выражения, всякое славное поэтическое имя и всякое доброе свойство их автора, а зачастую и самый смысл».⁶

Таким виделось Лессингу положение дел к тому моменту, когда он, в соавторстве с берлинским поэтом Карлом Вильгельмом Рамлером и по инициативе последнего, предпринял собственное издание поэзии Логау, – первое за целое столетие, протекшее со времени выхода в свет прижизненного собрания эпиграмм.

3.1.2. Логау в издании Рамлера и Лессинга. Хотя утверждение, что Лессинг и его соиздатель, прусский придворный одописец Рамлер, спасли поэта от забвения, и считается сегодня «легендой, созданной историками литературы»,⁷ – тем не менее, честь открытия творчества Логау для широкой читательской аудитории, несомненно, принадлежит им. Вместе с публикацией в журнале «Письма о новейшей литературе» за 1759 год трех посвященных поэту статей Лессинга (№№ 36, 43 и 44), в которых критик представил немецким читателям забытого автора, подчеркнул его значение и указал на ряд бесспорных достоинств его творчества, он и Рамлер в мае того же года выпустили в свет том избранных эпиграмм Логау.

¹ Lessing G.E. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. V.

² Lessing G.E. 36. Brief // Briefe die Neueste Litteratur betreffend. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 261.

³ Lessing G.E. 43. Brief // Briefe die Neueste Litteratur betreffend. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 386.

⁴ Lessing G.E. 36. Brief, S. 261.

⁵ S. v. G. Auferweckte Gedichte. Franckfurt und Leipzig/ In Verlegung Joh. Adam Pleners. Ao. 1702.

⁶ Lessing G.E. Vorrede, S. XIII–XIV.

⁷ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 285.

В «Письмах о новейшей литературе» Лессинг называет Логау «одним из наших лучших старых поэтов»¹ и «немного более, чем эпиграмматистом».² Особенно восхищают Лессинга его галантно-игривые стихотворения: «...почти каждая вещь, – говорит критик, – это нечто изящное, наивное, нежное, а нередко и плутовское, и Логау выступает в них как наш немецкий Катулл, если не гораздо лучше».³ В то же время он отмечает, что большая часть эпиграмм Логау – это нравственные сентенции, которые, благодаря их глубокому смыслу, «следует причислить к золотым изречениям, достойным того, чтобы быть запечатленными в памяти каждого».⁴ В предисловии к изданию 1759 г. Лессинг именует Логау «лучшим поэтом опицевой школы»⁵ и говорит о нем так: «...бесспорно, в лице его одного мы имеем вместе Марциала, Катулла и Дионисия Катона»⁶. Последнее высказывание – не преувеличенная похвала, но программная концепция, отражающая понимание Лессингом специфики творчества силезского эпиграмматиста. Данная концепция восходит к афористическому определению характера поэзии Логау, впервые высказанному в 1668 г. Квирином Кульманом, а в XVIII веке повторно сформулированному поэтом Иоганном Вильгельмом Людвигом Глеймом (1719–1803): что Логау – это «немецкий Марциал».

Руководствуясь данной концепцией, подготовители издания отказались от повторения авторского десятичного членения собрания 1654 г. на «Тысячи» и «Сотни», и вместо этого, приняв за образец классическое собрание эпиграмм Марциала, разделили свой сборник на двенадцать «книг», а вместо XIII и XIV марциаловских «книг» добавили свое «Прибавление», в котором поместили одиннадцать длинных сатир, эпистол и элегий Логау. Количество стихотворений в книгах I – XII издания Рамлера – Лессинга неодинаково и не является круглым числом, но варьируется от книги к книге, колеблясь в пределах от 87 до 129 номеров. Эти цифры абсолютно произвольны и являются не чем иным, как слепым подражанием римскому прототипу, поскольку составителям, при наличии неисчерпаемого исходного материала, очевидно, не составляло никакого труда «добрать» необходимое количество стихотворений до круглой цифры, одинаковой в каждой из книг.

Именуя Логау «немецким Марциалом, Катуллом и Дионисием Катонем», издатели выстроили своего рода парадигму, которой в творчестве поэта соответствуют сатирическая, галантно-игривая и моралистическая тематики. В соответствии с подобным пониманием поэзии Логау, около половины объема издания Рамлера – Лессинга (46,8%) составляют гномы и сентенции; в несколько большем количестве (48%) представлены обличительно-сатирические и скоптические эпиграммы; целая VI книга отведена, во вкусе Лессинга, игриво-эротическим и застольно-гедонистским образцам (5,5%), а также эпиграммам других типов на соответствующие темы, так что ей, по выражению литературоведа Вальтера Хойшкеля, исследовавшего формальные и текстовые модификации поэзии Логау в издании 1759 г., «можно было бы придать заглавие „Любовь и вино“».⁷

Количество стихотворений авторского собрания также подверглось сокращению, поскольку, по мнению Лессинга, «все три тысячи пятьсот пятьдесят три эпиграммы не

¹ *Lessing G.E.* 36. Brief // *Briefe die Neueste Litteratur betreffend*. Т. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 260.

² *Ibidem*, S. 261.

³ *Lessing G.E.* 43. Brief // *Briefe die Neueste Litteratur betreffend*. Т. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 395.

⁴ *Lessing G.E.* 36. Brief, S. 269; 43. Brief, S. 398.

⁵ *Lessing G.E.* Vorrede // *Friedrichs von Logau Sinngedichte*. Leipzig 1759. S. III.

⁶ *Ibidem*, S. VIII.

⁷ *Heuschkel W.* Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus. Jena 1901. S. 6.

могут быть одинаково хороши и достойны того, чтобы быть открытыми»,¹ и это их «ужасающее множество» и явилось одной из главных причин того, что творчество поэта оказалось в забвении.² Из всего корпуса эпиграмм издатели включили в свой сборник немногим более трети (1284 стихотворения), заверив при этом читателей, что «у всех народов считается превосходным тот поэт, у которого третья часть произведений удачна»,³ и что даже слабейшие из отобранных ими эпиграмм «послужат... доказательством того, сколь мало должен он сожалеть об отсутствии прочих».⁴

Издание Рамлера – Лессинга представляет собой плод целенаправленного труда его составителей по отбору и редактированию эпиграмм Логау. Трудно установить в точности, какая часть работы над изданием принадлежала Лессингу, а какая – Рамлеру. Согласно признанию самого Рамлера, отбор и редактирование эпиграмм были выполнены им, вкладом же Лессинга были только предисловие и приложенный к изданию толковый словарь языка поэта.⁵ Согласно более позднему свидетельству литературоведа Карла Лахмана (1793–1851), автором отбора текстов был Лессинг, а исправлений – Рамлер.⁶ Однако наиболее вероятной представляется третья версия, становящаяся очевидной из переписки, которая велась в то время между Лессингом, Рамлером и Глеймом: что отбор эпиграмм осуществлялся обоими авторами совместно, но решающее слово в нем принадлежало Рамлеру, и редактирование текстов проводилось Рамлером при полном одобрении Лессинга.⁷ В любом случае, несомненно одно: ответственность за опубликованный текст лежит на обоих.

Лессинг говорит о принципе отбора эпиграмм: «Если они и не всегда остроумны, то все-таки всегда содержат в себе серьезный, глубокий смысл, поэтическую картину, меткое выражение, свежий, непосредственный оборот...».⁸ Однако, как показывают исследования, отбор стихотворений в издании 1759 г. был проведен не столько по художественному, сколько по жанрово-тематическому принципу. Хойшкель перечисляет целые разряды эпиграмм, отвергнутые составителями *in corpore*: это хронограммы, посвящения друзьям и знатым персонам (кроме имеющих историко-литературную ценность), эпитафамы, «крестинные записки», эпитафии, анаграммы (эпиграммы с буквенными перестановками в заглавиях), и т.д.⁹ Были оставлены без внимания также поэтические циклы Логау: «на все пять чувств» (II,8,23–27), «на все дни недели» (II,10,19–26), «на все месяцы года» (II,10,31–42) и др. Из 69 катренов церковно-годового цикла Рамлер и Лессинг отобрали всего три, при этом переиначив их до неузнаваемости. Столь характерные для поэзии эпохи барокко концептистские эпиграммы также были оставлены за рамками издания. Подобно этому, и практически все, за редкими исключениями, эпиграммы обценного содержания, а равно и те, в которых имеет место игра слов двусмысленно-эротического характера, постигла та же участь; те же из них, которые все же попали на страницы сборника, были

¹ *Lessing G.E.* 43. Brief // Briefe die Neueste Litteratur betreffend. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 393.

² *Lessing G.E.* Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. X.

³ *Ibidem*, S. XI.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Heuschkel W.* Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus. Jena 1901. S. 2–3.

⁶ *Ibidem*, S. 3, Anm. 2. (*Lachmann K.* Kleinere Schriften, I, S. 555).

⁷ *Ciolek-Józwiak A.* Logaus Sinngedichte in Lessings und Ramlers Bearbeitung // *Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine* (Hrsg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 363–364.

⁸ *Lessing*, Vorrede, S. XI.

⁹ См.: *Heuschkel*, *op. cit.*, S. 5–6.

предварительно приведены в «благопристойный» вид. Едва ли не самую значительную часть отвергнутых Лессингом и Рамлером стихотворений Логау составляют образцы, принадлежащие к христианской духовной поэзии.

Лессинг ни в «Письмах о новейшей литературе», ни в своем предисловии к изданию не упоминает о религиозных эпитафиях Логау, – что, впрочем, неудивительно. Сын лютеранского пастора из Каменца в Саксонии, по своим взглядам – тайный последователь Спинозы и антиклерикалист, он придерживался убеждения, что «путь немецкой литературы должен идти мимо княжеских дворов и молитвенных домов».¹ Поэтому то, что составители сборника «не отдавали предпочтения религиозным стихотворениям»,² представляется само собой разумеющимся. Как заметил Эйтнер, «...из превосходных стихотворений религиозного содержания было отобрано поразительно малое число».³ Количество этих эпитафий в издании 1759 г. составляет немногим менее 60 (4,7%) против более 360 (10%) в издании 1654 г. Таким образом, духовная составляющая творчества Логау в издании 1759 г., по сравнению с авторским прижизненным изданием, редуцирована более чем вдвое.

Эпитафии Логау представлены в издании Рамлера – Лессинга не адекватно их оригинальному облику, но претерпели ряд формальных модификаций, среди которых наиболее типичны следующие: произвольные сокращения; изменения стихотворных размеров; изменения строфики (например, переделки двустиший в четверостишия); изменения заглавий; смысловые изменения. Многочисленным исправлениям подверглись также язык и стилистика эпитафий. По замыслу издателей, редактирование стихотворений Логау имело целью, прежде всего, устранение архаизмов и диалектизмов и приближение текстов к современной языковой норме. В предисловии к изданию Лессинг заверяет: «Мы вполне осознаём, что старого поэта мы этими немногочисленными и незначительными исправлениями ни в малейшей степени не осовремениваем; мы лишь отчасти приходим ему на помощь, когда обнаруживаем, что он в своей прозрачной непринужденности заходит слишком далеко...»⁴ Однако отнюдь не всегда редакторы ограничивались всего лишь модернизацией авторской манеры выражения и исправлением реликтов литературного языка XVII века. По свидетельству Эйтнера, «не только старомодные формы и обороты переиначены на новый лад, но даже мысли и содержание многих эпитафий, порой при явном недостатке их верного понимания, до такой степени переделаны, что они с полным правом не могут больше считаться логаускими произведениями».⁵ Характер целого ряда переработок эпитафий в издании 1759 г. свидетельствует также о перманентной интенции редакторов в направлении *снижения религиозно-проповеднического пафоса оригинала*, достигаемого при помощи редактуры. Это становится явным, например, из редакции эпитафий „Zuversicht“ (I, 77):

Hat Gott mich ohne mich gebracht in dieses Leben,
Wird Gott das, was mir fehlt, mir ohne mich auch geben.⁶

¹ Грив В.Р. Лессинг // История немецкой литературы в пяти томах. Т. 2. М., 1963. С. 124.

² Heuschkel W. Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus. Jena 1901. S. 5.

³ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 746.

⁴ Lessing G.E. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Leipzig 1759. S. XII.

⁵ Eitner, op. cit., S. 746–747.

⁶ «Упование. Коль Бог, без нашей просьбы, дал жизнь земную нам, / Он даст и то, что нужно, без нашей просьбы Сам».

У Логау данный образец не является самостоятельным стихотворением – это первый дистих четверостишия из перикопного цикла „Am 15. Sontage nach der H<eiligen> Dreyfaltigkeit“ (I,9,57):

HAt Gott mich ohne mich gebracht in dieses Leben/
Wird Gott mir/ was mir fehlt/ mir ohne mich auch geben:
Ein Heyde sorgt zu viel; ein Christ traut seinem Gott/
Der sein Geschöpff erhält in Glück vnd auch in Noth.¹

Как можно видеть, произвольное сокращение подлинника повлекло за собой кардинальное изменение смысла. В XVII веке, в 15-е воскресенье после Троицы, в лютеранской церкви за литургией читалось Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 25–34.² Катрен Логау опирается на этот текст из Нагорной проповеди, где речь идет о невозможности «служения двум господам» – житейской и духовной пользе, о многозаботливости неверующих и уповании христиан на помощь Божию. В новой же редакции эпиграмма приобрела возможность иного прочтения: пафос двустишия – декларирование духовно независимой позиции секуляризованной личности эпохи Просвещения. Аналогичной модификации подверглось в издании 1759 г. другое четверостишие из того же цикла – „Am Sontage Misericord<ias> Domini“ (I,9,33):

EJn guter Hirt ist der/ der seinen Leib vnd Leben
Von freyem Willen wil für seine Schafe geben:
Wer ist nun aber der/ der durch Gewalt vnd List/
Zum Theil die Schafe schindt/ zum Theil die Schafe frist?³

Под пером Рамлера данная религиозная эпиграмма превратилась в сатирическое антиклерикальное двустишие „Hirten“ (VII, 52):

Was ist das für ein Hirt, der durch Gewalt und List
Zum Theil die Schafe schindt, zum Theil die Schafe frist?⁴

Показательным примером снижения высокого стиля произведений Логау в издании Рамлера – Лессинга является двустишие „Geitz“ (II,4,71):

Wer Gold/ Gott nicht zu Dienst vnd jhm zum Brauche nützet/
Hat das was hat/ wer Gold im Stollen noch besitzt.⁵

¹ «В 15-е воскресенье после Троицы. Коль Бог, без нашей просьбы, дал жизнь земную нам, / Он даст и все, что нужно, без нашей просьбы Сам. / Заботится язычник, – мы ж стойки в уверенье, / Что Бог, в беде и в счастье, хранит Свое творенье».

² Проприй: Изменяющиеся части главного богослужения. СПб.: Еванг.-лют. церковь, 1999. С. 143.

³ «В воскресенье Мизерикордиас Домини. Тот, верно, Пастырь добрый, Кто жизнь Свою и тело / Своих овечек ради отдать готов всецело; / Но кто ж тот, кто, пускаясь на хитрость и обман, / Стрижет и пожирает овечек-христиан?»

⁴ «Пастыри. Тот пастырь ли, кто, зная лишь хитрость и обман, / Стрижет и пожирает овечек-христиан?»

⁵ «Скупость. Кто не для Бога золото – для нужд своих имеет, – / Богат, как тот, кто золотом, что под землей, владеет».

Редакторы убрали из текста эпиграммы Бога, заменив Его, как объект приношения, человеческим «эго» (XI, 91):

Wer Gold, ihm nicht zum Brauch, der Welt zu Dienste, nützet,
Hat das, was der hat, der im Stollen Gold besitzt.¹

В иных случаях – как, например, в эпиграмме „Von der Deutschen Poesie“ (I,5,69) – возвышенность стиля намеренно снижена не в религиозном шпрухе или сентенции, а в авторепрезентативном стихотворении:

WAs ist ein deutscher Reim? Deutsch kan hier jederman;
Drum ist mir lieb daß ich/ kan auch was jeder kan:
Doch kan mein Reim/ noch was/ das Zoilus nicht kan/
Daß meinen Reim wie jhr/ besticht nicht Jedermann.²

Новая редакция данного текста (II, 76), в которой смысл стихотворения изменен, свидетельствует не только об интенции в направлении стилевого принижения оригинала, но и об осознанном стремлении к приземлению образа самого поэта:

Was ist ein deutscher Reim? Deutsch kann ja jedermann. –
Drum ist mir lieb, daß ich auch kann, was jeder kann.³

О той же интенции в сторону прозаизации оригинала говорят, в частности, такие детали редактуры в издании Рамлера – Лессинга, как небольшое, но примечательное исправление в тексте притчевой эпиграммы „Der weichende Krieg“ (I,8,5):

Mars macht es gar zu arg/ Mars tobt jetzt gar zu sehr;
Der Teuffel/ wann er weicht/ so stinckt er desto mehr.⁴

Редакторы внесли в текст только одну, на первый взгляд, малозначительную коррективу: во втором полустиии второго стиха ввели косвенное наклонение „sagt man“ («как говорится». – нем.), которое в примере и переводе мы выделили курсивом. «Смягчив» тем самым категоричность авторской мысли, они не только поставили под сомнение одну из важнейших реалий духовного мира, которая для христианского поэта является несомненной, но и снизили тональность исходного текста:

Mars macht es gar zu arg, Mars tobt itzt gar zu sehr.
Der Teuffel, wenn er weicht, stinkt, *sagt man*, desto mehr.⁵

¹ «Кто золото не для себя – для нужд мирских имеет, – / Богат, как тот, кто золотом, что под землей, владеет».

² «О немецкой поэзии. Стихом немецким мысль у нас любой изложит, – / И рад уметь я то, что ныне каждый может. / Но может стих мой то, чего Зоил не может: / Себя он никому за деньги не предложит!»

³ «Что стих немецкий нам? Немецким всяк владеет, – / И рад уметь я то, что и любой умеет».

⁴ «Отступающая война. Марс буйствует чрезмерно, злодейством Марс насыт; / И дьявол, исчезая, не менее смердит».

⁵ «Отступающая война. Марс буйствует чрезмерно, злодейством Марс насыт; / И дьявол, исчезая, как говорят, смердит» (VIII, 100). Курсив наш. – М.Н.

Подобная тенденция привела к серьезному искажению в издании 1759 г. содержательного и стилового характера поэзии Логау. В результате снижения ее «высокости»¹ и редуцирования религиозной составляющей была сведена к минимуму принципиальная для эстетики барокко напряженность, возникающая как результат взаимодействия религиозного и светского направлений – общей тенденции немецкой лирики XVII в.,² и идейный центр тяжести всего творчества поэта переместился в секулярную плоскость. Утратив вследствие тенденциозного редактирования свою стилевую специфику, поэзия Логау приобрела в издании Рамлера – Лессинга секуляризованный характер в духе произведений литературы XVIII столетия. Издатели, если так можно выразиться, «транспонировали» творчество Логау из семнадцатого в восемнадцатый век, приведя его в соответствие как «с изменившимися вкусами времени»,³ так и со своими собственными.

Наряду с переосмыслением содержательного характера поэзии Логау, Лессинг изменил и ее внешние атрибуты. Он первым поставил в титуле издания подлинное имя поэта, а о его псевдониме лишь мимоходом упомянул в предисловии, не пытаясь выявить его смысловую связь с творчеством автора.⁴ Тем самым Логау, без всякого на то основания, был лишен своего литературного имени, а его поэзия – своей духовной идеи: вместо «стихотворных изречений Соломона из Голау» появились просто «эпиграммы Фридриха фон Логау». Последующие издатели продолжили эту традицию, и, таким образом, после 1759 г. авторский псевдоним Логау навсегда исчез с обложек и титульных листов его изданий.

Издание Рамлера – Лессинга уникально тем, что представляет собой не только интереснейший феномен «встречи» двух литературных эпох – барокко и Просвещения, но также и редкий пример литературного сотрудничества троих выдающихся мастеров, в котором один выступает как автор, а двое других – как редакторы и издатели. Это издание имело чрезвычайное значение для дальнейшей судьбы поэзии Логау, явившись отправным пунктом ее новой жизни: на протяжении XVIII – XX вв. его эпиграммы выдержали в Германии около полусотни переизданий. Однако представленная в нем трактовка Логау как преимущественно светского моралиста и сатирика в известном смысле предопределила и характер дальнейшего восприятия творчества поэта вплоть до настоящего времени. И тем не менее, целенаправленно секуляризованный подход составителей сборника к творческому наследию поэта сам по себе является свидетельством «от обратного» важности религиозной подоплеку поэзии Логау.

3.1.3. Переоценка творческого наследия Логау в XIX столетии. Важнейшую роль в судьбе поэзии Логау сыграла исследовательская и издательская деятельность силезского филолога, профессора и ректора гимназии в Гёрлице Эрнста Густава Эйтнера (1835–1901), выпустившего в 1872 г. критическое издание его эпиграмм, которое впервые включило весь корпус прижизненного собрания 1654 г. Издание 1872 г. было задумано с целью восстановления аутентичного характера творчества Логау, искаженного изданием 1759 г.⁵ Эта задача была безусловно выполнена. Впервые книга эпиграмм Логау предстала перед читателями без каких-либо перестановок и купюр,

¹ Термин С.С. Аверинцева. См.: *Аверинцев С.С. Притча* // КЛЭ. Т. 6. М., 1971. С. 20.

² См.: *Zell K.-A. Untersuchungen zum Problem der geistlichen Barocklyrik mit besondere Berücksichtigung der Dichtung Johann Heermanns (1585–1647)*. Heidelberg 1971. S. 27.

³ *Heuschkel W. Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus*. Jena 1901. S. 5.

⁴ *Lessing G.E. Vorrede* // *Friedrichs von Logau Sinngedichte*. Leipzig 1759. S. III.

⁵ *Eitner G. Schlusswort des Herausgebers* // *Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte*. Tübingen 1872. S. 747.

почти в том виде, в каком он сам ее опубликовал. Но Эйтнер приложил усилия и к тому, чтобы, на основании его творчества, показать истинный облик самого поэта. В своем биографическом очерке он говорит: «Фридрих фон Логау есть одно из благороднейших явлений своего времени... Нет большой заслуги в том, чтобы в добродетельный век не принадлежать к порочным людям; но среди политических, социальных и нравственных бедствий, порожденных многолетней опустошительной войной, ввергшей все сословия в состояние внутреннего распада, быть верным благородному образу мыслей и сохранить непоколебимую веру в святые сокровища сердца, – на это способен только человек твердых и благородных убеждений, человек с испытанным характером».¹

Логау, по словам Эйтнера, не был всего лишь ученым стихотворцем, знающим мир только по книгам: он доподлинно знал жизнь, знал все изъяны, все нужды и скорби своей отчизны и стремился не к тому, чтобы блистать, но к тому, чтобы приносить пользу своему веку.² «С неподдельным чувством, с христианской любовью и глубоким, истинным убеждением проповедует поэт, среди опустошительной религиозной войны, возвышенную веротерпимость и гуманность; среди жестоких партийных распрей произносит он кроткие слова умиротворения». Эйтнер отмечает также любовь поэта к своему отечеству, к родному языку и обычаям, нравственную высоту его личности: «В строгом понимании своих обязанностей по отношению к ближнему Логау стоит на нравственной высоте рядом с лучшими из своих современников». Критик подчеркивает разницу между Логау и поэтами его времени, говоря, что, в то время как Гофмансвальдау, Лоэнштайн и другие авторы нередко примешивали к своим писаниям чувственность, у Логау на первом плане почти всегда выступает намерение исцелять недостатки и пороки общества тем, что он «выставляет их, во всем их уродстве, на всеобщее обозрение и бичует их насмешкой».³

По мнению Эйтнера, отчасти перекликающемуся с характеристикой, данной Логау Лессингом, он ни в коем случае не является только эпиграмматистом. Биограф говорит о немалом числе его песней, которые «настолько проникнуты дыханием подлинной поэзии, что должны быть по праву поставлены рядом с лучшими лирическими свидетельствами своего времени». Таким образом, впервые было сказано о значении лирической поэзии Логау. Однако Эйтнер отмечает и то, что у поэта нет недостатка «в пустых и слабых мыслях, в непоэтичных, прозаических и плоских сюжетах, в общих местах, в безвкусовых шутках, особенно обнаруживающихся среди столь любимых в его время анаграмм и фигурных стихотворений, в языковых и метрических изъянах». Но все это, по его мнению, с избытком покрывается «удивительной плодovitостью его выдумки, которая нанизывает новые и неожиданные мысли, смелые и точные изображения, невычурные и меткие остроты... в неиссякаемом многообразии».⁴

Эйтнер сравнивает поэта с римским поэтом Ювеналом (60–127), который, выступая против упадка государства, общественной жизни и семейного уклада, так же как и Логау, «едва ли не против своей воли стал сатириком».⁵ Сатира поэта, по его словам, содержит столь правдивое отражение его времени, что может быть использована историками культуры XVII столетия в качестве источника. Свойственные ей, по мнению критика, серьезность и содержательность, изящество и легкость, язвительная

¹ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 719.

² Ibidem, S. 730–731.

³ Ibidem, S. 726–728.

⁴ Ibidem, S. 734.

⁵ Ibidem, S. 732. (Курсив наш. – М.Н.).

насмешливость и дерзость... и почти всегда – обилие блестящих мыслей уведат читателя «из унылой, интеллектуально убогой пустыни, какой представляется литература этого столетия».¹

В своем обзоре основных мотивов поэзии Логау Эйтнер подчеркивает ее религиозную основу. «Логау, – пишет он, – был подлинно религиозной натурой; его эпиграммы и песни этого направления обнаруживают искренность чувств, подлинность переживаний и душевную глубину, и их без колебаний можно поставить рядом с лучшими образцами его эпохи»; по словам исследователя, в них «...веет дыхание истинного благочестия».² Так, через 113 лет после издания Рамлера – Лессинга и спустя 218 лет после выхода в свет прижизненного собрания эпиграмм, впервые была отмечена важность духовной лирики Логау для понимания его личности и творчества.

Во второй половине XIX в. религиозная поэзия Логау удостоилась заслуженной оценки не только в Германии, но и за ее пределами. За три года до издания Эйтнера материалы о Логау были опубликованы в антологии английской религиозной писательницы Кэтрин Уинкворт (1827–1878) «Христианские поэты Германии» (1869).³ В своей периодизации немецкой религиозной поэзии за тысячелетие от 800 до 1850 гг. автор поместила Логау среди поэтов так называемой «новой школы», вместе с И.В. Андрэе, Фридрихом фон Шпее (1591–1635) и Ангелусом Силезиусом. В качестве образцов Уинкворт опубликовала, в переводе на английский, несколько религиозных эпиграмм поэта и надгробную оду «Эпитафия добродетельной жены» (I,10,2), переименованную ею в „Epitaph on his wife“ («Эпитафия его супруге». – *англ.*).⁴ В кратком вступлении к посвященному Логау разделу антологии Уинкворт представляет поэта как «основоположника эпиграмматики и дидактической поэзии», который «намного более умен и выразителен, чем большинство его последователей», и который «сочинил... известное количество духовных изречений... проникнутых духом искреннего и мужественного благочестия». По поводу стихотворений Логау составительница замечает, что «иные из них – сырые и неотделанные по форме, но большинство обладает силой и ясным, глубоким смыслом», самого же поэта она характеризует как человека, наделенного «сильным и самобытным духом» и оказавшего, по ее мнению, «заметное влияние на писателей своего времени».⁵

3.1.4. Логау в немецкой литературной критике XX столетия. В начале XX в. в Германии появился целый ряд посвященных Логау фундаментальных исследований, авторы которых традиционно обращали внимание в большей степени на сатирический аспект творчества поэта. Первым в этом ряду стоит Пауль Хемпель, который говорит о «сатире, иронии и сарказме» Логау и именуется его «поэтом „на случай“ в лучшем смысле этого слова».⁶ Йозеф Баумайстер сообщает, что Логау является «значительным представителем сатирического направления», и что его эпиграммы имеют «преимущественно нравообличительный характер».⁷ Подлинный расцвет исследований

¹ *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 735.

² *Ibidem*, S. 725.

³ *Winkworth, Catherine.* Christian Singers of Germany. London 1869. P. 230–233.

⁴ В собрании эпиграмм – „Grabmal einer redlichen Frauen“ (I,10,2), в первоисточнике – „Epitaphium Integerrimæ Conjugis per lugentem Maritum“ («Безупречной жене от скорбящего мужа». – *лат.*); стихотворение написано в 1642 г. в память Анны Хелены фон Нициц, урожденной баронессы фон Бибран.

⁵ *Winkworth*, *op. cit.*, p. 231.

⁶ *Hempel P.* Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 9–10.

⁷ *Baumeister J.* Der Gedankengehalt der Epigramme Friedrichs von Logau. Diss. Erlangen 1922. S. 2.

поэзии Логау начался в 80-е годы XX в., когда к его творчеству обратилась целая плеяда выдающихся немецких литературоведов – таких, как Адальберт Эльшенбройх, Теодор Фервайен, Анна-Хильда Фрицман, Эрнст-Петер Викенберг, Петер Гесс и другие. Среди них Анна Фрицман в монографии «Фридрих фон Логау: Сатирик» (1983) указывает, что образцом для сатиры Логау послужили Гораций, Марциал и Ювенал.¹ В издании 1654 г. она насчитывает 1836 сатирических эпиграмм, – данная цифра есть не что иное, как арифметическое выражение понимания исследовательницей сатиры в широком диапазоне от остроты и шутки до инвективы.²

Эрнст-Петер Викенберг, автор второго после 1872 г. критического издания поэзии Логау (1984), в своей статье „Logau – Moralist und Satiriker“ (1982) рассматривает обличительно-сатирическую стихию в творчестве Логау. Утверждая, что Логау, как и многие писатели его эпохи, наделен «ироническим духом», он выделяет в его поэзии три главных тематических направления: критику двора, критику города и критику церкви.³ В послесловии к своему изданию Викенберг подчеркивает, в частности, что сатирические эпиграммы Логау обращены против распространенных пороков того времени, а также против мест, где они обильнее всего проявляются (город и двор).⁴

Так же, как до него Эйтнер, Викенберг анализирует мировоззрение Логау, исходя из содержания его поэзии. Критик говорит о поэте, что тот «всегда выступает против церковных раздоров... против притеснений в вере... против нетерпимости. В противоположность этому он составляет проект утверждения некой „сердечной веры“, недогматической праведности». И далее он замечает: «Удивителен тот факт, что многие эпиграфы, предваряющие все три части его собрания стихотворений 1654 года, он (Логау. – М.Н.) взял из сочинений католических теологов».⁵

В послесловии к своему изданию критик не рассматривает духовной поэзии Логау, говоря лишь о его «религиозности» и о том, что в религиозных взглядах поэта «находит свое выражение напряженность его собственного существования».⁶ Тем не менее, он признает, что во многих стихотворениях Логау «обнаруживается глубокий пессимизм и внушенное теологией Лютера твердое благочестие».⁷

В числе критиков, придающих важное значение религиозности Логау, нужно назвать Адальберта Эльшенбройха и Акселя Линдквиста. Первый, анализируя мировоззрение Логау, высказывает мнение, что поэт «всецело стоит на основной идее лютерова учения о вере и милосердии, не культивируя конфессионального чувства лютеранина».⁸ Критик особенно выделяет гномические эпиграммы Логау, утверждая, что поэт «прямо видел в этих стихотворениях свое своеобразие».⁹ В свою очередь, Линдквист говорит, что Логау в своих стихах комментирует события, которые он сам пережил, реагируя на них с живым чувством справедливости и с искренним участием, и что стихотворения Логау являются «прекрасным свидетельством связи стоической жизненной философии с внутренней мистически окрашенной религиозностью». Логау

¹ *Fritzmann A.* Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 94.

² *Ibidem*, p. 52, 196.

³ *Wieckenberg E.-P.* Logau – Moralist und Satiriker // *Meid V.* (Hg.). Gedichte und Interpretationen. Bd. 1: Renaissance und Barock. Stuttgart 1982. S. 261–263.

⁴ *Wieckenberg E.-P.* Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 295–296.

⁵ *Ibidem*, S. 307.

⁶ *Ibidem*, S. 306.

⁷ *Ibidem*, S. 308.

⁸ *Elschenbroich A.* Friedrich von Logau // *Steinhagen H. und Wiese B. v.* (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 221–222.

⁹ *Ibidem*, S. 216.

для Линдквиста – «глубоко религиозный человек, набожный христианин, протестант, но не фанатик конфессионализма». Автор говорит о «теплом, искреннем религиозном чувстве» поэта, о его, несмотря ни на что, «твердой вере в Промысел Божий».¹

Традиционным для немецкой критики XX в. является признание выдающегося таланта поэта и значительности его вклада в развитие жанра немецкой литературной эпиграммы. Так, Пауль Хемпель называет Логау «одним из наиболее замечательных дарований XVII столетия»;² Йозеф Баумайстер характеризует его как «величайшего немецкого эпиграмматиста всех времен»;³ Тереза Эрб говорит о Логау как о «наиболее продуктивном, изобретательном и остроумном среди немецких эпиграмматистов XVII столетия»;⁴ Эрих Урбан считает его «единственным подлинным поэтом среди эпиграмматистов»;⁵ Анна Фрицман подчеркивает, что талант Логау далеко опередил его эпоху, и называет его «одним из немногих поэтов XVII в., у которых есть что сказать нашему времени».⁶ По мнению Карла-Ульриха Зеельбаха, Логау – «важнейший немецкоязычный эпиграмматист XVII столетия», чьи «эпиграммы, сатиры, стихотворения „на случай“, максимы и лирические зарисовки являются сокровищницей критически мыслящего сознания его эпохи», – а то, что поэт все еще не причислен к «„великим силезцам“ эпохи барокко», исследователь объясняет «ошибочным мнением о „малозначительности“ его труда, как состоящего преимущественно из малых стихотворных форм».⁷

3.1.5. Логау в российском литературоведении XIX – XXI вв. Наиболее ранние упоминания о Логау в отечественных литературоведческих источниках восходят к концу XIX столетия. Оценки, данные поэту в двух капитальных трудах по истории всемирной литературы, появившихся в это время, в известном смысле предопределили и два основных направления дальнейшей рецепции творчества Логау в России. Первое из этих направлений рассматривает поэзию Логау как преимущественно сатирическую; стоящий у его истоков литературовед В.Р. Зотов (1821–1896), автор «Истории всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах» (1877–1882), помещает Логау рядом с сатирическим поэтом Иоганном Вильгельмом Лаурембергом (1590–1658), однако в литературном значении ставит его ниже последнего.⁸ Основоположителем второго направления, в котором на первое место в поэзии Логау выдвигается ее дидактическая тенденция, был выдающийся русский литературовед А.И. Кирпичников (1845–1903). В своей «Всеобщей истории литературы» (1885–1892) он именуется Логау «отдельно стоящим поэтом первой силезской школы» и говорит о «силе, искренности, серьезности и простоте» его поэзии, форма которой более всего близка к греческой эпиграмме.⁹ Последнее замечание показывает взгляд исследователя на жанровый характер эпиграмм Логау.

¹ *Lindqvist A.* Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // *Pfohl G.* (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 343–347.

² *Hempel P.* Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 9.

³ *Baumeister J.* Der Gedankengehalt der Epigramme Friedrichs von Logau. Diss. Erlangen 1922. S. 2.

⁴ *Erb T.* Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn 1929. S. 52.

⁵ *Urban E.* Owenus und die deutschen Epigrammatiker des XVII. Jahrhunderts. Berlin 1900. S. 24.

⁶ *Fritzmann A.* Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 62, 375.

⁷ [*Seelbach K.-U.*] Salomo in Schlesien. Eine Tagung zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus 2005 // *Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur.* Amsterdam: Rodopi BV, 2003. Bd. 32. S. 750.

⁸ *Зотов В.Р.* История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах. Т. 4. СПб. – М., 1882. С. 55.

⁹ *Кирпичников А.И.* Немецкая литература в век академизма и псевдоклассицизма // *Корш В.Ф., Кирпичников А.И.* Всеобщая история литературы. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1888. С. 755–756.

Преобладающее значение в отечественном литературоведении получило первое из этих двух направлений. Так, в посвященных поэту статьях энциклопедий, как литературных, так и общего характера, вышедших в России – СССР в конце XIX и первой половине XX вв., Логау охарактеризован исключительно как сатирик.¹ В источниках, относящихся к более позднему времени, вплоть до конца XX столетия, – справочных изданиях, учебниках истории немецкой и зарубежной литературы XVII в., хрестоматиях по зарубежной литературе XVII в. и других работах, – можно встретить аналогичную оценку творчества поэта.² В большинстве изданий за весь рассматриваемый период творчеству Логау посвящены весьма скудные и немногословные сообщения, главным образом, справочного характера. В них, как правило, содержатся биографические сведения, обычно малосодержательные, фрагментарные и избыточные неверными фактами, переходящими из одного издания в другое, и краткая схематическая характеристика творчества поэта, в которой внимание обращается преимущественно на сатирическую и социально-критическую стороны последнего, например: «Барон, немецкий сатирический поэт, автор эпиграмм (1638), в которых бичует придворную жизнь, упадок нравов, клеймит ханжество и требует свободы совести».³ Нередко посвященные Логау пассажи сводятся к простому перечислению мотивов и тем его критических и нравоописательных эпиграмм: «В своих эпиграммах Логау продолжал нападки на все иностранное в Германии: моду („Französische Kleidung“), язык („Französische Sprache“), бичевал лицемерие церковников („Heuchler“), развращенность „придворных ослов и куртизанок“».⁴

Единственным исключением в этом ряду является публикация А.А. Гугнина «Фридрих фон Логау» в хрестоматии «Литературные манифесты западноевропейских классицистов» (1980), в которой впервые был представлен перевод предисловия поэта к его книге, а также некоторых его программных эпиграмм.⁵ Эту публикацию можно считать первым в отечественной филологии опытом презентации поэзии Логау как литературно-эстетического феномена. Отдельные советские исследователи дают оценку поэтическому мастерству Логау: так, по мнению Гугнина, поэт является одним из виднейших мастеров короткого стихотворного жанра: сатиры, эпиграммы, нравоучительного шпруха;⁶ в свою очередь, Н.А. Жирмунская, анализируя поэтику стихотворений Логау, отмечает, что ему «удалось создать подлинно национальную и по содержанию и по форме немецкую эпиграмму».⁷

¹ Энциклопедический словарь. Издание Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). Т. XVII^А. СПб. 1896. С. 896. – Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. Т. 27. М., б.г. [1910–1948]. С. 303. – Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934. С. 750. – Большая советская энциклопедия. Т. 37. М., 1938. С. 304. – Пуришев Б.И. Немецкая литература // Большая советская энциклопедия. Т. 41. М., 1939. С. 527.

² Артамонов С.Д., Самарин Р.М. История зарубежной литературы XVII века. М., 1963. С. 32. – Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. С. 405. – Липидус Н.И. и др. Зарубежная литература. Минск 1969. С. 146. – Гуляев Н.А. и др. История немецкой литературы. М., 1975. С. 66. – Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 800. – Артамонов С.Д. История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 202, 206.

³ Энциклопедический словарь Гранат (см. выше). Т. 27. С. 303.

⁴ Большая советская энциклопедия (см. выше). Т. 37. М., 1938. С. 304.

⁵ Гугнин А.А. Фридрих фон Логау // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 488–490, 604–605 (комментарии).

⁶ Там же: Комментарии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 604.

⁷ Жирмунская Н.А. Поэзия Германии // Жирмунская Н.А., Плавский З.И. и др. История зарубежной литературы XVII века. М., 1987. С. 181–182.

Первой относительно большой теоретической работой, в которой творчеству Логау было уделено значительное место, был очерк Р.М. Самарина «Мартин Опиц и поэты его школы» в разделе «Немецкая литература» учебного пособия Ю.Б. Виппера и Р.М. Самарина «Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века» (1954). Автор именует Логау «выдающимся мыслителем и поэтом», который «строил свои стихотворения на основе немецкой народной поэзии, на основе великих традиций немецкой литературы эпохи Возрождения». По его мнению, Логау использует опыт Опица и античной поэзии, особенно римских поэтов-сатириков; сатира и юмор Логау, его эпиграмматическое искусство, считает Самарин, «связаны с пословицей и загадкой, органично близки немецкому шванку, фастнахтшпилю и народной песне». Исследователь уделяет внимание разнообразным граням дарования поэта и, в частности, с похвалой отзывается о его любовной лирике. Однако прежде всего творчество Логау освещено Самариним с его социально-критической и антиклерикальной сторон. Автор утверждает, что наиболее характерной особенностью поэтического дарования Логау является его склонность к сатире, к ироническому изображению немецкого общества XVII века. Самарин подчеркивает антиклерикальную направленность поэзии Логау, который «критически отзывается о таких предметах, которые оставались неприкосновенными как для поэта-католика, так и для поэта-протестанта», говорит о свободомыслии Логау, которое проявлялось «не только в смелых эпиграммах против дворянства и попов, но и в дистихах, задевавших... самые острые и дискуссионные вопросы религиозной борьбы XVII века».¹

В следующем труде – разделе «Фридрих Логау» главы «Литература XVII века» в монографии Б.И. Пуришева «Очерки немецкой литературы XV–XVII веков» (1955) – Логау был вновь охарактеризован как «крупнейший немецкий поэт-сатирик XVII века». Автор говорит, что стихия поэта – «острые, гневные, смелые, разящие, как отточенный дротик» эпиграммы, в которых он «откликнулся на злобу дня, бичевал пороки и преступления в форме сжатой и выразительной». Согласно Пуришеву, Логау не просто талантливый поэт-сатирик, но поэт-вольнодумец, осмелившийся возвысить голос против церкви и власти. В оценке Пуришевым творчества Логау отражено социальное понимание его сатиры: «Его нападки на придворную жизнь, на феодальных властителей и господствующие сословия отражали справедливый гнев народных масс».²

В некоторых аспектах мнение Пуришева перекликается с тем, что в конце XIX в. писал о Логау А.И. Кирпичников. Так, он отмечает, что «поэзия Логау продолжает традиции античных (главным образом, древнегреческих) поэтов, у которых эпиграмма вовсе не исчерпывалась обличительным содержанием».³ По мнению исследователя, многое также связывает эпиграммы Логау с поэзией старинных немецких шпрухов и с народными пословицами и поговорками. Тем не менее, автор особо подчеркивает ведущую роль сатирической тенденции в творчестве поэта. В своем очерке истории немецкой литературы XVII века в издании «История всемирной литературы» (1987) Пуришев повторяет: «Не всегда его [Логау. – М.Н.] эпиграммы сатирически заострены, иногда это философские и лирические миниатюры, но сатирическая тенденция в них заметно преобладает».⁴

¹ Самарин Р.М. Мартин Опиц и поэты его школы // Виппер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954. С. 763–770.

² Пуришев Б.И. Фридрих Логау // Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 284–290.

³ Там же, с. 285.

⁴ Пуришев Б.И. Немецкая литература XVII века // История всемирной литературы. Т. IV. М., 1987. С. 241.

В ином духе, нежели вышеупомянутые публикации, выдержан очерк о Логау в главе «Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы» в I томе академической «Истории немецкой литературы в пяти томах» (1962), написанный выдающимся литературоведом Л.В. Пумпянским еще в 30-е гг. XX столетия. Автор именует поэта создателем «особого жанра эпиграмм, утвердившегося в немецкой поэзии», мастером эпиграммы, в которой он «развертывает... сжатую, но точную характеристику современников». Подобно другим критикам, Пумпянский отдает должное обличительному направлению в поэзии Логау, называя его эпиграммы «сатирическими портретами» и отмечая, что поэт создал «галерею типов немецкого светского общества, поражающую выразительностью и глубиной изображения». Критик замечает также, что Логау «глубоко и свободно судит о делах своего времени», всегда ищет истину, стараясь за внешностью увидеть суть явления. «Если прибавить к этому заботу о чистом языке и сжатости эпиграмматической речи, – заключает Пумпянский, – то становится понятно, почему иные из сотен этих кратких стихотворных размышлений принадлежат к лучшим литературным документам эпохи».¹

Важнейшее значение работы Пумпянского заключается в том, что, вопреки общепринятой тенденции, он обращает внимание на преимущественно дидактический характер творчества Логау: «Его поэзии свойственно реальное, серьезное направление. Он... еще прочнее, чем Флеминг или Дах... связан с национальными традициями моралистической и поучительной бюргерской поэзии XVI в.»² В противоположность Самарину и Пуришеву, обосновывающим свой подход к поэту социальным подтекстом его творчества, Пумпянский рассматривает эпиграммы Логау как произведения моралистического жанра, восходящие к традиции немецкой сатирико-дидактической поэзии XVI столетия. Подобное понимание отразилось в его утверждении, что «остроумные» эпиграммы Вернике не могут идти ни в какое сравнение с «глубокими и значительными „Sinngedichte“ Логау».³ Данный подход является прямым продолжением традиции несатирического восприятия творчества поэта, начало которой положил А.И. Кирпичников. Однако мнение Пумпянского не получило резонанса в советском литературоведении, в котором прочно утвердилась традиция акцентировать внимание только на сатирическом и социально-критическом аспектах творчества Логау, оставляя вне поля зрения дидактическую и религиозную тенденции последнего.

В русле указанной традиции следуют также и новейшие исследования в данной области. Так, О.С. Рахманина в диссертации «Немецкая поэзия XVII века. Теория и художественная практика» (2002), повторяя уже прозвучавшую ранее мысль, что поэт в своем творчестве опирается на традицию не только античной эпиграммы, но и старинного немецкого шпруха, подытоживает: «В эпиграммах Логау нет длинных рассуждений и поучений. Его стихия – сатирические миниатюры... *Логау не желает брать на себя роль проповедника, наставляя и вразумляя.* Он стремится к тому, чтобы читатель думал сам и делал выводы».⁴ Так, и в XXI в. в российском литературоведении продолжает главенствовать идущая из антирелигиозных коммунистических времен тенденция представления Логау как исключительно сатирика и социального обличителя, соединенная с прямым отрицанием его проповеднической роли.

¹ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 374.

² Там же.

³ Пумпянский Л.В. Литература на рубеже XVII – XVIII веков // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 436.

⁴ Рахманина О.С. Немецкая поэзия XVII века. Теория и художественная практика (Дисс). М., 2002. С. 82. (Курсив наш. – М.Н.).

Таким образом, вслед за секулярной интерпретацией творчества Логау в XVIII веке, в немецкой литературной критике XIX – XX вв. возникло и оформилось осознание того, что творчество поэта представляет собой выдающееся явление немецкой литературы, сущность которого в значительной степени определяется его религиозной подоплекой и, в частности, религиозным миропониманием автора. Это обстоятельство было выявлено в процессе постепенной переоценки значения творческого наследия Логау в немецкой филологии на протяжении двух последних столетий. В российском литературоведении, напротив, отношение к творчеству этого выдающегося немецкого автора по-прежнему определяется главенством социального подхода, диктующего тенденцию рассматривать Логау как преимущественно сатирического поэта, игнорируя общее дидактическое направление его творчества.

§ 3.2. Религиозное миропонимание Логау

3.2.1. Взаимосвязь духовного и светского в немецкой поэзии XVII в.

Религиозная лирика в немецкой поэзии эпохи барокко имела исключительное значение. По замечанию литературоведа К.-А. Целля, «особое уважение к религиозной лирике и предпочтение ее светской находились в прямой зависимости от того понятия, которое вообще люди 17-го столетия имели о поэзии... 17-е столетие в истории нашей литературы предстает как мертвая эпоха, эпоха ученой поэзии, и только в религиозной лирике надеялись найти живое содержание».¹

Религиозные поэты эпохи барокко, как правило, сочиняли и светскую лирику; с другой стороны, редкий светский стихотворец того времени не был автором духовных стихотворений. Тесная связь между светской и религиозной поэзией в творчестве крупнейших авторов XVII столетия свидетельствует о тенденциях, свойственных литературе эпохи в целом. По мнению Целля, в этом состоит отличительное свойство стиля барокко, одну из главных черт которого составляет взаимосвязь духовного и светского направлений, именуемая критиком «барочной напряженностью» („barocken Spannung“): «Именно напряженность между жаждой жизни и тоской по вечности, между страстной любовью к миру и глубокой набожностью, между светской и духовной сферами рассматривается как собственно условие барокко. Одновременное существование светской и религиозной поэзии в творчестве отдельных поэтов и в эпохе в целом расценивается как отображение этой барочной напряженности. Так религиозная поэзия, только в силу самого факта своего существования, обретает решающее значение для эпохи. Очевидно, лишь благодаря ей возможно барокко».²

Насколько справедливо то, что в Германии XVII столетия едва ли можно было отыскать поэта, который бы не писал эпиграмм, настолько же верно и то, что редкий поэт в то время не сочинял эпиграмм религиозных. Многие из этих стихотворений представляют собой образцы подлинной духовной лирики в эпиграмматической форме, своей глубиной и вероисповедным пафосом выделяющиеся на фоне прочих образцов этого жанра. Не только церковные, но и светские поэты не считали для себя предосудительным излагать в эпиграмматической форме молитвенные излияния или богословские аргументы в пользу той веры, которую они исповедовали. В целом ряде случаев авторы религиозных эпиграмм были в то же время создателями духовных

¹ Zell K.-A. Untersuchungen zum Problem der geistlichen Barocklyrik mit besondere Berücksichtigung der Dichtung Johann Heermanns (1585–1647). Heidelberg 1971. S. 19.

² Ibidem, S. 27.

хоралов и гимнов, предназначенных для общинной церковной молитвы: это касается, прежде всего, двух наиболее значительных светских поэтов той эпохи – Опица и Грифиуса, произведения которых и сегодня можно встретить в сборниках лютеранских богослужебных песнопений.¹

В творчестве светских поэтов эпохи барокко религиозным стихотворениям придавалось столь важное значение, что они выдвигались их авторами на первое место прежде всех остальных, о чем свидетельствуют самые названия их сборников: „Geistliche Poemata“ (1638) и „Weltliche Poemata“ (1644) Опица, „Geist- und Weltliche Poemata“ (1651) Флеминга, „Geistliche und weltliche Gedichte“ (1641) Г.П. Векерлина, „Geist- und Weltlicher Gedichte Erster Teil“ (1652) В. Шерффера фон Шерффенштайна, „Geistliche und Weltliche Poemata“ (1650) А.О. Хойерс (1584–1655) и др. Тенденция немецких поэтов XVII в. ставить религиозную лирику на первое место, очевидно, вызвала к жизни и аналогичную традицию у немецких эпиграмматистов этого периода: например, у Андреаса Грифиуса для религиозных эпиграмм отведена первая книга, а для светских – две последующих; то же можно видеть у Пауля Флеминга, в „Buch der Überschriften“ которого эпиграммы на религиозную тематику поставлены в начале;² и т.д. Первенствующее значение религиозного направления в творчестве немецких поэтов эпохи барокко наблюдается даже у авторов, традиционно причисляемых к сатирикам, и прежде всего – у Логау, в собрании которого, как отмечалось выше, налицо примерный количественный паритет эпиграмм религиозного, наставительного, философского и критического содержания с обличительно-сатирическими, что само по себе существенно смещает стилевые акценты его поэзии в сторону гномики. Воплощая в своей поэзии общие тенденции немецкой литературы XVII в., Логау выступает единомышленником тех поэтов, которые, продолжая традицию псевдоклассицистской школы, «...декламируют о величии Бога, о быстротечности всего земного, восхваляют христианское смирение, рассуждают о вечности...», и вторит им в своем творчестве.³

В этой связи примечательно наличие у Логау малоизвестного и редко упоминаемого религиозного гимна «Боже, Ты друг сынов людских» („Gott/ der du bist ein Freund der Menschenkinder“), не вошедшего в книгу эпиграмм, но опубликованного отдельно в сборнике Георга Баумана Младшего (1592–1650) «Духовные песнопения для церковного и домашнего употребления» (1644).⁴ Духовная песнь Логау была написана на мелодию силезского композитора эпохи барокко Маттеуса Апельеса (Апельта) фон Лёвенштерна (1594–1648) „Christe, du Beistand deiner Kreuzgemeinde“ (1644),⁵ представляющую собой обработку ренессансного хорала 1507 г. Петра Тритониуса (1465–1525) на стихи Горация „Jam satis terrae nivis atque dirae“.⁶ На эту же мелодию традиционно исполняется широко известный в Аугсбургской церкви великопостный хорал пастора Иоганна Германа (1585–1647) „Herzliebster Jesu/ was hast du verbroschen“

¹ Напр., хорал Опица „Brich auf und werde lichte“ (1628) и, в особенности, песнопение Грифиуса „Die Herrlichkeit der Erden“ (1650). См.: Sammlung Christlicher Lieder. XXII Auflage. Dorpat 1908. Nr. 718 (S. 526); Evangelisches Kirchen-Gesangbuch (EKG), München (o.J.), Nr. 328 (S. 402-403).

² Fleming, Paul. D. Paull Flemings Buch Der Überschriften // Fleming, Paul. Geist- und Weltliche Poemata. Jena 1651. S. 268–281.

³ Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 275.

⁴ [Baumann, Georg d.J.] Geistliche Kirchen- vnd Hauß-Music. Von George Baumann/ Buchdruckern vnd des Wercks Verlegern/ in Breßlaw. [1644] Bd. 2. S. 592–593.

⁵ См.: Zahn, Johannes. Die Melodien der deutschen evangelischen Kirchenlieder. Bd. I. Gütersloh, 1890. No. 966, S. 256–257.

⁶ Гораций, «Оды», I, 2 («Вдосталь снега слал и зловещим градом...»).

(«О, мой Спаситель, в чем Ты провинился?»), написанный в 1630 г.¹ Песнопение Логау было спустя полвека переиздано в «Полном собрании церковной и духовной музыки, составленном из избранных песней, псалмов и гимнов»; сборник был напечатан в Бреслау, в той же типографии наследников Георга Баумана, без указания даты, тогдашним управляющим печатней И.Г. Рёрером.² Хорал Логау был включен и в некоторые другие сборники лютеранских церковных гимнов, – например, в брауншвейгский сборник Юлиуса Мютцеля «Духовные песни евангелической церкви семнадцатого и первой половины восемнадцатого столетий, созданные поэтами Силезии и сопредельных областей» (1858),³ – хотя и нет свидетельств тому, что он когда-либо использовался на церковных богослужениях. Эта песнь, включающая 11 строф (44 стиха), представляет собой характерный образец протестантской религиозной поэзии и может служить доказательством того, что Логау всецело разделял интенции современных ему поэтов – авторов песнопений для церкви, ибо в своем творчестве принадлежал к той же литературной традиции, что и они.

Таким образом, религиозно-нравственная проповедь, которая, средствами художественного творчества, осуществлялась в немецкой поэзии эпохи барокко, находит свое воплощение и в творчестве Логау, свидетельствуя об изначальной катехетической интенции и религиозной основе последнего, несмотря на его светский характер. Взаимосвязь духовного и светского, или «барочная напряженность», равным образом присуща и поэзии Логау, уже в силу того, что он является автором религиозных стихотворений, имеющих решающее значение для понимания его творчества.

3.2.2. Религиозная лирика Логау и основы миропонимания поэта. Хотя сами по себе стихотворения на религиозную тематику в количественном отношении занимают в книге Логау достаточно скромное место (10%), его светские эпиграммы не могут быть адекватно оценены без учета духовной позиции их автора, о которой, в свою очередь, свидетельствуют религиозно-наставительные эпиграммы.

В своей основе мировоззрение Логау сформировано евангельским учением, являющимся базисом лютеранской этики и жизненной философии. Однако у поэта, если судить по тому, каким он выступает в своих духовных эпиграммах, обнаруживается тип религиозного сознания, отчасти предвосхищающий идеалы раннего немецкого пиэтизма,⁴ – сознания, взыскующего «...живой сердечной веры, сопровождающейся благочестивой настроенностью души и нравственной жизнью».⁵ О логауской «религиозности сердца» говорит и Эйтнер.⁶ Эта религиозность всецело зиждется на изучении Св. Писания, о чем сам поэт сообщает в стихотворении „Bibel/ durch Versetzung/ Belieb“ (I,6,45):

¹ См.: Evangelisches Kirchen-Gesangbuch (EKG), Nr. 60 (S. 72–73).

² Vollständige Kirchen- und Haus-Musik. Breßlau/ In der Baumannischen Erben Druckerei druckt Johann Günther Rörer (o.J.). Nr. 8. S. 650–651. См. также: *Wuttke, Heinrich*: Die Entwicklung der öffentlichen Verhältnisse Schlesiens vornämlich unter den Habsburgern. Bd. II. Leipzig 1843. S. 59-60.

³ Geistliche Lieder der evangelischen Kirche aus dem siebzehnten und der ersten Hälfte des achtzehnten Jahrhunderts, von Dichtern aus Schlesien und den umliegenden Landschaften verfaßt. Zusammengestellt und nach den ältesten Drucken hrsg. von Julius Mützell. Erster Band. Braunschweig 1858, Nr. 273 (S. 328–329).

⁴ О своего рода «предпиэтизме» Логау см.: *Kurz J.* Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 72–73.

⁵ *Тальберг Н.* История христианской церкви. М., Н.-Й., 1991. Ч. 2. С. 47.

⁶ *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 725.

DJe Biebel Gottes Wort/ ist mein Belieb im Leben/
 Sie kan mir Trost in Angst vnd Rath in Nöthen geben:
 Die Biebel Gottes Wort/ ist mein Belieb im sterben/
 Wo sie mich weiset hin/ da kan ich nicht verterben.¹

Средоточием христианского вероучения Логау считает евангельскую заповедь любви к Богу и ближнему (Мф. 22, 35–40). Он «провозглашает единственным руководящим началом практического христианства, прежде всего, высокую заповедь любви, которую Священное Писание именует объединяющей в себе все заповеди, в которой соединяются весь закон и пророки, любви к Богу и ближним».² Оба положения заповеди неразделимы, о чем поэт говорит в четверостишии „Am 18. Sontage nach der H<eiligen>. Dreyfaltigkeit“ (I,9,60):

GOtt/ sollstu mehr dann dich; wie dich/ den Nechsten lieben;
 Wann eine Liebe bleibt so sind sie beyde blieben:
 Dann Gott vnd Nechsten sind verknüpfft in eines Band/
 Wer da sich hat getrennt/ der hat sich dort getrant.³

Для христианина оба тезиса этой заповеди сливаются в единую заповедь любви, обусловленную самим фактом воплощения Христа. «Бог стал человеком для того, чтобы человек обожился» (формула св. Климента Александрийского) и, при помощи веры, стяжал вечное спасение путем служения ближним. Согласно вероучению лютеранской церкви, «посредством веры христианин воспитывает себя в мире и проявляет любовь к другим; ближний для него – уже не объект и средство эгоистического милосердия, а кровный брат, за которым возвышается силуэт самого Христа. Как поступает Бог по отношению к верующему, так должен поступать и верующий по отношению к своему ближнему. Таким образом, прежняя эгоистически озабоченная вера превратилась в струящуюся в мир Божественную силу, в основу для свободной и одновременно глубоко продуманной, открытой для мира жизненной позиции христианина».⁴ Данная мысль выражена в эпиграмме „Die Liebe deß Nechsten“ (III,4,37):

Wilstu für der Welt erweisen deines Glaubens Meister-stücke?
 Ey so sih/ daß deine Liebe für den Nechsten/ deutlich blicke.⁵

Конкретным выражением христианской любви Логау считает совершение добрых дел, что также находится в полном соответствии с евангелическим учением. Лютер говорит: «Как от дел человек не становится верующим, так от дел он не становится и праведным. Но как вера делает человека верующим и праведным, так вера

¹ «Библия, иначе: люблю я. Писанье, Слово Божье, мне в жизни сей отрада, / В боязни – утешенье, в несчастиях – награда; / Писанье, Слово Божье, отрада в смерти мне: / Оно укажет путь мне к бессмертия стране».

² Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 728.

³ «В 18-е воскресенье после Троицы. Коль Бога любишь ты, – и ближнего люби; / Где есть одна любовь, там будут две любви. / Ведь ближних с Господом один связал закон: / Кто с теми разобщен, – и с Ним разъединен».

⁴ Фаусель Г. Мартин Лютер: Жизнь и дело. Биографический очерк и источники к биографии Лютера. Х., 1995. Т. 1: 1483–1521. С. 205.

⁵ «Любовь к ближним. Ты богатство своей веры миру предъявить желаешь? / Эй, взгляни, как своих ближних ты любовью согреваешь!»

и творит добрые дела».¹ Филипп Меланхтон в своей «Апологии Аугсбургского вероисповедания» повторяет: «...добрые дела должны совершаться за счет Божьей заповеди, для проявления веры».² Воплощением данной идеи служит эпиграмма „Christenthum“ (ZD,32):

Christenthum besteht im Thun; drum so bitt ich um Verlauben/
Daß beym Glauben der nichts thut/ ich nicht darff dem sagen glauben.³

В то время как Логау-проповедник настаивает на исполнении единой заповеди любви, Логау-сатирик рассматривает случаи отдельного существования неразделимых положений последней. Каждый из этих случаев представляет собой материал для сатирического обличения, побудительным стимулом которого является протест против искажения заповеди, приводящего к всевозможным аномалиям как в духовной жизни отдельных верующих, так и в жизни всей христианской общины. Одной из них является так называемая ложная праведность, отображенная в эпиграмме „Auff Pura“ (III,6,82):

Pura helt an jhrem GOtt jimmer trew vnd feste;
Jst hingegen/ wo sie kan/ jhres Nechsten Peste.⁴

Мнимый «христианин», ханжески демонстрирующий свое «соответствие» конфессиональным стандартам и при этом сознательно, из «благочестивых побуждений», причиняющий зло своим ближним, для сатирика – такой же объект обличения, как и любой порочный человек. Он даже превосходит последнего, поскольку отрицательным примером разрушает веру других, то есть наносит своим ближним духовный вред. Ложная праведность, следовательно, есть антипод христианской любви. Логау подчеркивает невозможность праведности вне любви к ближнему, неискренность и несостоятельность веры без сострадания и милосердия как подражания и следования Христу. Свое отвержение любого проявления негативного отношения к ближним поэт строит на фундаменте христианской этики, утверждая, что отвергающие своих ближних тем самым отвергают и распятого за них Христа:

Die Liebe deß Nechsten. (III,4,6)
DEr/ den Christus lieb gehabt/ daß er jhn mit Blut erworben/
Wie daß er durch vnsren Haß/ vielmal schändlich ist vertorben?
Wann man seinen Nechsten hasset/ wirfft man CHristo gleichsam für/
Daß er den so wehrt geschätzt/ den so wenig achten wir.⁵

¹ Лютер М. Свобода христианина // Избранные произведения. СПб., 1994. С. 40.

² Меланхтон Ф. Апология Аугсбургского вероисповедания. Арт. III: О любви и исполнении Закона, 68 // Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. Duncanville (USA), 1998. С. 124. Данная мысль восходит к учению о соотношении веры и дел в послании Иакова (2: 26) и, в конечном счете, к Нагорной проповеди (Мф. 5:16).

³ «Христианство. Христианства нет без дел, – так прошу я позволения, / Там, где нет у веры дел, взять и веру под сомнение».

⁴ «На Пуру. Пура Богу своему предана без меры, / А для ближнего она – пострашней холеры». „Pura“ – «чистая» (лат.), здесь в значении: «праведница».

⁵ «Любовь к ближним. Тот, кого Христос, любя, приобрел Своею кровью, / Сколько раз погублен был нашей гнусной нелюбовью? / наших ближних ненавидя, мы Христа извергли вон: / Ибо тот, кто презрен нами, Им высоко оценен».

Другой результат искажения евангельской заповеди, помимо ложной праведности, – это религиозное лицемерие, или показное благочестие, как форма прикрытия карьерных или меркантильных устремлений. В эпиграмме „Religion“ (ZD,169) поэт замечает, что общепринятые формы религиозного благочестия могут служить удобной ширмой для далеко не благочестивых деяний:

DAß man mag in Haß vnd Neid wider seinen Nechsten leben/
Soll vns die Religion einen schönen Mantel geben;
Ehr mir Gott Religion/ die gleich rein vnd heilig gläubet/
Jmmer aber Haß vnd Neid wider jhren Nechsten treibet!¹

В силу этого поэт отказывается мириться и с лицемерием, присутствующим в самой церкви. Ясно признаваемые им недостатки церкви как человеческой организации составляют круг тем целого ряда антиклерикальных эпиграмм, острие которых нацелено не столько против какой-либо из религиозных деноминаций, сколько против человеческого лицемерия, ищущего в церкви сферы для реализации своих частных интересов. Хотя в историческом аспекте большинство антиклерикальных эпиграмм Логау адресовано католической церкви, в то время как лютеранству поэт выражает свое сочувствие и идентифицирует себя с ним в конфессиональном плане, его сатира бичует отрицательные качества любой конфессии, являясь универсальной критикой всех земных форм религиозности. Так, называя в эпиграмме „From seyn ums Lohn“ (III,5,27) одним из побудительных мотивов показного благочестия корыстолюбие, поэт создает вневременный и интерконфессиональный образ:

Umsonst ist keiner gerne from; wann Tugend nur was trägt/
So wird sie/ weil sie Früchte bringt/ geachtet vnd gepflegt.²

Отсюда происходит и недоверие поэта к демонстративному церковному благочестию, выраженное им в эпиграмме „Religion“ (2Z,47):

WAs geht es Menschen an/ was mein Gewissen gleubet?
Wann sonst nur Christlich Ding mein Lauff mit jhnen treibet.
Gott gläub ich was ich gläub/ ich gläub es Menschen nicht;
Was richtet dann der Mensch/ was Gott alleine richt?³

В эпиграмме „Kennzeichen der wahren Kirche“ (I,5,25) Логау поднимает один из кардинальных вопросов церковной жизни: вопрос о разделении единой Церкви на клириков и мирян. По мнению поэта, суть данной дилеммы – в различии между ложными и истинными христианами. Проводимое им различие между Христом и Иудой символизирует, прежде всего, расхождение наличествующего с должным. Грань между лаиками, – церковным народом, «народом Божьим» (1 Пет. 2, 9–10), – и клиром, бывшая неразличимой во времена первохристиан, сделалась ныне, как свидетельствует поэт,

¹ «Религия. Чтобы в зависти коснеть, ненавидеть без причины, / Мы в религии найдем превосходную личину. / Дай же веру нам, Господь, коей так же свят канон, / Но которая гнала б зависть с ненавистью вон!»

² «Корыстная добродетель. Нет праведников даровых: коль добродетель что-то даст, – / За ней, куда есть плоды, любой ухаживать горазд».

³ «Религия. Как верю в Бога я, – какое людям дело? / Лишь вера их со мной соединить сумела. / Я Богу верить рад; не верю людям я: / Что судит человек, где Бог лишь Судия?»

непреодолимой стеной, разделившей церковь на «профанов» и «посвященных».¹ Последним в церкви принадлежит всё, в то время как первые не являются никем и не имеют никаких прав, хотя на деле именно они нередко оказываются более верными последователями Христа. Эпиграмма Логау вскрывает суть проблемы, отсылая к первоисточнику – Евангелию, и ставя вопрос об истинной, или «невидимой» церкви, в отличие от «видимой» – внешней и показной: «...невидимая Церковь – это все те, кто ИМЕЮТ истинную веру в сердцах; видимая же церковь – это все те, кто ИСПОВЕДУЮТ свою веру. Невидимая Церковь скрыта в видимой церкви»:²

DEr mit dem Beutel gieng hieß Judas: Der zu legen
Sein Haupt nicht hatte Raum/ heist Christus: Zeitlich Segen
Jst lange lange nicht die rechte Lieverey
Zu kennen wer ein Christ in Christus Kirche sey.³

Логау был убежденным последователем учения Лютера и не изменил своей вере даже в условиях реальной угрозы окатоличения и в окружении каждодневного предательства христианами своих религиозных убеждений ради сиюминутных житейских выгод. Его внутренний конфликт с официальным лютеранством объясняется, прежде всего, отходом последнего от первоначальной высоты и чистоты христианского вероучения, ориентированных на евангельский и раннехристианский идеалы. Логау не сомневается в том, что Церковь, основанная Лютером, – святая и истинная, однако скорбит оттого, что и члены этой церкви, с его точки зрения, подчас не являются на деле христианами, а лишь именуются таковыми:

Christen. (I,4,22)
VOn Christus heissen Christen wir/
Die That ist weg/ der Nam ist hier;
Was Christus heist/ was Christus lehrt/
Wird nicht gethan/ wird kaum gehört
Nur da sind wir deß Namens werth/
Wann vns für Friede künmt das Schwerdt.⁴

Пребывание в церковной общине осложнено для поэта ясным осознанием того противоречия между видимостью и сущностью, которое в церкви выступает особенно остро, так как при этом происходит девальвация святости, грозящая адепту потерей личной веры. Логау, безусловно, ассоциирует себя с истинной, «невидимой» Церковью, члены которой исповедуют живую веру. Последняя исключает слепую веру, или, по выражению Лютера, „Köhler-Glaube“,⁵ – то состояние духовной несвободы и

¹ *Афанасьев Н.* Церковь Духа Святого. Paris 1971; Рига 1994. С. 15–19.

² *Кейлер Э.* Комментарии к Краткому катехизису, 182 // Краткий катехизис д-ра Мартина Лютера с комментариями Эдварда Кейлера. Duncanville (USA), 1998. С. 202–203.

³ «*Признаки истинной церкви.* При ящике Иуда ходил, – не знал наверно, / Где голову приклонит, Христос. Едва ли верно / Нам указать поможет и сана благодать, / Кого христианином в Христовой церкви звать». (Иуда Искариотский был казначеем апостольской общины. – *М.Н.*).

⁴ «*Христиане.* Зовется всяк «христианин»; / Дел нет у нас – лишь звук один; / Чему учил, кем был Христос, / Едва ль нам слышать довелось; / И лишь тогда мы со Христом, / Когда смиряют нас мечом».

⁵ «*Вера угольщика*» (нем.). Имеется в виду распространенный в Германии XVI–XVII вв. оборот, восходящий к старинному анекдоту, в котором епископ (по другой версии – черт) спрашивает угольщика, во что он верует, и слышит в ответ: «В то же, во что и церковь».

нравственной не критичности, которое составляет атрибут большинства и служит благоприятной почвой для внутрицерковных злоупотреблений:

Der Köhler-Glaube. (III,2,85)
Was die Kirche glauben heist/ soll man glauben ohne wancken.
Also darff man weder Geist/ weder Sinnen noch Gedancken.¹

Отсутствие в эпитафиях Логау позитивной оценки современных ему религиозных институтов послужило поводом для литературоведа Гюнтера Мюллера охарактеризовать поэта как «протестанта вне конфессиональной принадлежности». ² Эйтнер говорит: «...именно потому, что он [Логау. – М.Н.] знает только религиозность сердца, которая должна быть общим достоянием всех людей, он холодно отвергает церковно-конфессиональные учреждения своего времени». ³ Однако проблема конфессиональной самоидентичности является для поэта вторичной по сравнению с гораздо более важной проблемой соответствия вероисповедания современных христиан живой евангельской вере. В свете последней обнаруживается несостоятельность всех трех главных христианских конфессий, так называемых «трех ветвей единого древа», – католицизма, кальвинизма и схоластически формализованного лютеранства XVII в.:

Glauben. (II,1,100)
Luthrisch/ Pöbstisch vnd Calvinisch/ diese Glauben alle drey
Sind vorhanden; doch ist Zweifel/ wo das Christenthum dann sey.⁴

3.2.3. Логау и философия нестоицизма. Тема жизненного страдания в творчестве поэта. Отход лютеранства от первоначальных идеалов, обусловленный, помимо всего прочего, сложными историческими условиями, привел, по мнению Логау, к его фактическому упадку, выразившемуся в том, что из омертвевшей, кристаллизовавшейся формы ушло живое содержание. Этот упадок веры у христиан XVII столетия находился в прямой связи с проблемой осмысления и духовного преодоления мирового зла и его частного случая – зла, имманентного эпохе. В творчестве Логау и в его миропонимании не менее важным, чем трактовка евангельских заповедей, является отношение к проблеме страдания как состояния человеческой души в мире. Логау считает страдание неотделимым от земного бытия в онтологическом плане, – об этом он говорит в эпитафии „Finsternüß“ (I,5,31):

WAnn zwischen Menschen Hertz vnd zwischen Gottes Liebe
Der Erde Schatten fällt/ so wird es schädlich trübe;
Dann/ Gottes Trost vergeht/ der doch allein erfreut/
Drum bleibt dem Hertzen nichts/ als Welt; das ist/ nur Leid.⁵

¹ «Слепая вера. В то, чему нас Церковь учит, должно верить без сомненья, / И не надобны при этом чувства, дух и рассужденье».

² Müller G. Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark–Potsdam 1927. S. 226.

³ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 725.

⁴ «Три веры. Веры три у нас: папёжество, кальвинизм и лютеранство; / И одно лишь непонятно: где же нынче христианство».

⁵ «Мрак. Когда меж грешным сердцем и милостью Господней / Возникнет тень земного, – мрак воцарится скорбный; / И Божье утешенье покинет ту юдоль, / Лишь мир оставив сердцу, что значит: только боль». (Выделено нами. – М.Н.)

В целом ряде своих духовных эпиграмм поэт говорит о необходимости претерпевания скорбей как обязательном условии христианской жизни. Идея необходимости страданий как средства индивидуального спасения, так же как и сопряженный с ней мотив «каждодневного несения своего креста», имеют своими истоками следующие два тезиса Нового Завета: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38); «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Данная идея является одним из краеугольных камней христианской доктрины, – так, в первом и основном вероучительном документе евангелической церкви, «Аугсбургском вероисповедании», говорится: «Ибо они [лютеранские богословы. – М.Н.] всегда учили о кресте, что христианам надлежит сносить недуги и беды. Это есть истинное и непритворное умерщвление плоти – пройти испытание различными бедами и быть распятым со Христом».¹ В двустихии „Der Brachmonat“ (II,10,36) эта идея выражена в притчево-эмблематической форме:

Acker/ soll er tragen Frucht/ muß gebrochen werden vor:
Wen das Creutze nicht durchwürckt/ richtet keinen Sinn entpor.²

Трагизм мировоззрения для эпохи, в которую жил поэт, представляется неизбежным. Тридцатилетняя война с ее ужасами, чувство неуверенности в завтрашнем дне и непрочность всех жизненных устоев, – вот фон, на котором складывалось миропонимание христиан XVII столетия. «Бедствия земного бытия, особенно несчастья и горести войны... постепенно угасили первоначально бодрый и оптимистичный дух лютеранской религии. Радость и твердая вера сменились у многих христиан отвержением мира, страхом перед жизнью и желанием смерти».³ Нечеловеческие испытания, выпавшие на долю современников Логау, требовали если не объяснения, то, по крайней мере, утешения. Оно было предложено им в философии неостоицизма, разработанной в конце XVI в. гуманистом Йостом Липсием из Лейдена (1547–1606) и представлявшей собой учение античных философов Эпиктета (50–130) и Сенеки Старшего (55 до н.э. – 40 н.э.), переосмысленное в христианском духе. Доктрина неостоицизма явилась для множества современников Логау искомым «этическим эквивалентом чувства уязвимости и одиночества перед лицом зла».⁴

Среди поэтов той эпохи наибольшую дань философии неостоицизма, претворившейся в литературе XVII века в «христианскую» разновидность учения стоиков, отдали Опиц и Грифиус. В особенности первый из них, в целом ряде своих произведений, и прежде всего – в поэме „Trostgedichte in Widerwertigkeit deß Kriegs“ (1621–1633), отразившей «стоическую мудрость Сенеки и образ добродетели последнего»,⁵ сетует на тщету и недолговечность всего в этом мире. «Мысль о том, что все сущее подвержено разрушительному действию времени, не оставляет его. Жизнь в

¹ Меланхтон Ф. Аугсбургское вероисповедание. Арт. XXVI: О церковных обычаях [О различиях], 31–32 // Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. Duncanville (USA), 1998. С. 50.

² «Июнь. Ниву следует вспахать, чтоб взрастить сумела плод; / Кто креста не претерпел, духом к Богу не взойдет».

³ Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 344.

⁴ Козлова Н.П. Ранний европейский классицизм (XVI–XVII вв.) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 11.

⁵ Stalder X. Formen des barocken Stoizismus: Der Einfluss der Stoa auf die deutsche Barockdichtung – Martin Opitz, Andreas Gryphius und Catharina Regina von Greiffenberg. Bonn 1976. S. 56.

понимании Опица – это непрекращающиеся испытания».¹ Казалось бы, Логау также разделяет этот пессимистический взгляд; в эпиграмме „Die Welt“ (2Z,82) он замечает:

Die Welt hat grossen Mangel/ die Welt hat grosse Menge/
An frölichem Vergnügen/ an kläglichem Bedränge.²

В эпиграмме „Das beste in der Welt“ (I,8,6) поэт выносит миру свой приговор:

DAs beste/ das ein Mensch in dieser Welt erlebt
Jst/ daß er endlich stirbt/ vnd daß man jhn begräbet:
Die Welt sey wie sie wil/ sie hab auch was sie wil/
War sterben nicht dabey/ so gilte sie nicht viel.³

Близость пессимистических мотивов лирики Логау к известным положениям философии неостоицизма не раз была отмечена немецкой критикой. Так, Вольфганг Прайзенданц убежден, что лейтмотивом всего творчества Логау является стоицистское „vanitatum vanitas“,⁴ – то есть, по сути, библейское «суета сует, все суета».⁵ По мнению Э.-П. Викенберга, «пессимистическое направление» мировидения Логау пронизывает всю архитеконику собрания его эпиграмм,⁶ во многих стихотворениях которого прослеживается попытка автора опереться на христианско-неостоицистское основание.⁷ Однако тот же исследователь замечает, что страшная реальность времени, в котором жил поэт, не могла быть преодолена при помощи категорий неостоицизма и лишь в лютеранском богословии находила для себя законченное объяснение мира: «Религиозность автора нельзя было бы объяснить как что-то, что решало бы проблематику его жизни; ее следовало бы понимать как позицию, с которой он мог бы преодолеть опыт всеобщего крушения и отчаянья».⁸

Целый ряд убедительных примеров обнаруживает принципиальное расхождение миропонимания Логау с философией неостоицизма. Оно состоит в том, что, признавая за миром статус «юдоли скорбей», поэт никогда не призывает к его отвержению. Названный критиками «стойком, который при всех переменах судьбы... следует за путеводной звездой благородной добродетели»,⁹ Логау, тем не менее, остается прежде всего христианином. Отношение поэта к проблеме страдания – не «стоицистское», а евангельское: все негативное, случающееся в жизни, рассматривается им как испытания, необходимые для христианина в сотериологическом плане. Об этом красноречиво свидетельствуют такие его стихотворения, как эпиграмма „GOTT mit mir“ (I,5,21):

¹ Пронин В.А. Опиц // Исторический лексикон. XVII век. М., 1998. С. 505.

² «*Мир*. Есть в мире недостаток, есть в мире избыток, – / Отрадных утешений, плачевного насилья».

³ «*Лучшее в этом мире*. Мы лучшее на свете находим в том, быть может, / Что все умрем однажды, и в землю нас положат. / Мир своего лишь ищет, радеет о своем; / Не многого б он стоил, не будь бы смерти в нем».

⁴ Preisendanz W. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz (Diss.). Heidelberg 1950. S. 47. (См. далее, 3.4.2).

⁵ „Vanitas vanitatum, dixit Ecclesiastes, vanitas vanitatum, omnia vanitas“. – «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» («Екклесиаст», 1, 2).

⁶ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 294–295.

⁷ Ibidem, S. 301, 308.

⁸ Ibidem, S. 306–308.

⁹ Müller G. Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark–Potsdam 1927. S. 226.

MEin Haus ist voller GOTT
 Jn dem es voller Noth:
 Jst Gott nun gern um mich/
 Warum denn wolt auch ich
 Mich von der Noth entzieh'n/
 Vnd Gottes beyseyn fliehn?¹

Проблема жизненного страдания разрешена для Логау изначально: ее решение заключается в евангельском тезисе о неизбежности страдания в мире: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33). Детерминированность и провиденциальность страдания закономерны для христианина: этого требует сама идея «несения своего креста» как условия «следования за Христом» (Мф. 10, 38). Поэтому проблема отношения к жизненному страданию есть, в конечном счете, проблема отношения к Богу. И здесь возникает иная, чем у «стоиков», перспектива: не отвержения «тщеты этого мира», а мужественного претерпевания бедствий земной жизни с уверенностью в конечном оправдании: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22). «Выступая против претензий различных конфессий на статус истинного христианства, он выдвигает требование некой надконфессиональной „сердечной веры“, непригодной для исповедания и церковной практики, но необходимой для того, чтобы верующий сознавал свою жизнь как поручение и с готовностью принимал смерть»:²

Elende. (I,2,83)
 Man trage mit Geduld den Jammer dieser Zeit/
 Was Jammer erstlich war/ wird endlich Herrlichkeit.³

3.2.4. Обличение мира в эпиграммах Логау с позиций его религиозного миропонимания. Религиозные взгляды поэта являются основанием для его критики мира. Для Логау «мир» – понятие не только географическое или политическое, но и духовное: это и весь зримый круг земного бытия, и также апостасийное человеческое общество, которое отказывается жить по богоустановленным законам, все то, что пребывает вне Церкви и вне Бога. В эпиграммах, посвященных обличению мира, обе ипостаси последнего существуют во взаимосвязи. Отношение Логау к миру сформулировано во втором двустишии программного катрена „Am ersten Sontag deß Advents“ (I,9,1), открывающего собой церковно-годовой цикл и являющегося своего рода мировоззренческим манифестом поэта:

WEr einen Herren hat/ darff keinen mehr begehren/
 Sonst wird er Ehr vnd Leib mit Schmach vnd Pein beschweren:
 Die Welt hält mich in sich; doch ist nur Christus mein/
 Und solt ich tausendmal der Welt Rebelle seyn.⁴

¹ «Со мною Господь. Полн Господом мой дом: / Нужда глухая в нем. / Но, если Бог со мной, – / Что ж тешусь я мечтой / С нуждою распроститься / И Бога вновь лишиться?»

² Wieckenberg E.-P. Logau – Moralist und Satiriker // *Meid V.* (Hg.). Gedichte und Interpretationen. Bd. 1: Renaissance und Barock. Stuttgart 1982. S. 263.

³ «Бедствия. С терпением относись к земной судьбы скорбям: / Что скорбью было здесь – величием станет там».

⁴ «В первое воскресенье адвента. Кто, Господа имея, иное больше чтит, / Тот честь свою и тело обрек на боль и стыд. / Мир держит мою душу, но лишь Христос – мой Царь, / И с Ним тысячекратно я в мире сем – бунтарь».

В этой формуле налицо противопоставление двух начал: мира и Христа. Христоцентризм выступает в поэзии Логау как антитеза мироцентризму и обосновывает «бунтарство» как осознанное духовное неприятие мира и его ложных «ценностей». Здесь выявляется один из важнейших аспектов миропонимания Логау. Отношение поэта к миру с позиции его религиозного мировоззрения есть тот идейный ракурс, в котором он рассматривает все, что входит в ареал понятия «мир» и что поставляет материал как для религиозной проповеди и морального обличения порочности мира, так и для сатирического осмеяния последнего. Отсюда берет начало, прежде всего, ряд эпиграмм, в которых Логау подвергает мир, его обычаи и нравы резкой критике, без обиняков высказывая свое мнение о нем. «Это (в целом отрицательное) мнение рассматривает человека в его незавидном положении и ищет какой-либо возможности выхода, какой-либо жизненной мудрости, которая позволила бы этот мир вынести и преодолеть. Суждение о мире высказано [Логау. – М.Н.] в недвусмысленных выражениях: он настолько плох, что человеку не следует быть к нему привязанным».¹

Die Welt. (III,4,69)
Sündlich/ zu; geplaget/ in; kläglich gehn wir/ auß der Welt;
Was ist der nur für ein Narr/ der die Welt fürs beste helt?²

Мнение Логау о мире с наибольшей убедительностью проявляется в тех его эпиграммах, в которых поэт, исходя из своего религиозного миропонимания, ставит миру точный и окончательный диагноз:

Die hinfällige Welt. (I,2,69)
JCh bin zwar wol kein Rath aus Gottes Cantzeley/
Doch weiß ich was daselbst jetzund im Wercke sey;
Es wird der kranken Welt jhr Leichendienst bestellet
Weil sie jemehr vnd mehr in schwere Seuchen fället:
Sie hat sich offft kasteit/ durch Hunger; vnd purgirt
Durch Pest; Mars hat jhr auch viel übrig Blut entführt:
Noch dennoch ists vmbsonst. Drum der sich jhr vertrauet/
Hat für ein schönes Bild/ ein stinckend Aas erschauet.³

В авторепрезентативных эпиграммах, из которых всего достовернее можно узнать о жизненных приоритетах поэта, Логау решительно противопоставляет себя миру и резко отмежевывается от него:

Die Welt-Freundschaft. (ZD,145)
JCh wil nicht Damon seyn; die Welt darff auch nicht werden
Mein Pythias, wir sind von zweyerley Geberden;
Mein Sinn steht auffgericht/ die Welt geht krumm gebückt:

¹ Brinkmann W. Logaus Epigramme als Gattungerscheinung. // Zeitschrift für der Philosophie. № 93 (1974). S. 521.

² «Мир. Грех с рожденья, жизнь в скорбях, смерть жалка у нас, людей; / Что же это за глупцы, коим мир – всего ценней?»

³ «Ветхий мир. Хоть я и не советник коллегии Господней, / Но знаю достоверно, что всех нас ждет сегодня: / Давно уж к погребенью сей мир приговорен – / Ведь год от года глубже в недугах тяжких он. / Был голодом он лечен, и чищен был не раз / Чумой; немало крови пускал ему и Марс. / Все тщетно! Пусть же каждый, себя ему дарящий, / Взамен картины дивной увидит труп смердящий».

Mein Sinn ist vngefärbt/ die Welt ist glat geschmückt:
 Mein Mund hat eine Zung/ ich kan nicht warmes hauchen
 Und kaltes auch zumal; Die Welt pflegt Ja zu brauchen
 Wie Nein/ vnd Nein wie Ja/ dann jhre Zunge bricht
 Die schöne zwischen Mund vnd Hertz gepflogne Pflicht.¹

Критика мира встречается у Логау и в религиозных эпитаграммах. В стихотворении „Christus ist der Weg/ die Warheit vnd das Leben“ (I,4,64) поэт в той же степени бескомпромиссен в своем отношении к земному миру, – однако здесь имеет место религиозная интерпретация данной темы:

JCh kumm in diese Welt/ hindurch dort nauff zu reisen/
 Weil Christus ist der Weg/ so wird er mich wol weisen:
 Jch kan in dieser Welt viel Redligkeit nicht schauen/
 Weil er die Wahrheit ist/ mag jhm ich wol vertrauen:
 Hier muß ich zwischen Tod vnd Nöthen stündlich schweben/
 Weil er das Leben ist/ so kan durch jhn ich leben.
 Was wil ich weiter mehr? Laß/ HErr/ nur dich mich haben/
 So acht ich keine Welt mit allen jhren Gaben.²

В сатирических эпитаграммах и сатирах отношение поэта к миру выражено подчас в еще более резкой и безапелляционной форме. Характерно в этом смысле стихотворение „Geraubt/ ist erlaubt“ (I,3,33), показывающее развернутую картину земного мира, в его наиболее типичных проявлениях, в перспективе всей лестницы бытия, от верхних ее ступеней и до самого низа:

DJe Welt ist voller Raub. Sie raubet Gott die Ehre
 Und gibt sie jhr nur selbst: Sie raubt sein Wort vnd Lehre/
 Sein Ordnung vnd Befehl/ vnd setzt an dessen stat
 Was jhr gevöllter Wanst zur Zeit getraumet hat:
 Drauff raubt der Teuffel nun das Glück vnd allen Segen/
 Und pflegt hingegen nichts/ den Unmut zu erregen/
 Er raubet Fried vnd Ruh/ er raubt die gute Zeit/
 Er raubet Scham vnd Zucht/ er raubt die Seligkeit:
 Der Mensch beraubt den Mensch an dem/ das jhm gegeben
 Von Leumut/ Ehre/ Gut/ Gesundheit/ Wolfahrt/ Leben:
 Der Ober-Stand raubt hin den letzten Bissen Brot/
 Und läst gemeiner Schaar nichts/ als die leere Noth:
 Der Unterthan raubt weg Gehorsam/ Pflicht/ vnd Treue/

¹ «Дружба с миром. Я – вовсе не Дамон, – и Пифием негодным / Мне был бы этот мир; друг другу мы не сродны. / Мой непреклонен ум – а мир согбен и лжив; / Мой непритворен дух – а мир насквозь фальшив. / Язык мой смел и прям; ни теплым я не буду, / Ни хладным мне не быть, – а в мире «да» повсюду / Есть «нет», а «нет» есть «да», и рушит он тотчас / Тот долг, что единит уста и сердце в нас». (Дамон и Пифий – двое пифагорейцев из Сиракуз, бывших в античности образцом нерушимой дружеской верности. – М.Н.).

² «Христос есть путь, истина и жизнь. Я мир рожден пройти тернистою стезею; / Коль путь Христос, – пусть Он ведет меня с Собою. / Я правды на земле не много обретаю; / Коль истина Христос, – Ему себя вверяю. / Меж смертью и бедой мой путь подобен чуду; / Коль жизнь Христос, – пусть в Нем и я живым пребуду. / Чего же мне еще? Мне б только милость Божью, – / И мир отрину я с прельщениями и ложью».

Die Furchte für der Straff vnd für den Lastern scheue:
 Die Liebe die ein Christ zum Christen billich trägt/
 Die ist durchauß entraubt/ die ist seitab gelegt.
 Was macht dann der Soldat? (das Volk von fremden Sinnen
 Daß Menschen man hinfort nicht mehr wird achten können)
 Er hätte gar förlängst/ wens jhm nur wär erlaubt/
 Den Himmel vnd Gott selbst geplündert vnd beraubt.<...>¹

Характерным примером религиозно-катехетической тенденции творчества Логау, о которой было сказано в начале настоящего раздела (3.2.1), а также типичным примером того, каким образом данная тенденция проявляется у поэта по отношению к миру, может служить диалогическая эпиграмма „Neunerlei Fragen vnd neunerlei Antwort“ (I,1,90). В этом дидактическом стихотворении, построенном по образцу катехизиса, – то есть в виде ряда фундаментальных вопросов, предлагаемых поэтом, и его же собственных ответов на них, – своего рода дискуссии автора с самим собой, – Логау, вынося миру безапелляционный приговор, в то же время оставляет надежду на иной исход в будущем, выраженную в духе традиционных представлений христианской эсхатологии (Откр. 21, 19):

1. Wie kümmt es/ daß die Welt im argen ist versunken?
 Sie ließ den rechten Weg vnd gieng nur nach gedunken.
2. Wie kümmt es/ daß die Zeit nicht wil gebessert werden?
 Die Menschen in der Zeit verbösern die Geberden.
3. Wie kümmt es/ daß die Last der Noth die Welt so drucket?
 Sie jsset jetzund auß/ was sie vor eingebrocket.
4. Wie daß vns Rath vnd That so wenig wil erspriessen?
 Drum daß/ wie wir von GOtt/ GOtt nichts von vns wil wissen.
5. Wie daß sich die Fortun so plötzlich hat gewandelt?
 Weil der/ der sie bekam/ sie übel hat gehandelt.
6. Wie kömmt es/ daß jetzund die Bösen oben schweben?
 Wer höchlich fallen soll/ den muß man hoch erheben.
7. Wie kümmt es/ daß jetzund die Frommen vnten liegen?
 Sie kämpffen mit Gefahr/ mit Ehren drauff zu siegen.
8. Wie daß vns wil die Zucht zur Sicherheit gelangen?
 Dieweil der letzte Tag die Welt wil ehstes fangen.
9. Kümmt aber keine Zeit/ darin es besser werde?
 New Himmel ist nicht weit/ nicht weit ist auch New Erde.²

¹ «Позволение ограбленья. Мир полон грабежей. Честь Господа Живого / Присваивает он; Его ученье, Слово, / Порядок и Закон крадет он, – а взамен / Тó дарит, чем живот несытый ублажен. / И дьявол грабит жизнь и счастье наше ныне, / И возбуждает в нас лишь тяжкое унынье; / Он отнимает мир, и благо он берет; / Он отнимает стыд, жизнь вечную крадет. / И люди грабят днесь друг друга без стеснения, / Крадут здоровье, честь, жизнь, славу и имень; / Последний наш кусок у власти на счету, / И оставляет нам она лишь нищету. / А подданный крадет долг, верность, послушанье, / Стеснение пред грехом и страх пред наказаньем; / Христова же любовь, завещанная нам, / Похищена давно, отброшена, как хлам. / А что творит солдат (все эти волчьи стаи, / Которых и людьми едва ли кто считает!)? / Давно бы он уже – когда бы в силах был – / И сами небеса, и Бога разорил...»

² «Девять вопросов и девять ответов. 1. Как вышло, что наш мир в несчастьях погрязает? / О правде он забыл, о пользе лишь мечтает. / 2. Как вышло, что наш век не хочет измениться? / Не хочет человек с дурным путем проститься. / 3. Как вышло, что наш мир так беды угнетают? / Что прежде сам сварил, он ныне поглощает. / 4. Что ж дело и совет не успевают много? /

Отношение к миру, культивирующему зло, выражается у Логау, таким образом, в неприятии существующего зла. Поэт не в состоянии мириться с той духовной неправдой, которая является этической нормой в обществе, отказывающемся жить по нравственным законам. Однако осуждение зла, имманентного миру, соединено у Логау с посильной помощью гибнущему миру, проистекающей из чувства сострадания. Эта помощь подается им в форме религиозной лирики, предназначенной просветить души читателей и современников высокими истинами христианства, назидательно-моралистических сентенций, предлагающих нравственные постулаты для исправления заблуждений века, а также обличительной сатиры, поскольку подразумевается, что зло, разоблаченное и осмеянное, есть побежденное зло. Проповедь добра и обличение зла предстают, таким образом, основной целью поэзии Логау. Данная цель, глубоко духовная по своему характеру и вытекающая из религиозного миропонимания поэта, является одним из изначальных побудительных мотивов его творчества, а также центральным пунктом исходного замысла его собрания эпиграмм.

§ 3.3. Притчевость как интегрирующее свойство поэзии Логау

3.3.1. Притчевость как жанровый атрибут эпиграмм Логау. Проповедь добра и обличение зла, как основные тенденции творчества Логау, находят свое воплощение в специфическом свойстве его поэзии, которое можно охарактеризовать как *притчевое начало* или *притчевость*. Данный термин содержится в уже цитированной нами статье проф. Эльшенбройха, где автор в своем рассуждении о характере поэзии Логау приходит к выводу о некоем объединяющем свойстве всех его произведений. Критик дает этому свойству определение „*Spruchhaftigkeit*“ и „*das Spruchhafte*“, которое можно перевести как «притчеобразность» или «притчевость»: «То, что... является общим для всех этих столь разнообразных стихотворений, следовало бы назвать *притчевостью*» („Was jedoch all diesen, unter sich so verschiedenen Versgebilden gemeinsam ist, wäre *das Spruchhafte* zu nennen“).¹ Автор отмечает, что указанное свойство определяет стиль поэта не только в тех случаях, когда он излагает свои умозаключения как созерцатель человеческих проявлений, анализирует свою эпоху в морально-дидактическом плане или формулирует принципы житейского поведения, но и тогда, когда он говорит, «по выражению Лессинга, „от полноты сердца“». ² Исследователь продолжает: «Скромность... научившая его [Логау. – М.Н.] прятать субъективное во всеобщем, нашла адекватное выражение в *притчеобразности* всех его стихотворений» („...in der *Spruchhaftigkeit* aller seiner Verse“).³ Термин, которым автор обозначает некое общее свойство эпиграмм Логау, присущее им в силу склонности поэта к абстрагированию и

Не помнит Бог о нас, как мы не помним Бога. / 5. Что так фортуна лик внезапно свой меняет? / Тот, кто ее поймал, во зло употребляет. / 6. Как вышло, что теперь дурных так превозносят? / Тех должно вознести, которых после сбросят. / 7. Как вышло, что теперь так добрых мучат беды? / Их бури не страшат, важна им честь победы. / 8. Когда нам праведность от зла защитой станет? / Не раньше быть тому, чем Судный День настанет. / 9. Когда минует зло, дождемся ли мы срока? / Да, новая земля и небо недалёко».

¹ *Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 211 (Курсив наш. – М.Н.).*

² Эльшенбройх цитирует лессинговские «Письма о новейшей литературе». См.: *Lessing G.E. 36. Brief // Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 262.*

³ *Elschenbroich, loc. cit. (Курсив наш. – М.Н.).*

обобщению единичного и частного, призван выразить мысль, что поэт придает своим произведениям притчевый характер, дающий возможность отстраниться от написанного и скрыть свое «я» за предметом повествования.

В каком бы роде ни писал поэт, – будь то моральная сентенция или образец фольклорного жанра, почтительный панегирик или язвительная эпиграмма, антивоенная инвектива или шуточная зарисовка, философская максима или торжественная ода, – это почти всегда явное или скрытое нравственное суждение о мире, человеке и его деяниях, преследующее те же цели, что и библейская притча. Подтверждением родства поэзии Логау с притчевой традицией может служить замечание Хемпеля о «символическом мироощущении» („symbolische Weltbetrachtung“) поэта: «Подобно Гёте, его взгляд готов видеть в событиях человеческой жизни отображение высшей действительности; все прошедшее для него – притча».¹ Притча, в сущности, есть то же, что древнееврейское *машал*, т.е. «сравнение, подобие, речь... в которой явление нравственного миропорядка уясняется через сравнение с явлением мира физического».² Это сопоставление высшей реальности и событий человеческой жизни, составляющее основу жанра притчи в его библейском понимании, есть также и тот идейный и структурный принцип, на котором основан подход Логау к предмету его поэзии.

Притчевость, следовательно, есть свойство, которое позволяет эпиграммам выступать в роли притч. Среди основных свойств притчи С.С. Аверинцев называет «символическую наполненность», «тяготение к глубинной „премудрости“ религиозного или моралистического порядка», «высокость содержания».³ В настоящей работе нам хотелось бы назвать следующие жанровые свойства притчи библейского типа: 1) *религиозное основание*; 2) *вытекающее из него универсальное знание высших законов человеческой жизни (мудрость)*; 3) *обобщенный поэтический образ, дающий сущностное понимание истины во всей ее полноте*; 4) *притчеобразующая идея*. Эти четыре признака составляют «ядро» библейской притчи, «оболочкой» которого является целенаправленная *дидактическая установка*. Перечисленными свойствами обладают как притчи в собственном смысле слова, так и те стихотворения, которым, по замыслу автора, придан притчевый характер: следовательно, эти пять признаков и составляют суть понятия притчевости. Их наличие или отсутствие обуславливает то, пребывает эпиграмма в значении притчи, или нет.

3.3.2. Религиозно-дидактическая тенденция в эпиграммах Логау. Все творчество поэта буквально пронизано дидактизмом. Не только гномические или критические, но и целый ряд образцов других эпиграмматических типов содержат морально-религиозное наставление прямого или косвенного характера. Эта проповедническая тенденция в творчестве поэта выражается в виде отсылок к Библии, апелляций к Церкви и ее учению, и т.п. Так, религиозное наставление косвенного характера имеет место в гномической эпиграмме „Die gute Sache“ (I,4,25):

Wo diese Sach ist falsch/ die etwa übel gieng/
War Christus Sache falsch/ die jhn ans Creutze hing.⁴

¹ *Hempel P.* Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 118. Автор имеет в виду два стиха заключительного хора во II части «Фауста» Гёте: „Alles Vergängliche / Ist nur ein Gleichniß“ (Faust. Eine Tragödie von Goethe. Stuttgart 1865. S. 460).

² Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 4. СПб., 1907. Репр. 2-е изд.: Стокгольм 1987. С. 411.

³ *Аверинцев С.С.* Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 20.

⁴ «Благие дела. Коль те дела неправы, конец которых плох, – / То, значит, за неправду взошел на крест и Бог».

Двустихие „Die Welt ein Traum“ (II,4,16), сюжет которого восходит к классическому мотто эпохи барокко, – «мир есть сон», или «жизнь есть сон», – является примером религиозного наставления в философской эпиграмме:

Jst der Welt jhr Thun ein Traum? O so wird Noth/ Leid vnd Tod
Auch ein Traum seyn/ drauß wir dort wachen auff bey dir/ O GOTT.¹

Двустихие на пасхальную тематику „Die Aufferstehung Christi“ (III,6,81) являет собой пример обличительной эпиграммы «ювеналовского» типа с ярко выраженным религиозным наставлением:

Was hilffts/ das vnser Haupt erstund? Wann wir doch seine Glieder/
Vns in der Sünden finstres Grab vergraben jimmer wieder?²

В эпиграммах из разряда „Zeitkritik“ религиозное наставление выполняет функцию свидетельства о высшей реальности, служащей противовесом реальности земной, и утверждения правды Божьей как антитезы апостасийности мирской жизни:

Steuer (I,3,40).
WAnn so oft an Gott man dächte
Als man an die Steuer denckt/
Wär vns/ glaub ich/ längst zu rechte
Fried vnd Ruh von Gott geschenckt.³

Духовная дидактика у Логау имеет место также и в сатирических эпиграммах. Одним из примеров данного рода является четверостишие „Auff Clepacem“ (III,2,4), принадлежащее к разряду эпиграмм на характерные типы:

CLepax, legt sich nie vngestohlen nieder/
Was er Reichen stiehlt/ gibt er Armen wieder:
GOTT/ wird reichen Lohn jhm hingegen geben/
Daß er hoch erhöht wird in Ketten schweben.⁴

Редким случаем игриво-гедонистской застольной эпиграммы с религиозным наставлением является двустихие „Vergunte Trunckenheit. Psal. 23. V. 5. 6“ (II,2,53), тема которого восходит к Библии (Псал. 22, 5–6):

Jch habe Lust zu trincken bey dem/ der voll schenckt ein
Barmherzigkeit vnd Güte; da kan ich lustig seyn.⁵

¹ «Мир есть сон. Мир есть сон? Так пусть нужда, скорбь и горестный конец / Снятся нам, и близ Тебя мы проснемся, о Творец!»

² «Воскресение Христово. Чтò в воскресенье нам Главы, коль вновь мы, члены Тела, / В могилу темную греха ввергаемся всецело?»

³ «Налоги. Если б помнить нам о Боге / Так, как помним про налог, / То давно б, отняв тревоги, / Мир и тишь послал нам Бог».

⁴ «На Клепакса. Клепакс, как никто, воровать горазд; / Взав у богача, нищему отдаст. / Щедрую Господь мзду ему присудит: / Высоко в петле вознесен он будет». *Клепакс* – вор (от лат. *clepere*: «красть»).

⁵ «Дозволенное опьянение. Я выпить рад, но с Тем лишь, Кто мне нальет питья, / Где вволю милость, благость: тем буду счастлив я».

Наконец, религиозная дидактика встречается у Логау даже в шуточных эпиграммах, – как, например, в эпиграмме „Fische sind nicht Fleisch“ (III,2,61), написанной на сюжет библейского сказания о всемирном потопе (Быт. 6, 5–7, 12–13):

SEinen Weg hat alles Fleisch in der ersten Welt verterbt/
 Drum hat durch den Sündenfluß/ GOTT gar recht das Fleisch gesterbt.
 Nur die Fische blieben leben; müssen also billich schliessen/
 Wer im Fasten Fische speiset/ künne ja nicht Fleisch geniessen.¹

Общая доля стихотворений, содержащих дидактическую тенденцию в виде морально-религиозного наставления, вместе с собственно религиозными эпиграммами, составляет у Логау около 15% объема его книги. Столь осязаемое количество религиозно-дидактических текстов в собрании эпиграмм всецело подтверждает мнение о Логау как о «поэте-проповеднике».²

3.3.3. Эпиграммы Логау как аналог библейских притч. В собрании эпиграмм Логау содержится целый ряд образцов, в формальном и содержательном отношении непосредственно восходящих к притчам библейской традиции. В первую очередь к этим образцам относятся стихотворные переложения отдельных изречений из Книги Притчей Соломоновых. Так, например, текст одного из «речений мудрых» (Книга Притчей, 30, 7–33), – «Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: „кто Господь?“ и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притч. 30, 7–9), – предстает у Логау, в почти буквальном переложении, в эпиграмме „Armut vnd Reichthum“ (III,1,36) с авторской ремаркой „Proverb. 30, V. 8“:

GJb mir/ wiltu mir was geben/ Armut nicht/ HErr/ Reichthum nicht/
 Dieses/ möcht auß deinen Furchten reissen mich in seine Pflicht/
 Jenes/ dürffte zwingen mich/ mich durch Unrecht zu ernähren;
 Dorte/ dürfft ich leugnen GOtt; hier/ den Nechsten arg beschweren:
 Gib mir/ was mir ist von nöthen! wann dein Wort vnd Brot ich hab/
 Hab ich/ was mich zeitlich stärcke; hab ich was mich ewig lab.³

Другой пример – четверостишие „Kinder-Zucht“ (III,10,25) – обязано своим содержанием сразу двум библейским источникам. Его первое двустишие отсылает к Книге Притчей Соломоновых (13, 25): «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его», – а второе двустишие восходит к Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (30, 1–13): «Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им... Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими... Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его»:

¹ «Рыба – не плоть. В древнем мире на земле извратила путь свой плоть: / И за то, послав потоп, истребил всю тварь Господь. / Только рыбы уцелели; потому мы счесть могли бы: / Не грешит плотояденьем тот, кто в пост наестся рыбы».

² *Fritzmann A. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 39.*

³ «Нищета и богатство. Притч. 30, ст. 8. От богатства с нищетою сохрани меня, Господь, / Чтобы страха Твоего я не забыл, насытив плоть, / Чтоб в отчаяньи не стал я ненáжитым кормиться: / Там – от Бога отрекись, здесь – мой ближний омрачится. / Посылай мне Твое Слово, Боже, хлеб насущный Твой, – / Подкрепленье в этой жизни и спасенье в жизни той!»

ES liebet nicht sein Kind/
 Der keine Rutte bind:
 Das Hertzeleid belohnet
 Den/ der der Kinder schonet.¹

Наряду с непосредственными переложениями притчей Соломоновых, в собрании Логау можно встретить эпиграммы, как по форме, так и по содержанию представляющие собой прямое жанровое соответствие библейским учительным изречениям. Например, рифмованная пословица „Hoffart vnd Demut“ (I,8,58) в содержательном отношении есть почти буквальное стихотворное повторение паремии «Перед падением возносится сердце человека, а смирение предшествует славе» (Притч. 18, 12):

Auß Hoffart wächst Verterb empor/
 Auß Demut kümmt das Heil hervor.²

Эпиграммы Логау класса *proverbia metrica* родственны притчам уже в силу своей жанровой специфики. Данный род наставительных эпиграмм также можно причислить к традиции учительных изречений; в формальном отношении эти стихотворения нередко построены на сочетании двух противопоставлений и, в силу этого, тяготеют к фольклорной модели пословицы-антонима. Они сопоставимы с родом библейских паремий, состоящих из двух противоположных по смыслу тезисов, причем «утверждаемое и отрицаемое в совокупности покрывают весь соответствующий участок смыслового поля».³ Антитеза нравственного или этического характера в ряде *proverbia metrica* Логау соответствует антитетической структуре многих изречений Книги Притчей: так, в «Первом собрании притч царя Соломона» (гл. 10–22, ст. 1–16) и во «Втором собрании притч царя Соломона» (гл. 25–29) соответственно 68% и 63% притч содержат «инвариантную пару противопоставлений»⁴ морального или философского характера, например: «Отборное серебро – язык праведного, сердце же нечестивых – ничтожество» (Притч. 10, 20). Структурное родство ряда рифмованных пословиц Логау с притчами данного типа обнаруживается в их прозаическом переводе, что можно видеть на примере шпруха „Lohn vnd Straffe“ (III,7,57):

Besser/ Gutes nicht belohnen/
 Als deß Bösen wo verschonen.⁵

Подстрочный перевод эпиграммы – «Лучше вознагражденное добро, чем пощаженное зло» – также приводит на память изречения из Книги Притчей, по форме представляющие собой антиномичные паремии, например: «Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь» (Притч. 27, 5).

Помимо рифмованных пословиц, в которых налицо прямые высказывания, в собрании Логау можно встретить эпиграммы, содержащие образные иносказания и, вследствие этого, принадлежащие к типу парабол – еще одной разновидности

¹ «Воспитание. Кто розгой сечь не любит, – / Дитя свое погубит; / Узнает скорби тот, / Кто чадо бережет».

² «Спесь и смирение. Нас спесь к погибели влечет; / Смиренью слава вслед идет».

³ Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремииологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С. 113.

⁴ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. М., 1988. С. 104.

⁵ «Награда и наказание. Пусть добро – без воздаянья: / Хуже зло без наказанья».

классической притчи, в которой мораль (предметная часть) не декларируется, а подразумевается или «загадывается».¹ Образцы этого типа соответствуют другой тенденции, также имеющей место в Книге Притчей: «Свет праведных весело горит; светильник же нечестивых угасает» (Притч. 13, 9). К данной категории относится, в частности, эпиграмма „Demuth“ (ZD,7):

Ein hoher starcker Baum muß von dem Winde liegen:
Ein niederträchtig Strauch/ der bleibet stehn durch biegen.²

В прозаическом переводе эпиграммы, – «Высокое дерево повалит буря, а низкий куст хоть и гнется, но стоит», – обнаруживается ее структурное родство с теми притчами Соломона, предметом которых является сопоставительный анализ противоположных нравственно-этических категорий (дерево и куст = гордость и смирение).

К категории образцов, построенных по типу библейских притч, следует также отнести часто встречающийся у Логау род притчевых эпиграмм (Gleichnissprüche).³ Эпиграммы этого класса имеют ряд аналогий в Книге Притчей в виде сопоставительных изречений, построенных по принципу параллелизма и представляющих собой наибольшее приближение к типу сравнения (машал), например: «Как в воде лице – к лицу, так сердце человека – к человеку» (Притч. 27, 19). Нечто подобное можно видеть в эпиграмме „Herren-Gewissen“ (III,3,29):

Ochsen spannt man nicht an Faden/ denn er würde stracks zerrissen:
So auch lest sich schwerlich binden/ wer Gewalt hat/ an Gewissen.⁴

В изобразительной части этой эпиграммы помещена метафора из повседневной жизни; в предметной – изречение, объясняющее авторский замысел; tertium comparationis состоит в идее бесплодности попыток обуздания того, что не привыкло подчиняться. Точно так же и в библейской паремии обе части соответствуют притчевому канону, tertium comparationis же заключен в идее противостояния.

Целый ряд эпиграмм Логау восходит к библейскому жанру числовой притчи,⁵ что также свидетельствует о преемственности творчества поэта по отношению к ветхозаветной поэтической традиции:

Drey schädliche Dinge. (II,4,15)
Spiel/ Vnzucht vnd der Wein
Lässt Reich/ Starck/ Alt/ nicht seyn.⁶

Помимо ветхозаветной традиции, в книге эпиграмм Логау прослеживается традиция притч новозаветного и классического типов, в которых имеется эпическая экспозиция, но отсутствуют предметная часть и tertium comparationis, – вместо них эпиграмма содержит моральное или этическое наставление:

¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 145.

² «Смирение. Высокий, гордый ствол падет от урагана, – / А низкий куст стоит, лишь гнется беспрестанно».

³ См. выше (2.2.1).

⁴ «О княжеской чести. Тонкой нитью не удастся привязать быков ревущих; / Так же связывать напрасно словом чести власть имущих».

⁵ См. выше (2.2.2).

⁶ «Три вредных вещи. Нельзя с игрой, вином, развратом / Стать сильным, старым и богатым».

Ein Gerichte. (I,6,50)

EJn Kläger kam vnd sprach: Herr Richter/ ich bekenne/
 Beklagter soll mir thun/ so viel als ich benenne;
 Der Richter sprach: So schaw vnd gibs Beklagter hin/
 Daß du von Schulden los vnd ich vom richten bin;
 Beklagter sprach: Jch kan zwar keine Schuld gestehen
 Doch geb ich halbes hin/ dem zancken zu entgehen.
 Wer besser richten kan/ der richte drüber frey
 Wer vnter dreyen hier der Allerklügste sey.¹

Творчество Логау, таким образом, отвечает одной из главных особенностей литературы XVII в.: «тенденции к иносказанию... воплощенному в притче».²

3.3.4. Притчевое начало в поэзии Логау. Признаком притчевого начала эпиграмм Логау является наличие в тексте стихотворения авторского заключения в той или иной форме: наставления, вывода, доказательства выдвинутого тезиса либо ответа на вопрос, поставленный самим автором. Поэт чаще всего не оставляет послышки без заключения и нередко завершает свою мысль в духе религиозной морали. Это тяготение Логау к прямому высказыванию находится всецело в русле национальной традиции немецкой дидактической поэзии:

Die verbrennliche Welt. (I,7,32)

Wie so wil Gott/ die letzte Welt wegzünden?
 Drum daß sie steckt voll Sodomiter-Sünden.³

Тип эпиграмм с притчевым характером особенно часто встречается у Логау среди религиозных стихотворений. Неотъемлемыми свойствами этих образцов выступают их теологический характер и акцентированная дидактическая установка. Например, в четверостишии „Tod/ Trost oder Durst“ (I,5,51), сюжет которого восходит к евангельской притче о богаче и Лазаре (Лк. 16, 19–25), Логау, вслед за экспозицией, вводит нравственное наставление. Оба двестишия эпиграммы по своей структуре – двухчастные сравнения, поэтому в стихотворении имеется не один, а два *tertium comparationis*, что нередко встречается в притчах библейской традиции:⁴

ALs Lazarus ver stirbt/ wird oben er getröstet/
 Sobald der Reiche stirbt/ wird vnten er geröstet:
 Wer übel stirbt/ fühlt Durst auffs Teuffels heissem Rost
 Wer selig aber stirbt/ in Abrahams Schoß Trost.⁵

¹ «Суд. Истец сказал судье: „О, господин судья! / Пусть мне ответчик даст все, что желаю я“. / Судья велел: „Плати, что требует истец, / Чтоб был твоим долгом, да и суду конец“. / Ответчик возразил: „Не должен я платить, – / Но половину дам, чтоб ссору погасить“. / Кому дано судить, рассудит пусть верней, / Кто между тех троих был остальных умней».

² *Виппер Б.Р.* Искусство XVII в. и проблема стиля барокко // Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966. С. 258.

³ «Сожженный мир. За что Бог мир обрек концу такому? / За то, что он подобен стал Содому».

⁴ *Fiebig P.* Altjüdische Gleichnisse und die Gleichnisse Jesu. Tübingen und Leipzig 1904. S. 92.

⁵ «Смерть: утешение или жажда. Почивет Лазарь, – в небе найдет он утешенье; / Умрет богач – и в пекло пойдет за прегрешенья. / Чья смерть дурна, – у бесов от жажды в пекле стонет; / Чья праведна, – тем радость на Авраама лоне».

Среди светских эпиграмм Логау примерами притчевого начала выступают, прежде всего, изречения класса *regula vitae*, предметом которых являются житейские наставления, выраженные в императивной форме. Эти гномические двустишия по своему характеру стоят ближе всего к учительным изречениям Книги Притчей. Одним из примеров этого рода является эпиграмма „Lebens-Regel“ (II,4,4), полемизирующая с доктриной кальвинизма о предопределении:

Bis wer du bist/ laß jeden auch für dir seyn/ wer er ist/
Nicht was du nicht kanst/ was du kanst/ sey dir zu seyn erkiest.¹

Гномический жанр по самой своей природе сродни наставлению; неудивительно, что в гномах притчевое начало нередко составляет суть предмета, – как, например, в эпиграмме „Ewige Jugend“ (II,4,89), в которой обыгрываются понятия средневековой космогонии – микрокосм (человек) и макрокосм (вселенная):

JSt die Welt/ der grosse Mensch? Jst der Mensch/ die kleine Welt?
Wie/ daß dieser dann kein Lentz/ sich auff jhren Winter stellt?
Welt-Verliebte klagen so: Himmel-Buhlen kümmet ein
Jene Zeit/ da jmmmer Lentz/ nimmer nie wird Winter seyn.²

В эпиграммах из разряда притчевых изречений (Gleichnissprüche), – как, например, в эпиграмме „Wollust vnd Schertz“ (I,10,91), – притчевое начало выступает в наиболее прямом и непосредственном виде:

Das letzte von der Hitze/ gibt Anfang auff den Frost:
Den Anfang auff das trauren/ das letzte von der Lust.³

В обличительных эпиграммах ювеналовского типа, – например, „Der Menschen Unbeständigkeit“ (II,2,47), – притчевое начало нередко выдвинуто на передний план и выступает как своего рода мораль, сближая эпиграмму с притчей:

SEin Eigenschafft vnd Art bekam ein jedes Thier
Und wie sie einmal war/ so bleibt sie für vnd für:
Der Löw/ der bleibt behertzt; der Hase/ der bleibt schew;
Der Fuchs/ der bleibet schlaw; der Hund/ der bleibet trew;
Der Mensch nur wandelt sich/ vermummt sich jmmmerdar/
Jst diese Stunde nicht der/ der er jene war.
Was dient jhm dann Vernunfft? Sie hilfft dahin jhm ein
Daß er kan mit Vernunfft recht vnvernünfftig seyn.⁴

¹ «Жизненное правило. Будь тем, кто есть ты, и любой пусть будет тем, кто есть, с тобой; / Не все, что можем мы, иль нет, нам предначертано судьбой».

² «Вечная юность. Человек есть «малый мир»? Мир – «великий человек»? / Что ж за жизненной зимой не придет весна вовек? / Горе тем, кто в мир влюблен, – так возлюбим небо мы, / Где нетленная весна, где вовеки нет зимы!»

³ «Похоть и скорбь. В последнем миге зноя берет исток мороз; / В исходе сладострастья лежит начало слез».

⁴ «Человеческое непостоянство. Свой нрав и свой характер имеет каждый зверь, / И он пребудет тем же, каков он и теперь. / Отважен лев извечно, а заяц боязлив; / Всегда хитра лисица; пес предан, пока жив. / Лишь человек изменчив, и вечно в маске он; / Иным быть ежечасно – таков».

В сатирических эпиграммах Логау притчевое начало, как правило, заслонено пуантом, – но и среди этих образцов можно отыскать эпиграммы с явно выраженным нравственным наставлением:

Der Sitzer/ Anus (II,3,21).
 DEr Sitzer vnd ein altes Weib/ (wie muß doch dieses kummen?)
 Sind auff Lateinisch einerley; weil beyde gerne brummen:
 Jedoch ob diß bedenklich ist/ geschichts vielleicht/ dieweil
 Das garstig Alter billich ist der Jugend Hintertheil.¹

Притчевое начало нравоописательных эпиграмм Логау, в свою очередь, нередко заключается в изображении определенного нравственного порока или морального изъяна героя, – и, как следствие, в его обличении с целью нравственного исправления:

Auff Schliffeln. (I,8,62)
 Schliffel hat zwar eine Seel/ aber was ist solche nütze?
 Saltz ist sie/ daß nicht sein Leib lebend wird zu fauler Pfütze.²

Притчевость эпиграмм Логау, следовательно, состоит в наличии наставления или своеобразного анализа, проводимого автором на религиозном или морально-этическом основании. Данный анализ выступает в прямой форме в гномических эпиграммах и присутствует в скрытом виде в образцах других эпиграмматических типов.

3.3.5. Притчеобразующая идея. Притчевое начало в эпиграммах Логау поддерживается свойством, которое можно назвать *притчеобразующей идеей*. Этим термином мы хотели бы обозначить тот духовно-нравственный постулат, который дает импульс стихотворению и/или выявляется в результате сопоставления изображаемого реального с идеальным. Наличие данного свойства указывает на присутствие притчевого начала и тем самым переводит эпиграмму в иную жанровую категорию, поднимая ее до уровня притчи. Так, в эпиграмме „Der Tod“ (ZD,209) притчеобразующая идея состоит в возведении физиологического акта смерти и его разрушительных последствий в категорию нравственного возмездия:

Man verstecket vns in Särcke/ man verscharret vns in Erde/
 Daß der arge Lohn der Sünde/ nicht so gar erschrecklich werde.³

В эпиграмме „Hofe-Leute“ (I,9,85), принадлежащей к роду антипридворной сатиры (Hofkritik), притчевое начало обнаруживается в неожиданном разрешении исходной темы путем религиозного осмысления заурядной житейской ситуации. Притчеобразующая идея данного примера – неправомерно приобретенное благополучие обусловлено продажей души:

его закон. / На что ему рассудок? На то лишь, может быть, / Чтоб, с даром разуменья, он мог безумным жить».

¹ «Задница, *anus*. Старухе, как и заднице, одно дает названье / Латынь, – ведь обе издают похожее ворчанье; / И старость мерзкая порой, – кто усомнится в том? – / Все ж молодости задницей бывает поделом».

² «На Шлиффеля. Есть у Шлиффеля душа, непонятно лишь – к чему? / Соль, – чтоб заживо не стать тухлой лужею ему».

³ «Смерть. Нас укладывают в гроб, зарывают в землю нас, / Чтоб ужасное грехам воздаянье скрыть от глаз».

BEy Hofe haben die gemein den besten Sold
 Die sonsten doch nichts thun/ als fressen nur vnd sauffen;
 Fürwahr wer Seele soll/ vnd soll Gesund verkauffen/
 Dem ist kein Silber nicht genug/ vnd auch kein Gold.¹

В гномической эпиграмме „Graue Haare“ (I,4,43), соединяющей в себе дидактическую установку, идейную проблематику эпохи барокко („memento mori“) и характерный случай *argutia* в форме сближения далеких друг от друга вещей – сена и седины („*discordia concors*“), притчеобразующей идеей выступает мысль о скоротечности человеческой жизни:

Wann graues Haar dir wächst/ sprich: Hew wird dieses seyn/
 Das auff dem Kirchhoff nechst/ der Tod wird sammeln ein.²

Автобиографическая эпиграмма из разряда притчевых изречений „Wittibschafft“ (I,5,33), написанная в 1641 г. после смерти первой жены поэта Хелены фон Грутцшрайбер, несет в себе притчеобразующую идею, которую можно было бы выразить так: рачительная и верная жена – опора дома и всей жизни:

Als Pallas weg von Troja ward genummen
 Jst dessen Heil bald zum Verterben kummen:
 Ein Haus darauß ein redlich Weib verschieden/
 Bleibt von dem Glücke mehrentheils vermieden.³

Притчеобразующая идея сатирической эпиграммы „Auff Curvum“ (II,10,86) традиционна для религиозной дидактики: не всякое обличение порока – свидетельство праведности обличающего, последний должен сам обладать истинной добродетелью:

Curvus ist den Lastern gram nicht auß Tugend/ nur auß Neid/
 Daß er jhnen nicht mehr dient/ schafft nicht Wille/ sondern Zeit.⁴

В игриво-гедонистской эпиграмме „Der enthärte Samson“ (III,4,52), написанной на материале библейского предания (Суд. 16, 4–19), притчеобразующая идея состоит в предостережении против моральной распущенности:

Samson schlief bey Delila, vnd verschlief sein Haar vnd Stärke:
 Solcher Schlaf bringt auch noch heute/ solche Beut vnd solch Gernercke.⁵

¹ «Придворные. Всех лучший при дворе лишь у того доход, / Кто время на пиры, безделье, пьянство тратит; / И вправду, серебра и золота не хватит / Тому, кто свою жизнь и душу продает!»

² «Седина. Увидев седину, заметь: вот сена клок; / Близ церкви скоро смерть сгребет то сено в стог».

³ «Вдовство. Когда Палладий Троя потеряла, / Пред гибелью она не устояла; / Когда хозяйки доброй дом лишится, / Его благополучье сокрушится».

⁴ «На Курва. Если Курв бранит пороки, добродетель не при чем: / Он от старости безгрешен, это просто зависть в нем». *Курв* – старик (от лат. *curvus*: «согбенный»).

⁵ «Остриженный Самсон. Спал с Далилою Самсон – и лишен волос и силы; / Тот же плод приносит сон и сегодня близ Далилы».

3.3.6. Притчевость как специфическое свойство поэзии Логау. Притчевое начало выступает в эпиграммах Логау как отличительный признак, выделяющий их на общем фоне немецкой эпиграмматики XVII в. В этом можно убедиться, если сравнить его эпиграммы с эпиграммами других немецких поэтов – его современников. В качестве примера рассмотрим две сатирические псевдоэпитафии – Опица и Логау, из сопоставления которых следует, что, в то время как эпиграмма Опица содержит всего лишь констатацию парадоксальности загробной судьбы героя, четверостишие Логау демонстрирует как религиозное обличение страсти чревоугодия, так и знание законов духовного бытия, а именно – истины о невозможности покаяния после смерти:

(Опиц) Grabschrift eines Kochs.
 Wie wird die Welt doch vberal verkehret/
 Hie hat ein Koch im Grabe seine ruh/
 Der mancherley von Speissen richtet zu/
 Jetzt haben jhn die Würme roh verzehret.¹

(Логау) Grabschrift eines Speise- oder Kuchelmeisters. (I,1,14)
 Der hier begraben liegt/ der hielt sehr viel vom essen
 Und kan im Grabe noch deß essens nicht vergessen;
 Denn/ weil er selbst nicht mehr die Essens-Lust kan büssen
 Gibt er sein eigen Fleisch den Würmen zu geniessen.²

На примере приведенных текстов можно видеть, в чем состоит отличие авторской манеры Логау от манеры его учителя, эталонной для всей немецкой эпиграмматики XVII в. В то время как в эпиграмме Опица имеет место стандартный иронический пуант, ход рассуждения в четверостишии Логау подводит к нравственной идее греха, возмездия и покаяния, традиционной для религиозно-дидактической поэзии, но едва ли ожидаемой в сатирической псевдоэпитафии. Таким образом, перед нами не столько сатирическая эпиграмма, сколько нравственная притча, содержащая положенные ей обличение и наставление.

Убедительные примеры отличия творчества Логау, с его притчевым характером, от творчества его современников явствуют из сопоставительного анализа образцов, принадлежащих к различным эпиграмматическим типам. Так, сравнение сатиропанегирической эпитафии „Auf eines Helden Verleumder“ (I,1,99), адресованной шведскому королю Густаву Адольфу, с эпитафией-панегириком Гофмансвальдау „Gustav Adolphs Königs in Schweden“ демонстрирует отличие притчевой эпиграммы Логау (редкий случай следования изобразительной части после предметной):

(Гофманс-вальдау) So weit als Magellan den Zirkel hat gemacht/
 Hat meiner Thaten Glantz auch das Gerüchte bracht.
 Vor Lützen hat mein Muth mich in das Gras geleet/
 Doch fiel ich als ein Baum der tausend Aeste schläget.³

¹ *Opitz M. Teutsche poemata. Abdruck der Ausgabe von 1624. Halle / Saale 1967. S. 135. Перевод: «Эпитафия повара. Как мир еще вертётся вместе с нами! / В могиле повар свой покой нашел, / Чьи блюда украшали всякий стол: / Сырым он пожираем днесь червями!»*

² *«Эпитафия пищевого и кухонного мастера. Здесь повар погребен, что в жизни объедался, / Что даже и в гробу с обжорством не расстался, / И, – коль в той страсти он покаяться не может, – / Червям себя отдал: пусть плоть его изложут!»*

³ *Hoffmannswaldau Christian Hoffmann von. Poetische Grabschriften // Hoffmannswaldau C. H. von. Deutsche Übersetzungen und Gedichte. Breslau 1710. S. 104. Перевод: «Густав Адольф, король*

(*Логгау*) Da du lebstest/ werther Held/
Ward dein Ruhm Berg-auff gestellt;
Nun von vns du bist entwand
Wird dein Ruhm kaum noch erkannt:
Nämlich wenn der Löw ligt tod/
Jst er auch der Hasen Spot.¹

В галантной эпиграмме „Ein Kuß“ (I,4,74), при ее сопоставлении с эпиграммой Лознштайна „Küssen“, наглядно выступает ее притчевый характер (моральное обличение и скрытое наставление):

(*Лознштайн*) JM küssen trifft ein mensch nicht leicht das rechte ziel/
Je mehr man hat geküst/ je mehr man küssen wil/
Je mehr man wird geküst/ je mehr man wünscht diß spiel.²

(*Логгау*) Jch weiß nicht was ein Kuß/ jhr Jungfern/ auff sich hätte?
O wer auffs küssen kümmt/ der kümmt auch gern ins Bette.³

Сопоставление поэзии Логгау с творчеством других немецких авторов XVII в. возможно на примере образцов различных лирических жанров. К примеру, пафос заключительного tercета сонета Грифиуса „Thränen des Vaterlandes/ anno 1636“ (III, 27), по мнению литературоведа Уве Бергера (1928–2014), созвучен основной мысли эпиграммы Логгау „Krieg“ (II,5,81):⁴

(*Грифиус*) Doch schweig ich noch von dem/ was ärger als der tod/
Was grimmer denn die pest vnd glut vnd hungersnoth.
Daß auch der seelen-schatz so vielen abgezwungen.⁵

(*Логгау*) DER KRIEG/ macht Sinnen voller Lüste
Die Länder aber öd vnd wüste;
Wann aber dieses nur nicht wär/
Er machet auch den Himmel leer.⁶

У Грифиуса худшим из последствий войны именуется утрата «душевных сокровищ»; у Логгау ущерб, причиненный войной, выражается, прежде всего, в апостасии – всеобщем отступлении от веры. Различие между тем и другим есть различие

Швеции. Где только Магеллан земной раздвинул круг, / Повсюду прогремел моих деяний звук.
/ Под Лютценом сражен отвагой я своей, / Но рухнул, словно дуб, раскинув сонм ветвей».

¹ «На хулителей героя. Был при жизни ты, герой, / Прославляем всей землей; / Но, лишь Бог тебя отнял, / Голос славы замолчал: / Ведь над львом умершим скор / На насмешки зайцев хор».

² «Целуя, не достигнем мы цели настоящей: / Чем больше мы целуем, тем вожделеем чаще; / Чем больше нас целуют, – игра нам эта слаще». Цит. по: Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 114.

³ «Поцелуй. Что поцелуй для вас, девицы, в самом деле? / О, – та, что его даст, готова и к постели».

⁴ Berger U. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Eine Auswahl. Berlin 1967. S. 268.

⁵ Gryphius A. Lyrische Gedichte. Tübingen 1884. S. 113. Перевод: «Но умолчу о том, что даже смерти злей, / Что пламени, чумы и голода страшней: / Сокровища души насилье отнимает!»

⁶ «Война. Война в нас множит страсти ныне, / Земля же наша – все пустынной; / Но что страшней любых невзгод, – / Что и небес пустеет свод».

между моральным и духовным. Очевидно, что, по сравнению с сонетом Грифиуса, эпиграмма Логау имеет отчетливый притчевый характер: война выступает в ней не только как крушение человечности, но и как духовная катастрофа. Сонет имеет точные хронологические ориентиры, которые указывают, что речь в нем идет о Тридцатилетней войне, в то время как отсутствие в тексте эпиграммы конкретных исторических реалий делает представленный в ней образ войны универсальным для любой эпохи.

Притчевое начало наглядно выступает у Логау в четверостишиях церковно-годового цикла. В этом можно убедиться путем сравнения катренов Логау с произведениями других немецких поэтов эпохи барокко в этом жанре. Достаточно интересное сопоставление можно провести с образцами из перикопного цикла поэта Иоганна Готфрида Олеария (1635–1711), составленного из мадригалов. В качестве примеров взяты стихотворения, посвященные празднику св. Троицы:

(Олеарий) Madrigal XXVI.
 Halt inn Vernunfft
 Du weist es nicht zu finden,
 Wie Drey in Ein- und Eins in Dreyen sey.
 Ich bleib indess einfältiglich darbey,
 Was mir hiervon in seinem Wort
 Mein Gott entdeckt hat;
 Was aber die Drey-Einigkeit
 Nach Ihrem Wesen in sich helt,
 Das werden wir in jener Welt
 Erfahren in der Seligkeit.¹

(Логау) Am Sontage der H<eiligen>. Dreyfaltigkeit. (I,9,42)
 WEr new geboren wird durch Wasser vnd den Geist/
 Ob der ins Feuer darff/ drein mancher jhn verweist?
 Wen Christus rother Schweiß vnd kostbar Blut besprenget
 Darff sonsten keine Glut/ die jhn befegt vnd senget.²

По сравнению с отвлеченным характером мадригала Олеария, представляющего собой не более чем ординарный образец благочестивого рассуждения на богословскую тематику, катрен Логау является характерным примером экзегетической притчи со структурой из двух параллельных антитез и *tertium comparationis*, состоящим в доказательстве недолжности.

Притчевость эпиграмм Логау в ее обобщенном понимании есть, таким образом, не что иное, как поэтическое выражение религиозно-нравственной идеи. Эта идея служит духовным основанием авторского замысла собрания эпиграмм – наставления в различении добра и зла, как конечной цели религиозной дидактики.

¹ *Olearius, Johann Gottfried. Poetische Erstlinge an geistlichen deutschen Liedern und Madrigalen. Halle/Saale 1664. Цит. по: Vossler K. Das deutsche Madrigal. Weimar 1898. S. 67. Перевод: «Мадригал XXVI. Смири свой ум: / Постичь нам невозможно, / Как Три – в Одном, Единое же – в Трех; / Я ж буду исповедовать, как Бог / О том поведал мне в словах / Писанья Своего; / Но как нам Троицу познать / В Ее величье неземном, / Дано лишь в мире нам ином, / В блаженной вечности узнать».*

² «В Троицу. Кто Духом и водой был возрожден в купели, / Тем в пламя ли идти, как некие б хотели? / Кто кровью был Христа и потом окроплен, / Не должен быть еще и пеклом опален».

§ 3.4. Замысел собрания эпиграмм Логау

3.4.1. Псевдоним поэта: маска и жизненная роль. Внешним признаком, указывающим на наличие у книги эпиграмм Логау общей идеи, объединяющей и цементирующей этот колоссальный конгломерат разнородных по величине, тематике и жанровой принадлежности стихотворений, является ее заглавие: „Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend“. Оно состоит из трех частей: псевдонима поэта – „Salomon von Golaw“; номинации жанра – „Deutsche Sinn-Getichte“, – и элемента, указывающего на объем и композицию книги: „Drey Tausend“. Все три части представляют собой определенное смысловое единство; их внутренняя связь и значение в данной триаде являются предметом настоящего исследования.

Авторский псевдоним, занимающий в триаде первое место, в свою очередь, состоит из двух частей: «библейского» имени «Соломон» – аналога собственного имени поэта («Соломон» – др.-евр. שְׁלֹמֹה: «богатый миром», «исполненный покоя» = лат. „pacificus“ = нем. „Friedrich“), и анаграммы его фамилии, или мистифицирующего обозначения некоего вымышленного происхождения: «из Голау».¹ Из двух частей псевдонима первая (Соломон) символизирует дидактическую, а вторая (из Голау) – сатирическую тенденции. Имя «Соломон» в псевдониме поэта имеет декларативный характер, отсылая к легендарному ветхозаветному царю, автору четырех библейских книг.² Хронологически псевдоним появляется между 1635 и 1638 гг.,³ то есть, очевидно, в момент зарождения замысла будущего собрания эпиграмм: это означает, что здесь имеет место изначально задуманная поэтом концепция самопредставления. То, что за период создания книги и в предшествующие этому годы Логау опубликовал ряд произведений под своим подлинным именем,⁴ наводит на мысль, что псевдоним был предназначен именно и только для собрания эпиграмм и, следовательно, имеет для последнего концептуальное значение.

Поэтика эпохи барокко знает традицию употребления анаграмматических псевдонимов, поскольку «ученое обыгрывание и переименование своего имени позволяет знаменательным образом осознать отчужденность своего существования».⁵ Подобного рода отчужденность дает автору возможность оставаться самим собой – и, в то же время, пребывать как бы некой отдельной, самостоятельной личностью, сохраняющей с автором лишь условную связь. По замечанию А.В. Михайлова,

¹ Приход Голау (Golaw) упоминается в списке приходов Бреславльского епископства в издании: Studien zur Schlesischen Kirchengeschichte. Breslau 1907. S. 221.

² Притчи, Екклесиаст, Песнь песней и Книга Премудрости Соломона.

³ Между публикацией в 1635 г. панегирика в честь возвращения из peregrinationi принцев Георга и Людвига, который поэт издал под своим настоящим именем, и выходом в свет «Первой сотни немецких рифмованных речений Соломона из Голау» (1638).

⁴ Ода-эпитафия „Laurus Funerea ad Tumulum Clarissimi Doctissimique Viri, Dn. M. Joh. Casparis Odontii“ (1626), панегирическая ода „Freudengesang über von Löblicher Peregrination“ (1635), эпиталамическая ода „Epithalamion dem werthen Paar“ (1635), эпикедий и эпитафия „Freyherrliches Ehren-Gedächtnuß Der Wolgeborenen Frauen“ (1642), духовная песнь „Gott/ der du bist ein Freund der Menschenkinder“ (1644), надгробная речь (в прозе) „Abdankung/ bey letzter Einsenkung der Seligen Fr. Reydeburgin“ (1651) и др. См.: Verweyen T. Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // Euphorion. Heidelberg 1989. Bd. 83.: Apr.–Juni. Nr. 2. S. 252–260; Eitner G. Anhang // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 685–690; Seelbach K.-U. (Hg.). Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 137–152, 153–158, 161–172.

⁵ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 135.

анаграмма имени предстает предельно простым способом подмены самого себя, поскольку имя, в котором переставлены буквы или слоги, то же самое, но и иное, оно «неузнаваемо, между тем как оно продолжает тайно заключать в себе и все то, что было раньше».¹ Подписывая свое сочинение анаграммой, автор отделяет от себя свое литературное «я» и санкционирует его обособленное существование; степень отстраненности граничит здесь с фактическим приписыванием своего труда некоему вымышленному лицу – alter ego автора, его литературному двойнику. В этом отношении псевдоним Логау находится всецело в традициях литературы немецкого барокко: он коррелирует, к примеру, с многочисленными псевдонимами Ганса Якоба фон Гриммельсгаузена (1621–1676), половина которых составлена по тому же трафарету: «библейское» имя плюс «немецкая» пародийная анаграмма.² Он также сопоставим с ролью, исполняемой автором на «сцене мира».

Объяснение этому явлению следует искать в мировоззрении так называемого «человека барокко», и прежде всего – в его представлении о «мире как театре», – „theatrum mundi“.³ Идея «мира как театра» восходит к эпохе Ренессанса; так, надпись на фронте лондонского театра «Глобус», в котором играл Шекспир, гласила: „Totus mundus agit histrionem“ («Весь мир играет комедию». – лат.),⁴ – и эта же мысль повторяется в комедии Шекспира «Как вам это понравится?» (II, 7): «Весь мир – театр, а люди – все актеры»⁵ („All the world’s a stage, and all the men and women merely players“). Подобно этому, Эразм Роттердамский писал в «Похвале глупости»: «...Но и вся жизнь человеческая есть не что иное, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума».⁶ Живший несколько позже Эразма Монтень говорит в своих «Опытах» (III, X): «Большинство наших занятий – лицедейство. Mundus universus exercet histrioniam. Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили».⁷

В свою очередь, эпоха Возрождения восприняла идею „theatrum mundi“ от античности: процитированная Монтенем латинская фраза – «Весь мир занимается лицедейством» (лат.) – есть не что иное, как стих Гая Петрония Арбитра (ок. 14 – 66), сохраненный средневековым богословом и схоластиком Иоанном Солсберийским (1120–1180) в его сочинении «Поликратик» („Policraticus sive de nugis curialium“, III, 8).⁸

По мнению немецкого литературоведа Рихарда Алевина (1902–1979), «...каждая эпоха создает свое сравнение, в котором дает образный ответ на вопрос о смысле жизни... Ответ барокко гласит: мир есть театр».⁹ Андреас Грифиус в сонете «Картина нашей жизни» („Ebenbildt vnsers lebens“, III, 43) поэтизирует данную метафору: „Der Mensch das spiel der zeit/ spielt weil er allhie lebt/ Jm Schaw-platz dieser Welt...“¹⁰

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 137.

² См.: Морозов А.А. «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 21.

³ См.: Barner W. Barockrhetorik. Tübingen 1970. S. 94–96.

⁴ Цит. по: Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. (Сост.). Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 804.

⁵ Левик В. Избранные переводы. В 2-х томах. Т. 2. М., 1977. С. 330.

⁶ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М.–Л., 1934. С. 85–86.

⁷ Монтень М. Опыты. В трех книгах. Книга третья. 2-е издание. М.: Наука, 1981. С. 216.

⁸ См.: Иоанн Солсберийский. Поликратик, или О забавах света и заветах философов // Эльвова В.А. (Сост.). Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М.: Книга, 1985. С. 105–108.

⁹ Цит. по: Barner W. Barockrhetorik. Tübingen 1970. S. 89.

¹⁰ Gryphius A. Lyrische Gedichte. Tübingen 1884. S. 122.

(«Играет человек, покуда он живет, / В театре мировом...»)¹ Тема «мира как театра» нашла отражение и в творчестве Логау, – однако из его эпиграммы „Der Welt Comedien-Spiel“ (III,5,37) со всей очевидностью явствует, что для поэта «мировой театр» – не более чем шутовское представление („Narrenrevue“):

DJe Welt spielt manches Spiel;
Sie spiele was sie wil/
Sind Narren jimmer viel.²

В эпиграмме «Мир» (ZD,244) поэт подбирает более точное определение для тех, кто дает представление на сцене мира: по мнению Логау, им более всего подходит образ «Пикельгеринга» – традиционного персонажа балаганных представлений бродячих англо-голландских трупп в Германии нач. XVII в. Пикельгеринг (нем. Pickelhäring, от голл. pekelharing = англ. pickled herring: «засоленная сельдь») – гаер, буффон, балагур и паяц, а также ловкий пройдоха, грубиян и обжора. Родственные ему персонажи – итальянский Пульчинелла, французский Полишинель, английский Панч, немецкий Гансвурст, голландский Ян Клаасен, датский Господин Йоккель, испанский Дон Кристоаль и русский Петрушка:

Wann der Welt jhr Thun ich schauē/ kümт mirs für als wie ein Spiel/
Doch darinnen Pükelhähing/ stets den Vorzug haben wil.³

Образ «мира как театра» неотделим от образа карнавала, или масленичного действия. По выражению Себастиана Франка, мир есть не что иное, как «фарс Господень» – „Gottesfastnachtsspiel“.⁴ На «карнавале мира» все скрыто под маской: «Каждый носит маску, и весь мир – великое лицедейство».⁵ У Логау тема мира-карнавала вновь обыгрывается в негативном контексте:

Der Hornung. (II,10,32)
Voller Fastnacht ist die Welt; Thorheit klebet jedem an:
Dort/ wird bloß stehn jeder Sinn/ der sich hier vermummen kan.⁶

Маска, прикрывающая подлинную сущность, – закономерное явление на сцене «театра мира» и в круговороте «мирового карнавала», в котором каждый должен скрывать свое истинное лицо. Данная идеологема имеет прямое отношение к литературе: «Поэтическое выражение имеет вполне определенную, типизированную форму: поэт носит маску».⁷ Авторство, таким образом, становится одной из ролей в *theatrum mundi*. Однако, если поэт эпохи барокко и является «актером» в «мировом

¹ Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Л., 1988. С. 411. (Перевод М. Карп).

² «Всемирное лицедейство. Комедию сей свет / Играет сотни лет; / Паяцам счета нет».

³ «Мир. Мир земной с его делами для меня – как представленья; / Пикельгерингу в том действе отдается предпочтенье».

⁴ Пуришев Б.И. Протестантская литература после 1525 г. // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 306.

⁵ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 132.

⁶ «Февраль. Мир наш – сущий карнавал, из безумья слеплен весь; / Там откроется все то, что под маской скрыто здесь».

⁷ Beckmann A. Motive und Formen der deutschen Lyrik des 17. Jahrhunderts und ihre Entsprechungen in der französischen Lyrik seit Ronsard. Tübingen 1960. S. 129.

театре», то актером «невольным, принужденным к лицедейству самой сущностью мира»,¹ – потому что, иначе как надев маску, он не мог бы быть самим собой. Функцию маски выполняет псевдоним, за которым скрывается автор, – но не до такой степени, чтобы его нельзя было угадать или узнать. Псевдоним-маска может предоставить своему носителю известную свободу, позволяя дистанцироваться от созданного им произведения и переадресовать его вымышленному двойнику, переложив на последнего и всю ответственность за него. Маска дает, в сущности, возможность высказывать мысли, которые автор едва ли решился бы высказать, если бы говорил от своего имени, и опубликовать результаты своих жизненных наблюдений в такой форме, в которой они не будут ассоциироваться с реальной личностью и ее окружением. «Найдена форма бытия человека – безучастного участника жизни, вечного соглядатая и отражателя ее, и найдены специфические формы ее отражения-опубликования».² Псевдоним-маска Логау есть, кроме того, рассчитанный прием, предназначенный замаскировать высокое содержание его поэзии и защитить сокровенно-личный аспект его творчества от унижительной критики и осмеяния, – то, что Хемпель называет логауским «искусством иронической самозащиты».³ Псевдоним поэта внутренне ироничен (Соломон из Голау – «мудрец из захолустья»), но острие этой иронии направлено на него самого. Чем обусловлена подобная самоирония, догадаться легко, – мудреца, поучающего всерьез, никто не станет слушать:

Spielende Wahrheit. (III,10,64)
 Man kan die Wahrheit schwer bey Hof im Ernste fühlen:
 Ein Weiser bringt sie ein im schimpffen vnd im spielen.⁴

Поскольку для человека эпохи барокко «...весь мир – это театр, то, следовательно, есть только один режиссер и один зритель: Бог. Земная жизнь – это роль, которую необходимо сыграть... по возможности наилучшим образом».⁵ Поэтому, подвергая осмеянию «всемирное лицедейство», Логау в то же время всерьез заявляет о своей собственной, ниспосланной свыше, роли в *theatrum mundi*. О том, что псевдоним есть ролевая маска поэта, разыгрывающего на сцене «театра мира» свою собственную партию, свидетельствует автобиографическая эпитаграмма „Beruff“ (ZD,74):

DJe Person/ die ich jetzt führe/ auff dem Spielplatz dieser Welt/
 Wil ich nach Vermügen führen/ weil sie mir so zugestellt/
 Denn ich hab sie nie gesucht. Wird was andres mir gegeben/
 Wil ich nach deß Schöpffers ruff/ nie nach meinen Lüsten leben.⁶

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 130–132.

² Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 197.

³ Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 59.

⁴ «Игривая правда. Суровых истин слышать не могут при дворе; / Мудрец доверит правду лишь шутке и игре».

⁵ Beckmann A. Motive und Formen der deutschen Lyrik des 17. Jahrhunderts und ihre Entsprechungen in der französischen Lyrik seit Ronsard. Tübingen 1960. S. 128. По сообщению критика, данная мысль восходит к поэтике Зигмунда фон Биркена „Teutsche Rede- bind- und Dicht-Kunst/ oder Kurze Anweisung zur Teutschen Poesy“, Nürnberg 1679, S. 336–337.

⁶ «Служение. Роль, что я играю ныне на подмостках жизни сей, / Я играю, как умею, как назначено мне в ней, – / Ведь ее я не искал. Быть ли новым порученьям, – / Буду вновь по-Божьи жить, не по собственным хотеньям».

Здесь приоткрывается обратная сторона маски: в противоположность негативному восприятию феномена «замаскированного мира», налицо глубокое осознание поэтом своей жизненной роли и своего высокого предназначения. Маска «Соломон из Голау» оказывается органично слитой с этой ролью; вторая непредставима без первой, ибо «маска „я“ в риторической поэзии... имеет то же происхождение, что и роли „я“ в самой жизни».¹ Маска поэта, таким образом, является значимым символом, указывающим на жизненную роль Логау как нового «Соломона», автора книги трех тысяч речений или притч, как «поэта-проповедника», призванного нести своим современникам горькие истины и мудрые наставления, подобно ветхозаветному царю Соломону – автору Книги Притчей.

3.4.2. Псевдоним Логау в немецкой критике. Псевдоним, под которым Логау опубликовал свое собрание эпиграмм, во все времена вызывал много вопросов, и каждый критик и издатель волей или неволей должен был определить свое отношение к нему. И.А. Пленер, издатель сборника 1702 г., навлекшего на себя осуждение Лессинга, сохранил авторский псевдоним в заглавии, хотя и в виде инициалов, несмотря на то, что он к тому времени уже был раскрыт.² Лессинг, как уже говорилось, оставил псевдоним без внимания, заменив его в титуле своего издания подлинным именем поэта. Эйтнер замечает по поводу псевдонима: «У нас нет убедительного объяснения того, по какой причине Логау склонился к решению опубликовать свои эпиграммы под псевдонимом Соломон фон Голау; мы лишь осмеливаемся высказать предположение, что эта анонимность проистекала из робкой боязливости, с которой он пытался избежать личных нападков своих недоброжелателей».³ Однако, как справедливо заметил Эльшенбройх, Логау, находясь под покровительством просвещенного герцога, мог не опасаться каких-либо преследований за свою сатиру, которая, к тому же, носила по большей части нелично-обобщенный характер и бичевала лишь то, что было само по себе предосудительным в глазах добропорядочного бригского общества.⁴ Как бы то ни было, но и Эйтнер, следуя примеру Лессинга, также поставил на титульных листах обоих своих изданий настоящее имя поэта.

Вольфганг Прайзенданц, вероятно, первым из критиков поднял вопрос о значении псевдонима поэта, отметив важность последнего для понимания творчества Логау: «Без сомнения, псевдоним указывает на ветхозаветного автора притч. Имя „Соломон“ поставлено ради мудрости; но для той специфической мудрости, которая содержится в притчах, необходим решительный отказ от заблуждений мира, от ничтожности и пошлости всего мирского, который декларирует Екклесиаст».⁵ Исследователь, таким образом, вплотную подходит к решению проблемы псевдонима, однако дает последнему принципиально иную интерпретацию: «Чувство *vanitas* („*Vanitasstimmung*“) есть также, согласно Логау, главное настроение всякого поэтического произведения. Насколько решительно выдвинута вперед эта *vanitas vanitatum vanitas*, как основной импульс эпиграммы, показывает уже само заглавие

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 140.

² См. выше (3.1.1).

³ Eitner G. Friedrich von Logau. Lebensnachrichten // Sinngedichte von Friedrich von Logau. Leipzig 1870. S. LI; Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 742.

⁴ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 217.

⁵ Preisendanz W. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz (Diss.). Heidelberg 1950. S. 47.

книги».¹ Очевидно, критик расценивает авторский псевдоним как признак «неостоицистской» позиции поэта. Своеобразное замечание Преизенданца о «чувстве тщеты» как «основном импульсе» творчества Логау, вероятно, явилось результатом своеобразной метонимии – переноса смыслового акцента с имени «Соломон» на прозвание «Екклесиаст», с которым у критика ассоциируется неостоицистская *vanitas*.

Йозеф Курц, в свою очередь, замечает, что псевдоним Логау вряд ли был предназначен для того, чтобы скрыть подлинное имя автора, поскольку имя «Голау» – всего лишь анаграмма фамилии «Логау», которую сравнительно легко расшифровать. Критик повторяет, вслед за Прайзенданцем, что имя «Соломон» указывает на «ветхозаветного автора притч».²

В том же смысле высказывается и Эльшенбройх: «Выбор псевдонима „Соломон фон Голау“ позволяет предположить, что он бесспорно должен вызывать в памяти мудрость изречений Екклесиаста».³ Эрнст-Петер Викенберг замечает по поводу приведенного суждения: «...неясно, почему Логау должен был иметь в виду только Екклесиаста. Лютер в своем „Предисловии к книгам Соломоновым“ высказал мысль, что Притчи, Екклесиаст и Песнь Песней составляют единое целое, и гораздо вероятнее, что Логау выбором псевдонима хотел указать на предполагаемого автора всех трех книг, который выступает [в них] как Предупреждающий, Наставляющий и Воспевающий...» Критик говорит далее: «...это могло побудить Логау обозначить свои эпиграммы термином „Sinngedichte“, а самому себе взять не имя нового Марциала, – как его, между прочим, назвал Лессинг, – но имя библейского пророка и учителя мудрости».⁴ Иными словами, своим псевдонимом Логау хотел заявить о себе как о новом «Соломоне», авторе пророческих предостережений, мудрых изречений и любовных восхвалений, и это тройственность нашла отражение в его поэзии.

Вслед за Викенбергом, Карл-Ульрих Зеельбах отмечает, что имя «Соломон» в псевдониме поэта отсылает к трем книгам древнего иудейского царя, но «прежде всего – к первой книге, „Притчам Соломоновым“», поскольку «многие стихотворные изречения Логау являются не эпиграммами в собственном смысле слова, но гномическими, дидактическими, наставительными стихотворениями, которым также можно было бы предпослать предисловие Лютера к книгам Соломона».⁵

По мнению Анны Фрицман, раскрытая книга эпиграмм в нижней сцене на фронтисписе издания 1654 г. «выражает символическую ассоциацию с Библией, как „Книгой Жизни“, и с Логау, как силезским Соломоном, поэтом и проповедником».⁶ Исследователь считает, что псевдоним Логау является внешним атрибутом этой его роли поэта-проповедника: «Как библейский Соломон написал множество речений мудрости для своего народа, так и Логау стал силезским Соломоном для своих современников».⁷

¹ Preisendanz W. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz. Heidelberg 1950. S. 46–47.

² Kurz J. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 10.

³ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 216.

⁴ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 292.

⁵ Seelbach K.-U. Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 36*.

⁶ Fritzmann A. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 39. См. выше (2.1.1).

⁷ Ibidem, p. 34.

Таким образом, в немецкой литературной критике XX в. была высказана уверенность в том, что псевдоним поэта восходит к библейскому Соломону, и проведена параллель между книгой эпиграмм Логау и Книгой Притч Соломоновых. Однако до сих пор не было прослежено, каким образом корреляция с Притчами Соломона отражена в творчестве поэта и в исходном замысле его труда.

3.4.3. Номинация жанра. Вторым из элементов заглавия книги является оригинальная авторская номинация жанра – „Deutsche Sinn-Getichte“. Логау нигде не называет свои стихотворения эпиграммами. Уже в своем раннем издании 1638 г. он использовал термин „Reimen-Sprüche“ («рифмованные речения», «стихотворные изречения»), по мнению Викенберга, созданный самим поэтом,¹ но находящийся в очевидной семантической связи с понятиями „Denkspruch“ и „Sinnspruch“, обозначающими афоризм и нравоучительное высказывание (сентенцию).

В том же смысловом ряду стоит и термин „Sinngedicht“,² впервые встречающийся в поэтике Филиппа фон Цезена «Верхненемецкий Геликон» (1649). Автор трактата, по всей видимости, создал этот неологизм, в числе других изобретенных им новых немецких слов, специально для обозначения коротких пуансированных стихотворений. В своем трактате Цезен говорит: «Теперь обратимся опять к нашим звоноримам [сонетам. – М.Н.]. Притом необходимо напомнить, что они некоторым образом состоят из трех видов *мыслестихов* (как можно было бы их назвать)...» („...Nuhn kommen wier wieder zu unsern Kling-gedichten. Dabei fellet zu erinnern for/ daß sie aus dreierlei ahrten der *Sin-gedichte* (wie man sie nennen möchte) gleichsam zusammen-gesetzt sind...“).³ В более позднем издании своей поэтики (1656) Цезен прямо отождествляет стихотворения, называемые им „Sinngedichte“, с эпиграммами: «...поскольку звонорим должен быть всего лишь коротким *мыслестихом* или *надписью*, а не песнью...» („...weil das Kling-gedichte nur ein kurtzes *sinn-gedicht* oder *überschrift* und kein lied sein soll...“).⁴

Новое название первоначально не получило распространения в барочной литературе: почти никто из немецких эпиграмматистов за время, прошедшее с момента выхода в свет «Геликона» и до появления книги эпиграмм Логау, не воспользовался им. Напротив, Логау не только предоставил ему почетное место в заглавии своей книги, но и неоднократно употребляет это слово в названиях и текстах стихотворений.⁵ По свидетельству Лессинга, термин „Sinngedicht“, введенный Логау в немецкую поэзию, впоследствии утвердился в ней настолько, что вытеснил другой популярный термин – „Überschrift“ Кристиана Вернике.⁶

¹ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 289.

² Букв.: «поэзия мысли», «умное стихотворение» (нем.).

³ Zesen, Philipp von. Der Helikonischen Ober-treppe dritte stufte/ Von den kling-gedichten/ Sechslingen und andern gedichts-ahrten mehr // Filip Zesens Durch-aus vermehrter und Zum dritt- und letzten mahl in dreien teilen aus gefartiger Hoch-deutscher Helikon. Wittenberg, 1649. Siiij. (Курсив наш. – М.Н.).

⁴ Zesen, Philipp von. Filipp von Zesens Sammelte Werke. Hrsg. Von Ferdinand van Ingen. X. Bd., 2. Tl. Berlin / New York 1977, S. 720. (Курсив наш. – М.Н.).

⁵ Напр.: „Von meinen Sinn-Getichten“ (III,6,69), и т.д.

⁶ См.: Lessing G.E. Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten // Gotthold Ephraim Lessings Sämtliche Schriften. Bd. 1. Berlin 1771. S. 95. Вернике отреагировал на это следующим замечанием: «Я сочиняю *эпиграммы* [Epigrammata], или, выражаясь по-немецки, *надписи* [Überschriften], которые *должны быть исполнены мысли* более всех других поэтических произведений, так что иные немцы охотнее именуют их „умными стихами“ [Sinn-Gedichte], – как если бы все прочее было написано болванами без всякого смысла и разумения». См.: Wernicke C. Christian Wernickes Epigramme. Hrsg. und eingel. von Rudolf Pechel. Berlin 1909. S. 465. (Из комментария к эпиграмме „Auf Scrifax“, IX, 39).

В современном немецком литературоведении понятия „Sinngedicht“ и «эпиграмма» не идентичны: первое, согласно свидетельству критиков, применяется исследователями преимущественно по отношению к гномическим („sentenzartige“) эпиграммам.¹ Аналогичное понимание этого термина имеет место и у некоторых отечественных литературоведов: так, Л.В. Пумпянский именует *Sinngedichte* «эпиграмматической морально-поучительной поэзией» эпохи барокко.² Таким образом, возникает ситуация разведения понятий „Sinngedicht“ и «эпиграмма», нашедшая отражение в названиях некоторых позднейших сборников поэзии Логау.³

Дальнейшее разграничение этих терминов дается в дефиниции Пумпянского: «слово „эпиграмма“ не совсем точно передает немецкий термин Sinngedicht, под которым подразумевается умная мысль или меткое наблюдение, выраженное в кратком стихотворении, заостренном неожиданной антитезой или эпиграмматической формулой».⁴ По всей вероятности, данное определение следует понимать как попытку размежевания барочной и антологической традиций в эпиграмматики. Следует, однако, уточнить, что подобное понимание термина „Sinngedicht“ не вполне соответствует его фактическому употреблению в немецкой эпиграмматики XVII – XVIII вв., поскольку как сам Логау распространяет данное наименование на все свои стихотворные образцы без исключения, так и – веком позже – Лессинг подразумевает под ним жанр эпиграмматики в целом.⁵ Но в то время как Лессинг попросту отождествляет термин „Sinngedicht“ и классическую «надпись» (ἐπίγραμμα), Логау создает под этим наименованием *новый национальный тип стихотворения, признаком которого является сочетание лаконичности и пуансированного характера с дидактизмом*.⁶

Дифференциацию понятий „Sinngedicht“ и «эпиграмма» можно проследить и в рамках собрания эпиграмм Логау. Данная терминологическо-видовая двойственность опирается, в частности, на собственное определение поэта, содержащееся в эпиграмме „Von meinen Tausend Reim-Sprüchen“ (I,10,100), завершающей собой «Первую тысячу»:

Bisher gab mein Papier wol tausenderley Sachen
Die dem der drüber kümmt bald bringen Ernst/ bald Lachen...⁷

¹ Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 295. О том же: Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 26.

² Пумпянский Л.В., Алексеев М.П. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 372.

³ Например, „*Sinngedichte und Epigramme* von Friedrich von Logau“ (Hg. von Pfarrer [Traugott] Todt. Halle a.S. [1905]). Подобие типологизационного размежевания эпиграмм и стихотворений, принадлежащих к гномической традиции, имеет место также в названии антологии: Hack D. *Deutsche Sinngedichte. Eine Auswahl deutscher Epigramme und Spruchgedichte* von der Reformationzeit bis zur Gegenwart. Halle/Saale 1886. (Выделено нами. – М.Н.).

⁴ Пумпянский Л.В., Алексеев М.П., цит. соч., с. 374. Под «эпиграмматической формулой» критик, по-видимому, подразумевает пуант.

⁵ Вальтер Дитце также употребляет термин „Sinngedicht“ в значении «эпиграмма». См.: Dietze W. Abriss einer Geschichte des deutschen Epigramms // Dietze W. *Erbe und Gegenwart. Aufsätze zur vergleichenden Literaturwissenschaft*. Berlin und Weimar 1972. S. 277–278.

⁶ Ср. мнение о поэзии Логау литературоведа Н.А. Жирмунской, приведенное выше (3.1.5). Пумпянский называет Логау «создателем особого жанра эпиграмм, утвердившегося в немецкой поэзии» (там же).

⁷ «На тысячу моих рифмованных речений. Мной тысячи стихов представлено собрание, / Что каждому дарят иль смех, иль назиданье...» (Курсив наш – М.Н.).

Иными словами, сам автор книги эпиграмм разделяет все множество последних на два рода: первый – те, что рождают размышление („Ernst“), и второй – те, что возбуждают смех („Lachen“). Это разделение поэзии на два рода, – наставительный и сатирический, – восходит к давней литературной традиции, нашедшей свое отражение, в частности, в заглавии вышеупомянутого сборника шванков И. Паули „Schimpff und Ernst“ – «Смешное и серьезное» (нем.).¹ Подобным же образом характеризуют творчество поэта и критики: так, Пауль Хемпель разделяет эпиграммы Логау на дидактические и сатирические;² Теодор Фервайен говорит о наставительных (spruchpoetische) и эпиграмматических (epigrammatische) образцах, как о двух основных разновидностях стихотворений Логау;³ наконец, Ютта Вайс упоминает о «изобразительных» (artistische) и «притчевых» (spruchhafte) эпиграммах.⁴ Таким образом, можно констатировать наличие терминологической пары «эпиграмма — Sinngedicht», разграничение внутри которой проходит по тематическому признаку. Область, обнимаемая термином „Sinngedicht“, приблизительно совпадает с критическим и гномическим типами, выходя при необходимости за пределы последнего; в свою очередь, термин «эпиграмма» соотносится с обличительным, сатирическим, панегирическим (комплиментарные *эпиграммы*) и игриво-гедонистским типами.

Слово «эпиграмма» встречается в книге Логау всего два раза: в авторской глоссе к сатире „Amadis-Jungfern“ (II,3,59): «Эпиграмма – это короткая сатира; сатира – это длинная эпиграмма» („Epigramma est brevis Satyra; Satyra est longum Epigramma“), – формуле, восходящей к жанровому определению Опица и эпиграмме Оуэна „Epigramma. Satyra“ (II, 181),⁵ – и в эпиграфе на титульном листе «Первой тысячи», представляющем собой вольный перевод дефиниции Скалигера: «Рифмованное речение (эпиграмма) – это короткое стихотворение, в котором просто сообщается о предмете, лице и его деяниях, или также прежде что-либо утверждается, из чего выводится определенное заключение» (нем.).⁶ Этой экспонированностью, наряду со взятием в скобки слова «эпиграмма», Логау, по-видимому, хотел подчеркнуть, что сочиняет не эпиграммы, а именно *изречения* в эпиграмматической форме.⁷

Причина, по которой Логау отдал предпочтение новому наименованию перед традиционным, возможно, заключена в том круге ассоциаций, который связан с каждым из них. Термин «эпиграмма» отсылает к античной и неолатинской традициям, тогда как слово „Sinngedicht“, благодаря своей новизне и свободе от литературных аллюзий, открывает простор для экспериментов в области жанра. Не менее важным, по-видимому, было и несоответствие термина «эпиграмма», по его буквальному значению, фактическому содержанию книги. Наименование „Sinngedicht“, понимаемое как «поэзия

¹ Другой перевод названия: «Смех и дело». См.: *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955. С. 72–73.

² *Hempel P.* Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 26.

³ *Verweyen T.* Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // *Euphorion*. Heidelberg 1989. Bd. 83.: Apr.–Juni. Nr. 2. S. 252.

⁴ *Weisz J.* Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 59.

⁵ См. выше (с. 19, примеч. 2).

⁶ „EIn (Epigramma) Sinn-Getichte/ ist ein kurtz Getichte/ welches schlecht hin von einem Dinge/ einer Person/ oder derer Beginnen/ etwas anzeigt/ oder auch etwas fürher setzet/ darauß es etwas gewisses schliesse/ vnd folgere“. *Salomons von Golaw* Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breslau [1654]. S. [8].

⁷ Лонгфелло, американский переводчик Логау, также интерпретировал термин „Sinngedichte“ как «рифмованные изречения». См.: *Longfellow H.W.* *Poetic Aphorisms*. From the Sinngedichte of Friedrich von Logau, seventeenth century // *Complete poetical works of Henry Wadsworth Longfellow*. Boston and New York, 1893. S. 616. (Выделено нами. – *M.H.*).

разума» или «поэзия мысли» и, вероятно, еще не успевшее к тому времени закрепиться в значении синонима эпиграммы, оказалось здесь как нельзя более уместным. Логау расширил рамки этого термина: из обозначения стихотворных миниатюр у Цезена оно приобрело у него универсальный характер и смогло охватить не только весь широкий диапазон разновидностей собственно барочной эпиграммы, но также и оды, послания, элегии, эклоги, сатиры, порой простирающиеся до размеров небольших поэм: все это также стало называться „Sinngedichte“.¹

В предисловии к своей книге Логау перефразирует формулу Опица „Die Satyra ein lang Epigramma/ vnd das Epigramma eine kurtze Satyra ist“ («Сатира есть длинная эпиграмма, а эпиграмма – короткая сатира». – нем.) применительно к своей поэзии: „Vnd weil die Sinn-Getichte für kurtze Stichel-Getichte/ die Stichel-Getichte für lange Sinn-Getichte gehalten sind...“ («А поскольку рифмованные речения считаются короткими сатирами, а сатиры – длинными рифмованными речениями...». – нем.),² теоретически обосновывая, таким образом, приравнивание к «рифмованным речениям» также и длинных стихотворений. Наличие подобных образцов в его книге подтверждает мнение Эльшенбройха о том, что Логау понимал жанр эпиграммы весьма широко.³ Как замечает критик, «...когда он [Логау. – М.Н.], вместо античного названия, выбрал для первой из своих книг наименование „Reimen-Sprüche“, а для большого собрания, немногим позже... чеканный перевод „Sinn-Getichte“, это безусловно должно было позволить ему приобщиться к родственным лирическим и дидактическим формам».⁴

То, что Логау ввел в заглавие своего труда уточняющее определение „Deutsche Sinn-Getichte“ («немецкие рифмованные речения»), несомненно указывает на основополагающее значение для его творчества именно дидактического направления, поскольку в XVII в. понятие «немецкий» было практически равнозначно понятию «наставительный».⁵ Как считает Анна Фрицман, „deutsche“ есть «специфический ярлык, прикрепленный Логау к его эпиграммам, для того чтобы уведомить читателя, что стихи являются немецкими не только по языку, но также по тематике и стилю».⁶

Включение в собрание эпиграмм стихотворений экстраординарной величины, равно как и выбор, в качестве жанровой номинации, неапробированного термина, позволяющего свободно варьировать формальный и жанровый характер складывающегося целого, а также попытка его теоретического обоснования свидетельствуют об осознанной авторской интенции в направлении размывания жанровых границ. Уже в сборнике 1638 г. имеются отдельные образцы, не вписывающиеся в традиционные рамки эпиграммы, в том понимании специфики данного жанра, какое сложилось в эпоху Ренессанса и было затем воспринято веком барокко.⁷ Поэта, очевидно, изначально стесняли формальные и тематические

¹ Например: „Ein Sinngedicht mit 196 Versen...“ (*Kurz J. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 25*). Имеется в виду сатира „Amadis-Jungfern“ (II,3,59).

² Salomons von Golaw *Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breslau [1654]. Bl. 4a*.

³ *Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 211.*

⁴ *Ibidem*.

⁵ Ср.: «У Гриммельсгаузена слово „немецкий“ попросту равнозначно слову „нравственный“» („Bei Grimmelshausen wurde das Wort ‚deutsch‘ geradezu gleichbedeutend mit ‚moralisch‘“). *Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 323.*

⁶ *Fritzmann A. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M., 1983. P. 35.*

⁷ Например, элегия „Ad rura paterna per triennium non visa“ (II, 71), в издании 1654 г. получившая название „An mein väterlich Gut/ so ich drey Jahr nicht gesehn“ (I,3,4) (48 ст.).

ограничения, предписанные эпиграмме авторами поэтик и утвердившиеся в немецкой эпиграмматике XVII в., и он стремился «к несвязанности требованиями жанра и к формальной свободе».¹ Вводя в свою книгу около полусотни длинных стихотворений, Логау, с одной стороны, следовал традиции литературы своего времени, а с другой – раздвинул рамки понятия «эпиграмма» до крайних пределов, придав последнему релятивные свойства и закрепив произведенную им модификацию жанра при посредстве новой жанровой номинации. Таким образом, выбор наименования „Sinngedichte“ для книги, в которую, помимо собственно эпиграмм, вошли также образцы других традиционных стихотворных жанров, как классических, так и ренессансных, сделало данный термин концептуальным понятием, обозначающим, по сути дела, не единство жанра, но *единство текста*.

3.4.4. Гипотезы о концепции книги Логау в немецкой критике.

Исследователями поэтического наследия Логау выдвигаются различные гипотезы о том, существуют ли у его собрания эпиграмм единый композиционный принцип и общий замысел. Йозеф Курц в этой связи высказывает мнение о хаотическом, вне всякого заранее обдуманного плана, расположении эпиграмм в книге.² Предположение Эйтнера о том, что стихотворения в книге следуют в хронологическом порядке,³ послужило другим критикам основанием для вывода о «дневниковом» характере логауского труда.⁴ Однако хронология в книге эпиграмм подчас нарушается, что также установлено в ходе исследований.⁵ Не в пользу концепции «поэтического дневника» свидетельствуют и отдельные тематически обособленные группы эпиграмм,⁶ а кроме того, очевидный контраст целого ряда соседствующих, но диаметрально противоположных по своему содержанию образцов, – например, игриво-галантных и гномических. Согласно точке зрения Викенберга, кажущаяся беспорядочность расположения произведений, при которой «за придворным панегириком следует обценная эпиграмма, а за возвеличением Бога – антипридворная сатира», показывает, что принципом подбора и расположения стихотворений в книге Логау является так называемый „ordo neglectus“,⁷ или «продуманная небрежность», призванная отобразить «неупорядоченность и неустрашимую неправильность» земного мира.⁸

С определением принципа расположения эпиграмм в собрании соединены попытки осмысления концепции последнего. Так, Курц, в связи с афоризмом французского юриста иезуита Пьера Грегуара, который Логау поставил в качестве

¹ Weisz J. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S. 45.

² Kurz J. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981, S. 75.

³ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 740.

⁴ Elschenbroich A. Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. v. (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S. 212; Lindqvist A. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.). Das Epigramm. Darmstadt 1969. S. 346; Hess P. Poetologische Reflexionen in den Epigrammen von Friedrich von Logau: Versuch einer Rekonstruktion seiner Poetik. // Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur und Kultur der Frühen Neuzeit. Amsterdam 1984. № 13. S. 313; и др.

⁵ См.: Seelbach K.-U. Leben als Strukturgeber des Werks? Chronologische Übersicht // Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605-2005). Amsterdam, New York 2006. S. 303–304.

⁶ См.: Heuschkel W. Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus (Diss.). Jena 1901, S. 7; Kurz J., loc. cit.

⁷ Букв.: «Непритязательный порядок» (лат.).

⁸ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 295.

эпиграфа ко второй «Тысяче»: «Поэтическая речь имеет ту особенность, что в немногих словах до многого касается и [многое] сообщает, к вящему удовольствию каждого»,¹ — замечает: «В риториках, так же как и в общеупотребительном в ту эпоху школьном пособии „De Copia Verborum“ Эразма, понятия „краткость“ и „множество“ упоминаются во взаимосвязи почти в каждой главе. Таким образом, использование принципа „единства во множестве“ и „множества в единстве“ очевидно».²

В свою очередь, Викенберг, ссылаясь на исследования в области архитектоники литературных произведений эпохи барокко,³ утверждает, что «структура крупных сатирических форм в семнадцатом столетии нередко представляет собой „обозрение“ („Revue“».⁴ Тем самым критик причисляет книгу эпиграмм Логау к «сатирическим формам», приводя в доказательство присущего ей характера «сатирического ревю» программную эпиграмму „Die Menge menschlichen Fürhabens“ (ZD,254):

KEin Deutscher hat noch nie/ (ließ ich mich recht berichten)
 Gevöllt ein gantzes Buch/ mit lauter Sinn-Getichten:
 Was mache denn nun ich/ daß ich sie heuffig bringe
 Und mache sie durch Meng vnd Uberfluß geringe?
 O lieber wie viel ists/ das ich pflag zu besinnen?
 Geh zehle mir die Stern vnd menschliches Beginnen!⁵

Относительно наличия в книге значительного количества стихотворений, не принадлежащих к сатирическому типу, Викенберг замечает, что эти образцы, исходя из опиевского определения эпиграммы,⁶ следует также причислять к сатире, и что Логау, «там, где он сам их характеризует, обозначает свои стихотворения как сатиры».⁷ Критик, по-видимому, имеет в виду следующие слова поэта в предисловии к его книге эпиграмм: «Содержанием этих стихотворений являются, главным образом, вещи, случающиеся в обыденной жизни, и потому они зачастую изложены в вульгарном духе и низком стиле».⁸ Общим замыслом собрания эпиграмм Логау критик объявляет упомянутое в последнем стихе вышеприведенного стихотворения стремление к обозрению «свидетельств величия Божия („звезды“) и человеческих дел».⁹

Таким образом, итогом ученых изысканий явились три концепции:

- 1) концепция «поэтического дневника»;
- 2) концепция «множества в единстве и единства во множестве»;
- 3) концепция «сатирического ревю».

¹ „Die Poetische Rede hat diese Eigenschafft/ daß sie mit wenigem viel berühre vnd angebe/ zu eines jedwedden grösseren Annemligkeit“. Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Andres Tausend. S. 2.

² Kurz J. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Stuttgart 1981. S. 27.

³ Wichert, Hildegard E. Johann Balthasar Schupp and the Baroque Satire in Germany // Columbia University Germanic Studies. Vol. 22. New York 1952. P. 10.

⁴ Wieckenberg E.-P. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 294.

⁵ «Бесчисленность людских начинаний. Среди немцев нет такого (мне это очевидно), / Кто б из одних речений составил том солидный. / Зачем же я стараюсь и их нагромождаю, — / Ведь я обильем этим их ценности лишаю? / О, друг мой, все на свете смогу ль облечь в стихи я? / Иди, сочти-ка звезды и все дела людские!»

⁶ Opitz, Martin. Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey. Brieg 1624. Bl. 14b–15a. (См. 1.1.3).

⁷ Wieckenberg, op. cit., S. 292.

⁸ Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breslau [1654]. Bl. 4a.

⁹ Wieckenberg, op. cit., S. 294.

В процессе многолетних исследований творчества Фридриха фон Логау автор настоящей диссертации пришел к выводу о том, что существует подлинная концепция его собрания эпиграмм, учитывающая все предшествующие теории и принимающая их, однако предлагающая иное объяснение исходного замысла поэта. Эта концепция суммирует все видимые факторы и основана на глубинном анализе логауского труда.¹

3.4.5. Собрание эпиграмм Логау как художественная целостность. Книга Логау является не только первым в немецкой литературе столь значительным собранием эпиграмм, принадлежащим перу одного автора, но и первой в европейской литературе книгой эпиграмм, задуманной и созданной как цельное, подчиненное единому замыслу произведение. Жанровый характер книги как собрания дидактических и сатирических стихотворений, тематика которых охватывает все стороны немецкой действительности первой половины XVII в. и затрагивает практически все насущные вопросы человеческой жизни, соответствует теории А.В. Михайлова о том, что поэтическое произведение в эпоху барокко есть «свод, репрезентирующий мир».² Исследователь уточняет: «...поэты эпохи барокко создают, в сущности, не стихотворения, поэмы, романы, – так, как писатели и поэты XIX в., – но они по существу создают *все то*, что так или иначе *войдет в состав* свода – такого, который будет в состоянии репрезентировать мир в его полноте (т.е. в цельности и в достаточной полноте всего отдельного)».³ В основу литературного произведения того времени, согласно Михайлову, положен либо известный «числовой расчет», либо некоторый «содержательный принцип».⁴ О наличии числового расчета в поэтическом замысле Логау говорит заглавие его сборника: «*Три тысячи немецких стихотворных изречений Соломона из Голау*». Поэт сам недвусмысленно указывает на свой замысел; недостает лишь некоего соединительного звена для того, чтобы он сделался вполне ясен. Этим искомым звеном являются слова Библии о царе Соломоне (3 Цар. 4, 32): «И изрек он *три тысячи притчей...*» (в лютеровском переводе: „Und er redete *drei tausend Sprüche...*“ [1 Könige 5, 12]). Не остается сомнений в том, что смысл заглавия и, соответственно, замысел поэта раскрываются именно в отсылке к этому библейскому стиху, являющемуся, вне всякого сомнения, смысловым ключом ко всей книге. Очевидная корреляция между библейскими „*drey tausend Sprüche*“, „*Reimen-Sprüche*“ 1638 г. и „*drey Tausend Sinn-Getichte*“ 1654 г. свидетельствует о том, что заглавия обеих книг содержат указания на их идейный прототип:

«*Erstes Hundert Teutscher Reimen-Sprüche Salomons von Golaw*».

«*Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend*».

Из выделенных курсивом элементов явствует, что поэт имеет в виду именно Книгу Притчей Соломоновых („*Die Sprüche Salomos*“). Более того: если название первого сборника еще только содержит указание на прототип и общую идею (*Sprüche Salomons*), то название полного собрания *оповещает об исполнении замысла* (*Salomons... Drey Tausend*). Подтверждением отсылки к Книге Притчей является структура книги эпиграмм, основной корпус которой содержит ровно *три тысячи* произведений. Термины „*Reimen-Sprüche*“ и „*Sinn-Getichte*“ синонимичны, – это становится очевидным из заглавия эпиграммы, которой завершается «Первая тысяча»

¹ См. посвящение в начале настоящей работы.

² Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 122.

³ Там же, с. 120–122.

⁴ Там же, с. 121.

„Sinn-Getichte“: „Von meinen Tausend *Reim-Sprüchen*“ (I,10,100). Таким образом, *числовой расчет* книги Логау состоит в том, что *количество его эпиграмм символически приравнено к количеству притч Соломона*, и очевидной целью заглавия книги является указание на Книгу Притчей.

Книга Притчей Соломоновых – уникальное даже среди библейских учительных книг собрание кратких поэтических наставительных изречений,¹ которые «от других восточных притч отличаются именно своим религиозным направлением и отпечатлевшимся на них характером откровения, из которого они истекают».² В содержательном отношении Притчи Соломоновы представляют собой, по замечанию Эрнста-Петера Викенберга, «наставление в мудрости и обличение порока».³ Основание Книги Притчей есть Мудрость, выступающая в ней в персонифицированном виде: «...мудрость, изрекаемая разными мудрецами, есть самостоятельная и самодеятельная Сила, говорящая через мудрецов, дающая им и всем ведение откровенной истины... Все учение книги Притчей... исходит от лица вечной Премудрости – личной или ипостасной Премудрости Божией».⁴ «Мудрость», рождающаяся от познания Премудрости Божией, присутствует и в книге эпиграмм Логау, являясь своего рода ее «сверхтитолом», «невыставленным заглавием», и восходит к персонификациям Премудрости в Книге Притчей и Книге Премудрости Соломона, а также к «мудрости» как лейтмотиву Книги Екклесиаста. «Мудрость» у Логау не персонифицирована, как в Притчах, но она проявляется в тексте как знание о вечных истинах бытия, о Божественном Откровении, о нравственном законе, властвующем над человеческой жизнью.

В Книге Притчей можно проследить три основных действия Премудрости: *религиозное просвещение* (напр., Притч. 2, 6–22 и др.), *нравственное наставление* (Притч. 3, 27–35 и др.) и *обличение порока* (Притч. 1, 20–33; 6, 12–15; 7, 10–21). Данная цель Книги Притчей заявлена уже в ее начальных главах: так, в первых стихах первой главы объявляется назначение притч Соломона – они написаны для того, чтобы «...познать мудрость и наставление, понять изречения разума; усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты» (Притч. 1, 2–3). Трех главным проявлениям Мудрости в Книге Притчей соответствуют три основных направления в поэзии Логау: духовное (религиозные эпиграммы), наставительно-моралистическое (морально-этические сентенции и нравственно-дидактические стихотворения) и критическое (обличительные, нравоописательные и сатирические эпиграммы). Таким образом, собрание эпиграмм Логау есть «книга мудрости»,⁵ в основе которой лежит идея *Мудрости проповедующей, наставляющей и обличающей*, а все стихотворения, включенные в нее, выступают в роли притч. Из этого, в свою очередь, становится ясным *содержательный принцип* книги: *изречь три тысячи притч о мире и человеческой жизни*, – причем основой этих притч является высшая Мудрость, понимаемая в религиозно-духовном аспекте. Исток этой Мудрости, единый как для Соломона, так и

¹ Имеется в виду стилистический характер этих изречений, то есть использование в их языке художественных выразительных средств древнееврейской поэзии, и прежде всего – параллелизма. См.: Kugel J.L. The Idea of biblical Poetry: Parallelism and its history. New Haven & London, 1981.

² Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 4. СПб., 1907. Репр. 2-е изд.: Стокгольм 1987. С. 411.

³ „Weisheitsrede und Lasterschelte in einem“. Wieckenberg E.-P. Logau – Moralist und Satiriker // Meid V. (Hg.). Gedichte und Interpretationen. Bd. 1: Renaissance und Barock. Stuttgart 1982. S. 261.

⁴ Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания. М., 2001. С. 896.

⁵ Schubert W. Nachwort // Friedrich von Logau. Die tapfere Wahrheit. Sinngedichte. Leipzig 1978. S. 139.

для Логау, есть Бог, Его Премудрость, которая прикровенно постигается человеком и позволяет видеть мир в его истинном свете.

В соответствии со своим религиозным мировидением, Логау воспринимает мир как симбиоз посюстороннего с потусторонним. Потусторонний мир, от которого человека отделяет непрочная грань земной жизни, постоянно присутствует или подразумевается в его книге, и сущность человеческой жизни проявляется в едином бытии, соединяющем здешнее с нездешним. Мудрость, раскрывающаяся в притчах, позволяет Логау репрезентировать мир в его духовно-ценностной иерархии. Ее первый (небесный) уровень – это Бог, Его вечное бытие, Мудрость и Истина. Об этом уровне иерархии репрезентируемого мира свидетельствуют религиозные эпитаграммы. Второй (земной) уровень – это человек в аспекте временной земной жизни, с ее разнообразием и многоликостью, где извечно происходит выбор между добром и злом. При этом добродетель постоянно проповедуется поэтом, а порок неизменно обличается и осмеивается. Данной теме посвящено подавляющее большинство эпитаграмм Логау. И, наконец, третий (инфернальный) уровень иерархии мира, репрезентируемого в книге эпитаграмм Логау, – силы зла и преисподняя. На них указывают эпитаграммы, темой которых является как собственно князь тьмы, так и напоминание о неминуемом посмертном возмездии.

Все три тенденции одинаково важны с точки зрения концепции книги, поскольку в пропорциональной зависимости отражают исходный замысел автора. Наиболее значимыми в этой связи являются у Логау религиозные эпитаграммы, так как именно они заключают в себе ту истину, на которую поэт опирается в своих моралистических и критических эпитаграммах, и которую он противопоставляет мирским порокам, бичуемым в обличительных и сатирических эпитаграммах. Вкрапленные во многих местах книги, эти духовные изречения свидетельствуют о высшей реальности, выступающей противовесом реальности земной. В соединении с сатирическими и обличительными эпитаграммами религиозные стихотворения образуют ту антитезу духовного и мирского, являющуюся специфическим свойством стиля барокко, которую немецкий литературовед К.А. Целль определяет как «барочную напряженность».¹

Духовное начало в поэзии Логау есть то идейное основание, на котором зиждется книга его эпитаграмм. Оно противопоставлено светскому, и это противопоставление находит отражение также и во внутренней композиции книги. То, что религиозные, наставительные, критические и сатирические стихотворения, как правило, не распределены в ней по отдельным группам (циклам, главам), но, за немногими исключениями,² произвольно перетасованы, есть также воплощение принципа «напряженности». Цель подобной композиции – постоянно ставить перед пороком зеркало морали и перемежать сатирические уколы и обличительные филиппики неотступными напоминаниями о Боге, Истине и Добродетели, чтобы самим контрастом между тем, что проповедуется, и тем, что обличается, производить нравственный суд над последним. Таким образом, наставление в книге Логау неотделимо от обличения, и смысл того и другого раскрывается в плане духовного знания.

Наряду с дидактической целью, внутренняя композиция книги предназначена отобразить многоликость бытия в мире, где добродетель соседствует с пороком, и где высокое и низменное существуют рядом. Многообразие жизненных явлений репрезентируемого мира соответствует многоликости маски «Соломон из Голау». В этом многообразии своих ролей автор, скрывшийся за псевдонимом, поочередно

¹ Zell K.-A. Untersuchungen zum Problem der geistlichen Barocklyrik mit besondere Berücksichtigung der Dichtung Johann Heermanns (1585–1647). Heidelberg 1971. S. 27. См. выше (3.2.1).

² Перикопный цикл (I,1–69), а также второй из трех календарных циклов (II,10,19–25).

представляется читателю то религиозным наставником, то философом и моралистом, то гневным обличителем, то язвительным или галантным насмешником, то почтительным панегиристом. Но в любой из своих ролей «Соломон» остается мыслителем, познавшим высшую Мудрость и поэтому обладающим даром проникать в самую суть жизненных явлений при помощи глубоко анализирующего острого ума.

Поскольку собрание эпиграмм Логау является единым по своему замыслу произведением, репрезентирующим мир, то и стихотворения, его составляющие, не являются отдельными и независимыми друг от друга произведениями, но представляют собой фрагменты единой всеобъемлющей мозаики, в которой не только высокохудожественные образцы, но и даже, на первый взгляд, малозначительные произведения находят свое законное место. Все стихотворения Логау, независимо от наличия в них притчево-дидактического начала, воспроизводя в своей целокупности единую картину мира, выступают *в значении притч*.

Числовой расчет и содержательный принцип собрания эпиграмм Логау говорят о нем как о «своде» притч современного «Соломона», репрезентирующем мир и его реалии в их временном и вечном аспектах, как о *книге притч о мире и человеческой жизни*. Данный «свод» имеет отчетливую духовно-дидактическую задачу: утвердить в истине, наставить в добродетели и вынести приговор миру, пребывающему во зле.

Выводы к третьей главе. Собрание эпиграмм Логау является своеобразным воплощением в эпиграмматической форме комплекса идей религиозного и социального консерватизма. Поскольку смысл и цель творчества для Логау, в соответствии с господствующей тенденцией литературы его эпохи, есть обличение порока и наставление в добродетели, его эпиграммы представляют собой взгляд на действительность под духовным углом зрения, опыт протестующего обличения с позиций религиозной морали.

Засилье зла в окружающем мире вынуждает поэта к активному противодействию ему тем оружием, которое имеется в его распоряжении, а именно – проповедью добродетели и обличением порока, осуществляемыми средствами художественного творчества. Чтобы это противодействие достигло своего результата, Логау стремится за каждым единичным случаем показать общую тенденцию, что осуществляется через притчевый характер его эпиграмм. Отсюда возникает необходимость понятия притчевости для обозначения некоторых аспектов содержательного характера поэзии Логау, с присущим последней программным сопоставлением высшей реальности и явлений человеческой жизни.

Значение притчевости как интегрирующего фактора творчества Логау раскрывается в свете религиозных взглядов автора. Притчевое начало необходимо поэту для того, чтобы дать в своих творениях наглядный образ добра и зла, и чтобы, соединяя, посредством притчевого универсализма, временное с вечным в его конкретных проявлениях, приблизить эти категории к повседневности человеческого бытия.

Этим объясняется ориентация поэта на библейскую дидактику (Книга Притчей Соломоновых). Заглавие собрания эпиграмм Логау содержит указание на его концепцию, имеющую религиозное основание. Все стихотворения, включенные в книгу, согласно замыслу автора, являются притчами или пребывают в значении притч. Данная идея лежит в основе авторского замысла собрания эпиграмм как универсальной «книги притч» нового «Соломона». Маска-псевдоним поэта «Соломон из Голау» есть, следовательно, символ, указывающий на роль Логау как поэта-проповедника, автора книги трех тысяч «рифмованных речений» или притч о мире и человеческой жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкая литературная эпиграмма эпохи барокко в жанровом отношении представляет собой стихотворную миниатюру с двухчастной риторической структурой: экспозицией и неожиданным остроумным поворотом (пуантом). В силу своей двухчастности эпиграмма ассимилировала целый ряд бытовавших в немецкой поэзии XVII в. малых стихотворных жанров, как литературных, так и фольклорных: сонет, мадригал, басню, притчу, шванк и т.д. В этом стремлении максимально освоить весь диапазон отечественных и импортированных поэтических форм состоит одно из характерных свойств немецкой эпиграмматической традиции XVII в.

Основными направлениями немецкой эпиграмматики эпохи барокко были религиозно-моралистическое и обличительно-сатирическое. Традиция религиозных и наставительных эпиграмм имела в XVII в. повсеместное распространение и количественно превосходила все прочие разновидности этого жанра. В свою очередь, от европейских гуманистов XVI в. эпоха барокко унаследовала традицию сатирической эпиграммы. Помимо этого, существовали застольные, шуточные, галантные, эротические и панегирические эпиграммы, в известной мере продолжавшие традицию антологической эпиграмматики античности. По степени своей распространенности в Германии XVII в. эпиграмма не имела себе равных, являясь в полном смысле слова «основным лирическим жанром эпохи».¹ Введенная в немецкую поэзию в 1624 г. выдающимся реформатором немецкой литературы Мартином Опицем, эпиграмма достигла своего расцвета в середине столетия. Это произошло во многом благодаря выходу в свет собрания эпиграмм ученика и последователя Опица – Фридриха фон Логау, в творчестве которого данный жанр обрел свое наивысшее воплощение.

Логау называют «одним из наиболее замечательных дарований XVII столетия».² Восприятие и оценка творчества поэта в немецкой литературной критике на протяжении четырех веков, прошедших с момента выхода в свет его собрания эпиграмм, не были однородными, но претерпели эволюцию от галантного поэта, в понимании литературной критики эпохи барокко, и светского моралиста и сатирика, каким Логау предстал в эпоху Просвещения, к учителю нравов и религиозному поэту, каким его воспринял XIX век, и, наконец, к стойку, сатирику и моралисту, а также поэту-проповеднику, – в восприятии немецкой критики XX в. Точно так же менялось от эпохи к эпохе и понимание роли и значения его творческого наследия.³ Подобно этому, весьма неоднозначной была и оценка поэзии Логау в отечественном литературоведении, колеблясь в диапазоне восприятия его, с одной стороны, как последователя эпиграмматической традиции античности и моралистической традиции немецкой бюргерской поэзии XVI в., а с другой – как почти исключительно сатирика и обличителя нравов, бескомпромиссного критика социальных несправедливостей своего времени.⁴

¹ Müller G. Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark, Potsdam 1927. S. 225.

² Hempel P. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin 1917. S. 9.

³ Данной проблеме посвящена, в частности, наша статья: Новожилов М.А. Фридрих фон Логау и его литературная судьба // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 66. 2007. № 2. С. 39-53.

⁴ Подробнее эта тема рассмотрена нами в работе: Michail A. Novožilov. Logau in Russland. Eine Skizze zur zeitgeschichtlichen und zur gegenwärtigen Rezeption der *Sinngedichte* // Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 429–464.

Книга Логау „Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend“ (1654) – основное литературное произведение выдающегося немецкого поэта, избравшего, в качестве формы воплощения своих творческих замыслов, дидактико-сатирический жанр эпиграммы. Творчество Логау представляет собой яркий пример культуры отточенной мысли, облеченной в лапидарную форму. Этому способствуют чеканность его стиха, точность рассуждения, отсеменение всего второстепенного и лишнего, простота и ясность его поэтического мышления. В отличие от тенденции, свойственной большинству немецких поэтов, – как современников Логау, так и авторов, живших в позднейшие времена, – рассматривать эпиграммы как своего рода литературные «мелочи», сочиняемые «для развлечения» между созданием своих «главных произведений», собрание эпиграмм было для Логау именно тем главным произведением, в которое он вложил жизненно важное содержание и которому в итоге посвятил жизнь. В силу того, что поэт не просто сочинял эпиграммы, но написал *книгу эпиграмм*, этот маргинальный жанр обрел под его пером значение, какого никогда, – ни прежде, ни впоследствии, – не имел. Отдельно взятые эпиграммы Логау, остроумные и глубокие сами по себе, обретают гораздо большую значимость благодаря тому, что включены в контекст книги как целого, в свою меру дополняя общий замысел. Серьезное отношение поэта к малому стихотворному жанру является условием придания эпиграмме максимально глубокого содержания. Вследствие этого эпиграмма поднимается в творчестве Логау из традиционно отводимого ей последнего места в ряду поэтических жанров до уровня произведения большой литературы.

Собрание эпиграмм Логау – труд, в котором с максимальной полнотой отражено формальное и жанровое многообразие немецкой эпиграмматики XVII в. Хотя большую часть книги составляют собственно эпиграммы, в ней также представлены почти все причислявшиеся в то время к эпиграммам малые жанры немецкой поэзии. Включение в эпиграмматическую традицию фольклорных форм является специфическим свойством поэзии Логау.¹ Наиболее типичными для творчества поэта являются сентенции, притчевые изречения, приамели и приамельные эпиграммы, шпрухи, шванки, рифмованные пословицы; в небольшом количестве встречаются эхостиhiи, эмблемы, сонеты, загадки, пасторали, фaцетии и басни в эпиграмматической форме. Важную роль в творчестве Логау играет характерная для немецкой литературы XVII в. традиция «поэзии на случай»: в его книге можно найти немало посвящений, комплиментарных эпиграмм, эпиталам, эпитафий и т.д. Помимо этого, в ней имеется ряд образцов классических жанров: элегий, посланий, надгробных од, сатир и эклог. Многообразие разновидностей эпиграммы в творчестве Логау свидетельствует о том, что его книга с полным правом может быть названа *энциклопедией поэтических форм*.

Хотя подавляющее большинство в собрании эпиграмм составляют двустишия и четверостишия, в нем имеется и целый ряд длинных стихотворений, простирающихся до ста и более стихов. Включение в книгу подобных стихотворений свидетельствует об осознанной авторской интенции в направлении размывания жанровых границ. Избрание поэтом для своей книги, в которую, помимо эпиграмм, включены образцы других классических и ренессансных стихотворных жанров, не использовавшегося ранее в немецкой литературе жанрового наименования „Sinngedichte“ («рифмованные речения», букв.: «поэзия мысли»), сделало данный неологизм концептуальным понятием, указывающим не столько на жанр, сколько на авторский замысел.

¹ Отдельным аспектам данной проблемы посвящена наша статья: *Новожиллов М.А.* Приамель: пример интерпретации средневековой немецкой поэтической традиции в эпиграммах Фридриха фон Логау // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 63. 2004. № 3. С. 47–55.

Поэзия Логау является характерным явлением немецкой эпиграмматики XVII в. и предоставляет богатейшие возможности для исследования характера и особенностей этого поэтического жанра. Эпиграмма, в том виде, в каком она предстает в творчестве Логау, представляет собой уникальный инструмент интеллектуального и духовного анализа действительности. Это становится возможным благодаря мастерскому использованию поэтом стилистического приема пуанта как фактора, позволяющего предельно заострить рассматриваемую проблему, а также искусному употреблению общепринятых в литературе той эпохи риторических фигур и выразительных средств, в соединении с классической ясностью и простотой. Язык поэзии Логау, хотя и отмеченный многочисленными вкраплениями силезского диалекта, предельно точен и выразителен. В области поэтического языка поэт вступает в конфронтацию со своим веком: на фоне выпяченного и цветистого многословия немецкой лирики середины XVII столетия его стиль выделяется своей лаконичностью, прозрачностью и ясностью. В эпоху повсеместного «офранцузивания» немецкой культуры творчество Логау является примером активного противодействия нарастающему процессу галлицизации немецкой устной и письменной речи.

Семнадцатый век в немецкой литературе был веком заимствований, цитирований и переложений; поэтому и собрание эпиграмм Логау в значительной своей части также восходит к многочисленным ученым и литературным первоисточникам. Обширный диапазон последних свидетельствует о широчайшем кругозоре творческой личности его автора. Одним из важнейших источников заимствований и реминисценций Логау является Библия. Значительный пласт тематических заимствований в его эпиграммах связан с немецким фольклором, с популярными в XVII в. собраниями изречений, загадок, пословиц и поговорок. Не менее часто встречаются у Логау заимствования из произведений античных историков и философов, а также из ученых трактатов эпохи Возрождения. В эпиграммах, восходящих к «ученой» литературной традиции, поэт демонстрирует преемство по отношению к античной и ренессансной эпиграмматике. Во многом Логау является последователем и продолжателем традиции античной сатирической поэзии (Гораций, Катулл, Марциал, Ювенал); в то же время в его поэзии заметно значительное влияние неолатинских эпиграмматистов (Э. Корд, М.-А. Мюре, Д. Оуэн). Обличительно-сатирическое направление в творчестве Логау объединяет поэта также с национальной традицией социально-обличительной сатиры Средних веков и эпохи Реформации. В книге Логау имеется значительное количество эпиграмм, тематика которых в той или иной степени перекликается с тематикой немецкой сатиры указанного периода, – однако поэт, как правило, дает свою собственную интерпретацию традиционных мотивов и тем.

Значительное воздействие оказало на Логау творчество его современников, и в первую очередь – старшего поколения немецких поэтов XVII в. (М. Опиц, П. Флеминг, А. Грифиус, А. Чернинг). Но, несмотря на то, что в жанрово-тематической сфере, так же как и в области художественных тропов и риторической оснащённости, творчество Логау испытало на себе сильное влияние Опица и поэтов его школы, в отношении использования разнообразных источников собрание эпиграмм Логау является произведением, исключительным в контексте немецкой эпиграмматики XVII в. По обилию мыслей, идей и сюжетов она далеко превосходит обычный уровень произведений данного жанра и сопоставима лишь с барочным энциклопедическим романом. В то время как другие авторы эпиграмм той эпохи заполняют страницы своих книг по большей части стихотворениями «на случай» и сатирой на характерные типы, Логау собирает в своем труде множество глубоких мыслей, метких наблюдений, острых замечаний, чеканных афоризмов на все случаи жизни, складывающихся в итоге в

колоссальное собрание «рифмованных речений», представляющее собой «сокровищницу критически мыслящего сознания его эпохи».¹

Известную проблему представляет определение стилевой принадлежности творчества Логау. Хотя, разрабатывая в своем творчестве формы ученой поэзии, он тем самым разделяет установки академического и раннеклассицистского направления в немецкой литературе XVII в., его частое обращение к традиционным жанрам поэзии и фольклора, а также стилистика и содержание его эпиграмм сообщают последним ярко выраженный барочный колорит. В немецкой литературной критике XX в. единое мнение по поводу художественного метода Логау отсутствует. Одни авторы относят творчество поэта к эстетике барокко; другие говорят о «предбарочном классицизме» школы Опица, к которой причисляют и Логау; третьи характеризуют литературу эпохи в целом как «барочный классицизм», и т.д. В настоящее время в немецком литературоведении существует мнение, что творчество Логау заполняет лакуну между творчеством Первой и Второй силезских школ и представляет собой переходный этап от раннебарочного к высоко- и позднебарочному поэтическому мышлению. В отечественной филологии стиль поэта в большинстве случаев объявляется классицистским, однако некоторые исследователи относят его к эстетике барокко; существует также взгляд на поэзию Логау как на феномен реалистического искусства.

Поэзия Логау принадлежит по преимуществу к дидактическому жанру; в своей книге он выступает перед читателем преимущественно как сатирик и моралист. Основными направлениями его творчества являются нравственная проповедь и обличительная сатира, но первая имеет преобладающее значение. Около половины объема его собрания составляют эпиграммы религиозного, наставительного и философского содержания, проблематика которых является идейным ядром его книги. Среди них следует особо выделить религиозные эпиграммы. Принадлежащие к замечательным образцам немецкой религиозной лирики XVII в., эти стихотворения представляют собой в совокупности род вероисповедного документа, по которому можно судить о религиозно-нравственных приоритетах поэта, и потому имеют первостепенное значение для характеристики всего творчества Логау. В немалом количестве моральных сентенций, наставительных изречений и рифмованных максим поэт излагает свои морально-этические взгляды, в основе которых лежит его религиозное миропонимание. Значимость этих эпиграмм в творчестве Логау дала основание критике охарактеризовать его как «поэта-проповедника». В свою очередь, сатира Логау не снижает пафоса его проповеди, но, напротив, поставляет для последней жизненные примеры; проповедь же идейно подкрепляет сатиру. Обе зиждутся на едином основании – религиозном миропонимании поэта-моралиста, бичующего порок и указывающего путь к добродетели. В этом выражается преемственность Логау по отношению к литературе предшествующих столетий, и прежде всего – к немецкой городской поэзии средних веков и эпохи Реформации, в которой моралистическое наставление и сатирическое обличение нередко неотделимы друг от друга.

Тематический диапазон поэзии Логау простирается от религиозных до социально-критических и бытовых мотивов; в ней, в той или иной степени, затронуты все насущные вопросы человеческого бытия. Одной из основных тем творчества поэта является критика мира и времени (*Zeitkritik*), включающая антивоенные и патриотические мотивы, инвективы против сильных мира сего, гневные протесты против господства меркантилизма и повсеместного культурного засилья иноземцев,

¹ [Seelbach K.-U.] Salomo in Schlesien. Eine Tagung zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus 2005 // *Daphnis*. Bd. 32 (2003). S. 750.

обличение упадка веры и нравов, выступления в защиту угнетенного крестьянства и т.д.¹ В сатирических эпиграммах Логау разрабатывает ряд традиционных для мировой эпиграмматики тем и выводит обширный каталог человеческих пороков. Множество метких наблюдений над современной поэту действительностью, над человеком и его недостатками свидетельствует о Логау как о выдающемся нравописателе своего времени. Вместе с тем, сатира не является в творчестве Логау самостоятельным направлением, но выступает в нем как средство нравственной проповеди или как еще одна грань критики и обличения мира с позиций религиозного миропонимания поэта.

Среди тем, наиболее показательных для сатиры Логау, следует назвать тему антипридворной критики (*Hofkritik*). Обличение светской власти, двора и придворных нравов типично для средневековой немецкой бюргерской сатиры, а также для творчества неолатинских эпиграмматистов XVI в.; однако интерпретация данной темы в творчестве Логау свидетельствует о религиозной позиции автора, исходя из которой, поэт выстраивает собственную модель социальных отношений в мире.²

Детальное изложение взглядов Логау на современность и ее нравственно-этическую специфику, содержащееся в его книге, облечено в характерно барочную форму отстраненности, выраженную в авторском псевдониме-маске «Соломон из Голау», позволяющей поэту выступать в роли проповедника. Псевдоним поэта, отсылающий к библейской Книге Притчей Соломоновых, указывает на роль Логау как нового «Соломона», несущего своим современникам, подобно ветхозаветному царю-мудрецу, горькие истины обличений и мудрые слова духовного наставления. Данный псевдоним символизирует собой исходную концепцию книги Логау как собрания *притч и эпиграмм в значении притч*.

Фактором, благодаря которому эпиграмма у Логау может выступать в значении притчи, является наличие в ней специфического свойства – притчевости, дающей возможность трансформации единичного и частного во вневременное и всеобщее. Притчевость эпиграмм Логау имеет вариативный характер, меняющийся от примера к примеру, но неизменно фиксирующий духовно-нравственное состояние изображаемой поэтом действительности. Идейным основанием притчевости служит религиозное миропонимание поэта, которое обуславливает неприятие «мира» как онтологической категории с позиции религиозного откровения и санкционирует два образа действия поэта по отношению к нему: религиозно-этическую проповедь и сатирическое обличение-осмеяние. Сообщение эпиграммам характера притч – кратких религиозно-моралистических свидетельств о человеческой жизни – способствовало созданию не имеющей аналогов в европейской литературе монументальной книги «речений мудрости» или «притч» нового «Соломона».

Концепция собрания эпиграмм Логау имеет под собой религиозное основание, поскольку целью и смыслом его творчества являются наставление в добродетели и обличение порока, как два аспекта морализаторской тенденции. Отсюда ориентированность автора на Книгу Притчей Соломоновых – произведение дидактического жанра. Книга Притчей является тем религиозно-нравственным образцом, который имеет в виду поэт-проповедник, этическая программа которого – служение ближним через наставление и обличение, а высший идеал – мудрость Притчей. Жанровый характер книги эпиграмм Логау как собрания дидактических и сатирических стихотворений, тематика которых охватывает все стороны немецкой действительности

¹ Подробнее эта тема рассмотрена нами в статье: *Новожилов М.А.* Сатирическая традиция в литературе. Эпиграммы Фридриха фон Логау // Литература в школе. 2003. № 7. С. 19–22.

² Данный вопрос освещен нами в статье: *Новожилов М.А.* Два царства Фридриха фон Логау // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 72. 2013. № 2. С. 32–48.

XVII в. и затрагивает практически все актуальные вопросы человеческой жизни, соответствует теории выдающегося филолога-германиста А.В. Михайлова (1938–1995) о том, что поэтическое произведение в эпоху барокко есть «свод, репрезентирующий мир».¹ В основу литературного произведения того времени, согласно Михайлову, положен либо известный «числовой расчет», либо некоторый «содержательный принцип». О наличии «числового расчета» в поэтическом замысле Логау говорит само заглавие его собрания эпиграмм – «Три тысячи немецких стихотворных изречений Соломона из Голау», отсылающее к словам Библии о царе Соломоне (3 Цар. 4, 32): «И изрек он *три тысячи притчей...*».² Таким образом, числовой расчет собрания Логау состоит в том, что *количество его эпиграмм символически приравнено к количеству притч Соломона*, хотя в действительности их во много раз больше.

Трем главным проявлениям Мудрости в Книге Притчей – религиозному просвещению, нравственному наставлению и обличению порока – соответствуют три основных направления в поэзии Логау: духовное (религиозные эпиграммы), назидательно-моралистическое (морально-этические сентенции и нравственно-дидактические стихотворения) и критическое (обличительные и сатирические эпиграммы). Таким образом, в основе книги эпиграмм Логау лежит идея *Мудрости проповедующей, наставляющей и обличающей*, а стихотворения, содержащиеся в ней, выступают в значении притч. Мудрость, раскрывающаяся в притчах, позволяет Логау репрезентировать мир в его духовно-ценностной иерархии, отражая в своем творчестве все три его уровня – небесный, земной и inferнальный. Из этого, в свою очередь, становится ясным содержательный принцип его труда: *изречь три тысячи притч о мире и человеческой жизни*, – причем основой этих притч является высшая Мудрость, понимаемая в религиозно-духовном аспекте.

Числовой расчет и содержательный принцип книги эпиграмм Логау говорят о ней как о поэтическом «своде», репрезентирующем мир и его реалии в их временном и вечном аспектах, как о *книге притч о мире и человеческой жизни*. Данный «свод» имеет духовно-дидактическую задачу: утвердить в истине, наставить в добродетели и вынести приговор миру, пребывающему во зле. Благодаря авторскому замыслу и его литературному воплощению, собрание Логау является образцом книги эпиграмм как единого целого, представляя собой уникальное явление в немецкой, европейской и мировой литературе.³

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко – завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 121–122.

² Курсив наш. – М.Н.

³ Данная концепция изложена в нашей итоговой статье: Новожилов М.А. Фридрих фон Логау и его литературная судьба // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 66. 2007. № 2. С. 39–53, – а также в докладе на международной литературоведческой конференции «Соломон в Силезии», посвященной 400-летию со дня рождения Фридриха фон Логау (2005): Michail A. Novožilov. Logau in Russland. Eine Skizze zur zeitgeschichtlichen und zur gegenwärtigen Rezeption der Sinngedichte // Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New-York: Rodopi, 2006. S. 429–464 (изложение концепции книги эпиграмм Логау в докладе: с. 447–450).

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ФРИДРИХА ФОН ЛОГАУ

Рождение и детство поэта. «Княжеская школа». Фридрих фон Логау (Логау-Альтендорф фон унд ауф Брокут) родился в воскресенье 23 января 1605 года¹ в фамильном имении Дюрр-Брокут,² первые упоминания о котором как о собственности рода Логау относятся к 1500 г. Будущий поэт принадлежал к одному из старейших дворянских родов Силезии, среди представителей которого были помещики и военные, советники и гофмаршалы на службе у силезских герцогов, командоры духовно-рыцарских орденов и рыцари Тевтонского ордена, духовные лица и сановники католической церкви, а также высокопоставленные чиновники венского двора. Наиболее ранние сведения об этом роде восходят к XIII в.; первое сообщение в хрониках о родоначальнике той ветви рода Логау, к которой принадлежал поэт, – рыцаре Генрихе фон Логау из Альтендорфа в княжестве Швайдниц,³ – относится к 1341 г.⁴

В XIV – XVII вв. в Силезии жило много представителей этого рода, в котором выделялись две основные ветви – Ольберсдорф и Альтендорф. Среди членов рода были как титулованные нобили, так и простые дворяне; в частности, титул богемских баронов носили (с 1605 г.) рыцари из старшей линии Ольберсдорф, тогда как представители младшей линии – Альтендорф – баронского титула не имели. Не имел его и Фридрих фон Логау; впервые ошибочное указание на то, что он был бароном, появилось в 1695 г.⁵ Первым титулованным отпрыском той ветви рода, к которой принадлежал поэт, стал в 1687 г. его сын Бальтазар Фридрих фон Логау-Альтендорф (1645–1702): 31 декабря

¹ Точная дата рождения Фридриха фон Логау неизвестна. В ряде источников можно встретить утверждение, что он появился на свет в июне 1604 г. Это мнение восходит к биографическому очерку Лессинга в предисловии к изданному им сборнику „Friedrichs von Logau Sinngedichte“ (Leipzig 1759, S. VI). Лессинг ссылается при этом на трактат И.Г. Кунрада «Благородная Силезия, или эпитафии [представителей] силезских ученых и образованных сословий» („Silesia Togata, Sive Silesiorum doctrina & virtutibus clarissimorum Elogia“; Liegnitz 1706. P. 176), где и указана эта дата. Литературовед Т. Фервайен, в свою очередь, предлагает другую дату рождения – 24 февраля 1605 г. (*Verweyen T. Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // Euphorion. Heidelberg 1989. Bd. 83.: Apr.–Juni. Nr. 2. S. 249*). Однако исследователь исходит из неверной даты кончины поэта, от которой ведет свои вычисления. В настоящей статье, в качестве версии, наиболее близкой к действительности, мы приводим дату рождения Логау по биографическому очерку д-ра У. Зеельбаха в послесловии к изданию раритетных произведений поэта: *Seelbach U. Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 7**.

² В настоящее время – дер. Брокочин Зомбковицкого повета Нижнесилезского воеводства (Польша). Брокут именовался «сухим», «тощим» („dürr“), очевидно, по причине своего расположения в гористой местности с неплодородной почвой. Этимология слова «Брокут» („Brockgut“) указывает на то, что это имение представляло собой выделенную часть – „Brocken-Gut“ (от нем. „Brocken“: «кусоч, осколок» и „Gut“: «имение»).

³ *Альтендорф* – старое название Меллендорфа в округе Райхенбах, в Совиных горах, в настоящее время – Млыница в Дзежонёвском повете, Нижнесилезское воеводство, Польша. *Швайдниц* – ныне Свидница.

⁴ *Sinapius, Johannes. Schlesische Curiositäten Erste Vorstellung. I Theil. Leipzig und Breslau 1720. S. 608.*

⁵ *Neumeister, Erdmann. Specimen Dissertationis Historico-Criticæ de Poëtis Germanicis. 1695. S. 40.*

1687 г. он получил из рук императора Леопольда I (1640/1658–1705) титул богемского барона, приобретенный им для себя и своих потомков.

Детство Фридриха прошло в Брокуте, на лоне живописной природы предгорий Ризенгебирге, или Исполиновых гор,¹ где находилось поместье. Семья будущего поэта была лютеранской. Отец мальчика, юнкер Георг фон Логау (1578–1605), умер в год его рождения; мать, Анна фон Райдебург († после 1633), позже вновь вышла замуж. Имение находилось в руках деда, пережившего своего сына на десять лет. Последний в 1615 г. завещал внуку, как своему единственному наследнику мужского пола, в качестве доли в фамильном имении, сумму, по тем временам немалую: 10000 рейхсталеров. Когда Фридриху исполнилось девять лет, он был отправлен в Бриг – столицу княжества – и 13 октября 1614 года зачислен в ученики местной классической гимназии.

Бригская Пястовская гимназия („Gymnasium Illustris Bregensis“) была основана герцогом Георгом II; здание было возведено в 1564–1569 гг. миланским архитектором Джакомо Баро (Jakob Wawor).² В XVII в., благодаря попечениям герцога Иоганна Христиана и его сыновей, гимназия, именуемая также «княжеской школой», стала одной из лучших в крае. Своим процветанием она в первую очередь была обязана неустанным трудам ректоров Якоба Шикфуса (1574–1637) и его преемника Мельхиора Лаубануса.

Выдающийся педагог и ученый, магистр Мельхиор Лаубанус родился в Шпоттау (Силезия) 10 декабря 1567 г. С 1594 г. он был ректором тамошней городской гимназии, с 1608 по 1610 гг. – проректором гимназии в Данциге. Из Данцига он 17 июня 1614 г. был приглашен в Бриг, чтобы принять «княжескую школу» под свое управление. Он умер в Бриге 1 мая 1633 г. Во вверенной ему управлению гимназии изучались латинский и греческий языки, риторика, логика, математика, философия, история, правоведение и другие науки; помимо этого, сочинения античных классиков, Св. Писание и труды отцов Церкви. Ректор покровительствовал наукам и поэзии. «В аудиториях висели портреты ректоров гимназии, силезских герцогов, Лютера, Меланхтона и Эразма, а также Платона, Аристотеля, Вергилия и Цицерона. Стены коридоров были украшены гербами дворянских родов, благородные отпрыски которых в то время обучались в гимназии».³ Согласно известию силезского хрониста Мельхиора Гюнтера, при ректоре Лаубанусе в бригской гимназии обучалось 112 баронов.⁴ В 1614 г. в гимназии, под руководством ректора, проводился конкурс поэтов с награждением венками победителей.⁵

При поступлении в гимназию каждый новый ученик, согласно обычаю, обязан был вносить от двух до двенадцати грошенов в школьную кассу, из которой оплачивались ученические пиры во время гимназических празднеств – так называемых «георгианумов»; при этом ученики из дворян должны были платить больше, чем дети из бюргерских семей. Логау внес в кассу 36 грошенов, т.е. целый «силезский талер» – местный эквивалент имперского рейхсталера.⁶

В ряде источников, излагающих биографию Логау, можно встретить сведения о том, что, благодаря протекции своего дяди (двоюродного брата матери) Генриха фон

¹ В настоящее время – горы Крконоше.

² Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. I. Leipzig 1907. S. 574.

³ Weinschenk, Johann Gottfried. Historische Nachricht von der Stiftung und den Schicksalen des Königlich Gymnasii Illustris zu Brieg... Brieg 1764. S. 27. Цит. по: Seelbach, op. cit., S. 10*.

⁴ Günther, Elias Melchior. Kurtze Fragen und Antworten vom Hertzogthum Schlesien [...]. Breslau und Leipzig: Rohrlach, 1733. S. 166.

⁵ Ibidem, S. 162.

⁶ «Силезский талер» – бывшая в то время в обращении в Силезии местная разновидность рейхсталера. Силезский талер равнялся 36 «белым грошам», 1 грошен – 12 геллерам.

Райдебурга (†1632), советника в Бриге и Лигнице, юный Фридрих был представлен ко двору, принят под покровительство герцогской четы и включен в число пажей герцогини. Эти домыслы восходит к писаниям некоего *синдика Коха* – фальсификатора, издавшего в 1838 г. в Бриге поддельные мемуары из жизни бригского герцогского двора первой половины XVII в., в которых нарисована идиллическая картина безмятежных детских лет «баловня судьбы и герцогини».¹ Густав Эйтнер в обоих своих биографических очерках о Логау ссылается на эти публикации Коха.²

Логау был зачислен в четвертую ступень (*quarta*) гимназии, минуя пятую (*quinta*), благодаря тому, что сдал при поступлении предметы начальной ступени: немецкое правописание и лютеранский катехизис. В четвертой ступени ученики проходили катехизис, латинское склонение и спряжение, основы латинской грамматики и вокабулярий. Курс обучения в гимназии Логау проходил успешно, и в конце 1615 – начале 1616 г. был переведен в третью ступень, в которой начались уроки греческого языка (чтение и склонение), а также изучение латинской грамматики по „*Compendium Latinae Grammatices Gorlicense*“ и греческой по Голиусу.³ 13 мая 1617 г. Логау окончил третью ступень и был переведен во вторую (*secunda*), в курс обучения которой было впервые введено сочинение собственных стихов и речей на латыни.⁴ Хотя обучение во второй ступени занимало два года, но уже годом позже, 26 марта 1618 г., Логау был переведен в I ступень гимназии (*prima*), служившую подготовительным этапом для дальнейшей учебы в университете. Менее чем через два месяца после этого произошло событие, под знаком которого пройдет большая часть жизни поэта и его современников: началась Тридцатилетняя война.

Поздние гимназические годы. Логау проучился в первой ступени, вместо положенных четырех, семь лет: с 1618 по 1625 гг. Причины для этого были различными: по всей вероятности, у его матери не всегда были необходимые средства; кроме того, гимназия на долгое время закрывалась. В 1619 г. в Бриге вспыхнул пожар, в котором сгорело около трехсот домов. В конце 1620 г., вслед за двором, большинство учеников гимназии покинуло Бриг из-за опасности католической реакции; среди них был и Логау, который только 6 декабря 1622 г. был вновь зачислен в первую ступень. С 9 октября 1623 по 15 января 1624 г. гимназия была закрыта из-за эпидемии чумы.

Наряду с грамматикой, риторикой и логикой, в первой ступени преподавались математика, философия, мировая история и правоведение. Ученики проходили труды Цицерона, Демосфена, Исократы, Вергилия, Горация, Гомера, Гесиода и Меланхтона и учились использовать сочинения античных ораторов как образцы для диспутов, декламаций и комментариев. Лаубанус предложил своим ученикам вести дневник, в который бы они могли записывать стихотворные изречения и сентенции. Для *loci communes*, изящных выражений и грамматических заметок следовало иметь отдельную тетрадь.⁵ 22 апреля 1622 г. ректор ввел в первой ступени ежедневную *Recitacio*

¹ *Koch*. Scene aus Friedrich von Logau's Jugendleben. (Aus Valentin Gierths, eines Briegischen Bürgers, Haus- und Tagebuche) // *Silesia. Taschenbuch auf das Jahr 1838. Der Unterhaltung geweiht*. S. 315–323.

² См.: *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // *Friedrichs von Logau Sämmtliche Sinngedichte*. Tübingen 1872. S. 697–698; *Sinngedichte von Friedrich von Logau*. Hrsg. von Gustav Eitner. Leipzig: Brockhaus, 1870. S. IX–XII.

³ *Golius, Theophilus Gottlieb*. *Grammatica Graeca*. Strassburg 1606.

⁴ *Schönwälder K.F.* und *Guttmann J.J.* *Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Brieg*. Breslau 1869. S. 140.

⁵ *Ibidem*, S. 109.

quaestionum catecheticorum¹, и 7 января 1625 г. начались библейские часы; первым докладчиком на них выступил Логау.²

Среди преподавателей гимназии, помимо ректора Мельхиора Лаубануса, были профессор языкознания магистр Иоганн Гюнтер, профессор поэтики магистр Георг Герхард, профессор математики магистр Иоганн Шветке, классный наставник профессор Даниэль Петцольд, профессор правоведения – бывший ректор Якоб Шикфус и магистр Иоганн Бухвельдер. В 1624–1625 гг. Лаубанус вынужден был начать борьбу против уменьшения числа учеников и падения дисциплины в учебном заведении. Специальная комиссия, изучившая положение в гимназии, подвергла критике учительский состав: магистр Гюнтер занимался хлебопашеством, у магистра Герхарда было в наличии всего двадцать книг, профессор Петцольд охотнее подвизался в суде в качестве адвоката. Другие педагоги были не лучше: профессор Копизиус каждый год требовал повышения оклада, а Бенъямин Штарк был прежде всего церковным писарем и пьяницей, лишь благодаря своей бесстыдной навязчивости получившим должность. Тем не менее, несмотря на множество вынесенных комиссией (в которой, среди прочих, состоял дядя Логау, советник Генрих фон Райдебург) нареканий, никто из преподавателей уволен не был.

Имя Логау неоднократно встречается в школьных актах тех лет, которые составлял ректор Лаубанус; благодаря им сохранились известия о ряде событий гимназической жизни будущего поэта. Так, 1 января 1619 г. Логау был одним из двадцати ораторов, участвовавших в диспуте на тему „Ditissima mendicitas Christi“,³ и говорил о необозримых богатствах, уготованных верующим от «нищеты Христовой». 1 февраля 1620 г. он выступал с декламацией на тему об инвективе Приама против Пирра (Вергилий, «Энеида», II, 526–558) и одержал верх над другим учеником – Иоганном Дитрихом фон Скрибенски из Моравии. 19 сентября того же года, во время диспута на тему ответа Аполлона на молитву Энея («Энеида», III, 374–462), он был побежден Иоганнесом Лукасом. 25 марта 1623 г. Логау, в паре с Георгом Бухвельдером, держал речь от имени Юноны, в которой та старалась уговорить Венеру устроить свадьбу Энея и Дидоны («Энеида», IV, 90–128). 29 апреля он выступил оппонентом магистра Иоганна Бухвельдера в диспуте на тему „De felicitate morali“.⁴ 9 марта (мая?) 1624 г. Фридрих принес ректору в его кабинет рукопись соискательской декламации на тему речи Дидоны к ее сестре Анне о том, как удержать Энея от отъезда из Карфагена («Энеида», IV, 6–30): „Oratio petitoria in persona Didonis ad Annam sororem, ut omnibus modis conetur Aeneam a consilio abeundi Carthagine avertere“. Лаубанус охарактеризовал эту работу следующим образом: «Слова и мысли речи изысканные и изящные, показывающие исключительное, заслуживающее всяческих похвал прилежание».⁵ 20 февраля 1625 г. Фридрих вместе со своим другом Валентином Герхардом (будущим однокашником по альтдорфскому университету и позднее нотариусом в Бриге) произнесли риторическую декламацию на тему состязания троянских кораблей в память Анхиса, отца Энея («Энеида», V, 113–285).⁶

¹ «Чтения по богословским вопросам» (лат.).

² Schönwälder K.F. und Guttman J.J. Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Brieg. Breslau 1869. S. 113.

³ «Богатейшая нищета Христова» (лат.).

⁴ «О благе нравственности» (лат.). Schönwälder, op. cit., S. 140.

⁵ „Erat oratio verbis et sententiis lecta atque ornata, laudemque singularis industriae promeruit“. Цит. по: Seelbach U. Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 12*.

⁶ Schönwälder, loc. cit.

Наряду с упоминаниями о Логау как об ораторе и докладчике, в актах гимназии встречаются сведения о его участии в школьных спектаклях. Так, в качестве повода для очередного георгианума, была предпринята постановка на гимназической сцене школьной драмы Фришлина «Сусанна». 25 апреля 1624 г. в актовом зале гимназии прошла генеральная репетиция; Логау играл в пьесе роль мидянина, а Валентин Герхард – Сусанны.¹ 3 мая состоялось представление драмы при дворе.

8 июля 1623 г. Логау был избран в гимназический сенат (*Judicium scholasticum*). Это учреждение прежнего ректора Шикфуса состояло из шести лиц, избранных среди наиболее успешных и выдающихся учеников. Школьный сенат обсуждал выполненные работы (диспуты и декламации), улаживал конфликты и карал нарушителей дисциплины. В качестве наказаний применялись штрафные декламации, заключение в карцер и наказание розгами.

26 июня 1625 года Логау с отличием окончил гимназию. Ректор записал в его аттестате: «26 июня официально окончил гимназию Фридрих фон Логау, ученик, в течение многих лет получавший отличные отметки и заслуживший благожелательную оценку всех гимназических профессоров» („Die 26 Junii publice valedixit ill. Gymnasio Fr. à Logau, optimaе notae multorum annorum discipulus, cujus studiis merito fausta & salutaria precamur omnes Gymnasii Professores“).²

Альтдорфский университет. По окончании гимназии Логау продолжил свое обучение в университете г. Альтдорфа под Нюрнбергом. Альтдорфский университет („Altdorfina“ или „Altorphina“) был всего за три года до того указом императора Фердинанда II образован из старой лютеранской „Academia norica“; та же, в свою очередь, была создана в 1575 г. на базе бывшей гимназии св. Эгидия („Aegidianum“), в учреждении которой в 1526 г. принимали участие Лютер и Меланхтон.

Логау избрал Альтдорф, по-видимому, из экономических соображений, так как жизнь в нем была сравнительно дешевле, чем в других университетских городах Германии. Но была и другая причина, состоявшая в том, что ближайший к Силезии университет во Франкфурте-на-Одере, где учились бригские принцы Людвиг и Христиан (и где, как считалось прежде, обучался и Логау³), приобрел к тому времени стойкий кальвинистский дух и кальвинистское направление, неприемлемое для лютеранина Логау, – тогда как Альтдорф, еще со времен гимназии св. Эгидия, сохранял в своих стенах твердые лютеранские традиции.⁴

Внешне Альтдорфский университет представлял собой три больших темно-серых каменных корпуса, стоящих покоем по сторонам замкнутого двора, что придавало ему сходство с орденским замком или монастырем. Он был известен тем, что в нем, в начале XVII столетия, еще во времена „Academia norica“, обучались два будущих знаменитых «героя» Тридцатилетней войны: в 1599–1600 гг. – герцог Альбрехт Венцель фон Валленштейн (1583–1634), и десятью годами позже – граф Готфрид Генрих цу Паппенгейм (1594–1632). Из других знаменитостей, так или иначе связанных с Альтдорфом, нужно назвать органиста и композитора Иоганна Пахельбеля (1653–1706), а также философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716), который в 1666 г. защитил в университете диссертацию на соискание степени доктора права.

¹ Schönwälder, Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Brieg, S. 115.

² Seelbach U. Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 12*.

³ Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 699.

⁴ Palme A. „Bücher haben auch ihr Glück“. Die Sinngedichte Friedrich von Logaus und ihre Rezeptionsgeschichte. Erlangen und Jena 1998. S. 72.

Юриспруденция стала жизненным выбором также и для молодого Логау. В университетском матрикеле от 6 июля 1625 года имеется собственноручная роспись поэта: „Fridericus à Logaw Eq^{ues} Silesius“ («Фридрих фон Логау, силезский дворянин». – лат.).¹ Перед началом учебы на юридическом факультете Логау, согласно всеобщему обычаю европейских университетов, прослушал краткий курс «свободных искусств». В дальнейшем он усердно посещал лекции профессоров Андреаса Диннера (правоведение), Эразмуса Унгепатура, Иоганна Герхарда Фрауэнбургера и других и, таким образом, получил достаточное для представителя дворянского сословия образование, дававшее ему право в будущем занимать придворные должности и получать соответствующие официальные звания.

В Альтдорфе Логау, по существующей традиции, остановился у одного из профессоров университета. Его патрон, магистр Иоганн Каспар Одонтиус (1580–1626), был сыном гимназического профессора Каспара Одонтиуса из нюрнбергской патрицианской фамилии Цан (Odontius – латинизированный вариант этой фамилии). Выпускник Пражского университета, он с 1609 был учителем (praeseptor classicus) альтдорфской гимназии, в 1612 г. стал публичным профессором (professor publicus) элементарной математики университета Альтдорфа, в 1624 г. стал ординарным профессором. Логау, вместе с восемью другими студентами-силезцами, составлявшими между собой землячество, были его «тишбуршами», то есть жили и столовались в его доме. Этими студентами были кузен Логау Иоганнес фон Райдебург, Иоганн Абрахам фон Зеботтендорф, Каспар Хенрици, Пауль Фридляндт, братья Кристоф и Мельхиор фон Зейдлиц; последние приехали в университет вместе с своим гувернером Иоганном Розариусом и фамулюсом² Маттеусом Хальманом.³ Всего же в Альтдорфе на тот момент обучалось тридцать девять силезцев, из них одиннадцать дворян.

Магистр Одонтиус скончался 17 июля 1626 г.; погребение состоялось 19 июля. После смерти патрона его тишбурши остались на попечении вдовы усопшего Розины Цан. Под влиянием кончины профессора Логау написал самое раннее из известных своих стихотворений – траурную оду под названием «Погребальный лавр на могиле светлейшего и ученейшего мужа».⁴

Студиозус Логау не только посещал лекции, но и с увлечением окунулся во все радости студенческой жизни – прогулки, увеселения, пирушки и карточные игры, а также традиционные стычки со студентами из других землячеств. По сохранившимся в университетских актах известиям,⁵ 24 августа 1626 г. Логау, в компании других студентов-силезцев – тишбуршей магистра Одонтиуса (вернее, его вдовы), принял участие в шумевшем штурме дома магистра Георга Квека в Альтдорфе. В ходе сражения тишбурши Квека, – студенты Иоганн Фюльль и Георг Андреас Мейер, – были атакованы на кладбище тишбуршами Одонтиуса Райдебургом, Фридляндтом и

¹ Verweyen T. Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // Euphorion. Heidelberg 1989. Bd. 83.: Apr.–Juni. Nr. 2. S. 251.

² Фамулюс (от лат. famulus: «слуга») – здесь: оруженосец при знатных господах.

³ Адресат одного из альбомных стихотворных посвящений поэта. Его сын Иоганн Кристиан (1640–1716) станет известным немецким драматургом.

⁴ Laurus Funerea ad Tumulum Clarissimi Doctissimique Viri, Dn. M. Joh. Casparis Odontii, in celeberrima Altorphina, Mathematicum Professoris Publici Anno M. DC. XXVI. VII Calend. Aug. Diem suum placidè obeuntis. Ob Piam defuncti memoriam, Erecta à Friderico à Logaw/ Nob. Siles. См.: Verweyen, op. cit., S. 252–260.

⁵ Acta Universitatis Altorphinensis // Altdorfer Universitätsakten. Annalen II. 1618–1670 (UB Erlangen: AUA 11), fol. 282–284. См.: Verweyen T. Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // Euphorion. Heidelberg 1989. Bd. 83.: Apr.–Juni. Nr. 2. S. 252.

Розариусом, и после стычки на шпагах отступили к дому профессора Квека, который затем около тридцати студентов забросали камнями. Военные действия прекратились лишь после того, как на поле битвы появились другие профессора университета.

Следствие по делу и определение наказаний продолжались до 6 октября. Студенты Розариус и фон Райдебург были посажены в карцер на восемь дней; Кристоф фон Зейдлиц, а также студенты фон Зеботтендорф, Иоганн Дорн из Фильзека, Мартин Шедель из Нюрнберга, Лохау (sic!), Фридляндт, Виттих, Каспар Генрих, Зениц, Рауссендорф, Шмук и другие отделались выговором. Слуги («оруженосцы»), которые по приказу своих господ подносили и швыряли камни, были посажены в карцер. Расходы, понесенные у цирюльника вышеупомянутым Мейером из-за его ранений, пришлось оплатить Розариусу, фон Райдебургу и фон Зейдлицу; возмещение ущерба дому магистра Квека было возложено поровну на всех виновных.

Логау участвовал в этой битве, так сказать, «за компанию», поскольку все силезцы, учившиеся в Альтдорфе, были так или иначе обязаны либо сами бросать камни в дом Квека, либо подносить для камнеметателей боеприпасы. Впрочем, надо сказать, что Логау на фоне своих однокашников не особенно выделялся к лучшему: годом позже – в 1627 г. – он был оштрафован за дуэль со студентом из Нюрнберга Иоганном Кабесом и за разрушение кладбищенской ограды.¹

По обычаю, студенты из состоятельных семей не задерживались надолго в одном учебном заведении, но путешествовали из одного университета в другой, – в Лейпциг, Тюбинген, Страсбург, – везде понемногу обучаясь и нередко уезжая за границу, в Париж или Лейден. Однако Логау, из-за ограниченности средств, отпускаемых на его образование матерью и отчимом, мог себе позволить только один-единственный избранный им университет, в котором и оставался в статусе *legum studiosus* до конца курса. К концу 1627 г. Логау прослушал два семестра по юриспруденции и стал, таким образом, бакалавром права. Как правило, студенты, окончившие классическую гимназию, учились только три года, после чего имели право оставить университет; те же, кто мечтал о научной карьере, должны были учиться еще два года для получения степеней лиценциата и доктора.²

К годам учебы в университете относится несколько дошедших до нас стихотворных автографов, написанных в альбомах однокурсников и украшенных гербом поэта – геральдическим щитом с красной косой перевязью на бело-голубом шахматном поле и с малым щитом наверху, увенчанным султаном из страусиных перьев, а также с изображением «щитодержательницы» – благородной дамы в строгом длинном платье до пят с широким испанским воротником.³ Последние свидетельства о пребывании Логау в Альтдорфе – автографы поэта в альбомах его однокурсников Отто Генриха фон Хаунольдта и Пауля Штёберлина – относятся к 11–18 декабря 1627 года.⁴ После 1627 г. университетские матрикулы молчат о Логау; по всей вероятности, в начале 1628 года поэт, отказавшись от ученой карьеры, уехал домой.

Помещик и советник двора. 1 июля 1631 г. Логау занял у своего дяди, советника фон Райдебурга, 1000 рейхсталеров сроком на шесть лет под залог завещанной ему доли фамильного имения: к этой сумме свелась за тринадцать лет войны доля наследства

¹ *Seelbach U.* Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 13*–16*.

² *Ibidem.*

³ *Seelbach U.* Ein Nachtrag zu den Autographen Friedrich von Logaus // Wolfenbütteler Barock-Nachrichten 22 (1995), H. 2, S. 113–116.

⁴ См.: *Seelbach U.* Die Autographen Friedrich von Logaus // *Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur und Kultur der Frühen Neuzeit.* Amsterdam 1990. Band 19, Heft 2. S. 267–286.

Логау в поместье. Деньги были нужны поэту для устройства своего дома: он женился на Хелене фон Груттшрайбер, дочери юнкера Генриха фон Груттшрайбера ауф Розенау (1592–1655) и Магдалены фон Позер. Первый брак Логау продолжался десять лет, и в нем родилось двое детей: сын Георг Генрих (род. 3.10.1634, ум. во младенчестве) и дочь Анна († после 1660). Деньги, занятые Логау у советника фон Райдебурга, так никогда и не были возвращены: в следующем году советник умер, завещав их матери поэта и оставив последнему в наследство библиотеку. Также не был возвращен и долг в 200 талеров, которые Изольда Розина, вторая жена отца невесты, будущего тестя поэта, одолжила им на свадьбу, и которые ее потомки пытались взыскать с Анны, старшей дочери поэта, еще в 1660 г.

В 1633 году Логау наконец-то вступил во владение родовым поместьем, до того принадлежавшим его тетке Хедвиг фон Рёдерн. Имение перешло к ее племяннику вместе с бывшими на нем долгами:¹ в частности, долг в 1500 талеров двоюродной сестре поэта Анне Марии фон Кичкау, причитающийся ей с капитала имения согласно все тому же завещанию, так и остался невыплаченным. Кузина Логау умерла в 1633 г., и ее наследники напрасно требовали погашения этого долга еще в 1638 г., при последней попытке урегулирования дела.

Летом того же 1633 г. вторгшаяся в Силезию имперская армия Валленштейна razорила Нимпч² – ближайший к имению поэта город; при этом мародеры разграбили и все окрестные имения, и в том числе – Брокут. Логау был вынужден покинуть поместье и искать убежища в Бриге, где он получил должность в канцелярии герцога Иоганна Христиана.³ Лишь в 1636 г., после трех лет отсутствия, поэт смог, наконец, вернуться в разоренное фамильное гнездо.

В конце 1637 г., из-за неуплаты налогов с еще не восстановленного поместья, Логау грозили арест и продажа родового имения с молотка. Основанием для налогообложения в то время служил налоговый кадастр 1527 года, исходивший из самооценки имения его владельцем и не принимавший во внимание изменений в состоянии имущества, происшедших с течением лет или вследствие стихийных и иных бедствий.⁴ Мы не знаем, как удалось Логау избежать отъятия поместья, – последнему же так и не суждено было оправиться после католического погрома: начиная с этого времени, оно пребывало во все большем упадке, не принося своему владельцу почти ничего, кроме расходов и непосильных налогов, и постоянно подвергаясь новым и новым опустошениям со стороны проходящих войск, – в особенности шведских, грабивших все и вся. С января 1636 г. по январь 1641 г. поэт жил в Брокуте, но в феврале этого года, из-за опасностей военного времени, вновь переселился в Бриг. Здесь летом 1641 года Логау пережил личную трагедию: умерла Хелена фон Груттшрайбер. Поэт тяжело перенес утрату; он посвятил покойной жене немало прочувствованных строк, написанных даже спустя много лет после ее смерти.

Весной 1643 года Логау женился во второй раз. Его новой спутницей жизни стала шестнадцатилетняя Хелена фон Кнобельсдорф (1627–1686), дочь бригадского гофмаршала Бальтазара фон Кнобельсдорфа цу Фритцендорф унд Воневиц (†1653) и

¹ Сообщение Густава Эйтнера о том, что в 1633 г. Логау из-за бедности вынужден был отказаться от баронского титула, будто бы полученного его предками в 1605 г. от императора Рудольфа, не соответствует действительности, поскольку поэт этого титула никогда не имел (см. выше). См.: *Eitner G. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 701.*

² В настоящее время – г. Немча Дзезонёвского повета, Нижняя Силезия.

³ *Eitner, op. cit., S. 702.*

⁴ *Wieckenberg E.-P. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Stuttgart 1984. S. 266.*

Доротеи фон Хоэндорф. Во втором браке у поэта родилось четверо детей: сын Бальтазар Фридрих (1645–1702) и три дочери: Доротея Магдалена (ок. 1647–1701), Анна Хелена (1649–1712) и Элеонора София, умершая во младенчестве (*5.03. – †5.08.1653).

В 1638 году Логау выпустил в свет свой первый поэтический сборник под заглавием «Первая сотня немецких рифмованных речений Соломона из Голау». Издание было внесено в каталог бреславльской книжной ярмарки в день св. Михаила (29 сентября) 1640 г. и принесло автору небольшой доход; первым его покупателем за пределами Силезии был известный литератор герцог Август Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1579–1666).

Важнейшие события жизни Логау связаны с именем герцога Людвиг IV Бригского. Людвиг, второй из четверых сыновей герцога Иоганна Христиана Пяста (1591–1639) и герцогини Доротеи Сибиллы Бранденбургской (1591–1625), родился в Бригском замке 19 апреля 1616 г. На его гравированном портрете работы Иоанна-Баптиста Паравичини (годы деятельности: 1656–1676) по рисунку Эчехиэля Парициуса (1622–1671), датированном 1656 г. и находящемся ныне в музее герцога Антона Ульриха в Брауншвейге, перед нами – представительный мужчина около сорока лет, в латах, с несколько тяжелым, но умным и решительным лицом, тонкими усами, маленькой бородкой по французской моде и длинными собственными волосами до плеч, завитыми по обычаю того времени. Просвещенный властитель, Людвиг высоко ценил литературу и охотно выступал в роли мецената; он также строил церкви и, по примеру своего отца, поддерживал в княжестве промышленность и сельское хозяйство.

В 1644 году, возможно, по ходатайству тестя поэта, герцог Людвиг принял Логау в члены княжеского совета. В день св. Михаила 29 сентября 1644 года был обнародован декрет герцога о присвоении поэту чина «советника двора в государственных, хозяйственных и частных делах». Логау был положен следующий оклад: ежегодно 306 силезских талеров, равных каждый 36 грошам, еженедельно 3 талера на питание, также ежеквартально еще 37 талеров 18 грошом, и на детей – 22 грошом 6 геллеров; кроме того, еженедельно – один бочонок пива, и ежегодно натурой 20 сажень дров и два воза сена.¹ Много это было или мало по тем временам, можно судить по следующим цифрам, показывающим, насколько за время войны обесценились деньги: доля наследства Логау в поместье Брукут, согласно завещанию его деда Фридриха, сделанному в 1615 году, была равна 10000 рейхсталеров, а к 1631 году она равнялась, как мы видели выше, только 1000 рейхсталеров.

О служебной деятельности Логау этого периода известно немного. По воспоминаниям его коллеги по службе в герцогском правительстве поэта Даниэля Чепко (1605–1660), Логау «представлял своего князя на свадьбах, вручал от его имени подарки и произносил речи, и, так же как и его покойный дядя, советник фон Райдебург, совершал инспекционные поездки с целью обустройства герцогства».² Последнее было сопряжено с немалыми опасностями: шведские конные разъезды беспрепятственно рыскали по всему краю, грабя жителей и забирая пленных. От их нападения не был огражден никто: в плен к ним попал даже герцог Христиан, когда 30 декабря 1645 г., в сопровождении своего секретаря, нескольких приближенных дворян и слуг, выехал верхом за городские ворота. К счастью, немногим спасшимся удалось известить об этом оставшихся в Бриге, и вдогонку была послана помощь; после короткой стычки, в которой трое шведских солдат были убиты и трое других взяты в плен, герцог был

¹ Выдача чиновникам части жалованья натурой была обычным явлением конца XVI – первой половины XVII вв.

² *Seelbach U. Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 26**.

освобожден и на следующее утро вернулся в город целым и невредимым.¹ Для поэта же подобное происшествие могло окончиться далеко не столь благополучно.

Плодоносящее общество. В 1648 году герцоги Людвиг и Христиан отправились делать предложение: первый – в Мекленбург, второй – в Ангальт-Дессау, и оба обручились в один и тот же день. Избранницей Людвига IV стала двадцатилетняя принцесса Анна София, дочь герцога Альбрехта II фон Мекленбург-Гюстров и Элеоноры Марии фон Ангальт-Бернбург. Годом раньше состоялась предварительная поездка герцога Людвига в Мекленбург-Штрелиц с целью знакомства с невестой. Кортёж герцога отбыл в Штрелиц 11 апреля 1647 г. кружным путем через Польшу, хотя и более долгим, но безопасным ввиду военного времени. Логау в этой поездке находился в свите герцога согласно условиям договора, заключенного между ним и князем при вступлении поэта в должность советника двора в 1644 г.²

Летом 1648 г. Логау сопровождал своего князя в его втором матримониальном путешествии. Во время остановки княжеского эскорта в Штрелице 3 июля 1648 г. тайный советник тогдашнего главы «Плодоносящего общества» князя Людвига Ангальт-Кётенского (1579–1650) Кристиан Эрнст фон Кнох, по поручению своего патрона, принял герцога Людвига IV и обоих его спутников – советников Каспара фон Хохберга и Фридриха фон Логау – в Общество как «особенных почитателей немецкого языка». Официальным основанием для вступления поэта в «Плодоносящее общество» явился изданный им в 1638 г. сборник эпиграмм, – однако на деле Логау удостоился членства не за свои литературные заслуги, а как особа, приближенная к герцогу Бригскому, и по протекции последнего.³

«Плодоносящее общество» ставило своей задачей борьбу за очищение немецкого языка от чужеродных (прежде всего, французских) заимствований, поощрение патриотических чувств, а также «сохранение и распространение рыцарских добродетелей» и деятельную поддержку национальной литературы. Эмблемой общества была избрана кокосовая пальма, способная, как считалось, обеспечить человека всем необходимым для жизни, – поэтому оно именовалось также «Орденом Пальмы»; девизом было изречение «Всё на пользу» (нем. „Alles zu Nutzen“). Принимаемым в общество новым членам, в целях некоего условного «всеобщего равенства», присваивался псевдоним и давался персональный символ из растительного мира вместе с его изображением-эмблемой, а также стихотворный девиз, который сочинял сам председатель общества князь Людвиг в соавторстве с поэтом Дидерихом фон дем Вердером (1584–1657). Общество просуществовало до 1680 года; его председателями были последовательно трое представителей немецкой просвещенной знати: с 1617 по 1650 гг. – князь Людвиг (псевдоним: «Кормилец», „Der Nährende“); с 1651 по 1662 гг. – герцог Вильгельм Саксен-Веймарский (псевдоним: «Приятный», „Der Schmackhafte“), – и, наконец, с 1667 по 1680 гг. – герцог Август фон Саксен-Вейсенфельз (псевдоним: «Удачливый», „Der Wohlgerathene“). Значительное количество членов общества принадлежали к высшему слою немецкой аристократии: к 1662 г. оно насчитывало в своих рядах «одного короля, трех курфюрстов, 49 герцогов, 60 графов».⁴ Быть принятым в «Плодоносящее общество» считалось большой честью, хотя на деле участие в нем давало не много преимуществ. Членами общества были также многие выдающиеся

¹ *Piprek J.* Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole 1961. S. 30.

² *Ibidem*, s. 199.

³ *Palme A.* „Bücher haben auch ihr Glück“. Die Sinngedichte Friedrich von Logaus und ihre Rezeptionsgeschichte. Erlangen und Jena 1998. S. 107.

⁴ *Морозов А.А.* «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 102.

немецкие литераторы и ученые той эпохи: Опиц, Грифиус, Биркен, Цезен, Харсдёрфер, Мошерош, Хомбург, Шоттель, Бухнер и другие.

Логау был принят в Общество под № 510 и получил псевдоним «Уменьшающий» („Der Verkleinernde“). В качестве эмблемы ему было дано лекарственное растение селезеночник (Milkraut, *Chrysosplenium alternifolium* L.), которое, согласно представлениям медицины того времени, помогает успокоить селезенку, раздувшуюся от ипохондрии и «черной желчи». К имени и эмблеме был придан следующий стихотворный девиз:

Лишь селезеночник нам селезенку лечит,
И «Уменьшающим» я называться рад.
Смирение стяжав в лице, поступках, речи,
Достигнем большего в сей жизни мы стократ,
Чем те, кто в гордости коснеют человечей.
Смиренья должно нам искать усердно, брат;
Ведь опыт говорит: коль ты живешь смиренно,
Ты в чести у людей и Бога неизменно.¹

Вступление в «Плодоносящее общество» было для Логау своего рода официальным признанием. Поборник языкового пуризма и приверженец благородной старины, убежденный противник рабского подражания чужеземным обычаям и нравам, патриот, который в своих эпиграммах постоянно повторяет слово «Германия» (в его время оно было под негласным запретом: следовало говорить «Империя»), поэт принял близко к сердцу идеалы и цели, провозглашенные Обществом, и гордился своим членством в последнем. Он охотно прибавлял в дальнейшем к своему литературному псевдониму имя, данное ему в Обществе, что можно видеть по обоим предисловиям в собрании эпиграмм. Он также посвятил Обществу два стихотворения: «О „Плодоносящем“ и „Плод-уносящем“ обществах» (II,2,26) и «Плодоносящее общество» (II,3,13). Второе из этих стихотворений, написанное в том же июле 1648 г., представляет своего рода поэтический манифест, в котором поэт говорит о себе самом (ст. 7–14):

...Я – Селезеночник,
И селезенки я опухшие привык
Изрядно уменьшать, – те души, кои, мнится,
В пределах собственных не могут поместиться;
В отечестве для них немецком теснота;
Столь чужеземная мила им суета,
Что золото отдать за мишуру готовы
И отвращаются ото всего родного...

Тем не менее, присвоенными ему в Обществе именем и эмблемой поэт, судя по всему, остался недоволен: косвенным доказательством этого может служить то, что он не расписался в регистрационной книге Общества, а лишь поставил в ней свою гербовую печать.² И, хотя он и провозглашает в своем манифесте: «Пусть Уменьшающий, – но честь я соблюду, / Которая траве оказана в саду, / Где кедры высятся и пальмы столь блистают» (ст. 19–21), – но, как видно, в том «саду», куда он был принят по протекции

¹ *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 710.

² См.: *Seelbach U.* Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 27*.

князя и где высятся «кедры» и блистают «пальмы», его целебная травка представлялась ему слишком скромной. Впрочем, согласно позднему замечанию поэта-романтика Вильгельма Мюллера (1794–1827), одного из издателей Логау в XIX в., «...выражение „Уменьшающий“ ни в коем случае не заключает в себе чего-либо уничижительного, но равнозначно осуждению и наказанию гордости и высокомерия».¹

Герцог Людвиг вступил в Общество под № 520 с псевдонимом «Целительный» („Der Heilsame“); в качестве эмблемы он получил марену (*Rubia L.*) с ее длинным корнем, а в качестве девиза – «Тайные раны» („Innerliche Wunden“). Незадолго до этого членом Общества стал герцог Христиан, а 14 января 1649 г. в него вступил и их старший брат Георг. Для бригских князей, кальвинистов по вероисповеданию, вполне естественно было стать членами общества, основанного при кальвинистском дворе, на кальвинистской территории и при большинстве членов-кальвинистов.² По случаю вступления в Общество пфальцских герцогов в Бриге были устроены торжества, которые возглавил молодой князь Иоганн Георг Ангальт-Дессауский (1627–1693); в них приняли участие большинство силезских и ангальтских членов общества, и в их числе Логау. Это был единственный известный случай участия поэта в официальных мероприятиях «Плодоносящего общества».

Последние годы жизни поэта. Несмотря на то, что 26 ноября 1649 года натуральное содержание Логау при дворе было увеличено, в свои последние годы он жил в еще большей бедности, чем когда-либо прежде. В такой же бедности и лишениях проходила и жизнь большинства его современников. Так, когда двумя годами ранее, 17 сентября 1647 г., двоюродный дядя поэта Людвиг фон Логау женился на его свояченице Анне Марии фон Кнобельсдорф (при заключении брачного контракта Логау выступал свидетелем невесты), то жених получил в приданое всего 1000 силезских талеров – весьма незначительную по тому времени сумму. Беспросветная нужда была всеобщим уделом тех лет. Имение поэта, расстроенное до последней степени, не приносило практически ничего; постоянно возраставшее семейство требовало все новых и новых средств. «Новые долги прибавлялись к прежним, мучительные телесные недуги посещали его и заставили его волосы преждевременно поседеть».³ Хотя в 1648 г., согласно документам, поэту причиталось наследство от его родственницы со стороны матери, девицы Катарины фон Райдебург, в виде дохода с ее имения Штрахау, однако не существует никаких подтверждений того, что какие-либо деньги были им действительно получены. И уже в следующем году Логау был вынужден вновь взять ссуду в 400 талеров под залог своего, и без того давно заложенного, поместья.

Весной 1652 г. в Брокоте вспыхнул пожар, в котором дотла сгорел родовой замок поэта: об этом поэт с горечью упоминает в эпиграмме «Пожар» (III,9,10):

Пусть мой дом стал грудой пепла – я не сильно огорчусь:
Ведь и я, его хозяин, скоро в пепел обращусь!

В элегии «Деревня» (ZD,56), написанной в Брокоте летом 1653 г., Логау говорит о том, что во время его очередного приезда в имение ему служил постелью открытый экипаж (ст. 3: „...mein Bette kunte gehen“, – «...кровать годилась для езды»). Судя по

¹ Müller W. Vorwort // Friedrich von Logau und Hans Aßmann von Abschatz: Auserlesene Gedichte. Leipzig 1824. S. XIV.

² Neumeister H. Geistlichkeit und Literatur zur Literarsoziologie des 17. Jahrhunderts. Münster 1931. S. 172.

³ Eitner G. Logau, Friedrich von // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 19. Leipzig 1884. S. 108.

этим словам, его родовой дом в то время еще не был восстановлен, – и, скорее всего, быть восстановленным при жизни поэта ему было уже не суждено.

29 сентября 1652 г. Логау опубликовал анонимно свой третий поэтический сборник – «Анна София, или Разнообразные стихотворения в честь Светлейшей и Высокородной Княгини и Госпожи... сочиненные Почтительным Верноподданным». Сборник был приурочен к 24-му дню рождения супруги герцога Людвиг – герцогини Анны Софии Мекленбургской, и составлен по большей части из посвященных последней комплиментарных стихотворений и панегирических эпиграмм.

В январе 1653 г. умер лигницкий герцог Георг Рудольф, младший брат покойного Иоганна Христиана. Он не оставил потомства, и княжество Лигниц отошло его племянникам Георгу, Людвигу и Христиану, которые, таким образом, сделались единоличными правителями всех трех еще остававшихся номинально независимыми силезских пястовских княжеств. Похороны герцога состоялись 14 мая; в траурной церемонии Логау шел за катафалком вместе с двумя высшими сановниками, – Бальтазаром фон Кнобельсдорфом и Киприаном Йонасом фон Лильгенау, – как один из трех гофмаршалов княжеств Лигниц и Бриг.¹

В день св. Иоанна Крестителя 24 июня 1653 г. герцог Людвиг повысил жалованье Логау на 200 рейхсталеров ежегодно и поручил ему надзор за состоянием своей камер-коллегии и всем распорядком придворной жизни. Как можно предположить, увеличение денежного содержания поэта дало ему возможность издать, наконец, труд всей своей жизни – монументальное собрание 3560 эпиграмм и стихотворений под названием «Три тысячи немецких рифмованных речений Соломона из Голау». Книга вышла в свет в столице Силезии в апреле 1654 г., за год с небольшим до смерти ее автора. Ее издал бреславльский издатель Каспар Клоссман, или Клоземан (1616–1657), бывший книготорговец, который, после смерти в 1650 г. типографа Георга Баумана Младшего, владельца бреславльской городской книгопечатни с 1618 по 1650 гг., женился, по установившейся традиции, на его дочери Розине и в том же году унаследовал его типографию и словолитню. Отпечатал книгу Готфрид Грюндер, родственник и ученик Баумана, бывший фактором (управляющим) его типографией еще при жизни владельца, а с 1650 по 1663 гг. – также и при его наследнике издателе Клоссмане.²

Год спустя после смерти лигницкого герцога его наследники приняли решение о разделе последних пястовских княжеств в Силезии, бывших на тот момент в их совместном владении. Жеребьевка между братьями состоялась в Бригском замке 3 июня 1654 г. Согласно описанию этого события, оставленному очевидцем, после того, как бригский суперинтендант Бирман прочел изречение из Книги Притчей Соломоновых (16, 33): «В полу бросается жребий, но все решение его – от Господа», – участники церемонии вошли в специально приготовленное помещение, в центре которого на покрытом красной скатертью столе стояла золотая чаша. В нее были положены три записки-жеребья с названиями княжеств – Лигница, Брига и Волау. Затем гофмаршал [Логау? – М.Н.] велел бедному сироте, сыну пивовара, Георгу Пашке вынуть жребии из чаши и вручить их с подобающим поклоном присутствовавшим там трем августейшим братьям.³ В результате жеребьевки Георгу отошел Бриг, Людвиг получил Лигниц, Христиану досталось Волау.

¹ *Lucae, Friedrich*. Schlesiens curieuse Denckwürdigkeiten/ oder vollkommener Chronica Andrer Theil. Franckfurt am Mäyn/ In Verlegung Friedrich Knochen. M. DC. LXXXIX. S. 1325.

² *Scheibel M.J.E.* Geschichte der seit dreihundert Jahren in Breslau befindlichen Stadtbuchdruckerei als ein Beitrag zur allgemeinen Geschichte der Buchdruckerkunst. Breslau 1804. S. 42–66.

³ *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämmtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 714.

Во время реорганизации штатов княжества Логау был выдвинут на первое место среди других советников и получил титул «герцогского советника в Бриге и Лигнице». Летом 1654 года герцог Людвиг со всем своим двором переехал в Лигниц; вместе с ним туда же отбыл и Логау. В Лигнице поэт поселился на Бурггассе, в приходе евангелической церкви Пресвятой Богородицы (Либфрауэнкирхе).

Historia morbi.¹ Позднейшим исследователям жизни и творчества Логау пришлось восстанавливать биографию поэта буквально по крупицам, собирая разрозненные факты и перерывая сотни источников в поисках немногих уцелевших документов. Но даже и до сего дня мы не знаем ни точной даты рождения поэта, ни датировки некоторых важных событий его жизни. Неизвестна и причина его смерти, – можно лишь предполагать, что ею послужил один из тех хронических многолетних недугов, которыми, судя по отдельным признаниям в его стихах, страдал поэт.

Среди трех с половиной тысяч стихотворений Логау встречается около двух десятков эпиграмм, темой которых является подагра. Впервые о ней было упомянуто в раннем сборнике 1638 г., когда поэту было 33 года.² Тема подагры считается одной из распространенных в европейской сатире, и поэтому сатирические эпиграммы Логау на тему этого недуга можно было бы считать всего лишь вариациями общего места. Однако этого нельзя сказать о тех эпиграммах, в которых поэт совершенно недвусмысленно говорит о себе самом. Эпиграммы этого рода начинают появляться в последние годы жизни поэта: это, в частности, эпиграмма «Подагра» („Die Gicht“, II,3,4), написанная в начале 1650 г., когда Логау исполнилось 45 лет:

Коль при подагре выпивать,
То можно слечь иль захромать, –
Но нет досадней огорченья,
Коль тершит рот ноги правленья.

Слово „Gicht“ по-немецки означает не только подагру: оно использовалось в старину «для всех видов параличей, воспалений, ревматизмов, судорог и спазмов, напр. также для апоплексического удара [...] Слово... первоначально означало также наведенную колдовством (сглазом, наговором) болезнь».³ В одноименной эпиграмме (II,5,70), написанной осенью того же года, Логау уже недвусмысленно описывает симптомы недуга, которым страдает:

Покинув голову и грудь, сошла подагра в ногу;
Сдается мне, она назад запомнила дорогу.

В двестишести «Подагрическое» (III,4,67), написанном год спустя, по всей вероятности – в Брокуте, поэт добавляет к прежним симптомам новые:

Кто в жилище деревянном терпит злые боли,
У кого и в теле – камни, и в суставах – соли?

В эпиграмме «Каменная болезнь» (I,7,33), написанной им в начале 1643 г., т.е. в возрасте 38 лет, Логау говорит о еще одном заболевании, которым он, судя по всему, также давно страдал:

¹ «История болезни» (лат.).

² См. выше (1.2.3).

³ Berger U. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte. Eine Auswahl. Berlin 1967. S. 250.

Кто для ямы гробовой
Носит в теле камень свой?
Я тем благом обладаю,
И завистников не знаю.

Одним из наиболее красноречивых свидетельств поэта о его физическом состоянии в последние годы его жизни можно назвать эпиграмму «Вино и подагра» (III,8,58), написанную весной 1652 г.:

Мне пришли от Иппокрены, Аполлон, бутылку влаги;
Освежив свой ум, доверю рифмы добрые бумаге.
Не наездник на Пегасе твой поэт с недавних пор:
Ведь, подагрою разутый, днесь остался я без шпор.

В середине XVIII в., спустя столетие после выхода в свет собрания эпиграмм, поэт Иоганн Людвиг Глейм (1719–1803) обнаружил в приобретенном им экземпляре «Трех тысяч немецких рифмованных речений» шесть неизвестных эпиграмм Логау, не вошедших в полное собрание и нигде до той поры не опубликованных. Стихотворения были вписаны на переднем форзаце книги, вне всякого сомнения, рукой самого поэта: об этом свидетельствует идентичность почерка, которым они написаны, с известными автографами Логау. Это позволяет предположить, что эпиграммы, найденные в книге, были созданы уже после ее выхода в свет, т.е. в течение последнего года жизни поэта. Экземпляр книги, принадлежавший Глейму, ныне хранится в Глеймхаусе – мемориальном музее поэта в г. Хальберштадте (земля Саксония-Ангальт, ФРГ). Среди открытых им текстов находится единственное в своем роде автобиографическое стихотворение, в котором Логау скрупулезно изображает свое физическое состояние в заключительном периоде жизни: это описание доказывает, что все его прежние многочисленные эпиграммы на тему подагры не были всего лишь обыгрыванием одного из «общих мест» европейской эпиграмматической поэзии:

Я слаб от колотья, от спазмов искривлен;
Меня сломила резь; движенья я лишен, –
Ведь сухожильями уже не управляю;
Мне селезенка – враг; в желудке боль гнетет;
С руками в ссоре я: все то – подагры плод.
Не виноват ни в чем, при жизни умираю.

Смерть и погребение. Фридрих фон Логау скончался в Лигнице в ночь с субботы 24-го на воскресенье 25-е июля 1655 года в возрасте пятидесяти с половиной лет.¹ Дата смерти поэта указана в заглавии анонимной траурной оды «Песнь скорби. О безвременной и горестной кончине высокородного и рыцарственного господина Фридриха фон Логау из Брокута, именитого советника правительства княжеств Лигниц и Бриг. О том, как покинул он сей свет в Лигнице 24 июля 1655 года».² Эпикедий был

¹ *Seelbach U.* Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 3*–7*.

² [*Wencel Scherffer von Scherfferstein*]. Thränen-Getjchte. Uber den Frühzeitigen und Traurigen Fall Deß Hoch- und Wohl-Edelgebohrnen und Gestrengen Herren Friedrichs von Logaw von und auff Brocket / Fürstl. Liegn. und Briegischen Vornehmen Regierungs-RATHES / Alß er die Welt gesegnet In Lignicz/ Den 24. Julii An. 1655. Gedruckt In der Fürstlichen Residentz-Stadt Liegnitz/ durch

написан близким другом Логау – поэтом Венцелем Шерфффером. Другим источником датировки кончины поэта является его надгробная эпитафия, текст которой известный библиограф, ректор лигницкой гимназии Иоганн Синапий (1657–1725) приводит в своем трактате «О силезском дворянстве часть вторая, или продолжение Силезских редкостей» (1728): согласно ей, Фридрих фон Логау скончался 25 июля.¹ Как можно предположить, смерть наступила ночью во время сна, и утром в воскресенье 25-го июля 1655 года близкие поэта нашли его в постели уже усопшим.²

Квартира поэта в доме на Бурггассе была настолько тесной, что гроб с его телом, для прощания и совершения положенных молитв, пришлось перевезти на Фрауэнгассе, в дом одного из сослуживцев покойного по герцогской камер-коллегии. Согласно записи в церковной книге Либфрауэнкирхе, «...звонарь здешней церкви вместе со звонарем от св. Иоанна прочли молитвы над гробом, и остались [их] дочитывать близкие в доме...».³ День погребения Логау был отложен почти на месяц из-за того, что на похороны столь важного должностного лица – гофмаршала и члена герцогского правительства – следовало дожидаться прибытия всех высокопоставленных лиц княжества и членов их семей, а также родственников самого умершего. Как гласит церковная запись, 15 августа «по советнику правительства княжества Лигниц Фридриху фон Логау звонили в колокол»; далее следует другая запись: «22 августа был их благородие г-н Фридрих фон Логау, советник правительства княжества Лигниц, похоронен при княжеской церкви св. Иоанна, по нему дважды звонили в колокол, и г-ну настоятелю было уплачено 2 рейхсталера и 24 грошена. Но, поскольку он умер в приходе Бурггассе и оттуда был перевезен, то [его] близкие должны были отблагодарить г-на суперинтендента за напутственную проповедь, поэтому [его последний] путь был оплачен дважды».⁴ В момент смерти Логау его единственному сыну, Бальтазару Фридриху, едва исполнилось десять лет, а его младшей дочери, Анне Хелене, не сравнялось и шести.

В тексте оды Шерфффера содержится сообщение о месте захоронения Логау: «Там прах его почил, где Пясты почивают» (ст. 75). Речь идет о старой княжеской церкви св. Иоанна Крестителя (Штифтскирхе) в Лигнице, в которой в то время находилась усыпальница силезских герцогов. Мнение, что поэт был похоронен в некрополе при Княжеской церкви,⁵ подтверждается следующими стихами Шерфффера:

В сень роцци мы войдем, где Веста прочит благо, –
Там гроба кипарис и мрамор саркофага,
И надпись там гласит: «Лежит здесь только тело,
А добродетель ввысь, бессмертная, взлетела;
Коль вечный дух дарит дыханье плоти брэнной,
То благородного Логау жизнь нетленна».⁶

Zacharias Schneidern. См.: *Seelbach K.-U.* (Hg.). Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 212–217.

¹ См.: *Sinapius, Johannes.* Des Schlesischen Adels Anderer Theil/ Oder Fortsetzung Schlesischer Curiositäten... Leipzig und Breslau 1728. S. 371.

² *Seelbach U.* Friedrich von Logau: Biographischer Abriss // *Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine* (Hrsg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 493.

³ *Seelbach U.* Nachwort des Herausgebers // Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen 1992. S. 5*.

⁴ *Ibidem*, loc. cit.

⁵ *Ibidem*, S. 4*.

⁶ [*Wencel Scherffer von Scherfferstein*]. „Thränen-Getjchte...“, ст. 81–86.

Под «рощей» здесь, вероятно, имеется в виду церковное кладбище, а в следующем стихе находим сообщение о том, как выглядело надгробие поэта: оно было высечено из мрамора, а гроб был сделан из кипариса – вечнозеленого дерева, которое использовалось для сооружения саркофагов еще в древности, и образ которого в античности служил символом некрополя и вечного упокоения. По всей вероятности, заключительные стихи оды Шерффера перифразируют надпись, которая была выбита на надгробии. Помимо текста этой оды, мы нигде более не находим сведений или упоминаний о могиле поэта.

По обычаю той эпохи, при похоронах лиц знатного происхождения и положения, в крипте под полом церкви или на церковном кладбище, на стене храма помещали памятную таблицу с гербом и эпитафией. Известен текст эпитафии поэта на памятной доске, помещенной на стене церкви св. Иоанна Крестителя и впоследствии бесследно исчезнувшей: «В 1655 [году] 25 [августа] в возр[асте] 50 л[ет] и 26 н[едель] скончался г-н Фридрих фон Логау из Брокута, герцогский советник в Лигнице и Бриге».¹ Эпитафия поэта, как упоминалось выше, была опубликована в 1728 г., – однако Иоганн Синапий, автор публикации, не был ее первооткрывателем: за сорок с лишним лет до того ее текст был в сокращенном виде приведен в манускрипте Иоганна Генриха Кунрада (1612–1685) «Благородная Силезия, или эпитафии силезских ученых и образованных сословий, в отдельных двустихиях изложенные»,² составленном в 1685 г., но увидевшем свет, трудами издателя Каспара Шиндлера (1636–1708), только в 1706 г.:

«Р<одился> в июне мес<яце> 1604 г<ода>. Изд<ал> славн<ые>
немецк<ие> стихотвор<ения> под именем Соломона из Голау. У<мер> в
Лигнице 25 июля 1655 г<ода> в возр<асте> 50 л<ет> и 26 нед<ель>».³

Каждую из эпитафий, опубликованных в его трактате, Кунрад сопроводил латинским элегическим дистихом собственного сочинения. Двустихие, составленное им для Логау, гласило:

Гений тевтонский твой в стихе подражает Катуллу;
Песнь, соразмерну тебе, с ним Добродетель творит.⁴

Синапий, по всей вероятности, видел и скопировал эпитафию поэта в промежутке между выходом в свет первого тома своих «Силезских редкостей» (1720), в котором он ошибочно указывает дату смерти Логау,⁵ и второго тома, в котором ошибка была исправлена. Однако уже в 1724 г. врач из Хайнау под Лигницей Иоганн Петер

¹ „An<no> 1655. d<ie> 25 [Julii] æt<ate> 50. ann<orum> 26. hebd<omadarum> starb Herr Friedrich von Logau von und auf Brockut/ Fürstl. Lignitz- und Briegischer Rath“. *Sinapius, Johannes. Des Schlesischen Adels Anderer Theil/ Oder Fortsetzung Schlesischer Curiositäten...* Leipzig und Breslau 1728. S. 371.

² *Cunradus, Johann Henricus. Jo. Henrici, Casp. Fil. Cunradi Silesia Togata, Sive Silesiorum doctrina & virtutibus clarissimorum Elogia, Singulis distichis comprehensa...* Ex Avctoris Manuscriptio... edidit Caspar Theophil. Schindlerus, Lignicensis Silesius. Lignicii, Sumptibus Hæredum Rolachianorum, Anno MDCCVI. P. 176.

³ „(N<atus> mens<e> Junio An<no> 1604. Clar<a> ed<idit> Poemat<a> Germanic<a> sub nomine Salomonis a Golavv. θ<ἀν<α>στ<ι>μος> Lignicii 25. Julii an<no> 1655. æt<ate> an<orum> 50. hebd<omadarum> 26. Epitaph.)“ – Ibidem.

⁴ „Teutonis ad genium formas tua metra Catulli, / Hinc & Virtutis par tibi surgit epos“.

⁵ *Sinapius, Johannes. Schlesische Curiositäten Erste Vorstellung...* I Theil. Leipzig und Breslau 1720. S. 610.

Варендорф (1683–1738), описывая в своем подробном путеводителе «Лигницкие достопримечательности, или Историческое описание города и княжества Лигниц в герцогстве Силезском» эпитафии в заново отстроенной церкви св. Иоанна, о надгробной надписи Логау не упоминает.¹

Судьба памятной доски поэта неразрывно связана с судьбой самой церкви св. Иоанна Крестителя. Когда, после пресечения династии силезских Пястов в 1675 г., их бывшие княжества, согласно ленному праву, отошли австрийской короне, на них была распространена повсеместно проводившаяся в крае контрреформация, в ходе которой бывшие протестантские храмы были переданы католикам. В начале XVIII в. Штифтскирхе захватили иезуиты, начавшие перестройку старинного готического здания в новом барочном стиле, благодаря чему храм приобрел свой нынешний помпезный вид. По сообщению современного «Справочника по историческим городам», «от 1714 до 1727 гг. старая церковь (с сохранением княжеского склепа как пристройки) была заменена великолепной новой церковью св. Иоанна»;² соответственно, прежняя церковь была снесена не позднее 1714 г. Таким образом, эпитафия Логау существовала в ней только до этого года, после чего ее следы теряются. Подобная же судьба, очевидно, постигла и могилу поэта, расположенную, скорее всего, возле самой церкви, – ибо, согласно традиции, чем знатнее был покойник, тем ближе к зданию церкви его хоронили. Поэтому у могилы поэта практически не было шансов сохраниться, и во время реконструкции здания она была уничтожена.

Время, не сохранившее могилы поэта и его эпитафии, не пощадило и память о нем. Не существует ни прижизненного портрета, ни какого-либо иного изображения Фридриха фон Логау. Также и монументальное собрание эпитаграмм, изданное им, после его смерти было забыто и пребывало в забвении более ста лет. Лишь в 1759 году, трудами Лессинга и Рамлера, творчество поэта было возвращено к жизни, и только в 1872 г. Густав Эйтнер впервые переиздал полное собрание эпитаграмм Логау.

Когда в 1702 г. в Бреслау скончался сын поэта, Бальтазар Фридрих барон фон Логау-Альтендорф, его огромная библиотека, в значительной части перешедшая к нему по наследству от отца, была продана его вдовой, баронессой Марией Елизаветой Сидонией, герцогу Вильгельму Эрнсту Саксен-Веймарскому (1662/1683–1728) практически за бесценок – за 5000 талеров. Для транспортировки книжного собрания из Бреслау по Одере потребовалось три грузовых судна, а опись содержавшихся в нем книг составила 464 мелко исписанных листа *in folio*.³ Библиотека Логау, так называемая „Logaviana“, включающая 6627 пергаментных томов, стала впоследствии одним из наиболее ценных и уникальных собраний книжного фонда первой публичной «княжеской библиотеки» Германии – библиотеки герцогини Анны Амалии в Веймаре, которую Гете называл «храмом облагораживания человечества».⁴

¹ *Wahrendorff, Johann Peter*. Lignitzische Merckwürdigkeiten oder historische Beschreibung der Stadt und Fürstenthums Lignitz im Herzogthum Schlesien [...]. Budißin 1724. S. 149–178.

² *Weczerka, Hugo*. Handbuch der historischen Stätten: Schlesien. 2. Aufl. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2003. S. 291.

³ *Eitner G.* Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Tübingen 1872. S. 718.

⁴ Во время пожара библиотеки в 2004 г. большая часть «Логавианы» погибла. – *М.Н.*

ЭПИГРАММЫ ЛОГАУ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Эпиграммы Логау в зарубежных переводах XIX – XXI вв.

Поэзия Фридриха фон Логау на протяжении двух последних столетий переводилась на ряд иностранных языков, и прежде всего – на английский, польский и русский. Первые зарубежные переводы эпиграмм Логау, – а именно на английский язык, – появились сравнительно поздно: в середине XIX столетия. Их автором был американский поэт Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882), включивший в свой сборник «Башня в Брюгге» (1845) раздел под названием «Рифмованные речения. Из эпиграмм Фридриха фон Логау, семнадцатое столетие». Мастерски переведенные Лонгфелло двенадцать эпиграмм Логау, среди которых были как сатирические, так и дидактические и религиозные образцы, вошли во все собрания сочинений этого автора:

Truth.
When by night the frogs are croaking, kindle but a torch's fire,
Ha! how soon they all are silent! Thus Truth silences the liar.¹

[Die Wahrheit (2Z,65).
Wann die Frösch im finstren quaxen/ zünde nur ein Windlicht an
Ey wie werden sie bald schweigen: Wahrheit stillt den Lügenman.]²

Однако уже у Лонгфелло выступила на первый план тенденция, подхваченная затем всеми без исключения как зарубежными, так и отечественными переводчиками Логау, – тенденция произвольного отбора немногих случайных текстов, без системного подхода и пропорциональной объективной репрезентации творчества поэта. В процентном отношении от общего количества стихотворений Логау подборки его переводчиков во все времена представляли собой ничтожно малую величину.

Как упоминалось выше (3.1.3), во 2-й пол. XIX в. английская писательница Кэтрин Уинкворт, в подготовленной ею антологии «Христианские певцы Германии» (1869), впервые познакомила с поэзией Логау британских читателей.³ Из пяти религиозных эпиграмм, опубликованных ею, две были взяты из переводов Лонгфелло, остальные представляют собой ее собственные добросовестные переложения. Свою публикацию Уинкворт увенчала одой „Epitaph on his wife“ («Эпитафия его супруге»),⁴ – как, в автобиографическом духе, назвала это стихотворение переводчица. По этому заглавию можно судить о весьма поверхностной осведомленности составительницы в том, что касается биографии поэта. Ниже мы приводим один из образцов «переводческого искусства» Уинкворт:

¹ *Longfellow H.W.* The Germanic Poems. Poetic Aphorisms (from the Sinngedichte of Friedrich von Logau, seventeenth century) // *Longfellow H.W.* Complete poetical works of Henry Wadsworth Longfellow. Boston and New York, 1893. P. 616.

² «Правда. Когда лягушки квакают во тьме, только зажги фонарь: как быстро они умолкают! Так и лжец немеет от правды». (Здесь и далее даются подстрочные переводы. – М.Н.).

³ *Winkworth, Catherine.* Christian Singers of Germany. London 1869. P. 230–233.

⁴ Надгробная ода «Эпитафия добродетельной жены» („Grabmal einer redlichen Frauen“) (I,10,2).

The highest good.
 In this world every man will deem
 What pleases him, is good supreme;
 But he who gains by his good hap
 These four things, sits in Fortune's lap:
 A gracious God, a loving wife,
 Calm death to end a healthful life.¹

[Das höchste Gut. (I,1,29).
 Zum höchsten Gut in dieser Welt
 Wehlt jeder/ was ihm selbst gefällt;
 Gar im Schoß sitzt der dem Glücke
 Dem gegeben sind vier Stücke:
 Ein gütig GOTT/
 Ein liebes Weib/
 Ein frischer Leib/
 Ein selig Tod.]²

Традиция, начало которой положили Лонгфелло и Уинкворт, получила в XX столетии продолжение в лице трех представителей англосаксонской германистики. Первый из них – английский литературовед д-р Сидни Х. Мур (1878–1964) – опубликовал в 1949 г. в издании «Немецкая жизнь и литература» статью «Забытый поэт: Фридрих фон Логау», в которой поместил 39 стихотворных переводов эпиграмм Логау, принадлежащих, главным образом, к антипридворной критике, сатире на моду и на характерные типы. Относительно качества переводов Мура можно заметить, что он допускает и формальные вольности, и неточности рифмовки, и даже превращает двустопишия в четверостопишия (что, впрочем, практиковал еще Рамлер). Иными словами, после блестящих переводов Лонгфелло в работах его последователей наблюдается заметный дрейф в сторону так называемой *licentiae translatoris*.³

Awhile back a man who would study the law
 In five years could learn it – no faster!
 But that which is practised now, thanks to the War,
 Takes less than five days to master.⁴

[Rechts-Lernung (I,7,14).
 Wann einer wil das Recht studiren/
 So muß fünff Jahr er dran verlieren:
 Das Recht/ das Krieg jetzt eingeführet
 Wird bey fünff Tagen außstudiret.]⁵

¹ *Winkworth, Catherine*. *Christian Singers of Germany*. London 1869. P. 232.

² «*Высшее благо*. Высшим благом в этом мире каждый считает то, что ему нравится. Прямо в лоне у счастья сидит тот, кому даны эти четыре вещи: милостивый Бог, любимая жена, здоровое тело, блаженная смерть».

³ «Переводческой вольности» (лат.).

⁴ *Moore, Sydney H*. *A Neglected Poet: Friedrich von Logau // German Life & Letters*. Vol. 3, Iss. 1. 1949. P. 13.

⁵ «*Изучение права*. Когда кто-то хочет изучать право, то он должен потратить на это пять лет; право, которое ныне вводит война, выучивают за пять дней» (нем.).

Джордж К. Скулфилд (*1925), критик, издатель и исследователь европейских литератур из университета г. Цинциннати (США), опубликовал в 1961 г. антологию «Лирика немецкого барокко в английских переводах», включающую восемнадцать эпиграмм Логау, среди которых – три религиозные, две гномические и тринадцать обличительно-сатирических.¹ Подборка Скулфилда отчасти перекликается с переводами Лонгфелло, на что указывает ряд совпадений в выборе текстов у обоих переводчиков; качество его переводов также достаточно высокое:

Freedom.
Where this is freedom: free to follow each desire,
Then men are sows set free, delighting in their mire.²

[Die Freyheit (III,1,62).
Wo dieses Freyheit ist/ frey thun nach aller Lust?
So sind ein freyes Volck die Säw in jhrem Wust.]³

Ученик Скулфилда, профессор германистики того же университета Цинциннати Ричард Эрих Шейд (*1944) продолжил дело своего учителя, осуществив переложения восьми произведений Логау. Шесть из переведенных им текстов представляют собой полноценные эпиграммы, преимущественно сатирического типа, а два других – не что иное, как разрозненные фрагменты логауских длинных од и сатир.⁴ Подобное вычленение из контекста большого стихотворения отдельных четырехстрочных строф и придание им статуса самостоятельных поэтических произведений является безусловной творческой и переводческой инновацией Шейда. В качестве примера предлагаем выполненное им переложение первой строфы из элегии „An mein Väterlich Gut/ so ich drey Jahr nicht gesehen“ (I,3,4):

Deserted fields, my devastated ground I greet!
As I survey you all, with dewy tears we meet,
For you now are no more: Mars, that god,
Murd'rous Mars, your lands he has dwntrud. [...]⁵

[GLück zu du ödes Feld! Glück zu jhr wüsten Auen/
Die ich/ wann ich euch seh/ mit Threnen muß betauen
Weil jhr nicht mehr seyd jhr; so gar hat euren Stand
Der freche Mord-Gott Mars, grund auß herum gewand!..]⁶

¹ *Schoofield, George C.* The German Lyric of the Baroque in English Translation. Chapel Hill 1961. P. 216–221, 335.

² *Schade, Richard E.* Der englischredende Logau: Zur Rezeption der *Sinngedichte* im amerikanischen Sprachbereich // *Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine* (Hrsg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 465–488. (Anhang S. 485).

³ «Свобода. Где есть такая свобода, чтобы свободно поступать по своим желаниям, там свободный народ – свинья на своей куче» (нем.).

⁴ *Schade*, op. cit., S. 486–487.

⁵ *Ibidem*, S. 486.

⁶ «К моему фамильному имени, которого я не видел три года. Привет тебе, заброшенное поле! Привет вам, пустынные луга, которые я, видя, должен окропить слезами, потому что вы – не то, чем вы были: настолько разорил все вокруг дерзкий бог убийства – Марс...»

С другой стороны, традиция произвольного удаления заглавий у всех переводимых эпиграмм, которой Шейд также неукоснительно придерживается, напротив, в обычае у большинства современных переводчиков, убежденных, что эпиграмм с заглавием в природе быть не должно. В отношении формальной специфики оригиналов Шейд довольно точен и честно воспроизводит в своих работах даже и такие стилевые особенности поэтики барокко, как антитеза и хиазм, – в отношении же соблюдения размера оригинала его переложения нередко оставляют желать лучшего:

This book it is the moon,
Readers are its sun;
So that as solar noon, moon
Reflects the other one.¹

[An die Leser (I,1,73).
Dieses Buch/ soll Monde seyn;
Leser aber/ seine Sonnen/
So/ daß durch der Sonnen Schein
Auch der Monde sey entbrunnen.]²

Не одни только англосаксы проявили пристальное внимание к поэтическому наследию силезского эпиграмматиста: в Польше, к которой после 1945 г. отошла вся старая силезско-немецкая словесность, поэзия Логау также обрела своих «переводчиков». Литературовед-германист из Вроцлава (бывш. Бреслау) проф. Мариан Широцкий (1928–1992), в соавторстве с другим известным польским филологом – профессором германистики университетов Лодзи и Вроцлава Здиславом Жигульским (1888–1975), издали в 1957 г. в Варшаве антологию-билингву под названием «Силезцы. Сборник произведений силезско-немецких писателей XVII века в оригинальных текстах и польских переводах». Отсутствие в книге каких-либо сведений о переводчиках стихотворных текстов, а также сравнительно скромные художественные достоинства собственно переводов позволяют заключить, что их творцами являются непосредственно сами издатели:

Czymże jest służba cesarska?
Dla chłopów zguba, dla wojaków zyskiem.
Chłop pełni służbę, a wojak tuczy się nią;
Tamtego za to jeszcze karza, a temu dają nagrodę.³

[Käyserl. Dienst. (I,8,41)
Was ist es für ein Ding, der Käyserliche Dienst?
Der Bauern ihr Verterb, der Krieger ihr Gewinn;

¹ *Schade, Richard E.* Der englischredende Logau: Zur Rezeption der *Sinngedichte* im amerikanischen Sprachbereich // *Althaus, Thomas und Seelbach, Sabine* (Hrsg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York 2006. S. 486.

² «К читателю. Пусть эта книга будет луной, а читатель – ее солнцем, чтобы от света солнца светила бы и луна».

³ *Szyrocki, Marian i Żygulski, Zdzisław.* Silesiaca. Wybór z dzieł pisarzy śląsko-niemieckich XVII wieku w tekstach oryginalnych i polskich przekładach. Warszawa 1957. S. 59. Подстрочный перевод: «Что такое императорская служба? / Для крестьян – погибель, для военных – прибыль. / Крестьянин несет службу, а солдат на ней наживается; / Этого за нее наказывают, а того награждают» (польск.).

Der Bauer thut den Dienst, der Krieger sagt davon;
Noch strafft man jenen noch, und diesem gibt man Lohn.]¹

Выбор авторов и их произведений в антологии весьма скуп, за исключением обширного раздела, посвященного Венцелю Шерфферу фон Шерффенштайну как переводчику «Фрашек» Яна Кохановского (1530–1584). Раздел сборника, озаглавленный «Фридрих Логау» (без дворянской частицы «фон»), включает пять эпиграмм, переведенных, как можно видеть по приведенному выше образцу, свободным стихом без размеров и рифм, за исключением лишь одного рифмованного двустишия, у которого, впрочем, – как и у других «переводов», – опущено заглавие:

Stany należy rozróżniać; chłać nie wolno każdemu,
Chłopów karze się za chłanie, chłać przystoi tylko szlachetnemu.²

[Gerechtigkeit zum sauffen (1Z,160).
Stände/ soll man vnterscheiden; sauffen/ soll nicht Jederman:
Bauren straffe man ums sauffen; sauffen steht den Edlen an.]³

Излишне было бы говорить о том, что выбор стихотворений Логау в антологии Широцкого и Жигульского показывает его как поэта, сатирического по преимуществу.

В заключение необходимо упомянуть еще один, хотя и довольно курьезный, случай представления поэзии Логау на «иностранным языке». В 1985 г. немецкими эсперантистами Вильгельмом Германом и Хельмутом Рёсслером были переложены, для издаваемой ими антологии немецкой лирики «от истоков до 1700 года», 35 эпиграмм поэта, в основном гномического и сатирического характера.⁴

2. Эпиграммы Логау в советских и постсоветских переводах XX – XXI вв.⁵

Первые переводы поэзии Логау появились в советской литературе в 1940 г., когда в разделе «Немецкая литература» подготовленного Б.И. Пуришевым учебного издания «Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII в.» были опубликованы

¹ *Императорская служба*. Что это за штука, императорская служба? / Для мужиков – гибель, для военных – прибыль. / Мужик службу несет, солдат о ней говорит, – / Но этого наказывают, а того награждают».

² Szyrocki, Marian i Żygulski, Zdzisław. Silesiaca. Wybór z dzieł pisarzy śląsko-niemieckich XVII wieku w tekstach oryginalnych i polskich przekładach. Warszawa 1957. S. 59.

³ «Справедливое пьянство. Следует различать сословия; не должно пьянствовать каждому: крестьян за пьянство штрафуют, пьянствовать положено только благородным» (нем.). Польский перевод эпиграммы по смыслу адекватен немецкому оригиналу. – М.Н.

⁴ Brodt, Ortwin (Hrsg.). Germana Antologio (edke la plei frua epoko ĝis ĉ. 1700). Übersetzt von Wilhelm Hermann u. Helmut Rössler. Gerlingen 1985. См: *Palme A.* „Bücher haben auch ihr Glück“. Die Sinngedichte Friedrich von Logaus und ihre Rezeptionsgeschichte. Erlangen und Jena 1998. S. 206.

⁵ Ввиду того, что в научном обороте положено находиться лишь официальным публикациям, мы рассматриваем в настоящем разделе только тех отечественных авторов, чьи переводы были в свое время опубликованы в официальных печатных органах: журналах, авторских сборниках, антологиях, хрестоматиях и т.д. Публикуемые в последнее время в Интернете многочисленные любительские переводы из Логау оставлены за рамками данного обзора. – М.Н.

переводы четырнадцати эпиграмм силезского поэта. Их автором был известный советский поэт-переводчик и полиглот Осип Борисович Румер (1883–1954), – переводчик Хайяма, Мицкевича, Чосера, Спенсера, Сидни, Шекспира и других авторов. В своих переводах Румер, по его собственным словам, добивался «соединения возможно большей точности в передаче подлинника с наилучшим звучанием русского стиха»,¹ – и, действительно, работы этого мастера поражают совершенством исполнения, классической стройностью и гармонией формы и смысла:

Людской век.

Младенчество себя не помнит никогда;
Сознания лишены все детские года;
Век юный суетен, век зрелый полн забот,
Старик же – что дитя. Вот нашей жизни ход!²

[Deß Menschen Alter (II,2,23).

E]n Kind; vergist sich selbst: ein Knabe; kennt sich nicht:
Ein Jüngling; acht sich schlecht: ein Mann; hat jimmer Pflicht:
Ein Alter; nimmt Verdruß: ein Greiß; wird wieder Kind:
Was meinstu/ das doch diß für Herrlichkeiten sind?]³

Последующие, редкие и небольшие по объему, публикации переводов эпиграмм Логау, выходившие в СССР во второй половине XX в., были преимущественно сатирическими и социально-критическими по своему составу. В отношении уровня мастерства поэтического перевода работы представителей старшего поколения советских переводчиков, принадлежавших к академической школе, были выше всяких похвал, отличаясь высочайшей степенью точности и адекватности оригиналу. Верные традициям русской классической литературы, эти старые мастера бережно воспроизводили сюжеты и реалии переводимых ими стихотворений, скрупулезно передавая стихотворный размер, стилистику и другие особенности текстов, вплоть до характера концевых рифм, и лишь изредка допуская отдельные просчеты, нарушения смысла или стилистические нонсенсы, наподобие «государевой службы» и «государевой милости» в переводах того же Осипа Румера:

Государева милость.

Образ милостей монарших – волны в дол бегущих рек:
Направленья их случайно, полон прихоти их бег.⁴

[Fürsten-Geschencke (II,2,14).

Fürsten-Gaben sind wie Bäche/ stürzten jimmer gegen Thal/
Treffen so nur/ wie sie treffen/ ohngefähr vnd ohne Wahl.]⁵

¹ Цит. по: Аникст А. Предисловие // Румер О. Избранные переводы. М., 1959. С. 4.

² Пуришев Б.И. (Сост.). Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 264.

³ «Человеческий век. Ребенок забывает себя самого; мальчик себя не знает; юноша себя мало уважает; взрослый вечно занят; старик сердится на все на свете; старец снова становится ребенком: отчего же ты думаешь, что все это – радости?» (нем.).

⁴ Пуришев, там же.

⁵ «Княжеские дары. Даяния князей подобны ручьям, что всегда устремляются в долину, но текут так, как текут, – случайно и без разбора».

В середине 50-х гг. XX в. на смену Румеру пришел новый блестящий мастер – петербургский сатирический поэт Борис Николаевич Тимофеев-Еропкин (1899–1963), публиковавшийся под псевдонимами «Борис Тимофеев» или «Б. Тимофеев». Его перу принадлежат переводы восьми эпиграмм Логау непревзойденного качества:

Мир и Ноев ковчег.
 Наш современный мир – совсем как тот ковчег:
 В нем всюду виден зверь и редок человек.¹

[Die Welt/ vnd der Kasten Noah (I,6,15).
 Deß Noah Wunder-Schiff ist ähnlich vnsre Welt;
 Weil mehr sie wilde Thier/ als Menschen/ in sich hält.]²

Внимательного исследователя не может не заинтересовать также загадка личности анонимного переводчика, который публиковался под инициалами «Д.М.» и жил, судя по всему, приблизительно в 1890–1960 гг.; его настоящее имя, даты жизни и биография неизвестны. Раскрыть тайну его инициалов нам не удалось. Перу Д.М. принадлежат четыре перевода из Логау, опубликованные в упоминавшемся выше (3.1.5) очерке Р.М. Самарина «Мартин Опиц и поэты его школы» в учебном пособии «Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века» (1954), – но даже в этих немногих строчках видна высокая культура филолога старой формации:

Как турецкие султаны, властвовать попы желают:
 Те, чтоб скиптра не лишиться, кровных братьев умерщвляют;
 Церковь так же в деле веры к полновластию стремится,
 Сжить с лица земли готова всех, кто ей не подчинится.³

[Eifrige Geistlichen (II,8,20).
 WJe ein Ottomannisch Käyser/ wollen Geistliche regiren
 Der/ den Scepter zu versichern läst die Brüder stranguliren:
 Also sie in Glaubens-Sachen wollen herrschen/ vnd die Brüder
 Lieber räumen von dem Brote/ wann sie jhrem Wahn zu wider.]⁴

На этих трех именах заканчивается «золотой век» русских переводов эпиграмм Логау. Новый этап в истории перевода поэзии Логау в СССР связан с именем Л.В. Гинзбурга (1921–1980). Видный мастер советского поэтического перевода, Лев Гинзбург был представителем поколения, пришедшего в литературу после Второй мировой войны. Это наложило свой отпечаток на его подход к тематической специфике немецкой литературы эпохи барокко: в отличие от старых филологов, Гинзбург привнес в данную область свое собственное понимание, основанное на сходстве исторических эпох, ознаменованных двумя общеевропейскими войнами. Вслед за Иоганнесом

¹ Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955. С. 289.

² «Мир и Ноев ковчег. Чудесный корабль Ноя подобен этому миру, потому что он содержит в себе более диких животных, нежели людей» (нем.).

³ Самарин Р.М. Мартин Опиц и поэты его школы // Виннер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954. С. 765–766.

⁴ «Неистовое духовенство. Духовенство хочет ныне править, как османский султан: тот, чтобы обеспечить себе скипетр, позволяет задушить своих братьев; так же и они хотят господствовать в делах веры, и охотно лишат братьев хлеба насущного, если те слишком противятся их заблуждениям» (нем.).

Бехером (1891–1958), называвшим первую половину XX столетия «эпохой второй Тридцатилетней войны»,¹ Гинзбург рассматривал поэзию немецкого XVII века как «поэзию времен Тридцатилетней войны», и творчество самых разных авторов, живших в то время, – в ракурсе их хронологической причастности к упомянутому историческому событию. Это понимание отразилось в названиях его сборников, вышедших в 60-е – 70-е гг. минувшего столетия, например: «Слово скорби и утешения: Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618–1648» (1963).

Свой подход к специфике стихотворного перевода и отношение к проблеме адекватности переводного текста в целом Гинзбург с подкупающей прямоотой раскрыл в своем автобиографическом романе-эссе «Разбилось лишь сердце мое...», вышедшем посмертно в 1983 г. С отдельными теоретическими положениями автора романа трудно не согласиться: «Большинство наших бед происходит оттого, что нарушаются границы жанра: начинают поэтизировать подлинник, досочинять за автора, фантазировать или навязывать тексту свое истолкование. Самым же бессовестным нарушением переводческой этики является небрежение к подлиннику, забота о собственной литературной персоне. У нас иной поэт-переводчик обеспокоен тем, чтобы его перевод звучал так, как если бы и оригинала в природе не существовало: „звучит как по-русски!“... Но нет! надо, чтобы не только „как по-русски!“»²

Однако в другом месте своего сочинения Гинзбург высказывает нечто диаметрально противоположное: «Я убежден, что каждый перевод не может не содержать в себе внутренней темы, которую привносит в свой труд переводчик, нет перевода без „сверхзадачи“». Роман содержит и ряд других, еще более откровенных признаний переводчика, касающихся его творческого метода: «В переводах я полней выражал себя, чем в стихах собственных». И даже так: «Я пытался с помощью своих переводов сказать, чем жил, что думал о жизни, чего хотел от нее. Выражал я через них и радость молодости, и грубое наслаждение плотью, напор и лихость, жившие во мне, тогда молодым. Всегда мне хотелось хлестнуть читателя чрезмерной, почти недозволенной смелостью (в смысле грубости, эротической ярости)...»³

Высказанная в этих откровенных признаниях программная творческая установка Гинзбурга закономерно наложила свой отпечаток на все без исключения работы этого мастера. Высокопрофессиональные по своим качествам, они, тем не менее, далеко не всегда верны оригиналу и нередко трактуют переводимый текст достаточно свободно, игнорируя его формальные и содержательные особенности. Здесь и примеры несоблюдения авторской концепции, и нарушения стилистики, и игнорирование использованных в тексте риторических приемов, и многочисленные добавления «от переводчика», – от отдельных стихов до целых строф, – и длинный ряд других «переводческих вольностей». Самый обезличенно-общелитературный тон этих переложений, выглядящих как стилизации под некий условный трафарет, далек от подлинного звучания барочной эпиграммы, и в особенности эпиграмм Логау – простых и выразительных, содержательных и точных в передаче тончайших оттенков смысла. В полном соответствии с творческой задачей Гинзбурга, как он сам ее сформулировал, его «переводы» из Логау, так же как и другие его переложения из поэзии той эпохи, с полным основанием могут быть определены как собственные поэтические произведения Льва Гинзбурга, написанные «по мотивам» поэзии немецкого барокко. В качестве характерного примера приведем одно из его переложений:

¹ См.: Шаулов С.М. Ранняя лирика Иоганнеса Р. Бехера и национальная поэтическая традиция. (Дисс.). Воронеж, 1982. С. 97.

² Гинзбург Л. «Разбилось лишь сердце мое...». М., 1983. С. 66.

³ Там же, с. 8–9. (Курсив наш. – М.Н.).

Наши песни.

Звучат в иной германской саге
 Напевы дедовской отваги.
 Но что к тебе, мой дальний внук,
 Дойдет из бездны наших мук?
 Вопль исступленья, посвист плети –
 Вот песни нашего столетья.¹

[Die vnartige Zeit (I,1,71).

Die Alten konten frölich singen
 Von tapffern deutschen Heldens-Dingen
 Die jhre Väter außgeübet/
 Wo Gott nach vns ja Kinder gibet/
 Die werden vnsrer Zeit Beginnen
 Beheulen/ nicht besingen können.]²

Судя по вышеприведенному «переводу», в котором от Логау остались разве что первые два стиха, Гинзбург успешно привнес в эпиграмму свою «сверхзадачу» и «выразил себя» со всей возможной полнотой. По этому тексту можно видеть степень адекватности переложений Гинзбурга оригиналам переводимых эпиграмм. Невольно возникает вопрос: к чему служит все это плетение словес? Откуда взялся этот, никогда не упоминавшийся поэтом при его жизни, «дальний внук»? Где у Логау эта «бездна мук»? И что это за «вопль исступленья», «посвист плети»? Пусть повседневная реальность Германии эпохи Тридцатилетней войны была порой очень страшна, – но ее нельзя даже сравнивать, к примеру, с московской или турецкой реальностью того же времени. И так ли уж нужны Логау все эти сомнительные и непрошенные «улучшения» Гинзбурга? Для чего понадобилось последнему подменять высокий и скорбный смысл оригинала штампованной патетикой и газетными трюизмами, рождающими представление не о моральном упадке немцев в военные и послевоенные годы, а о каких-то страданиях «угнетенных негров» на американских плантациях? Вероятно, учитывая отмеченную выше установку переводчика на «самовыражение» и «сверхзадачу», следует понимать все это как закамуфлированный под «историческую правду» протест знатного советского литературного бонзы против тягот жизни в тоталитарном государстве, – и, в таком случае, «вопль исступленья, посвист плети» – это именно и есть «наши песни», как сказано в заглавии перевода? Так или иначе, но к оригиналу Логау, как и к стоящей за ним жизненной правде, все это в равной степени не имеет ни малейшего отношения, – хотя и звучит, действительно, «как по-русски».

Поскольку автор вышеприведенного переложения – признанный мастер стихотворного перевода и знаток немецкого языка, то, следовательно, не может быть и речи о каком-либо неумении или недопонимании, как следствии, например, перевода с подстрочника. Перед нами, очевидно, не что иное, как воплощение известного принципа советского поэтического перевода: «Чтобы приблизиться к подлиннику, нужно от него отдалиться». Мера «отдаления» и степень «приближения» остаются за гранью данного парадокса и отданы, по-видимому, исключительно на усмотрение самих «переводчиков». Вот еще один не менее типичный образец:

¹ Гинзбург Л. Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618-1648. М., 1963. С. 66.

² «Скверный век. Наши предки могли радостно воспевать / Героические немецкие подвиги, / Которые совершили их отцы. / Но если Бог еще даст нам детей, / То им деяния нашего времени / Придется не воспевать, а оплакивать» (нем.).

Исполнение желаний.

Всего, о чем мечтал, к чему всю жизнь стремился,
 Посредством смерти я в конце концов добился:
 Я умер на войне и приобрел свой дом,
 И ни война, ни смерть меня не тронут в нем.¹

[Ein Vertriebener/ redet nach seinem Tode (I,8,70).

Was mir nie war vergunt bey meinem meisten Leben/
 Das hat mir nun der Tod nach meinem Sinn gegeben/
 Ich mein ein eigen Haus; darauß mich mehr kein Tod
 Kein Teuffel/ kein Tyrann/ vertreibt/ vnd keine Noth.]²

Сюжет псевдоэпитафии Логау основан на реальных исторических событиях: массовом бегстве протестантов из Силезии вследствие насильственного окатоличения края, – так называемой контрреформации. Под «тираном» здесь имеется в виду австрийский император Фердинанд II Габсбург (1578/1618–1637), который и воздвиг гонение на «еретиков», т.е. кальвинистов и лютеран. Лютеранина Логау, советника и гофмаршала при дворе герцога-кальвиниста, все это касалось непосредственно, поскольку преследованиям подвергались его единоверцы, и тема религиозных гонений встречается в его эпиграммах неоднократно. Все эти исторические детали в переложении Гинзбурга опущены, изменены также заглавие четверостишия и образ «лирического героя» эпиграммы: неудобный для «советских» читателей «изгнанник» (т.е. мученик за веру) заменен «жертвой» всем в России понятной и близкой «войны». Так обращался «переводчик» Гинзбург с авторским замыслом и выраженной в чужом тексте исторической правдой. В качестве еще одного примера приведем приамельную сатирическую эпиграмму Логау, направленную против так называемого „homo politicus“, – конкретного исторического явления, широко известного в Западной Европе XVII в. социального типа придворного авантюриста эпохи абсолютизма, – которую Гинзбург превратил в банальную сатиру на советское карьерное приспособленчество:

Житейская мудрость.

Быть одним, другим казаться,
 Лишний раз глухим сказаться,
 Злых, как добрых, славословить,
 Никому не прекословить,
 Притворяться, лицемерить,
 В то, во что не веришь – верить,
 Чтоб не влипнуть в передраги,
 О своем лишь печься благе, –
 И, хоть время наше бурно,
 Сможешь жизнь прожить недурно.³

¹ Гинзбург Л. Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618-1648. М., 1963. С. 64.

² «Изгнанник говорит после смерти. То, чего мне почти всю мою жизнь не суждено было иметь, то ныне, по моему желанию, дала мне смерть: я имею в виду собственный дом, из которого меня уже не изгонят ни смерть, ни дьявол, ни тиран, ни нужда».

³ Гинзбург Л. Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618 – 1648. М., 1963, с. 66.

[Heutige Welt-Kunst. (I,9,71)
 ANders seyn/ vnd anders scheinen:
 Anders reden/ anders meinen:
 Alles loben/ alles tragen/
 Allen heucheln/ stets behagen/
 Allem Winde Segel geben:
 Böс- vnd Guten dienstbar leben:
 Alles Thun vnd alles Tichten
 Bloß auff eignen Nutzen richten;
 Wer sich dessen wil befleissen
 Kan politisch heuer heissen.]¹

Как это было принято в советском литературоведении, Гинзбург оценивал эпиграммы Логау с «общественно-политической» точки зрения, о чем он сам сообщает в своем романе и других своих публикациях: «...Лессинг открыл *политические* эпиграммы Фридриха Логау». ² Именно «политические» тексты он и создавал, и сам Логау предстает у Гинзбурга в образе «общественно-политического» поэта. Впрочем, отбирая для перевода и публикаций почти сплошь социально-критические образцы, Гинзбург, несомненно, понимал и роль гномической тенденции в творчестве поэта, поскольку итоговую публикацию своих переводов из Логау в антологию «Европейская поэзия XVII века» озаглавил так: «Фридрих Логау. *Изречения и эпиграммы*». ³ В своем отношении к дворянской частице «фон» в имени поэта Гинзбург последовательно радикален и опускает ее везде, где только возможно.

В общей сложности Гинзбург опубликовал переводы шестнадцати эпиграмм Логау, по большей части нравоописательного и социально-критического содержания. И хотя, как мы видели, он далеко не был первооткрывателем в этой области, однако, в силу ряда внелитературных причин, на протяжении 60-х – 80-х гг. XX в. его работы оказались в отечественной литературе едва ли не единственными повсеместно публикуемыми переводами поэзии Логау, оттеснившими далеко на литературную обочину произведения других мастеров. Переложения Гинзбурга, до самой своей смерти в 1980 году занимавшего пост председателя секции переводчиков Московского отделения Союза писателей СССР, включались в те годы во все выходившие в стране репрезентативные подборки немецкой поэзии XVII в. и сборники эпиграмм, – от небольших, как миниатюрная антология «Немецкая эпиграмма» (1986), ⁴ и до весьма объемистых, как антология «Европейская поэзия XVII века», вышедшая в серии «Библиотека всемирной литературы» (1977). Работы других российских переводчиков Логау при жизни Гинзбурга практически не публиковались.

В единичных переложениях других российских интерпретаторов поэзии Логау, – московского переводчика-германиста Г.И. Ратгауза (1934–2011); петербургского переводчика, собирателя и исследователя эпиграмматики В.Е. Васильева (1929–2014);

¹ «Светскость наших дней. Иным быть, иным казаться; / Иное говорить, иное думать; / Все хвалить, все выносить; / Всем льстить, всегда чувствовать себя удобно; / Быть парусом для любого ветра; / Жить, служа и добру, и злу; / Каждое дело и каждое учение / Применять лишь к своей пользе; / Кто хочет в этом проявить усердие, / Тот может сегодня называться „политичным“».

² Гинзбург Л. «Разбилось лишь сердце мое...». М., 1983. С. 121; Гинзбург Л. Из лирической поэзии немецкого барокко // Новый мир. 1974. № 4. С. 170. (Курсив наш. – М.Н.).

³ Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 197. (Курсив наш. – М.Н.).

⁴ Вл. Новиков, И. Кутик (Сост.). Deutsche Epigramme / Немецкая эпиграмма. М., 1986. С. 8–13, 9–18.

профессора Полоцкого университета А.А. Гугнина (*1941); ставропольского юмориста С.Е. Ванетика (1924–2010); московского сатирика-публициста Н.Я. Энтелиса (*1927); журналиста из Ростова-на-Дону А.А. Сидорова (*1956), пишущего под псевдонимом «Фима Жиганец», и др., – творчество поэта традиционно представлено в тех же тематических аспектах. Касаемо уровня работ этих литераторов следует сказать, что после Гинзбурга, при всей относительной художественной ценности его переложений, искусство русского поэтического перевода не дало сколь-нибудь выдающихся образцов переводов логаяуских эпиграмм. Общую тенденцию проиллюстрирует переложение Ратгауза «Веры» – четверостишие (вместо двустишия в оригинале) с добавленным «от переводчика» стихом и практически уничтоженным пуантом:

Лютер, папа, Жак Кальвин –
Целых три различных веры.
Христианство где ж теперь?
Иль остались лишь химеры?¹

[Glauben (II,1,100).

Luthrisch/ Pöbstisch vnd Calvinisch/ diese Glauben alle drey
Sind vorhanden; doch ist Zweifel/ wo das Christenthum dann sey.]²

В отдельных случаях отечественные «мастера художественного перевода» полностью забывают о стилистической и культурно-исторической специфике переводимых ими стихотворений и привычно применяют в своих переложениях стилевые приемы советской сатирической школы. В качестве типичного примера можно привести одно из переложений Энтелиса:

Шумная свадьба.
Хоть будет тесно за столом,
Хоть всем не хватит чарки,
Гостей звали полный дом:
«Идут! Идут... подарки!»³

[Auff Arcadem (2Z,36).

Arcas rufft viel Hochzeit-Gäste; wo denn hat er Geld genummen?
O es sollen nicht die Gäste/ die Geschenke sollen kummen.]⁴

О создателе вышеприведенного четверостишия стоит сказать несколько слов отдельно. Известный московский поэт-сатирик, автор эпиграмм и стихотворных фельетонов на злободневную международную и внутривосточную тематику, многолетний сотрудник журнала «Крокодил», газеты «Правда», «Литературной газеты» и т.д., – таков его «послужной список». Николай Энтелис переложил всего три эпиграммы Логаяу, но все они являются образцами самого свирепого переводческого произвола. Наиболее одиозное из его творений – эпиграмма «Казус с бражником»:

¹ История немецкой литературы в трех томах. Т. 1. М., 1985. С. 194.

² «Три веры. Лютеранство, папство и кальвинизм – эти три веры у нас в наличии; / Но остается сомнение, где же тогда христианство».

³ Энтелис Н. «Все флаги в гости». 40 поэтов в переводах автора. М., 1987. С. 40.

⁴ «На Арка. Арк зовет на свадьбу много гостей – где он взял [на это] деньги? / О, это не гости должны прийти, а подарки» (нем.). Арк – имя пастушка в античной буколической поэзии.

Кто же Ганса на дорогу в снег
 Выбросил внезапно из седла?
 Это был не крепкий человек –
 Это водка крепкая была.¹

Автор настоящей диссертации долго и безуспешно пытался отыскать в собрании эпиграмм Логау оригинал, с которого было сделано это переложение, до тех пор пока сам переводчик любезно не назвал ему источник, которым пользовался, – антологию «Немецкая эпиграмма за четыре столетия», составленную супругами Анитой и Вальтером Дитце.² Лишь после этого удалось идентифицировать четверостишие, сопоставив его с исходным текстом Логау:

Auff den trunckenen Vitum. (III,4,77)
 Man warff dich/ Veit, die Stiegen ab/ du aber achst es klein/
 Sprichst: hett es nicht ein Mensch gethan/ so hets gethan der Wein.³

Кажется, кроме непосредственно описываемого в тексте действия, – падения «лирического героя» вследствие сильного опьянения, – ничто не объединяет два этих литературных произведения, и ничто даже минимально не указывает на происхождение одного от другого. Созданный переводчиком «шедевр», хотя и удовлетворительный с точки зрения эпиграмматического канона, по сути дела не имеет никакого отношения к Логау и должен, по-видимому, считаться собственным художественным произведением Н.Я. Энтелиса. Очевидно, перед нами не что иное, как вышеупомянутый принцип советского поэтического перевода в его наивысшем воплощении.

Одна из наиболее представительных публикаций поэзии Логау конца минувшего века состоялась в сборнике редактора-составителя из «Политиздата» Г.П. Лобарева (1923–1999) «Ларец острословов» (1991) – небольшой, но емкой антологии эпиграмм, стихотворных миниатюр, афоризмов и мотто самых разных авторов, от Омара Хайяма (1048–1131) до Станислава Ежи Леца (1909–1966). В разделе этой книги «Фридрих фон Логау», включающем 36 эпиграмм, наряду с работами таких мэтров поэтического перевода, как Осип Румер, Лев Гинзбург и Борис Тимофеев, впервые были опубликованы переложения двадцати эпиграмм Логау, выполненные автором настоящей диссертации, в то время еще начинающим поэтом-переводчиком.⁴

Жизнь.

Похожа жизнь на океан, а все мы – только рыбаки:
 Мечтаем выудить кита, а добываем хвост трески.⁵

¹ Энтелис Н. «Все флаги в гости». 40 поэтов в переводах автора. М., 1987. С. 40.

² Dietze, Anita und Dietze, Walter (Hg.). Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten. 2. Auflage. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1973. S. 22.

³ «На пьяного Vitum. Тебя, Файт, спустили с лестницы, но ты придаешь этому мало значения; / Говоришь: не сделай этого человек, так сделало б вино». Неговорящее имя „Vitus“, или «Витт» (в текстах эпиграмм Логау всегда использует его немецкий аналог – Файт) является одним из излюбленных «имен героев» поэта.

⁴ Лобарев Г.П. (Сост.). Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы. М., 1991. С. 36–42 (переводы О. Румера: с. 36; Л. Гинзбурга: с. 37–38; М. Новожилова: с. 38–41; Б. Тимофеева: с. 41–42). (О «достоинствах» и художественном уровне большинства «переводов» М.А. Новожилова, включенных в эту подборку, лучше всего было бы благоразумно умолчать. – М.Н.).

⁵ Там же, с. 39.

[Die Welt. (II,3,30)
Die Welt ist wie ein Meer; ein jeder geht vnd fischt/
Nur daß den Walfisch der; den Stockfisch/ er erwischt.]¹

Последней не менее представительной, хотя и не столь значительной по объему, публикацией переводов из Логау, состоявшейся в XX столетии, был раздел «Фридрих фон Логау» в III томе подготовленной В.Е. Васильевым четырехтомной антологии «Всемирная эпиграмма» (1998), включающий четырнадцать эпиграмм в переводах Румера, Тимофеева, Гинзбурга, Энтелиса и самого Васильева.² Было бы излишне уточнять, что большинство вошедших в него эпиграмм также принадлежит к сатирическому и социально-критическому направлению. Мы приводим из этой антологии образчик переводческого искусства ее составителя:

Сон Барда.
Барду снится: он мудрец,
А проснется – вновь глупец;
Снится ли, что он глупец, –
Все ж проснется не мудрец.³

[Deß Bardi Traum (I,5,67).
Bardus träumt, er wär ein Pfarr;
Wachend war er sonst ein Narr;
Ob ihm träumt, er war ein Narr,
Würd er wachend doch kein Pfarr.]⁴

Специфика вышеупомянутого переложения Энтелиса «Казус с бражником» породила, в свою очередь, другой забавный казус. Дело в том, что в разделе «Фридрих фон Логау» антологии «Всемирная эпиграмма» данное четверостишие фигурирует под № 31, и непосредственно за ним (№ 32) в этой антологии следует безукоризненно точный, классический перевод Бориса Тимофеева «На пьяницу Фейта»:

Был сброшен с лестницы наш Фейт и молвил: «Все одно!
Не сделай это человек, так сделало б вино!»⁵

Таким образом, составитель антологии даже не заметил, что поставил рядом два разных перевода одной и той же эпиграммы! Впрочем, это не единственный казус, встречающийся в данном издании, в котором, например, Ангелус Силезиус получил от российских редакторов новый, оригинальный псевдоним – «Ангелский Силез»!

В общей сложности за период 1940 – 1998 гг., то есть начиная от первой публикации поэзии Логау в СССР, – переводов Осипа Румера в «Хрестоматии по западноевропейской литературе XVII в.» Б.И. Пуришева, – и кончая подборкой в

¹ «Мир. Мир подобен морю: всякий идет и рыбачит, – / Но только, вместо кита, вылавливает треску».

² Васильев В.Е. (Сост.). Всемирная эпиграмма. Т. 3. СПб, 1998. С. 17–21. (Переводы О. Румера в этой подборке ошибочно приписаны С. Ванетику).

³ Всемирная эпиграмма, с. 21.

⁴ «Сон Барда. Барду снилось, что он был пастором; / Проснувшись, однако, оказывался дураком. / Приснилось бы ему, что он дурак, – / Все же, проснувшись, он не был бы пастором». Перевод говорящего имени: глупец, дурак (лат. bardus, от греч. βραδύς – тупоумный).

⁵ Всемирная эпиграмма, там же.

антологии «Всемирная эпиграмма» (1998), вышедшей уже в РФ, на русском языке было опубликовано немногим более семидесяти эпиграмм поэта.¹

Общий взгляд на проблематику советско-неороссийских переводов поэзии Логау. Переводы эпиграмм Логау, изданные в СССР в прошлом столетии после работ мастеров академической школы, т.е. начиная с 1960-х гг., демонстрируют почти исключительно как бесцеремонный переводческий волюнтаризм (Гинзбург), так и прискорбную художественную немощь и некомпетентность его преемников во всем, что касается формы и содержания переводимых ими произведений. Сопоставление этих «переводов» с оригиналами позволяет заключить о неспособности их авторов понять самые элементарные мысли и адекватно выразить их в заданной форме. Эти работы выполнены также при отсутствии серьезного внимания к теории и практике жанра немецкой барочной эпиграммы и нередко игнорировании барочной стилистики оригиналов, отчего они полностью утратили признаки принадлежности конкретному автору и эпохе. Тексты этих переводов свидетельствуют как о весьма поверхностном знакомстве их авторов с историко-литературным контекстом творчества Логау, так и о минимальной их осведомленности во всем, что касается биографии поэта.

В наши дни преобладает поверхностное отношение к эпиграмме как жанру, а также повсеместная убежденность в том, что переводить эпиграммы может каждый, кто понимает немецкий язык, и никаких дополнительных специальных знаний, – например, знания особенностей немецкого литературного языка XVII столетия, а тем более – знания латинского языка и знакомства с обширной традицией неолатинской эпиграмматики западноевропейских гуманистов, на которой зиждется вся традиция немецкой литературной эпиграммы эпохи барокко, – для этого совершенно не требуется. Вследствие подобной тенденции из-под пера многочисленных «любителей» выходит целый ряд неверных трактовок и прямых искажений оригинальных текстов. Художественный уровень работ современных отечественных «переводчиков» Логау колеблется от неумелых стилизаций и беспомощных поделок в духе сатирической поэзии советской эпохи до вольных переложений, в которых «энтузиасты» трактуют подлинник по собственному произволу, а также до откровенно грубых и вульгарных профанаций, которые в отдельных случаях, – в русле новейших веяний в российской теории и практике художественного перевода, – опускаются даже до обсценной лексики. Ни один переводчик не считает себя обязанным сохранять в своих работах содержательные и формальные особенности оригинала, но все без исключения воспринимают перевод эпиграмм как область свободного самовыражения, при котором главное – это «чтобы получилось смешно». Повсеместно господствует *licentia translatoris*; проблемой адекватности и точности перевода не озабочен никто.

Не лучшим образом обстоит дело и с источниками. Ни один из новейших отечественных «переводчиков» не обращается к аутентичным текстам Логау или хотя бы к изданию Эйтнера, но все пользуются современными адаптированными антологиями наподобие вышеупомянутого сборника Дитце или, в лучшем случае, редуцированного издания покойного Уве Бергера.² И также ни один из авторов не выказывает ни малейшего интереса к тому, чтобы приобрести хотя бы минимальные познания в столь неисчерпаемой области, как традиция классицистских эпиграмм, – и не только немецких, но и отечественных образцов этого жанра, – а также традиция немецкой литературной эпиграммы эпохи барокко, хотя в соответствующих научных изданиях и исследованиях нет недостатка.

¹ В эту цифру не включены случаи перевода разными авторами одних и тех же эпиграмм.

² Friedrich von Logau. Sinngedichte: Eine Auswahl / Hrsg. von Uwe Berger. Berlin 1967.

Камнем преткновения для всех без исключения отечественных переводчиков являются логанские говорящие имена. За редкими исключениями,¹ авторы избегают этих имен и всеми способами стараются обойтись без них. А в тех уникальных случаях, когда они все же решаются на переложение эпиграммы с именем героя или героини, дело порой доходит до прямых нелепостей.² Бывают и забавные случаи, когда женское имя принимается за мужское, – но чаще всего этих имен попросту не видят. Хотя, казалось бы, что может быть естественнее, чем сатирическая эпиграмма с говорящим или неговорящим именем, каких и в родной литературе насчитывается немало: ведь целый ряд этих имен бытовал и в российской поэзии эпохи классицизма и романтизма, в эпиграммах М.В. Ломоносова, В.В. Капниста, И.И. Дмитриева, В.Л. Пушкина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, А.А. Дельвига и других! Но и отечественная эпиграмматическая традиция досоветского периода для современных «переводчиков» – такая же *terra incognita*, как и немецкая.

Более существенно то, что самый подбор переводов эпиграмм Логау в российских печатных источниках не позволяет увидеть в них творческой индивидуальности поэта, как представителя определенной литературной школы и эпохи. Этому в значительной мере способствует вызванная к жизни Лессингом и Рамлером традиция преимущественно сатирической и социально-критической трактовки поэзии Логау, которая укоренилась также и в отечественной филологии. И хотя в наши дни печально памятная тенденция советских времен, – отбирать из всего творчества поэта почти исключительно примеры обличения социальной несправедливости, критики церкви и власти и выражения политического протеста, – осталась в прошлом, однако в Логау по-прежнему склонны видеть всего лишь своеобразного «юмориста» и «увеселителя» и трактовать его творчество соответственно. Поэтому все то в его поэзии, что не вписывается в рамки общераспространенных представлений об эпиграмме как о рифмованном анекдоте, пасквиле в стихах, интеллектуальном *bon mot* или эстрадной «хохме», сознательно искажается или игнорируется.

Если суммировать практические результаты усилий советско-неороссийских интерпретаторов творчества поэта, то становится очевидным, что Логау нельзя переводить, идя от его сатиры, потому что подобный подход неизбежно приводит к снижению и обеднению внутренней сути его творчества. В советской и постсоветской переводческой традиции практика этого рода дала целый ряд малоинтересных, внутренне пустых и духовно неглубоких опытов, из которых практически невозможно понять, почему этот автор вот уже на протяжении двух с половиной столетий регулярно переиздается и столь высоко почитается у себя на родине. Переводческая традиция советской атеистической эпохи начисто отмела религиозную подоплеку поэзии Логау, которая, подобно фундаменту, поддерживает собой его сатиру. Острота, серьезность и непреходящая актуальность эпиграмм Логау являются следствием именно глубины его миропонимания, религиозного в своей основе, что и по сей день игнорируется отечественной школой поэтического перевода.

¹ «Эпиграмма на модницу Моринну» (I,10,29) в переводе А.А. Гугнина (История немецкой литературы в трех томах. Т. 1. М., 1985. С. 194) и вышеприведенная эпиграмма «На пьяницу Фейта» в переводе Б. Тимофеева (с искаженным именем героя).

² В частности, таких, как переделка латинских говорящих имен в немецкие фамилии: напр., „Celer“, т.е. «быстроногий» (лат.) (I,6,34), – в «Целлер». Таким образом, поэту приписывается то, чего он никогда не делал: сочинение адресных эпиграмм.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Издания поэзии Фридриха фон Логау:

1. Erstes Hundert Teutscher Reimen-Sprüche Salomons von Golaw. Breßlaw: Jn verlegung David Müllers Buchhendl: Seel: Erben. M. DC. XXXVIII. [57] Bl.
2. Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Cum Gratiâ & Privilegio Sac. Cæs. Majestatis. Breßlaw/ Jn Verlegung Caspar Kloßmanns/ Gedruckt in der Baumannischen Druckerey durch Gottfried Gründern [1654]. [5] Bl., 238, 248, 262 S.
3. S. v. G. Auferweckte Gedichte/ Denen hinzugefüget Unterschiedene bißher ungedruckte Poetische Gedancken/ Heroischen Geistern gewiedmet/ Nebst einem nöthigen Register. Franckfurt und Leipzig/ Jn Verlegung Joh. Adam Pleners. Ao. 1702. [8] Bl., 352 S., [8] Bl.
4. Friedrichs von Logau Sinngedichte. Zwölf Bücher. Mit Anmerkungen über die Sprache des Dichters herausgegeben von C.W. Ramler und G.E. Lessing. Mit allergnädigsten Privilegien. Leipzig 1759. Jn der Weidmannischen Buchhandlung. [1] Bl., XIV, 414, [12] Bl., 104 S.
5. Friedrich von Logau und Hans Aßmann von Abschatz. Auserlesene Gedichte / Hrsg. von Wilhelm Müller. Leipzig: Brockhaus, 1824. XXXII, 206 S. (= Bibliothek deutscher Dichter des 17. Jahrhunderts VI).
6. Friedrich von Logau und sein Zeitalter. Geschildert in einer Auswahl aus dessen Sinngedichten. [Hrsg. von Friedrich Johann Heinrich Schlosser]. Frankfurt am Main. Verlag von Carl Bernhard Lizius. 1849. XVII, 123 S.
7. Sinngedichte von Friedrich von Logau / Hrsg. von Gustav Eitner. Leipzig: Brockhaus, 1870. 278 S. (= Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Bd. 3).
8. Friedrichs von Logau Sämmtliche Sinngedichte herausgegeben von Gustav Eitner. Für den Litterarischen Verein in Stuttgart nach Beschluss des Ausschusses vom September 1871 Gedruckt von L. F. Fues in Tübingen 1872. [3] Bl., 821 S., [2] Bl. (= Bibliothek des litterarische Vereins in Stuttgart CXIII).
9. Sinngedichte und Epigramme von Friedrich von Logau / Zusammengestellt und mit einer Vorbemerkung versehen von Pfarrer [Traugott] Todt. Halle (Saale): Hendel [1905]. 103 S. (= Bibliothek der Gesamtliteratur).
10. Friedrich von Logau. Sinngedichte: Eine Auswahl / Hrsg. von Uwe Berger. Berlin: Rütten & Loening, 1967. 322 S.
11. Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken / Herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Ulrich Seelbach. Tübingen: Nimeyer, 1992. 210, 68* S. (= Rara ex bibliothecis Silesiis 2).

II. ИСТОЧНИКИ

а) Литературные издания, антологии, хрестоматии и другие источники:

12. *Авсоний Децим Магн.* Стихотворения / Изд. подг. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1993. 356 с. (= Литературные памятники).
13. *Ангелус Силезиус.* Херувимский странник (Остроумные речения и вирши) / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Наука, 1999. 509 с.
14. *Васильев В.Е.* (Сост.). Всемирная эпиграмма. Антология в четырех томах. СПб.: Политехника, 1998. Т. 1. 863 с.

15. *Васильев В.Е.* (Сост.). Всемирная эпиграмма. Антология в четырех томах. СПб.: Политехника, 1998. Т. 2. 859 с.
16. *Васильев В.Е.* (Сост.). Всемирная эпиграмма. Антология в четырех томах. СПб.: Политехника, 1998. Т. 3. 814 с.
17. *Васильев В.Е.* (Сост.). Всемирная эпиграмма. Антология в четырех томах. СПб.: Политехника, 1998. Т. 4. 894 с.
18. *Гинзбург Л.* Немецкая поэзия XVII в. / В переводах Льва Гинзбурга. М.: Художественная литература, 1976. 204 [4] с.
19. *Гинзбург Л.* Немецкая старина. Классическая и народная поэзия Германии XI–XVIII веков / Пер. Л. Гинзбурга. М.: Художественная литература, 1972. 270 с.
20. *Гинзбург Л.* Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618–1648 годов в переводах Льва Гинзбурга. М.: Издательство художественной литературы, 1963. 191 с.
21. *Гинзбург Л.* Страницы немецкой поэзии в переводах Льва Гинзбурга. От лирики вагантов до поэтов ГДР. М.: Прогресс, 1970. 199 с.
22. *Гинзбург Л.* „Разбилось лишь сердце мое...“. Роман-эссе. М.: «Советский писатель», 1983. 255 с.
23. *Гинзбург Л.* Цена пепла. Немецкие заметки. М.: Советский писатель, 1962. 401, [3] с.
24. *Гораций Флакк, Квинт.* Полное собрание сочинений / Под ред. и с прим. Ф.А. Петровского. М.–Л.: ACADEMIA, 1936. 447 с.
25. *Грасиан Бальтасар.* Карманный оракул. Критикон / Изд. подг. Е.М. Лысенко и Л.Е. Пинский. М.: Наука, 1981. 631 с. (= Литературные памятники).
26. Греческая эпиграмма / Изд. подг. Н.А. Чистякова. СПб.: Наука, 1993. 448 с. (= Литературные памятники).
27. Греческие эпиграммы / Пер., вступ. ст. и прим. Л.В. Блуменау. М.–Л.: ACADEMIA, 1935. XXXII, 315 с.
28. *Гриммельсгаузен Ганс Якоб Кристоффель фон.* Симплициссимус / Вступ. ст., пер. и примеч. А.А. Морозова. М.: Художественная литература, 1976. 559 с. (= БВЛ, сер. 1, т. 46).
29. Европейская поэзия XVII века. М.: Художественная литература, 1977. 928 с. (= БВЛ, сер. 1, т. 41).
30. Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Поэтическая антология / Сост. А.А. Чамеев; автор вступ. статьи З.И. Плавский. Л.: ЛГУ, 1988. 496 с.
31. *Катулл Гай Валерий Веронский.* Книга стихотворений / Изд. подг. С.В. Шервинский, М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. 302 с. (= Литературные памятники).
32. Ларец острословов. Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы / Сост. Г.П. Лобарев. М.: Политиздат, 1991. 511 с.
33. *Левик В.* Избранные переводы в двух томах. Том II. М.: Художественная литература, 1977. 383 с.
34. *Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы. СПб.: АО «Комплект», 1994. 448 с. (= Античная библиотека).
35. *Монтень Мишель.* Опыты. В трех книгах. Книга первая и вторая. 2-е издание. М.: Наука, 1979. 704 с. (= Литературные памятники).
36. *Монтень Мишель.* Опыты. В трех книгах. Книга третья. 2-е издание. М.: Наука, 1981. 534, [2] с. (= Литературные памятники).
37. Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под ред. Н.В. Гербеля. СПб.: тип. Безобразова, 1877. XXVI, 656, VIII с.
38. Немецкие поэты в русских переводах. Сост. А. Лютер и А. Элиасберг. Leipzig: Insel, 1921. 96 с.

39. Немецкие шванки и народные книги XVI века / Пер. с нем. Б. Пуришева. М.: Художественная литература, 1990. 637, [2] с. (= Литература эпохи Возрождения).
40. Неолатинская поэзия: Избранное / Пер. с лат.; Вступ. ст. и примеч. Ю. Шульца. М.: ТЕРРА, 1996. 448 с. (= Сокровища мировой литературы).
41. *Новиков Вл., Кутик И.* (Сост.). Deutsche Epigramme / Немецкая эпиграмма. Москва: «Книга», 1986. 86, [2], 101, [3] с.
42. *Овидий Назон Публий.* Метаморфозы / Пер. С.В. Шервинского под ред. и с комм. Ф.А. Петровского. Л.: ACADEMIA, 1937. XXX, 358, [7] с.
43. *Овидий Назон Публий.* Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М.: Наука, 1982. 271 с. (= Литературные памятники).
44. Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1972. 531 с. (= Литературные памятники).
45. *Плавт Тит Макций.* Избранные комедии / Пер. А.В. Артюшкова под ред. и с прим. М.М. Покровского. <Т. I>. М.–Л.: ACADEMIA, 1933. 612 с.
46. *Плутарх.* Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. 592 с. (= Литературные памятники).
47. *Полонская К.П., Поняева Л.П.* (Сост.). Хрестоматия по ранней римской литературе: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1984. 224 с.
48. *Пуришев Б.И.* (Сост.). Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. 676 с.
49. *Румер О.* Избранные переводы / Сост. и авт. предисл. А. Аникст. М.: Советский писатель, 1959. 332 с.
50. *Себастиан Брант.* Корабль дураков. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто. Письма темных людей. *Ульрих фон Гуттен.* Диалоги / Пер. с нем. и лат. М.: Художественная литература, 1971. 767 с. (= БВЛ, сер. 1, т. 33).
51. *Сенека Луций Анней.* Нравственные письма к Луцилию / Издание подготовил С.А. Ошеров. М.: НИЦ «Ладомир» – Наука, 1993. 384 с. (= Литературные памятники).
52. Средневековые латинские новеллы XIII в. / Изд. подг. С.В. Полякова. Л.: Наука, 1980. 384 с. (= Литературные памятники).
53. *Теренций.* Комедии / Пер. А.В. Артюшкова. Ред. и комм. М.М. Покровского. М.–Л.: ACADEMIA, 1934. 643, [5] с.
54. *Шиллер Фридрих.* Валленштейн. Драматическая поэма / Издание подготовил Н.А. Славятинский. М.: Наука, 1980. 592 с. (= Литературные памятники).
55. *Энтелис Н.* «Все флаги в гости». 40 поэтов в переводах автора. М.: Правда, 1987. 48 с.
56. *Эразм Роттердамский.* Похвальное слово глупости / Перевод и комментарии П.К. Губера. М.–Л.: ACADEMIA, 1934. 240 с.
57. *Ювенал.* Сатиры // Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. Вступ. статья А.И. Белецкого. М.–Л.: ACADEMIA, 1937. XXVI, 153 с.
58. *Ярхо В.Н.* (Сост.). Эллинические поэты VIII–III века до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Издание подготовили М.Л. Гапаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М.: Ладомир, 1999. 515, [13] с.
59. *Agricola Johannes.* Drehundert Gemener Sprickwörde/ der wy Düdschen vns gebruken/ vnde doch nicht weten worher se kamen/ dorch D. Johann Agricolam van Jsleue/ an den durchlüchtigen hochgebarnen Vörsten vnde Heren/ Heren/ Johann Frederick/ Hertogen tho Sassen etc. geschreuen/ vnde klarlick vthgelecht. Gedrucket tho Magdeborg. [1528]. [156] Bl.

60. *Agricola Johannes*. Sybenhundert vnd Fünfftzig Teütscher Sprichwörter/ verneüwert vnd gebessert. Iohan. Agricola. Zü Hagenaw/ im jar M. D. xxxiiij. am xv. tag des Mertzen. [1534]. [421] Bl.
61. *Albinus Michael*. MICH. ALBINI Sibenmahl Sibentzig EPIGRAMMATA Oder: Heilige Überschriften auff den Egyptischen Ein- und Auß-Zug der Kinder von IsraEL gerichtet. Dantzig/ Gedruckt bey Georg Rheten Erben Jm Jahr unsers Heyls 1648. [48] Bl.
62. *Alciatus Johannes Andreas*. VIRI CLARISSIMI D. ANDREAE ALCIATI Iurisconsultis. Mediol. ad D. Chonradum Peutingerum Augustanum Iurisconsultum, Emblematum liber, iam denuo emendatus & recognitus. EXCVSVM AVGVSTAE Vindelicorum [Augsburg], per Henricum Steyner, De 29. Iulij, Anno M. D. XXXIII. [43] f.
63. *Andreä Johann Valentin*. Geistliche Kurtzweil J. V. A. Zu Ergetzlichkeit einfältiger Christen mitgetheilt. Die Gottes Art Helt Widerpart/ Der Welt Vnart; Das Hertz bewart/ So Gott nach art. Straßburg/ In Verlegung Lazari Zetzners Erben/ Anno 1619. 170 S.
64. Auserlesene Gedichte von Georg Philipp Harsdörffer, Johann Klaj, Sigmund von Birken, Andreas Scultetus, Justus Georg Schottel, Adam Olearius und Johann Scheffler. Herausgegeben von Wilhelm Müller. Leipzig: F.A. Brockhaus. 1826. (= Bibliothek deutscher Dichter des siebzehnten Jahrhunderts. IX). XXXIX, 188 S.
65. [*Baumann Georg d. J.*] Geistliche Kirchen- vnd Hauß-Music: Darinnen außerlesene Gesänge/ Psalmen vnd Hymni, auff die gewöhnliche Sonn- und Fest-Tage/ auch sonsten in allerhand Anliegen nützlich zugebrauchen/ in gutter richtiger Ordnung begriffen. Durch D. Martin Luthern/ vnd andere Gottfürchtige Männer gestellet. So mehrentheils A. 1611. zu Görlitz in Druck außgegangen: Anjetzo aber zu deß Allerhöchsten Lob vnd Ehr/ auff jnständiges anhalten Christlicher Herten new vmbgefertiget/ vnd mit vielen andern Geistreichen Gesängen nebst jhren Melodeyen vermehret vnd gebessert/ Sambt Dreyen Nutzbaren Registern. Von George Baumann/ Buchdruckern vnd des Wercks Verlegern/ in Breßlaw. Cum Gratiâ & Privilegio. Bd. 2. [1644]. [52] Bl., 197 S., [1] Bl.
66. *Brant Sebastian*. Daß Narren Schyff ad Narragoniā. Basel, 1494. [160] f.
67. *Brant Sebastian*. Sebastian Brants Narrenschiff. Hg. von Friedrich Zarncke. Mit 4 Holzschnitten. Leipzig, Georg Wigands Verlag. 1854. CXLII, [2], 495 S., [4] Bl.
68. *Brunck Richard François Philippe*. Analecta Veterum Poetarum Graecorum. Editore Rich. Fr. Phil. Brunck. Editio quarto volumine aucta. Tom. I. Argentorati. Sumtibus bibliopolii academici. MDCCLXXXV. Argentorati, Typis Ioannis Henrici Heitz, Academiae typographi. Die 1 Augusti MDCCLXXII. [1] f., XXXIV, 506 p.
69. *Brunck Richard François Philippe*. Analecta Veterum Poetarum Graecorum. Editore Rich. Fr. Phil. Brunck. Tom. II. Argentorati. Apud Io. Gothofr. Bauer & Socium. Bibliopolas. Argentorati, Typis Ioannis Henrici Heitz, Academiae typographi. d. 21. Dec. A. MDCCLXXIII. 529 p.
70. *Buchler Johann*. ΓΝΩΜΟΛΟΓΙΑ, SEV SENTENTIARVM MEMORABILIVM, CVM PRIMIS GERMANICAE, GALLICAEQUE linguæ, breuis & aperta, latino carmine, in spersis rhythmis festiuissimis, facta descriptio, PER IOHANNEM BUCHLERVM A GLADBACH, Scholæ Vvicradanæ Moderatorem. PRÆTER ÆNIGMATA diuersa, eaq; per quàm venusta, accessit opera eiusdem tractatus de Anno, & eius partibus, cum Calendario perpetuo, lectu, cognituq; dignissimus. Editio altera priore auctior. COLONIAE, Sumptibus Bernardi Gualtheri. ANNO M. DCVI. 580 p., [10] f.
71. *Carnarius Johannes*. DE PODAGRAE LAVDIBVS ORATIO, HABITA IN CELEBERRIMO GYMNASIO Patauino, à Ioanne Carnario Gandensi, in initio lectionum, III. Idus Nouemb. 1552. [...] PATAVII. M. D. LIII. [15] f.
72. CATONIS DISTICHA MORALIA, Germanice ita reddita, ut pueri facile & Latinam & Germanicam linguam una eademque opera condiscant. EPITOME in singula disticha.

- Dicta Sapientium, cum sua interpretatione. TIGVRI APVD Froscherum, Anno M. D. LXI. 80 p.
73. CATONIS DISTICHA MORALIA, LATINE ET Græce, cum scholijs D. Erasmi Roterod. DE CIVILITATE MORVM, PER ERASMVM ROT. RELIQA QVAE ADIVNCTA SVNT æque ad mores pertinentia, uersa pagina indicabit. BASILEAE, IN OFFICINA FROBENIANA ANNO M. D. XXXIII. 142 p., [19] f.
 74. *Cordus Euricius*. Euricii Cordi Epigrammatum Libri IX. Marpurgi 1529. [145] f.
 75. *Cunradus Caspar*. Pratum evangelicum in quo fragrantissimi evangeliorum cum dominicalium, tum Festorum anniversariorum visuntur flores, sparsim auctorum XV. Quorum nomina versâ pagellâ indicantur, sati genio, Collecti veró, & usui publico destinati à Caspate Cunrado, Phil. & Med. D. Cum mantissâ ejusdem geminâ. Freibergae, Impensis Melchioris Hoffmanni, M. DC. XVI.
 76. *Cysarz Herbert* (Hg.). Vor- und Frühbarock. Bd. 1–2. Leipzig: Reclam, 1937. 278 S.
 77. *Cysarz Herbert* (Hg.). Hoch- und Spätbarock. Leipzig: Reclam, 1937. 305 S.
 78. *Cysarz Herbert* (Hg.). Schwund- und Kirchenbarock. Leipzig: Reclam, 1937. 265 S.
 79. *Dietze Walter [Hans]* (Hg.). Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten / Herausgegeben von Walter Dietze. Leipzig: Reclam, 1964. 582 S.
 80. *Dietze Anita* und *Dietze Walter* (Hg.). Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten. 2. Auflage. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1973. 437 S.
 81. *Dodd H.P.* (Ed.). The Epigrammatists: A Selection from the Epigrammatic Literature of Ancient, Medieval and Modern Times. With Notes, Observations, Illustrations and an Introduction. London: Bell and Daldy, 1870. XI, 587 p.
 82. *Erich Samuel*. M. SAMUELIS ERICHII Qvondam Pastoris ad D. Jacobi Eimbeccæ EPIGRAMMATUM Latino-Germanicorum Variorum & selectorum Centuria XXV. Novæ, Prioribus XXV. Centuriis superadditæ & editæ à L.C.E. b. A. F. [...] BRVNSVIGÆ, impensis HIERON. FRIDERICI HOFFMANN. Anno 1700. [8] f., 538 p., [3] f.
 83. Evangelisches Kirchengesangbuch (EKG). Ausgabe für die evangelisch-lutherische Kirche in Bayern. München [o. J.]. 781 S.
 84. *Eyering Eucharius*. Proverbiorvm Copia. Etlich viel Hundert/ Lateinischer vnd Teutscher schöner vnd lieblicher Sprichwörter/ wie die Teutschen auff Latein/ vnd die Lateinischen auff Teutsch außgesprochen/ Mit schönen Historien/ Apologis, Fabeln vnd gedichten geziert/ menniglichen nutz vnd kurtzweilich zu lesen. Durch EVCHARIVM EYERING. Weiland Pfarherrn zu Streuffdorff. 1601. Cvm Privilegio. Eißleben/ TYPIS Grosianis. [8] Bl., 817 S.
 85. *Fischart Johann*. Podagrammisch Trostbüchlein. Innhaltend zwo artlicher Schutz Reden von herrlicher ankunfft/ Geschlecht/ Hoffhaltung/ Nutzbarkeit vnd tieffgesuchtem lob deß Hochgelehrten/ Gliedermächtigen vnd zarten Fräwllins PODAGRA. [...] Durch J. F. G. W. Gedruckt zu Straßburg bei Tobia Jobin. Anno M. DC. III. [94] Bl.
 86. *Fleming Paul*. D. Paul Flemings Teütsche Poemata. Lübeck In Verlegung Laurentz Jauchen Buchhl. [1642]. [7] Bl., 670 S., [13] Bl.
 87. *Fleming Paul*. Geist- und Weltliche POËMATA, Paull Flemmings Med. D. & Poët. Laur. Cæs. Jetzo Auffß neue ausgefertiget/ In Verlegung Lorenz Jauchen/ Buchhändlers in Lübeck. Jena Gedruckt bey Georg Sengenwalden/ 1651. [6] Bl., 670 S., [13] Bl.
 88. [*Franck Sebastian*]. Spruchwörter/ Schöne/ Weise Klügreden. Darinnen Teutscher vnnd anderer Spraachenn Höflichkeit/ Zier/ Höhste Vernunfft vnd Klügheit/ Was auch zü Ewiger vnnd zeitlicher Weißheit/ Tugent/ Kunst vnd Wesen dienet/ gespürt vnd begriffen. Von Alten vnd Newen beschuben/ In ettliche Tausennt zusammen bracht. Cum Priuilegio. Franckfurt/ Bei Chr. Egenolff. [1560]. [186] Bl.

89. *Franck Sebastian*. Sprüchwörter Gemeiner Tütscher nation/ erstlich durch Sebastian Francken gesamlet/ nützlich aber in kommlische ordnung gestellt vnd gebessert. Jesus Syrach. Richt dich nach den Sprüchwörtern der wysen. Getruckt zü Zürich by Eustachin Froschouer. [1545]. [452] Bl.
90. *Fulda Ludwig* (Hg.). Das Buch der Epigramme: Eine Auswahl deutscher Sinngedichte aus vier Jahrhunderten. Berlin: Propyläen, 1920. 320 S.
91. Geistliche Lieder der evangelische Kirche aus dem siebzehnten und der ersten Hälfte des achtzehnten Jahrhunderts, von Dichtern aus Schlesien und den umliegenden Landschaften verfaßt. Zusammengestellt und nach den ältesten Drucken hrsg. von Julius Mützell. Erster Band. Braunschweig 1858. XIV, 395 S.
92. *Goethe Johann Wolfgang von*. Faust. Eine Tragödie von Goethe. Stuttgart. Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung. 1865. 460 S.
93. [*Gregersdorff Georg Christoph von*]. Jüngst-erbawete Schöfferey/ Oder Keusche Liebes-Beschreibung Von der Verliebten Nimfen AMOENA Vnd dem Lobwürdigen Schaffer AMANDUS. Besagten beyden Amanten so wol zu bezeugung höchstthulicher Dienstfertigkeit/ als zu Versicherung geneigter Gunstgewogenheit vbersetzt/ Durch A. S. D. D. Leipzig/ Jn Verlegung Tobiaë Rehefelds/ vnd Martin Richter/ Buchhändl. Jm Jahr 1641. [96] Bl.
94. *Gruterus Janus*. FLORILEGIUM ETHICO-POLITICUM nunquam antehac editum; NEC NON P. SYRI AC L. SENECAE SENTENTIAE AUREAE; recognoscente, JANO GRUTERO ad Mss. Palat. & Frising. Accedunt GNOMAE PAROEMIÆQUE Græcorum, Item PROVERBIA Germanica, Italica, Belgica, Gallica, Hispanica. FRANCOFVRTI, In Bibliopolio Ionæ Rhodii. Anno M. D. C. X. [1610]. [4] f., 810, 382 p.
95. *Gryphius Andreas*. ANDREAE GRYPHII EPIGRAMMATA Oder Bey-Schriefften. Breßlau/ Bey Veit Jacob Dreschern/ Buchhändl. Jm Jahr M. DC. LXIII. 79 S.
96. *Gryphius Andreas*. Andreas Gryphius Lyrische Gedichte / Hrsg. von Hermann Palm. Tübingen: Laupp, 1884. (Bibliothek des litterarische Vereins in Stuttgart CLXXI). 610 S.
97. *Gryphius, Andreas*. Sonn- und Feiertagssonette. Abdruck der ersten Ausgabe (1639), besorgt durch Dr. Heinrich Welti. Halle a. S., Max Niemeyer Verlag, 1883. 114 S. (= Neudrucke deutscher Literaturwerke des XVI. und XVII. Jahrhunderts, 37–38).
98. *Hack D.* (Hrsg.). Deutsche Sinngedichte. Eine Auswahl deutscher Epigramme und Spruchgedichte von der Reformationzeit bis zur Gegenwart herausgegeben von D. Hack. Halle a. S.: Otto Hendel, 1886. VII, 196 S.
99. *Hall Joseph*. The works of Joseph Hall, D.D. Successively bishop of Exeter and Norwich: With some account of his life and sufferings, written by himself. A new edition, revised and corrected: With considerable additions, a translation of all the latin pieces, and a glossary, indices, and notes. In twelwe volumes. Vol. VI. Oxford: D.A. Talboys. MDCCCXXXVII. XVIII, 521, [2] p.
100. *Heermann Johann*. Johann. Heermanni PRÆCEPTORUM MORALIUM & SENTENTIARUM libri III. Zucht-Büchlein/ für die Zarte Schul-Jugend. Cum Gratia & Privilegio. BRESLAU Jn Verlegung Esaiæ Fellgibels/ Buchhändlers daselbst. 1664. [72] Bl.
101. [*Hoffmannswaldau Christian Hoffmann von*]. C. H. v. H. Deutsche Übersetzungen und Gedichte. Mit Röm. Käyserl. Majestät und Churfürstl. Sächs. Privilegio. Breßlau/ Verlegts Esaiä Fellgiebels sel. Wittib und Erben/ 1710. [30] Bl., 158 S., [25] Bl., 80 S., [8] Bl., 160 S.
102. *Homburg Ernst Christoph*. E.C. Homburgs Schimpff- vnd Ernsthaffte CLIO Erster Theil. Zum andern mal vmb die Helffte vermehret/ so viel möglich/ verbessert/ vnd heraus gegeben. Gedruckt zu Jehna/ bey Blasio Lobenstein/ im Jahr M DC XLij. Jn Verlegung Zacharia Hertels/ Buchhändlern in Hamburg. [219] f.

103. *Homburg Ernst Christoph*. Erasmi Chrysophili Homburgensis Schimpff- vnd Ernsthaftte CLIO. Ander Theil. Gedruckt im Jahr 1638. [54] f.
104. *Horatius Flaccus Quintus*. Des Quintus Horatius Flaccus Buch über die Dichtkunst, oder Brief an die Pisonen. Erklärt von Dr. Franz v. Paula Hocheder, Studien-Rector und Professor in Würzburg. Paßau: Friedrich Pustet. 1824. XX, 188 S.
105. *Horatius Flaccus Quintus*. Die Satiren und Briefe des Horaz. Lateinisch und deutsch. München: Ernst Heimeran Verlag, 1953. 342 S.
106. *Horatius Flaccus Quintus*. Q. Horatii Flacci de Arte Poetica Liber. AD PISONES. HORACE's Treatise Concerning the Art of Poetry. Together with NOTES Critical, Historical and Poetical. By the Earl of ROSCOMMON. DUBLIN, Printed for William Heatly, Bookseller, at the Bible and Dove on College-Green, M. DCC. XXXIII. [4], 147 p.
107. *Kuhlmann Quirinus*. A.Z! Qvirin Kuhlmanns Unsterbliche Sterblikeit Oder Hundert Spil-ersinnliche Virzeilige Grabe-schriffthen/ Zum zweitemahl gedruckt. Zu JENA/ Druckts Samuel Adolph Müller 1671. 64 S.
108. *Lauterbach Johann*. IOANNIS LAVTERBACHII POETÆ NOBILIS ET LAVRO CORONATI, Ænigmata. AD MAGNIFICVM ET ILLustrem Dominum Henricum Rantzouium, Regium Holsatiæ Vicarium, Bradeberga Dominum, &c. ADDITIS SIMVL NICOLAI Reusneri Leotini Com. Palat. Cæs. & P. L. Ænigmati. COLLEGIO PALTHENIANO. ANNO M. DCI. 211 p., [13] f.
109. *Lehmann Christoph*. FLORILEGIUM POLITICUM. Politischer Blumengarten. Darinn außerlesene Sentenz/ Lehren/ Regun/ vnd Sprüchwörter auß Theologis, Jurisconsultis, Politicis, Historicis, Philosophis, Poëten... Durch Christophorum Lehman. Getruckt impensis autoris Anno 1630. (O. O.). [8] Bl., 947 S.
110. *Lehmann Christoph*. FLORILEGIUM POLITICUM AUCTUM. Das ist: Erneuerter Politischer Blumengarten. Darinn außerlesene Politische Sentenz/ Lehren/ Regun/ vnd Sprüchwörter auß Theologis, Jurisconsultis, Politicis, Historicis, Philosophis, Poëten... Durch Christophorum Lehman. Cum Privilegio Cæsar. Majest. Franckfurt/ bey Anthoni Hummen/ Jn Verlegung Johann Godtfriedt Schönwettern. M. DC. XL. (1640). 954 S., [2] Bl.
111. *Löber Valentin*. Teutschredender OWENUS. Oder: Elf Bücher der Lateinischen Vberschriften des überaus-sinnreichen Englischen Dichters Ovveni, in Teutsche gebundene Sprache/ eben so kurtz/ übersetzt/ und mit etlichen Anmerckungen erläutert durch VALENTINUM Löbern/ der Artzney-Kunst Ergebenen. Jn Verlegung Zachariae Hertels. Hamburg/ Gedruckt bey George Papen/ Jm Jahr 1653. [179] Bl.
112. *Lobwasser Ambrosius*. Bewerte Hymni Patrum und anderer Gottseligen Menner welche durchs gantze Jar in der Kirche Christi gesungen werden, zu nutz den einfeltigen Christen aus dem Latein ins Deutsche mit gleichen Reimen gebracht. Leipzig: Georg Osterberger, 1578. 314 S.
113. *Lobwasser Ambrosius*. H. D. Ambrosij Lobwassers zierliche nützliche vnd artige Deutsche EPIGRAMMATA Von allerley Ständen vnd Leuten in gemein. Jetzo mit fleiß auß etzlichen Büchern vnd Bibliotheken zusammen gebracht vnd vermehret/ durch J. A. H. T. Leipzig/ Typis Tobiaë Beyeris Gedruckt durch Lorentz Kober/ in vorlegung Thomæ Schürers/ 1611. [47] Bl.
114. *Logau Heinrich Wilhelm von*. Poetischer Zeitvertrieb [...]. Breslau und Liegnitz: Bey Michael Rohrlachs Wittib und Erben, 1725. [6] Bl., 352 S.
115. *Lohenstein Daniel Casper von*. Daniel Caspers von Lohenstein Blumen. Breßlau/ Auf Unkosten Jesaiä Fellgibels sel. Wittwe und Erben. 1708. [8] Bl., 152 S., 94 S., [5] Bl., 48 S.

116. *Longfello Henry Wadsworth*. Complete poetical works of Henry Wadsworth Longfellow. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1893. XXI, 689 p.
117. *Longfellow Henry Wadsworth*. The poetical works of Henry Wadsworth Longfellow. London: Frederick Warne and Co. [1872]. XI, 633 p.
118. *Maier Michael*. ATALANTA FVGIENS, hoc est, EMBLEMATA NOVA DE SECRETIS NATURÆ CHYMICA <...> Authore Michaele Majero Imperial. Consistorii Comite, Med. D. Eq. ex & c. OPPENHEIMII Ex typographia Hieronymi Galleri, Sumtibus Joh. Theodori de Bry. M DC XVIII. 211 p., [2] f.
119. *Martialis Marcus Valerius*. M. VALERII MARTIALIS EPIGRAMMATA. AB OMNI RERVVM VERBORVMque obscœnitate ac turpitudine vindicata, Opera & industria Andreæ Frusii Societatis Iesu Theologi. COLONIAE, In Officina Birckmannica sumptib. Arnoldi Mylii. M. D. XCIX. 301 p.
120. *Martialis Marcus Valerius*. M. Val. Martialis Epigrammata. Ex Museo Petri Scriverii. Ab omni rerum obscœnitate, verborumque turpitudine vindicata. Venetiis, M. DC. XCV. Apud Prodoctos. Superiorum permissu. 276 p.
121. *Martialis Marcus Valerius*. M. Valerii Martialis Epigrammaton Libri / Recognovit Walther Gilbert. Editio stereotypa emendatior. Lipsiae, in aedibus B.G. Teubneri, MCMVII. XL, 407 p.
122. *Martialis Marcus Valerius*. M. Valerii Martialis Epigrammaton Libri. Edidit D. F. G. Schneidewin, Antiq. Litt. In Acad. Georg. Aug. Prof. P. E. Volumen II. Grimae Impensis I. M. Gebhardt. MDCCCXLII. Lipsiae Typis Guilielmi Vogulii Filii. [1], 739 p.
123. *Martin Georg*. Georgii Martini Deutsche EPIGRAMMATA Vnd SONETTE Oder Kling-Gedichte. Bremen/ Druckts vnd Verlegts Joost vnd Jakob Köler/ Jm Jahr 1654. 96 S.
124. *Olearius Johann Gottfried*. Jesus! Poetische Erstlinge an geistlichen deutschen Liedern und Madrigalen, dem Verlangen guter Freunde zu willfahren Irofür gegeben von dem M. Johann Gottfried Oleario. Hall(e) [Saale], MDCLXIV.
125. *Opitz Martin*. FLORILEGII VARIORVM EPIGRAMMATVM LIBER VNVS. MART. OPITIVS ex vestustis ac recentioribus Poetis conguessit & versibus Germanicis reddidit. Cvm Gratia & Privilegio S. R. M. GEDANI, Typis ac sumptibus Andreae Hünefeldii. Anno M DC XXXIX. [3] f., 44 p., [1] f.
126. *Opitz Martin*. FLORILEGII VARIORVM EPIGRAMMATVM LIBER ALTER. MART. OPITIVS ex vestustis ac recentioribus Poetis conguessit & versibus Germanicis reddidit. Cvm Gratia et Privilegio S. R. M. GEDANI, Typis ac sumptibus Andreae Hünefeldii. Anno M DC XXXIX. [2] f., 51 p.
127. *Opitz Martin*. MARTINI OPITII Geistliche POEMATA. Der Dritte Theil. Von ihm selbst zusammen gelesen/ verbessert undabsonderlich heraus gegeben. Breslau/ Verlegts JEsaias Fellgibel/ Buchhändler. O.J. [1638]. 324 S.
128. *Opitz Martin*. Martin Opitzen Teutsche Gedichte/ in vier Bände abgetheilet/ Von neuem sorgfältig übersehen/ allenthalben fleißig ausgebessert/ mit nöthigen Anmerckungen erläutert/ von Daniel Wilhelm Triller/ Phil. & Med. D. Hochfürstlich Sachsen-Weissenfelsischen Hof-Rathe/ Ersten Leib-Medico, und Phys. ac Med. Prof. Und mit Kupfern gezieret durch Martin Tyroff. Zweyter Band/ enthaltend Weltliche Gedichte. Mit Königlich-Polnisch- und Chur-Sächsischer Freyheit. Franckfurt am Mayn/ Bey Franz Varrentrapp. MDCCXXXVI. [3] Bl., 476 S.
129. *Opitz Martin*. Martin Opitzen Teutsche Gedichte/ in vier Bände abgetheilet/ Von neuem sorgfältig übersehen/ allenthalben fleißig ausgebessert/ mit nöthigen Anmerckungen erläutert/ von Daniel Wilhelm Triller/ Phil. & Med. D. Hochfürstlich Sachsen-Weissenfelsischen Hof-Rathe/ Ersten Leib-Medico, und Phys. ac Med. Prof. Und mit Kupfern gezieret durch Martin Tyroff. Drittter Band/ enthaltend Geistliche Gedichte. Mit

- Königlich-Polnisch- und Chur-Sächsischer Freyheit. Franckfurt am Mayn/ Bey Franz Varrentrapp. MDCCXXXVI. [2] Bl., 400 S.
130. *Opitz Martin*. Teutsche poemata. Abdruck der Ausgabe von 1624 / Hrsg. von Georg Witkowski. Halle/Saale: Nimeyer, 1967. 248 S.
131. *Opitz Martin*. Geistliche Poemata 1638. Tübingen: Nimeyer, 1966. 408, 56* S.
132. *Opitz Martin*. Weltliche Poemata 1644. Tübingen: Nimeyer, 1967. Bd. 1. 573, 38* S.
133. *Opitz Martin*. Weltliche Poemata 1644. Tübingen: Nimeyer, 1967. Bd. 2. 463, 46, 243* S.
134. *Owen John*. ROSARIUM, Daß ist/ Rosen-Garten: Auß des Hochgelärten und Künstreichen Welsch-Englischen Poeten Joannis Oweni Lateinischem Lusthoff übergesetzt/ und auff den Teütschen Boden gebracht und gepflantzet/ Durch Bernhardum Nicaeum Ancumanum, Dienern am Worte Gottes zur Gast. Gedruckt zu Embden: Durch Helvicum Kallenbachii, Anno M DC XLI. [4] f., 352 S.
135. *Owen John*. Epigrammatum IOANNIS OVVEN CAMBRO-BRITANNI Oxoniensis, Editio Postrema. Monodisticha quaedam ethica et politica veterum sapientum. Lugd[uni] Bat[avorum], Ex Officina Elzeviriana Anno MDCXXVIII. 280 p.
136. *Owen John*. EPIGRAMMATUM IOANNIS OWENI, Cambro-Britanni Oxoniensis, Editio Postrema correctissima posthumis quibusdam adaucta & instructa Gemino Indice, Addita sunt in fine Exercitia MEMORIÆ POETICA, In usum adolescentiæ alicunde collecta. Vratislaviæ, Sumtibus Joh. Adam. Kästneri, M. DC. LXXX. [3] f., 212 p., [36] f.
137. *Petri Friedrich*. Der Teutschen Weißheit/ Das ist: Außerlesen kurtze/ sinnreiche/ lehrhaffte vnd sittige Sprüche vnd Sprichwörter in schönen Reimen oder schlecht ohn Reim/ von allerley Geistlichem vnd Weltlichem Wesen vnd Handel des gantzen Menschlichen Lebens/ wie man sie im gemeinen Brauch hat/ oder in gelehrter Leut Büchern findet. Lustig vnd nützlich zu lesen. Allen Weisen vnd Teutschen zu Ehren in Druck gegeben. Durch M. Fridericum Petri Seniores vnd Pastoren zu Braunschweig. Hamburg/ Gedruckt bey Philipp von Ohr/ Jm Jahr Christi. M. D. C. V. [1605]. [526] Bl.
138. *Pibrac Guy du Faur de*. LES QVATRAINS DV SIEVRS PYBRAC, FAVRE, ET MATHIEV: Ensemble les Plaisirs de la Vie Rustique. Enrichis de Figures en Taille-douce. A PARIS, Chez Antoine Robinot, en sa Boutique sur le Pont-neuf. M. DC. XLVI. 160 p.
139. *Pibrac Guy du Faur de*. Quatrains de Pibrac, traduits en vers grecs et latins; Par Florent Chrestien, Accompagnés d'une traduction interlinéaire des vers grecs. A Paris, Chez Fuchs, 1802. IV, 96 p.
140. *Pibrac Guy du Faur de*. VIDI FABRI PIBRACII in supremo senatu Parisiensi praesidis olim TETRASTICHA GALLICA, Germanicis versibus expressa auctore MARTINO OPITIO. Dantisci Typis Hünefeldianis Anno M DC XXXIV (1634). 12 f.
141. *Pirckheimer Willibald*. Apologia, seu LAUS PODAGRÆ: Viro Illustri BILIBALDO PIRCKHEIMERO: CONSILIARIO QUONDAM Maximiliani I. & Caroli V. Imp. Augg. Equite Aurato, Senatore & Patricio Noribergensi: AVCTORE. AMBERGÆ, Ex Typographeo Forsteriano. M DC X. [1] f., 32 p.
142. *Praetorius Georg*. DISTICHA DOMINICALIA & FESTIVALIA Evangeliorum & Epistolarum summam complectentia, Conscripta à GEORGIO PRÆTORIO Stendal:Scholæ VVricens: ad Oderam Moderatore. Francofurti Marchionum typis NICOLAI VOLTZII. [Anno MDCVIII]. [16] f.
143. *Praetorius Georg*. LIBELLUS SECUNDUS SACRORVM DISTICHORUM, PENTATEVCHI MOSAICI Summam breviter continens. à Georgio Prætorio Stendal:Scholæ VVricens: ad Oderam Moderatore. Anno ECCLesIa MILItans pressa

- CrVce sIC petIt: ab sanCte DeVs DefenDe tVos. Francofurti 1610. Typis Voltzianis. [15] f.
144. *Sachs Hans*. Dichtungen von Hans Sachs. 1. Theil: Geistliche und weltliche Lieder / Hrsg. von Karl Goedeke. 2. Aufl. Leipzig: Brockhaus, 1883. 322 S. (= Deutsche Dichter des 16. Jahrhunderts, Bd. 3).
 145. *Sachs Hans*. Dichtungen von Hans Sachs. 2. Theil: Spruchgedichte / Hrsg. von Julius Tittman. Leipzig: Brockhaus, 1870. 264 S.
 146. Sammlung Christlicher Lieder für die öffentliche und häusliche Andacht, zum Gebrauch der deutschen evangelischen Kolonien an der Wolga. XXII Auflage. Dorpat: Druck von H. Laakmanns Buch- und Steindruckerei, 1908. 686 S.
 147. *Scherffer von Scherffenstein Wencel*. Wencel Scherffers Geist. und Weltlicher Gedichte Erster Teil/ in sich begreifend Eilf Bücher/ deren inhalt nach der Zuschrift zufinden. Nebst einem kurtzen Register/ zu Ende beygefügt. Zum Briege gedruckt von Christoff Tschorn. M. DC. LII. [21] Bl., 766 S., [13] Bl.
 148. *Schieck Helmuth* (Hg.). Geistliche Lyrik des Barock / Ausgewält von Helmut Schieck. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1950. 80 S.: ill.
 149. *Schoolfield George C*. The German Lyric of the Baroque in English Translation. Chapel Hill 1961. 380 p.
 150. *Szyrocki Marian i Żygulski Zdzisław* (Wyd.). Silesiaca. Wybór z dzieł pisarzy śląskoniemieckich XVII wieku w tekstach oryginalnych i polskich przekładach. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957. 232 s.
 151. *Traunsdorff Johann Heinrich von*. J.H.V.V.Z.D.G.L.H.V.F.L.G.A. Erstes tausend/ Deutscher weltlicher POEMATVM, von allerhandt täglich fürfallender Materien/ vnnd Handlungen/ mancherley Sprüchwörtern vnnd Gleichnussen/ schönen dictis vnnd Sentenzen, auß deß Authoris operibus manuscriptis vnnd Ethicomoralischen Emblematibus also zusammen getragen [...] Gedruckt im Jahr 1642. O. o. [Bern], o. Dr. [Georg Sonnleitner]. 3 Tle. in 1 Bd. [300] Bl.
 152. *Tscherning Andreas*. Centuria Proverbiorum ALIS Imperatoris Muslimici distichis Latino-Germanicis expressa, ab Andrea Tscherningio Cum Notis brevioribus. (S. l. et a.) [Vratislaviæ 1641]. [8] f., 112 p.
 153. *Tscherning Andreas*. Andreas Tschernings Deutscher Getichte Fröling. Breslaw/ Jn Verlegung Georg Baumans Buchdruckers. 1642. [18] Bl., 368 S.
 154. Vollständige Kirchen- und Haus-Musik/ Darinn außerlesne Gesänge/ Psalmen und Hymni, auff die gewöhnliche Sonn- und Fest-Tage/ auch sonst in allerhand Anliegen nützlich zu gebrauchen/ in guter/ richtiger/ Ordnung begrieffen. Durch D. Martin Luthern/ vnd andere Gottfürchtige Männer gestellt. So mehrentheils Anno 1611. zu Görlitz in Druck außgegangen: Anjetzo aber zu deß Allerhöchsten Lob und Ehr/ auff inständiges anhalten Christlicher Hertzen/ zum Sechsten mal außgefertiget/ und mit vielen Geistreichen Gesängen/ nebst jhren Melodeyen vermehret vnd gebessert. Sampt Dreyen Nutzbaren Registern. Cum Gratiâ & Privilegio. Breßlau/ Jn der Baumannischen Erben Druckerei druckts Gottfried Gründer (o.J.) [1694?]. [49] Bl., 1010 S., [19] Bl.
 155. *Wernicke Christian*. Christian Wernickes Epigramme / Hrsg. und eingel. von Rudolf Pechel. Berlin: Mayer & Müller, 1909. (Palaestra LXXI). 591 S.
 156. *Winkworth Catherine*. The Christian Singers of Germany. London: Clay & Sons, 1869. 350 p.
 157. *Zincgref Julius Wilhelm*. Teutsche Apophthegmata das ist Der Teutschen Scharfsinnige kluge Sprüche In zwei Teil Zusammen getragen durch Iulium Wilhelm Zinkgräfen Der Rechten Doktoren. anitzo noch mit dem dritten Teill vermehret Durch Iohan Leonhard Weidnern. Amsteldam, Bey Ludwig Elzevieren. Ao. 1653. [12] Bl., 322, [19] Bl.

б) Поэтики, литературные энциклопедии и хрестоматии:

158. *Аристотель*. Риторика. Поэтика / Пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
159. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной – INTRADA, 2010. 512 с.
160. Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Собр. текстов, вступ. статья и общая ред. Н.П. Козловой. М.: МГУ, 1980. 617 с.
161. *Опиц Мартин*. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Собр. текстов, вступ. статья и общая ред. Н.П. Козловой. М.: МГУ, 1980. С. 443–487.
162. *Скаллигер Юлий Цезарь*. Поэтика // Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Собр. текстов, вступ. статья и общая ред. Н.П. Козловой. М.: МГУ, 1980. С. 50–70.
163. *Тезауро Эммануэле*. Подзорная труба Аристотеля / Пер. с итал. Елены Костюкович. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
164. [*Birken Sigmund von*]. Teutsche Rede- bind- und Dicht-Kunst/ oder Kurze Anweisung zur Teutschen Poesy/ mit Geistlichen Exempeln: verstatet durch Ein Mitglied der höchstlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft Den Erwachsenen. Nürnberg/ Verlegt durch Christof Riegel. Gedruckt bey Christof Gerhard. A. C. MDC LXXIX. [34] Bl., 530 S.
165. *Boileau[-Despréaux Nicolas]*. Art poétique. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1881. 62 p.
166. Briefe die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1. (I.–II. Theilen). Berlin 1759. Bey Friedrich Nicolai. [2] Bl., 412 S.
167. *Buchler Johann*. ΓΝΩΜΟΛΟΓΙΑ, seu sententiarum memorabilium cum primis germanicae, gallicaque lingvae brevis et aperta, Latino carmine... descriptio, per Johannem Buchlerum... Moguntiae, sumptibus Bernardi Gualtheri, excudebat Joannes Volmari, 1614. 508 p.
168. *Buchner Augustus*. August Buchners Anleitung Zur Deutschen Poeterey/ Wie Er selbige kurtz vor seinem Ende selbstem übersehen/ an vnterschiedenen Orten geändert/ vnd verbessert hat/ heraus gegeben von Othone Prätorio. P. P. In verlegung der Erben/ Wittenberg/ Gedruckt bey Michael Wenden/ Jm Jahr 1665. [6] Bl., 181 S.
169. *Cottunius Ioannes*. DE CONFICIENDO EPIGRAMMATE Liber vnus. In quo non modo methodus pangendi omne epigrammatis genus, sed complura etiam alia, cum ad poesim ipsam, tum ad dicendi facultatem spectantia, strictim ac dilucidè aperiuntur. AUCTORE IO. COTTVNIO Philos. Medic. & Theol. D. & equit. aur. S. Georg. in Patauina Academia Philosophie professeore, Typ. Nic. Tebald. [...] Salmintius fec. et for. Bonon[iae] 1632. [4] f., 112 p.
170. *Delrio Martino Antonio*. Martini Antonii Delrii Ex Societate Iesv Syntagma Tragoediae Latinae In tres partes distinctum. Quid in ijsdem contineatur, sequens pagina indicabit. Antverpia, Ex officina Plantiniana, Apud Viduam, & Ioannem Moretum. M. D. XCIII. Cum gratia & priuilegio. [8] f., 315 p.
171. Deutsche Biographische Enzyklopädie (DBE). 2., überarbeitete und erweiterte Ausgabe. Herausgegeben von Rudolf Vierhaus. Band 8: Poeten – Schlüter. K. G. Saur Verlag. München 2007. 927 S.
172. *Gottsched Johann Christoph*. Versuch einer Critischen Dichtkunst durchgehends mit den Exempeln unserer besten Dichter erläutert. Anstatt einer Einleitung ist Horazens Dichtkunst übersetzt/ und mit Anmerkungen erläutert. Diese neue Ausgabe ist/ sonderlich im II. Theile/ mit vielen neuen Hauptstücken vermehret/ von Johann Christoph

- Gottscheden. Vierte sehr vermehrte Auflage/ mit allergnädigster Freyheit. Leipzig/ 1751. Verlegt Bernhard Christoph Breitkopf. [1] Bl., XXXII, 808 S., [12] Bl.
173. [*Grafe Eberhard*]. Lehr-mässige Anweisung/ Zu der Teutschen Verß- und Ticht-Kunst/ Wie dieselbige Der studirenden Jugend Durch leichte Regeln/ mit gutem Vortheil/ Grundmässig beyzubringen sey. in Drey unterschiedlichen Theilen aus bewährten Poeten Lehrartig zusammen getragen. Durch Den Taurenden. NURNBERG/ In Verlegung Johann Ziegers/ Buchhändlern. Gedruckt/ bey Christian Sigmund Froberg. Anno 1702. [8] Bl., 176 S.
174. *Harsdörffer Georg Philipp*. Ars Apophthegmatica, das ist: Kunstquellen denkwürdiger Lehrsprüche und ergötzlichen Hofreden; Wie solche Nachsinnig zu suchen/ erfreulich zu finden/ anständig zu gebrauchen und schicklich zu beantworten: in Drey Tausend Exempeln <...> und mit Dreysig Schertz-Schreiben/ als einer besondern Beylage vermehret/ durch QUIRINUM PEGEUM. Nürnberg/ In Verlegung Wolffgangs deß Jung. und Joh. Andree Endtern/ 1655. [8] Bl., 632 S.
175. *John Johann Sigismund*. Parnassi Silesiaci sive Recensiones Poëtarvm Silesiacorum quotquot vel in patria vel in alia etiam lingua Mvsis litarvnt centvria I. Avctore M. Joh. Sigismvndo Johnio, Javor. Sil. Wratislaviæ, svmtv Michael. Rohrlachii, Bibliop. Anno MDCCXXXIX [1728]. 190 p.
176. [*Kindermann Balthasar*]. Der Deutsche Poët/ Darinnen gantz deutlich und ausführlich gelehret wird/ welcher gestalt ein zierliches Gedicht/ auf allerley Begebenheit/ auf Hochzeiten/ Kindtauffen/ Gebuhrts- und Namens-Tagen/ Begräbnisse/ Empfaß- und Glückwünschungen/ u. s. f. So wohl hohen als niederen Standes-Personen/ in gar kurtzer Zeit/ kan wol erfunden und ausgeputzet werden/ Mit sattsahmen/ und aus den vornehmsten Poeten hergenommen Gedichten beleuchtet/ und also eingerichtet/ daß den Liebhaber der Göttlichen Poesie dieser an statt aller geschriebenen Prosodien und Poetischen Schrifften zur Nothdurfft dienen kan/ Fürgestellt/ Durch ein Mitglied des hochlöbl. Schwanen-Ordens. Wittenberg/ In Verlegung Job Wilhelm Fincelii, Druckts Friedrich Wilhelm Fincelius, Jm Jahr 1664. [15] Bl., 755 S., [5] Bl.
177. *Masen Jacobus*. ARS NOVA ARGVTIARVM Eruditæ & Honestæ RECREATIONIS In duas partes divisa. Prima Est EPIGRAMMATUM: altera INSCRIPTIONUM argutarum. Autore, RP. JACOBO MASENIO E societate Jesu. Editio Secunda locupletior. COLONIÆ AGRIPPINÆ. Apud Joannem Antonium Kinckium Anno M. DC. LXVIII. [17] f., 338 p.
178. *Meister Johann Gottlieb*. Unvorgreifliche Gedancken Von Teutschen Epigrammatibus, In deutlichen Regeln und annehmlichen Exempeln/ nebst einen Vorbericht von dem Esprit der Deutschen/ abgefasset von M.M. Leipzig/ bey Martin Theodor Heybey, 1698. [2] Bl., 242 S., [3] Bl.
179. *Meister Johann Gottlieb*. Anweisung Und Exempel/ Mehrentheils Lustiger und annehmlicher EPIGRAMMATUM. Aus vielen Authoribus zusammen gelesen Von M. Meistern. Leipzig und Frankfurt 1726. [2] Bl., 242 S., [6] Bl.
180. *Morhof Daniel Georg*. Danielis Georgii Morhofii Commentatio de disciplina argutiarum. [S. 1.], Anno M DC XCIII (1693). [2] f., 211 p., [2] f.
181. *Morhof Daniel Georg*. Daniel Georg Morhofens Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie/ Deren Ursprung/ Fortgang und Lehrsätzen/ Sampt dessen Teutschen Gedichten/ Jetzo von neuem vermehret und berbessert/ und nach deß Seel. Autoris eigenem Exemplare übersehen/ zum andern mahle/ Von den Erben/ herauß gegeben. Lübeck und Franckfurt/ In Verlegung Johann Wiedemeyers/ M. DCC. [6] Bl., 728, 510 S., [2] Bl.
182. *Müffling Johannes Ulricus*. Flores Julii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, sive mellificium sententiarum selectissimarum, ex ejus operibus confectum. Studio Johannis Ulrici

- Müfflingii weis dicti. Editio Secunda, longe auctior. Jenae, Apud Johannem Bircknervm, Bibliop. Anno M.D.CXXV. 194 p.
183. *Neumeister Erdmann*. SPECIMEN DISSERTATIONIS Historico-Criticæ De POËTIS GERMANICIS hujus seculi præcipuis, Nuper admodum in Academia quadam celeberrima publice ventilatum a M. E. N. Impensis ANDREÆ LUPPII, Sereniss. ac Potentiss. Elect. Brandenb. Bibliopol. specialiter Privileg. et Exemti. M. DC. XCV. [2] f., 125 p., [1] f.
184. *Omeis Magnus Daniel*. Gründliche Anleitung zur Teutschen accuraten Reim- und Dicht-Kunst/ durch richtige Lehr-Art/ deutliche Reguln und reine Exempel vorgestellt [...] Welches alles zu Nutzen und Ergetzen der Liebhaber T. Poësie verfaßet Magnus Daniel Omeis/ Comes Pal. Caes. Moral. Orator. und Poes. Prof. P. zu Altdorf/ der im Pegnesischen Blumen-Orden so benannte Damon. Nürnberg/ in Verlegung Wolfgang Michahelles und Johann Adolph/ Buchhändll. Gedruckt zu Altdorf/ durch Heinr. Meyern/ Acad. Buchdr. A. 1704. [20] Bl., 368, 382 S., [2] Bl.
185. *Opitz Martin*. Martini Opitii Buch von der deutschen Poeterey. In welchem alle jhre eigenschafft vnd zuegehör gründtlich erzehlet/ vnd mit exempeln außgeföhret wird. Gedruckt in der Fürstlichen Stadt Brieg/ bey Augustino Gründern. In Verlegung David Müllers Buchhändlers in Breslaw. 1624. [40] Bl.
186. *Opitz Martin*. Buch von der deutschen Poeterey. Abdruck der ersten Ausgabe (1624). Halle (Saale): Nimeyer, 1955. VI, 77 S.
187. *Philander von der Linde*. Unterredung Von der Deutschen Poesie // Philanders von der Linde Vermischte Gedichte/ Darinnen So wol allerhand Ehrengedichte/ bey Beförderungen/ Hochzeiten und Begräbnißen/ als auch einige Adoptirte Gedichte/ nebst einer ausführlichen Unterredung Von der Deutschen Poesie und ihren unterschiedenen Arten enthalten. Leipzig/ bey Joh. Friedrich Gleditsch und Sohn/ Jm Jahr 1710. S. 141–313.
188. *Pontanus Jacobus*. Jacobi Pontani de Societate Iesu Poeticarum Institutionum Libri Tres. Eiusdem Tyrocinium Poeticum. Cum Gratia & Priuilegio Cæsaræ Majestatis. Ingolstadii, Ex Typographia Davidis Sartorii. Anno M. D. XCIV. [9] f., 588 p., [3] f.
189. *Rothmann Johann Friedrich*. Joh. Friedrich Rottmanns J. U. C. Lustiger Poete/ Worinn die vornehmsten Reguln der Poësie Mit allerhand lustigen Exempeln/ Der angehenden Poëtisirenden Tugend Zu mehrer Auffmunterung/ zur Poësie Andern aber zu einem kurtzweiligen Zeit-Vertreib/ erläutert zusammen getragen/ und mit einem vollständigen Register versehen. Gedruckt im Jahr MDCCXIX. 411 S., [11] Bl.
190. *Scaliger Julius Caesar*. JULII CAESARIS SCALIGERI VIRI CLARISSIMI, Poetices libri septem. [Genève] Apud Petrum Santandreamum, M. D. XCIV. [6] f., 945 p., [17] f.
191. *Schottelius Justus Georg*. Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Haupt Sprache [...] Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget Von Justo-Georgio Schottelio D. Fürstl. Braunschweig: Lüneburg. Hof- und Consistorial-Rathe und Hofgerichts Assessore. [...] Braunschweig/ Gedruckt und verlegt durch Christoff Friederich Zilligern/ Buchhändlern. Anno M. DC. LXIII. [17] Bl., 1466 S., [14] Bl.
192. *Schottelius Justus Georg*. Iusti-Georgii Schottelii Teutsche Vers- oder Reim Kunst darin Vnsere Teutsche Muttersprache, soviel dero süßeste Poesis betrifft, in eine richtige form der Kunst Zum ersten mahle gebracht worden. Franckfurtt an Mayn in Verlegung Michael Lubachs Buch. in Lüneburg im jahre 1656. [22] Bl., 267 S., [3] Bl.
193. *Scultetus Georg*. M. Georgii Sculteti Ratscuz. Silesii, Hymnopoei Silesiorum. Vittembergae Saxonum, impensis Meiselianis, A.C. MDCCXI. 64 p.
194. *Vavasseur François*. FRANCISCI VAVASSORIS SOCIET. JESU DE EPIGRAMMATE LIBER ET EPIGRAMMATUM LIBRI TRES. Editio auctior. PARISIIS. Ex officina

- Edmundi Martini, via Jacobæa, sub aureo sole. M. DC. LXXII. CUM PRIVILEGIO REGIS. [2] f., 310, 153 p.
195. *Weise Christian*. Christian Weisens Politischer Redner/ Das ist/ Kurtze und eigentliche Nachricht/ wie ein sorgfältiger Hofemeister seine Untergebene zu der Wolredenheit anführen sol <...> Mit Churf. Sächs. Privilegio. Leipzig/ Bey Timoth. Rißschens sel. Erben zu finden. Druckts Gallus Niemann/ 1681. [9] Bl., 1084 S., [11] Bl.
196. *Wetzel Johann Caspar*. Joh. Caspar Wetzels [Hymnopoeographia, oder] Historische Lebens-Beschreibung Der berühmtesten Lieder-Dichter. Anderer Theil. Herrstadt/ bey Samuel Roth-Scholtzen. 1721. [7] Bl., 414, 44 S., [5] Bl.
197. *Zesen Philipp von*. PHILIPPI CÆSII Deutsches Helicons Erster und Ander Theil/ Oder Unterricht/ wie ein Deutscher Vers und Getichte auf mancherley Art ohne fehler recht zierlich zu schreiben. Bey welchem zu bässem fortgang unserer Poesie Ein Richtiger Anzeiger Der Deutschen gleichlautenden einstimmigen Weiblichen und Männlichen Wörter (nach dem ab c. Reim-Weise gesetzt) zu finden. Itzo wieder vermehret und zum andern mahl herraus gegeben. Wittenberg/ Gedruckt bey Johann Röhner/ Jm Jahr M DC XLI. I Theil: [16] Bl., 78 S., [111] Bl.; II Theil: [8] Bl., 75 S.
198. *Zesen Philipp von*. Filip Zesens Durch-aus vermehrter und Zum dritt- und letzten mahl in dreien teilen aus gefartiger Hoch-deutscher Helikon/ oder Grund-richtige anleitung zur hoch-deutschen Dicht- und Reim-kunst. Zu Wittenberg getrückt auf kosten Johann Seelfisches, Buchhändle, truckt es Johan Röhner, 1649. [455] Bl.
199. *Zesen Philipp von*. Filipp von Zesens Sammelte Werke. Hrsg. von Ferdinand van Ingen. X. Bd., 2. Tl. Berlin / New York 1977.
200. *Ziegler Kaspar*. Von den Madrigalen/ Einer schönen und zur Musik bequemsten Art Verse/ Wie sie nach der Italianer Manier in unserer deutschen Sprache auszuarbeiten/ Nebenst etlichen Exempeln. Leipzig/ Verlegts Christian Kirchner/ Gedruckt bey Johann Wittigaun/ 1653. [24] Bl.

с) Ученые, исторические и политические источники, хроники, лексиконы:

201. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Изд. подг. В.Г. Борухович. М.: НИЦ «Ладомир» – Наука, 1993. 212, [4] с. (= Литературные памятники).
202. Властелины Рима / *Scriptores Historiae Augustae*: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. / Пер. С.Н. Кондратьева под ред. А.И. Доватура и Д.Е. Афиногенова. М.: Наука, 1992. 384 с.
203. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
204. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. ст. и комм. А.Н. Медушевского. М.: Прометей, 1991. 334 с.
205. *Ливий Тит*. История Рима от основания города / Пер. с лат. под ред. П. Андрианова. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. 1632 с.
206. *Макьявелли Никколо*. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: АСТ, 2008. 461, [3] с.
207. *Поло Марко*. Книга о разнообразии мира. СПб.: Амфора, 1999. 381 с.: илл.
208. *Эльвова В.А.* (Сост.). Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М.: Книга, 1985. 256 с.
209. *Agrippa von Nettesheim Heinrich Cornelius*. Henrici Cornelii AGRIPPÆ AB NETTESHEYM, DE INCERTITVDINE ET vanitate scientiarum declamatio inuectiua, ex postrema Authoris recognitione. Coloniae, Apud Theodorum Baumium, sub signo Arboris. Anno 1584. [312] f.

210. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart unter Mitwirkung von 300 Fachgelehrten des In- und Auslandes herausgegeben von Dr. Ulrich Thieme und Dr. Felix Becker. Erster Band. Leipzig, Verlag von Wilhelm Engelmann. 1907. XII, 576 S.
211. *Amaranthes [Gottlieb Siegmund Corvinus]*. Nutzbares, galantes und curiöses Frauenzimmer- Lexikon, Worinnen nicht nur der Frauenzimmer geistlich- und weltliche Orden, Aemter, Würden, Ehren-Stellen ... Sondern auch Ein ... Koch-, Torten- und Gebackens-Buch ... zu finden. Dem weiblichen Geschlechte insgesamt zu sonderbaren Nutzen, Nachricht und Ergötzlichkeit auff Begehren ausgestellt Von Amaranthes. Zwey Theile. Dritte, durchgehends umgearbeitete Auflage. Bd. 2. M – Z. Leipzig, in Gleditschens Handlung, 1773. 3996 Sp., [17] Bl.
212. *Burggrav Johann Ernst*. Ioan. Ernesti Burggravii Achilles πανοπλος redivivus, seu Panoplia Physico-vulcania Quâ in Prælio Φιλοπλος in Hostem Educitur Sacer Et Inviolabilis. Cui Præmissa Est Marcelli Vranckheim ... ἐπικρισις Στοχαστικη Ad Achillem Πανυπεροπλομαχον. Amsterodami apud Hendrium Laurentium [1612]. 130 p.
213. *Cunradus Johann Henricus*. JO. HENRICI, CASP. FIL. CUNRADI SILESIA TOGATA, Sive Silesiorum doctrina & virtutibus clarissimorum ELOGIA, Singulis distichis comprehensa; Quibus Dies omnium natales & emortuales, Officiorumque ab ipsis gestorum Tituli subjunguntur. EX AVCTORIS MSCto, Quod in Bibliotheca Paterna viderat, edidit CASPAR THEOPHIL. SCHINDLERVS, Lignicensis Silesius. Lignicii, Sumptibus Hæredum ROLACHIANORUM, Anno MDCCVI. [16] f., 344 p.
214. *Gregoire Pierre*. De repvblica libri sex et viginti in dvos tomos distincti. Avthore D. Petro Gregorio Tholozano, Iuris vtriusq; Doctore & publico Professore, priùs in Academia Cadurcensi, deinc Tholozana, nunc Pontimussana Lotharingica, earundém ve facultatum Iuris vtriusque ibidem Decano. Horvm argvmentvm sequens pagina docebit. Additi singvlis tomis Indices duo locupletißimi. Lvgdvni, sumptibus Ioannis Baptistæ Bvysson. M. D. XCVI. [10] f., 1135 p.
215. *Gregoire Pierre*. De repvblica tomvs alter XIII alios libros continens. Avthore D. Petro Gregorio Tholozano, Iuris vtriusq; Doctore & publico Professore, priùs in Academia Cadurcensi, deinc Tholozana, nunc Pontimussana Lotharingica, earundém ve facultatum Iuris vtriusque ibidem Decano. Horvm materiam sive argvmentvm seqvens pagina indicabit. Additis indicibvs. Lvgdvni, sumptibus Ioannis Baptistæ Bvysson. M. D. XCVI. [6] f., 479 p., [18] f.
216. *Günther Elias Melchior*. Kurtze Fragen und Antworten vom Hertzogthum Schlesien, Vermöge Welcher die geographische, historische und politische Merckwürdigkeiten von Schlesien der Jugend in kurtzer Zeit und mit leichter Mühe können beygebracht werden, Ehemals sich selbst zu Erleichterung in der Information abgefasset, Anietzo aber andern zu eben dergleichen Endzweck durch den Druck communiciret von E.M. Günther, Brega Siles. Rev. Min. A. Cont. Candid. Breslau und Leipzig, Bey Michael Rohrlach, Buchh. 1733. [2] Bl., 212 S., [16] Bl.
217. *Jovius Paulus*. Pauli Jovii Novocomensis Episcopi Nvcerini Historiarum Svi Temporis, Tomus Primus. A diecesimus Indicem nominum prouinciarum, ciuitatum, montium, ac fluminum, quibus utitur Iouius in hac historia. Venetiis, Matthæus Bosellus excudendum curabat. M D LXVI. [442] f.
218. *Jöcher Christian Gottlieb*. Allgemeines Gelehrten-LEXICON, Darinne die Gelehrten aller Stände sowohl mann- als weiblichen Geschlechts/ welche vom Anfange der Welt bis auf jetzige Zeit gelebt/ und sich der gelehrten Welt bekannt gemacht/ Nach ihrer Geburt/ Leben/ merckwürdigen Geschichten/ Absterben und Schrifften aus den glaubwürdigsten Scribenten in alphabetischer Ordnung beschrieben werden. Zweyter Theil D–L heraus

- gegeben von Christian Gottlieb Jöcher... Leipzig/ in Johann Friedrich Gleditschens Buchhandlung. M DCC L. [5] Bl., 2636 Sp.
219. *Köhler Johann David*. Schlesische Kern-Chronicke/ oder Kurtze, jedoch gründliche, geographisch- historisch- und politische Nachricht von dem Hertzogthum Schlesien [...]. Nürnberg: Buggel und Seitz, 1741. [10] Bl., 520 S., [48] Bl., 878 S., [23] Bl.
220. Kurtze Chronic Vom Auf- und Untergang deß Luthrischen Evangelii, und der Augspurgischen Confession, Gezogen Auß Catholischen und Luthrischen Authoribus, deren Nahmen verzeichnet seynd in folgender Pagina. Mit angehengter Schutz-Schriff des Sächsischen Notifications-Schreibens vom Catholischen Absterben weyland Churfürsten in Sachsen JOANNIS, Wider den Herrn Hieronymum Bruckner/ von Gotha/ und Herrn Hartman Superintendenten und Pfarr-herrn zu Rottenburg. Matthæi 15. Ein jede Pflantz/ die mein Himmlischer Vatter nit gepflantz hat/ wird außgereitet. Secundis curis emendatior & auctior. Authore R.P.W.S.J. Cum approbatione Ordinarii librorum Censoris. Augspurg/ verlegts Frantz Antoni Strötter/ Buchh. allda. München gedruckt bey Maria Magdalena Riedlin/ Wittib/ im Jahr 1730. [5] Bl., 262 S., [18] Bl.
221. *Lucae Friedrich*. FRIDERICI LUCÆ Schlesiens curieuser Denckwürdigkeiten/ oder vollkommener CHRONICA Andrer Theil. Franckfurt am Mäyn/ In Verlegung Friedrich Knochen/ Buchhändlern. M. DC. LXXXIX. 1001 S.
222. Neues Preussisches Adels-Lexicon oder genealogische und diplomatische Nachrichten [...] bearbeitet von einem Vereine von Gelehrten und Freunden der vaterländischen Geschichte unter dem Vorstande des Freiherrn L. v. Zedlitz-Neukirch. Dritter Band. I – O. Leipzig, 1837. Gebrüder Reichenbach. IV, 512 S.
223. *Nevizzano Giovanni*. SYLVAE NVPTIALIS LIBRI SEX. In quibus ex dictis Moder. materia Matrimonij, Dotium, Filiationis, Adulterij, Originis, Successionis, & Monotorialium plenissime discutitur. Vnà cum remediis ad sedandum factiones Guelphorum & Giebelinorum. Item modus Iudicandi & execuendi iussa Principum. Ad hæc, de authoritatibus Doctorum, priuilegiisque miserabilium personarum. Quae omnia ex quæstione, An nubendum sit, uel non, desumpta sunt. IOANNE NEVIZANO ASTENSI, Iurisconsulto clarissimo, Authore. VENETIIS, Ad candentis Salamandræ insigne. M D L X X. [18] f., 696 p.
224. *Plinius Secundus Caius*. C. Plinii Secundi Naturalis Historia. Lugd. Batav. Roterodami. Apud Hackios, A^o. 1669.
225. *Plinius Secundus Caius*. C. Plinii Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII. Recognovit et varietatem lectionis adiecit Iulius Sillig. Vol. II. Lipsiae sumptibus B.G. Teubneri et F. Claudii MDCCCXXXII. 380 p.
226. *Sardi Alessandro*. ALEXANDRI SARDI FERRARIENSIS, DE MORIBVS AC RITIBVS GENTIVM LIBRI III. Nunc primum in lucem editi. Quod opus quanta rerum uarietate refertum, quamq; omnibus ingeniis utile ac necessarium sit, sequens elenchus, & auctoris proæmium indicabunt. Cum Priuilegiis. VENETIIS, Ex officina Stellæ Jordani Zilletti. 1557. [8] f., 265 p., [2] f.
227. *Schönborner Georg von*. Georgii Schönborner/ IC. Historici ac Philosophi POLITICORVM Libri VII. Quibus Methodicè digestis Ars bene constituendi, feliciterque administrandi pace bellóve Rempubl. ex fontibus Autorum veræ solidæque prudentiæ hausta ostenditur: insertâ descriptione status, & ordinum S. Romani Imperii. EDITIO SECUNDA. LIPSIÆ Impensis Iacobi Apellii, Bibliop. Anno 1614. [44] Bl., 712 S., [16] Bl.
228. *Scribani Charles*. Caroli Scribani e Societate Iesv Politicvs Christianvs. Liber I. Antwerpiaë apud Martinvm Nvtivm anno M.DC.XXVI. Cum Gratia & Privilegio. [16] f., 548 p., [18] f.

229. *Scriptores Historiae Augustae ab Hadriano ad Numerianum*. Henricus Jordan et Franciscus Eyssenhardt recensuerunt. Volumen I. Berolini apud Weidmannos MDCCCLXIII [1864]. XXXII, 264 p.
230. *Sinapius Johannes*. Schlesische Curiositäten Erste Vorstellung/ Darinnen die ansehnlichen Geschlechter Des Schlesischen Adels/ Mit Erzählung Des Ursprungs/ der Wappen/ Genealogien/ der qualificirtesten Cavaliere/ der Stamm-Häuser und Güter beschrieben/ Und dabey viele/ bißhero ermangelte Nachrichten von Edlen Rittern und löblichen Vor-Eltern/ aus alten brieflichen Urkunden und bewährten MSCtis zum Vorschein gebracht werden/ Ausgefertiget von Johanne Sinapio Des vereinigten Gymnasii zu Lignitz Rectore. Auf Verlag des Autoris. Zu Leipzig im Großischen/ wie auch zu Breßlau und Lignitz im Rohrlachischen Buchladen zu finden. Leipzig/ gedruckt in der Fleischerischen Druckerey/ 1720. I Theil. [8] Bl., 1100 S., [3] Bl.
231. *Sinapius Johannes*. Des Schlesischen Adels Anderer Theil/ Oder Fortsetzung Schlesischer Curiositäten/ Darinnen die Gräflichen, Freyherrlichen und Adelichen Geschlechter/ So wohl schlesischer Extraction, Als auch Die aus andern Königreichen und Ländern in Schlesien kommen/ Und entweder darinnen noch floriren/ oder bereits ausgangen/ In völligem Abrisse dargestellt werden/ Nebst einer nöthigen Vorrede und Register/ ausgefertiget von JOHANNE SINAPIO. Leipzig und Breßlau/ bey Michael Rohrlach. 1728. 1144 S.
232. *Typotius Jacobus & Boetius de Boodt Anselmus*. Symbola Diuina & Humana Pontificvm, Imperatorvm, Regvm. Accessit breuis & facilis Isagoge Iac. Typotii. Tomus Primus. Ex Musæo Octavii de Strada civis Romani. S.C.M. scvlptor Egidivs Sadeler excv. Pragæ 1601. Francofvrti apvd Godefridvm Schonwettervm, M D CXLII. Cum priuil. Summi Pontif. & Sac. Cæs. Manuscriptis. 141 p., [3] f.
233. *Typotius Jacobus & Boetius de Boodt Anselmus*. Symbola Varia Diversorum Principvm. Cvm Facili Isagoge D. Anselmi de Boodt Brvgensis Sac. Cæs. Malavlae Medici. Cvm grat. et privilegio Svmmi Pontificis et Sac. Cæs. Mai. Tomus tertivs. S. C. Manuscriptis. Scvlptor Ægidivs Sadeler excvdit Pragæ. M D C III. [3] f., 176 p., [2] f.
234. *Vergilius Polydor*. POLYDORI VERGILII VRBINATIS ANGLICAE HISTORIAE LIBRI VIGINTISEPTEM. Ab ipso autore postremum iam recogniti, adq; amussim, salua tamen historiae veritate, expoliti. BASILEAE, APVD THOMAM GVARINVM, ANNO M. D. LXX. [1] f., 691 p., [19] f.
235. *Wahrendorff Johann Peter*. Lignitzische Merckwürdigkeiten oder historische Beschreibung der Stadt und Fürstenthums Lignitz im Herzogthum Schlesien [...]. Budißin: David Richter, 1724. 630 S.
236. *Zedler Johann Heinrich*. Johann Heinrich Zedlers Großes vollständiges UNIVERSAL-LEXICON aller Wissenschaften und Künste. Bd. 18. Halle und Leipzig, Verlegts Johann Heinrich Zedler, Anno 1732.

d) Источники по религиоведению и философии:

237. *Амвросий Медиоланский*. Об обязанностях священнослужителей (De officiis ministrorum). М., Рига: Благовест, 1995. 412 с.
238. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 2000.
239. *Блюм Карл*. Милость ради милости. Омск [Б. г.].
240. Книга Согласия. Вероисповедание и учение лютеранской церкви / Пер. с англ. Duncanville (USA): World Wide Printing, 1998. 841 с.

241. Краткий катехизис д-ра Мартина Лютера с комментариями Э. Кейлера / Пер. с англ. Duncanville (USA): World Wide Printing, 1998. 320 с.
242. *Лютер М.* Избранные произведения. СПб.: «Андреев и согласие», 1994. 427 с.
243. *Меланхтон Ф.* Апология Аугсбургского вероисповедания // Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. Duncanville (USA), 1998. С. 67–364.
244. Проприй: Изменяющиеся части главного богослужения. СПб.: Еванг.-лют. церковь, 1999. 243 с.
245. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Издание преемников А.П. Лопухина. Кн. 1. СПб.: 1904–1907. Репр.: 2-е изд. Стокгольм 1987. 2200 с.
246. Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания / Под ред. А.П. Лопухина. М.: Издание Московской Патриархии, 2001.
247. *Фаусель Г.* Мартин Лютер: Жизнь и дело. Биографический очерк и источники к биографии Лютера. / Пер. с нем. Ю.А. Голубкина. Х.: Майдан, 1995. Т. 1: 1483–1521. 240 с.
248. *Фаусель Г.* Мартин Лютер: Жизнь и дело. Биографический очерк и источники к биографии Лютера. / Пер. с нем. Ю.А. Голубкина. Х.: Майдан, 1996. Т. 2: 1522–1546. 400 с.
249. *Blum Carl.* Gnade um Gnade: Evangelien-Predigten. Verlag der Lutherischen Buchhandlung 1995. 624 S.
250. Die Augsburgische Konfession. Аугсбургское Вероисповедание. Erlangen: Martin-Luther-Verlag, 1988. 145 с.
251. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments, nach der deutschen Übersetzung D. Martin Luthers. Durchgesehene Ausgabe mit dem von der deutschen evangelischen Kirchenkonferenz genehmigten Text. Berlin: Britische und Ausländische Bibelgesellschaft, 1899. 908, 308 S.
252. *Lipsius Jost.* Von der Beständigkeit (De constantia). Faksimiledruck der deutsche Übersetzung des Andreas Viritius nach der 2. Auflage von ca. 1601 mit den wichtigsten Lesarten der 1. Aufl. von 1599. Hrsg. von Leonard Forster. Stuttgart: Metzler, 1965. (= Sammlung Metzler, 45).
253. *Lipsius Jost.* JUSTI LIPSI DE CONSTANTIA LIBRI DUO. Qui alloquium præcipuè continent in Publicis malis. Editio ultima, & optimè correcta. AMSTELODAMI. Typis Ludovici Elzevirii Sumtibus Societatis 1652. [7] f., 143 p., [3] f.
254. *Heidfeld Johann.* SPHINX THEOLOGICO-PHILOSOPHICA: Oder Theologischer vnnd Philosophischer Zeitvertreiber... Durch IOANNEM HEIDFELDIVM: Jetzo aber auff das trewlichste verteutschet durch IOANNEM FLITNERVM. Franckfurt am Mayn/ Bey Erasmo Kempffern/ in Verlegung LUCÆ JENNIS. ANNO M. DC. XXIV. [12] Bl., 795 S., [25] Bl.

III. КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Исследования по творчеству Фридриха фон Логау:

255. *Althaus Thomas und Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam – New York: Rodopi B.V., 2006. 493 S. (= CHLOE. Beihefte zum Daphnis. Bd. 39).

256. *Althaus Thomas*. Logaus Bezüge // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 47–71.
257. *Ammon Frieder von*. „Leser/ wie gefall ich dir?“ Zu einer Strukturanalogie zwischen der Epigrammatik Friedrich von Logaus und dem aufklärerischen Diskurs // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 379–394.
258. *Baumeister Josef*. Der Gedankengehalt der Epigramme Friedrichs von Logau. (Diss.). Erlangen 1922. 50 S. [masch.].
259. *Berger Uwe*. Der Unerbittliche, Friedrich von Logau // *Berger Uwe*. Die Chance der Lyrik: Aufsätze und Betrachtungen. Berlin und Weimar: Aufbau, 1971. S. 66–72.
260. *Berger Uwe*. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte: Eine Auswahl / Hrsg. von Uwe Berger. Berlin: Rütten & Loening, 1967. S. 247–290.
261. *Bojanowski Martin*. Friedrich von Logau // Schlesische Lebensbilder. Bd. 3: Schlesier des 17. bis 19. Jahrhunderts. Breslau: Korn, 1928. S. 10–19.
262. *Brinkmann Wiltrud*. Logaus Epigramme als Gattungserscheinung. // Zeitschrift für der Philosophie. 1974. № 93. S. 507–522.
263. *Ciolek-Józwiak Agnieszka*. Logaus „Sinngedichte“ in Lessings und Ramlers Bearbeitung // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 363–378.
264. *Czucka Eckehard*. Ordnung und Fülle. Zu Strukturierungsversuchen in Herzog Anton Ulrichs „Die durchleuchtige Syrerinn Aramena“ und Friedrich von Logaus „Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend“ // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 305–328.
265. *Denker [Carl] Heinrich*. Ein Beitrag zur litterarischen Würdigung Friedrichs von Logau. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Fakultät der Georg-Augusts-Universität vorgelegt von Heinrich Denker aus Clausthal. Hildesheim 1889. 96 S.
266. *Eitner [Ernst] Gustav*. Schlusswort des Herausgebers // Sinngedichte von Friedrich von Logau / Hrsg. von Gustav Eitner. Leipzig: Brockhaus, 1870. S. V–LIV.
267. *Eitner [Ernst] Gustav*. Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte / Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen: Fues, 1872. S. 694–748.
268. *Eitner [Ernst] Gustav*. Wortregister // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte / Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen: Fues, 1872. S. 749–789.
269. *Elschenbroich Adalbert*. Friedrich von Logau // *Steinhagen Harald* und *Wiese Benno von* (Hgg.). Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. Berlin: Schmidt, 1984. S. 208–226.
270. *Fritzmann Anna [Hilda]*. Friedrich von Logau: The Satirist. New-York, Bern, Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1983. 415 p. (= American University Studies. Series I: Germanic Languages and Literatures, Vol. 17).
271. *Hempel Paul*. Die Kunst Friedrichs von Logau. Berlin: Bayer & Müller, 1917. 281 S. (= Palaestra CXXX).
272. *Hess Peter*. „Die auffgeweckte Chimaera“: Mythos und Wirklichkeitsverarbeitung in Logaus Epigrammen // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 185–210.

273. *Hess Peter*. Poetologische Reflexionen in den Epigrammen von Friedrich von Logau: Versuch einer Rekonstruktion seiner Poetik. // *Daphnis*. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. Amsterdam 1984. № 13. S. 299–318.
274. *Heuschkel Walter*. Untersuchungen über Ramlers und Lessings Bearbeitung von Sinngedichten Logaus (Diss.). Jena: Kämpfe, 1901. 70 S.
275. *Ingen Ferdinand van*. Poetik zwischen *brevitas* und *argutia*. Zu Friedrich von Logaus Epigrammatik // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 23–45.
276. *Iwanik Aleksandra*. Das Kind im Werk Logaus: Von „der Liebe Pfand“ zum „Huren-Kind“ // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 329–347.
277. *Jablecki Tomasz*. Das Sinngedicht im Dienste der Satire: Logaus Kritik des Sittenverfalls // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 229–249.
278. *Jahn Bernhard*. Simulierte Sinnlichkeit. Die Bedeutung der sinnlichen Wahrnehmung für die Theorie und Praxis des frühneuzeitlichen Epigramms // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 103–123.
279. *Klin Eugeniusz*. „Die vnartige Zeit“ – Zur Rezeption von Friedrich von Logaus Sinngedichten in der Nachkriegszeit // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 413–428.
280. *Kochmann Brigitta*. Lessing und Logau // Lessing-Konferenz Halle 1979. Tl. 1. S. 247–256.
281. *Kurz Josef*. Die Epigrammatik im 17. Jahrhundert am Beispiel der Sinngedichte Friedrich von Logaus. Zulassungsarbeit für die wissenschaftliche Prüfung im Fach Germanistik. Stuttgart 1981. 105 S.
282. *Lessing Gotthold Ephraim*. 36. Brief // Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 260–270.
283. *Lessing Gotthold Ephraim*. 43. Brief // Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 383–398.
284. *Lessing Gotthold Ephraim*. 44. Brief // Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. Hrsg. von G.E. Lessing, M. Mendelssohn, F. Nicolai. T. 1, II. Theil. Berlin 1759. S. 401–412.
285. *Lessing Gotthold Ephraim*. Vorrede // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Zwölf Bücher / Mit Anmerkungen über die Sprache des Dichters hrsg. von C.W. Ramler und G.E. Lessing. Leipzig: Weidmann, 1759. S. III–XIV.
286. *Lessing Gotthold Ephraim*. Wörterbuch // Friedrichs von Logau Sinngedichte. Zwölf Bücher / Mit Anmerkungen über die Sprache des Dichters hrsg. von C.W. Ramler und G.E. Lessing. Leipzig: Weidmann, 1759. S. 3–103.
287. *Malapert Fabienne*. Friedrich von Logau und der Konzeptismus des 17. Jahrhunderts // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 73–102.
288. *Moore, Sydney H.* A Neglected Poet: Friedrich von Logau // *German Life & Letters*. Volume 3, Issue 1. 1949. P. 13–19.
289. *Mróz-Jablecka Kalina*. Bürger als „Verzehrer“, Bauern als „Ernährer“. Stadt vs. Land – Ein kritisches Gesellschaftsbild in Logaus „Sinn-Getichten“ // *Althaus Thomas* und

- Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 349–360.
290. *Niefanger Dirk*. Friedrich von Logaus medizinische Epigramme // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 211–228.
291. *Palme Andreas*. „Bücher haben auch ihr Glück“. Die Sinngedichte Friedrich von Logaus und ihre Rezeptionsgeschichte. Erlangen und Jena: Palm & Enke, 1998. 402 S. (= Erlanger Studien. Bd. 118).
292. *Palme Andreas*. Vom „Deutschen Martial“ zum ‘Deutschen Charakter’: Paradigmenwechsel in der Rezeption zwischen Lessing und Wilhelm Müller // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 395–412.
293. *Rémi Cornelia*. Salomonische Rede: Lektüreangebote und Wahrnehmungsmöglichkeiten der *Sinn-Getichte* // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 151–184.
294. *Schade Richard E.* Der englischredende Logau: Zur Rezeption der „Sinngedichte“ im amerikanischen Sprachbereich // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 465–487.
295. *Schubert Werner*. Nachwort // Friedrich von Logau. Die tapfere Wahrheit. Sinngedichte. Leipzig: Insel-Verlag, 1978. S. 131–143.
296. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Die Autographen Friedrich von Logaus // *Daphnis*. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. Amsterdam: Rodopi BV, 1990. Band 19, Heft 2. S. 267–292.
297. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Ein Nachtrag zu den Autographen Friedrich von Logaus // *Wolfenbütteler Barock-Nachrichten*. 1995. № 22. H. 2. S. 113–116.
298. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Friedrich von Logau. Biographischer Abriss // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 489–493.
299. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Leben als Strukturgeber des Werks? Noch einmal zu einem chronologischen ‘Leitfaden’ der „Sinn-Getichte“ Logaus // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 275–304.
300. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Logau, Gruttschreiber, Gregersdorf: Zum Verfasser der „Jüngsterbaweten Schöfferey“ // *Daphnis*. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. Amsterdam: Rodopi BV, 1989. Band 18, Heft 1. S. 113–124.
301. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Nachwort des Herausgebers // *Seelbach [Karl] Ulrich* (Hg.). Friedrich von Logau. Reimensprüche und andere Werke in Einzeldrucken. Tübingen: Niemeyer, 1992. S. 3*–68*.
302. *Seelbach [Karl] Ulrich*. Unbekannte Gedichte Friedrich von Logaus in der Abdankungsreden des Christoph von Reydeburg // *Daphnis*. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. Amsterdam: Rodopi BV, 1991. Band 20, Heft 3–4. S. 531–546.
303. *Seelbach Sabine*. „Die Menge menschlichen Fürhabens“: Die Dissoziation des Klugheitsbegriffs in den Epigrammen Friedrich von Logaus // *Althaus Thomas* und *Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 127–150.

304. *Stroka Anna*. Die Piasten zu Brieg in der Zeit Friedrich von Logaus // *Althaus Thomas und Seelbach Sabine* (Hgg.). Salomo in Schlesien. Beiträge zum 400. Geburtstag Friedrich von Logaus (1605–2005). Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2006. S. 253–273.
305. *Stroka Anna*. Piastowie w twórczości Fryderyka Logaua // *Germanica wratislaviensia I*. Wrocław 1957. S. 97–112. (= Acta Universitatis Wratislaviensis).
306. *Verweyden Theodor*. Friedrich von Logau: Ein unbekanntes Gedicht und Hinweise zur Biographie des Autors // *Euphorion*. Heidelberg 1989. Bd. 83. Nr. 2.: Apr.–Juni. S. 246–260.
307. *Wieckenberg Ernst-Peter*. Anmerkungen // Friedrich von Logau. Sinngedichte / Hrsg. von Ernst-Peter Wieckenberg. Stuttgart: Reclam, 1984. S. 223–268. (= Universal-Bibliothek Nr. 706).
308. *Wieckenberg Ernst-Peter*. Herrscherlob und Hofkritik bei Friedrich von Logau // Europäische Hofkultur im 16. und 17. Jahrhundert. Bd. 2. Hamburg 1981. S. 67–74.
309. *Wieckenberg Ernst-Peter*. Nachwort // Friedrich von Logau. Sinngedichte / Hrsg. von Ernst-Peter Wieckenberg. Stuttgart: Reclam, 1984. S. 283–311.
310. *Wieckenberg Ernst-Peter*. Logau Moralist und Satiriker // *Meid Volker* (Hg.). Gedichte und Interpretationen. Bd. 1: Renaissance und Barock. Stuttgart: Reclam, 1982. S. 257–266.

b) Исследования по теории эпиграммы и малых жанров:

311. *Аверинцев С.С.* Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 20–21.
312. *Блуменау Л.В.* Греческая эпиграмма // Греческие эпиграммы. Пер., вступ. ст. и прим. Л.В. Блуменау. М.–Л.: ACADEMIA, 1935. С. XV–XXXII.
313. *Васильев В.Е.* Об эпиграмме // Васильев В.Е. (Сост.). Всемирная эпиграмма. Антология. В четырех томах. СПб.: Политехника, 1998. Т. I. С. 5–62.
314. *Гаспаров М.Л.* Древнегреческая эпиграмма // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I: О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 291–316.
315. *Дуров В.* Марциал и его поэзия // Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб.: АО «Комплект», 1994. С. 5–14.
316. *Дьячок М.Т.* Латинская эпиграмма 16–17 вв. как явление европейской культуры // История мировой культуры и методы ее преподавания. Новосибирск, 1995. С. 56–59.
317. *Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1984. С. 109–126.
318. Малые формы фольклора: Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова / Сост. Т.Н. Свешникова. М.: «Вост. литература» РАН, 1995. 384 с.
319. *Морейно С.М.* Немецкая эпиграмма // Иностранная литература. 1994. № 9. С. 219.
320. *Морозов А.А., Сафронова Л.А.* Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 13–38.
321. *Несмеянов А.В.* Диахронический аспект изучения немецкой эпиграммы // *Studia linguistica*: сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т. [Вып.] 16 : Язык. Текст. Культура. СПб., 2007. С. 178–183.
322. *Несмеянов А.В.* Особенности художественной антропонимической системы немецкой эпиграммы // В поисках смысла: сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2010. С. 213–255.

323. *Несмеянов А.В.* Текст эпиграммы в немецкой этнокультуре: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2007. 21 с.
324. *Несмеянов А.В.* Текст эпиграммы в немецкой этнокультуре. Типологический анализ и лингвистическая характеристика. (Дисс.). Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 244 с.
325. Паремииологические исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1984. 320 с.
326. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремииологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
327. *Петровский Ф.А.* Эпиграмма // История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. III: Литература эллинистического и римского периодов. М.: Академия наук, 1960. С. 118–134.
328. *Реутин М.Ю.* Комические жанры в литературе средневековой Германии (Конструкция раннего австро-германского шванка) // Проблема жанра в литературе средневековья. М.: Наследие, 1994. С. 326–353.
329. *Тумина Л.Е.* Притча как школа красноречия. Учебное пособие. М.: ЛКИ, 2008. 368 с.
330. *Чистякова Н.А.* Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III вв. Опыт анализа происхождения и основных этапов развития. Автореф. дисс. д-ра филол. наук: 10.01.05. Л., 1974. 37 с.
331. *Чистякова Н.А.* Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н.э. Л.: ЛГУ, 1983. 215 с.
332. *Чистякова Н.А.* Судьба греческой эпиграммы в реальной действительности IV в. до н.э. (Эпиграмматическое творчество Платона) // Традиции и новаторство в античной литературе. Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1982. С. 115–125.
333. *Чистякова Н.А.* Эллинистическая поэзия: Литература, традиции и фольклор. Л.: ЛГУ, 1988. 175 с.
334. *Althaus Thomas.* Epigrammatisches Barock. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1996. 399 S.
335. *Angröss Ruth [Kluger].* The Early German Epigram: A Study in Baroque Poetry. Lexington: The University Press of Kentucky, 1971. (= Studies in the Germanic Languages and Literatures, Nr. 2).
336. *Bergmann Frédéric-Guillaume.* La priamèle dans les différentes littératures anciennes et modernes. Strasbourg et Colmar, 1868.
337. *De Boor Helmut und Newald Richard.* Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. IV Band, 2. Theil. C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München MCMLXXIII. 560 S.
338. *Dietze Walter [Hans].* Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // *Dietze Walter.* Erbe und Gegenwart: Aufsätze zur vergleichenden Literaturwissenschaft. Berlin und Weimar: Aufbau, 1972. S. 247–391, 525–588 (Komm.).
339. *Erb Therese.* Die Pointe in der Dichtung von Barock und Aufklärung. Bonn: Röhrscheid, 1929. 82 S.
340. *Hess Peter.* Epigramm. Stuttgart: Metzler, 1989. VIII, 178 S. (= Sammlung Metzler Bd. 248).
341. *Kröhling Walter.* Die Priamel (Beispielreihe) als Stilmittel in der griechisch-römischen Dichtung (Diss.). Greifswald 1934.
342. *Lessing Gotthold Ephraim.* Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten // Lessing, Gotthold Ephraim. Gotthold Ephraim Lessings Sämtliche Schriften. Berlin: Voss, 1771. Bd. I. S. 93–170.
343. *Levy Richard.* Martial und die deutsche Epigrammatik des siebzehnten Jahrhunderts (Diss.). Heidelberg 1903; Stuttgart: Levy u. Müller, 1903. 111 S.

344. *Lindqvist Axel [Martin]*. Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // *Pfohl Gerhard* (Hg.). Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1969. S. 287–351.
345. *Meid Volker*. Barocklyrik. Stuttgart: Metzler, 1986. VII, 158 S. (= Sammlung Metzler Bd. 227).
346. *Pechel Rudolf*. Geschichte der Theorie des Epigramms von Scaliger bis zu Wernicke // Christian Wernickes Epigramme. Hrsg. und eingeleitet von Rudolf Pechel. Berlin: Mayer & Müller, 1909. S. 3–23.
347. *Preisendanz Wolfgang*. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz. (Diss.). Heidelberg 1950. VI, 269 S. [Masch.].
348. *Rubensohn Max* (Hg.). Griechische Epigramme und andere kleinere Dichtungen in deutschen Übersetzungen des XVI. und XVII. Jahrhunderts / Mit Anmerkungen und ausführlicher Einleitung. Weimar: Felber, 1897. [4] Bl., CCLXXVI, 210 S. (= Bibliothek älterer deutscher Übersetzungen, 2–5).
349. *Schmid Ulrich*. Die Priamel der Werte im Griechischen von Homer bis Paulus. Wiesbaden: Harrasowitz, 1964. XI, 162 S.
350. *Uhl Wilhelm*. Die deutsche Priamel, ihre Entstehung und Ausbildung. Mit Beiträgen zur Geschichte der deutschen Universitäten im Mittelalter. Leipzig: Hirzel, 1897. VIII, 540 S.
351. *Urban Erich*. Owenus und die deutschen Epigrammatiker des XVII. Jahrhunderts. Berlin: E. Felber, 1900. 58 S. (= Literarhistorische Forschungen, 11).
352. *Vossler Karl*. Das deutsche Madrigal: Geschichte seiner Entwicklung bis in die Mitte des XVIII. Jahrhunderts. Weimar: E. Felber, 1898. XI, 163 S. (= Litterarhist. Forschungen, Hf. 6).
353. *Weisz Jutta*. Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart: Metzler, 1979. 307 S. (= Germanistische Abhandlungen, 49).
354. *Wendeler Camillus von*. De praeambulis eorumque historia in Germania (Diss.). Halle, 1870. [2] f., 58 p.

с) Исследования культурологического, исторического, религиоведческого, теоретико-литературного, лингвистического и справочного характера:

355. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
356. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
357. *Аранд Чарльз П.* Исповедание упования: Вопросы лютеранской идентичности. Duncanville (USA): World Wide Printing, 2001. 258 с.
358. *Артамонов С.Д.* История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. М.: Просвещение, 1988. 608 с.
359. *Артамонов С.Д., Гражданская З.Т., Самарин Р.М.* История зарубежной литературы XVII – XVIII вв. Издание четвертое. М.: Просвещение, 1973. 800 с.
360. *Афанасьев Н.* Церковь Духа Святого. Paris: YMCA-PRESS, 1971; Рига: а/о «Пресес намс», 1994. 328 с.
361. *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* (Сост.). Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988. 960 с.
362. *Бах А.* История немецкого языка. М.: Иностр. литература, 1956. 344 с.
363. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 545 с.

364. *Беньямин Вальтер*. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: «Аграф», 2002. 288 с.
365. *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. со 2-го нем. изд. СПб., 1906. Т. II. 404 с.
366. *Випнер Ю.Б.* Поэзия барокко и классицизма // Творческие судьбы и история. (О западноевропейских литературах XVI первой половины XIX века). М., 1990. С. 79–107.
367. *Випнер Ю.Б.* Формирование классицизма во французской поэзии нач. XVII в. М.: МГУ, 1967. 543 с.
368. *Випнер Ю.Б., Самарин Р.М.* Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века / Под редакцией С.С. Игнатова. М.: МГУ, 1954. 814, [2] с.
369. Вопросы религии и атеизма. Сб. статей. Отв. ред.: В.Д. Бонч-Бруевич и Н.А. Смирнов. Вып. I. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 421 с.
370. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды: Том I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997. 664 с.
371. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды: Том III. О стихе. М.: «Языки русской культуры», 1997. 608 с.
372. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
373. *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х 1925-го годов в комментариях. М.: Выс. школа, 1993. 272 с.
374. *Гейссер [Людвиг]*. История реформации. М.–СПб., 1882. 724 с.
375. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Александрийский стих на Западе // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В.В. Виноградова. М., 1965. С. 357–365.
376. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Романские литературы: Статьи и исследования. М.: Наука, 1975. 531 с.
377. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
378. *Дживелегов А.К.* Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне. Аретино. Челлини. М.: Федерация, 1929. 235 с.
379. *Жирмунская Н.А., Плавский З.И. и др.* История зарубежной литературы XVII века. // Под ред. З.И. Плавской. М.: Высшая школа, 1987. 248 с.
380. *Жирмунский В.М.* Введение в метрику: Теория стиха. Л.: ACADEMIA, 1925. 284 с.
381. *Жирмунский В.М.* Религиозное отречение в истории романтизма: Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М.: Сахаров, 1919. [1] л., 204 с., [1] л., 81 с., [1] л.
382. *Жирмунский В.М.* Рифма, ее история и теория. Пг.: ACADEMIA, 1923. [1] л., 337 с., [1] л.
383. *Заездная Т.А.* Сонеты Андреаса Грифиуса: Дисс. канд. фил. наук: 10.01.03 / Лен. пед. ин-т. Л., 1971. 243 с.
384. *Зотов В.Р.* История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах. Сост. Владимир Зотов. Т. IV: Литература Германии, Нидерландов, Фламандская, Английская, Северо-Американских Штатов, Скандинавии, Исландии, Финляндии, Венгрии. СПб., М.: М.О. Вольф, 1882. VI, 807 с.
385. История немецкой литературы: В 3-х томах. Т. 1: От истоков до 1789 г. / Пер. с нем. М.: Радуга, 1985. 350 с.
386. История немецкой литературы: В 5 томах. Т. 1. М.: Академия наук, 1962. 470 с.: илл.

387. История немецкой литературы: В 5 томах. Т. 2. М.: Академия наук, 1963. 464 с.: илл.
388. *Йегер Оскар*. Всеобщая история в четырех томах. Сочинение профессора Оскара Йегера. Том третий. Новая история. Перевод и дополнения под редакцией П.Н. Полевого. С.-Петербург. Издание А.Ф. Маркса [Б.г.]. [2] л., 662 с.
389. *Козлова Н.П.* Ранний европейский классицизм (XVI–XVII вв.) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: МГУ, 1980. С. 5–30.
390. *Кольрауш [Фридрих]*. История Германии с древнейших времен до 1851 г. / Пер. с нем. П. Бартенева. М.: Катков, 1860. Ч. 2. 476 с.
391. *Корш В.Ф., Киртчников А.И.* Всеобщая история литературы. Том третий, часть первая: Новая литература. Славянские и новогреческая литературы. Западно-европейская литература в эпоху Возрождения и в век псевдо-классицизма. СПб.: издание Карла Риккера, 1888. VII, 883 с.
392. *Лопухин А.П.* Библейская история Ветхого Завета. Репр. изд. 1887 г. Монреаль: Брат. преп. Иова Почаевского, 1986. 402 с.
393. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1962. 623 с.
394. *Майданов А.Г.* Пауль Флеминг: Жизнь и творчество. (Первый опыт положительного восприятия реалий русской действительности в Западной Европе): Дисс. канд. фил. наук: 10.01.03 / МГУ. М., 1992. 207 с. Библиография: с. 192–207.
395. *Михайлов А.В.* Время и безвременье в поэзии немецкого барокко // Рембрандт: Художественная культура Западной Европы XVII в. (ГМИИ им. А.С. Пушкина. Мат-лы науч. конференции, 1970). М., 1970. С. 195–220.
396. *Михайлов А.В.* Обратный перевод / Сост., подг. текста и комм. Д.Р. Петрова и С.Ю. Хурумова. М.: «Языки русской культуры», 2000. 856 с. (= Язык. Семиотика. Культура).
397. *Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: Очерки из истории филологической науки. М.: Наука, 1989. 230 с.
398. *Михайлов А.В.* Языки культуры: Учеб. пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. 912 с.
399. *Морозов А.А.* «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения // Русская литература. 1966. № 3. С. 28–43.
400. *Морозов А.А.* Новые аспекты изучения славянского барокко // Русская литература. 1973. № 3. С. 7–23.
401. *Морозов А.А.* Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 111–126.
402. *Морозов А.А.* Развитие стилей и историческая реальность // Русская литература. 1971. № 3. С. 49–57.
403. *Морозов А.А.* «Симплициссимус» и его автор. Л.: Наука, 1984. 206 с.
404. *Панкова Е.С.* «Книга о немецкой поэзии» Мартина Опица как синтез культурных традиций // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 193–196. (= Серия „Symposium“, вып. 26).
405. *Пинский Л.Е.* Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. М.: Сов. пис., 1989. 416 с.
406. *Пинский Л.Е.* Ренессанс. Барокко. Просвещение: Статьи, лекции. М.: РГГУ, 2002. 829 с.
407. *Плаксина Ю.А.* Жанр «созерцания» в немецкой лирике XVII века // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб.:

- Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 190–193. (= Серия „Symposium“, вып. 26).
408. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 435 с.
409. *Пронин В.А.* *Опиц* // Исторический лексикон. XVII век. М.: Знание, 1998. С. 504–505.
410. *Пумпянский Л.В.* Трелиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. I / Под ред. В.М. Жирмунского. М.–Л.: Академия наук, 1937. С. 157–186.
411. *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М.: Художественная литература, 1955. 392 с.
412. *Пуришев Б.И.* Немецкая литература XVII века // Виппер Ю.Б. и др. История всемирной литературы. Т. IV. М.: Наука, 1987. С. 235–265.
413. *Рахманина О.С.* Немецкая поэзия XVII века. Теория и художественная практика. Дисс. канд. фил. наук: 10.01.03 / МГУ. М., 2002. 126 с.
414. Ренессанс. Барокко. Классицизм: Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII вв. (Сб. статей). М.: Наука, 1966. 348 с.
415. *Самарин Р.М.* Зарубежная литература. М.: Высшая школа, 1978. 463 с.
416. XVII век в мировом литературном развитии. Сборник статей. М.: Наука, 1969. 502 с.
417. *Тальберг Н.* История христианской церкви. М.: «Интербук»; Н.-Й.: «Астра», 1991. 494 с.
418. *Фогт Ф., Кох М.* История немецкой литературы с древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1901. 804 с.
419. *Холшевников В.Е.* Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения: Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1985. С. 5–49.
420. *Чернявский М.Н.* Теория смешного в трактате Цицерона «Об ораторе» // Цицерон: 2000 лет со времени смерти. Сборник статей. М.: МГУ, 1959. С. 105–144.
421. *Шаулов С.М.* Ранняя лирика Иоганнеса Р. Бехера и национальная поэтическая традиция. Дисс. канд. фил. наук (10.01.05). Воронеж, 1982. 284 с.
422. *Шиллер Ф.* История Тридцатилетней войны. К., СПб., Х.: Ф.А. Иогансон, 1901. 428 с.
423. *Шюке А.М.* История немецкой литературы / Перевод с французского Е.А. Некрасовой. Под ред. проф. И.И. Гливенко. М.–Пг.: ГИЗ, 1923. [4], 254 с.
424. *Alewyn Richard* (Hg.). *Aus der Welt des Barock*. Dargest. von Richard Alewyn u.a. Stuttgart: Metzler, 1957. 211 S.
425. *Alewyn Richard* (Hg.). *Deutsche Barockforschung: Dokumentation einer Epoche*. Köln, Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1965. 466 S.
426. *Alewyn R.* *Vorbarocker Klassizismus und griechische Tragödie. Analyse der Antigone-Übersetzung des Martin Opitz*. Heidelberg: Köster, 1926. 63 S.
427. *Baldwin Charles Sears.* *Renaissance Literary Theory and Practice. Classicism in the Rhetoric and Poetic of Italy, France, and England 1400–1600*. New York: Columbia University Press, 1939. XIV, 251 p.
428. *Barner Wilfried.* *Barockrhetorik: Untersuchungen zu ihren geistlichen Grundlagen*. Tübingen: Niemeyer, 1970. XVIII, 537 S.
429. *Baur Rolf.* *Didaktik der Barockpoetik. Die deutschsprachigen Poetiken von Opitz bis Gottsched als Lehrbücher der „Poeterey“*. Diss. Mannheim 1980; Heidelberg: Winter 1982. 268 S. (= Mannheimer Beiträge zur Sprach- und Literaturwissenschaft 2).
430. *Beckmann Adelheid.* *Motive und Formen der deutschen Lyrik des 17. Jahrhunderts und ihre Entsprechungen in der französischen Lyrik seit Ronsard: Ein Beitrag zur*

- vergleichenden Literaturgeschichte. Tübingen: Nimeyer, 1960. VIII, 154 S. (= HERMAEA: Germanistische Forschungen 5).
431. *Berger Arnold Erich*. Lied-, Spruch- und Fabeldichtung im Dienste der Reformation. Leipzig: Reclam, 1938. 310 S.
432. *Bircher Martin* (Hg.). Deutsche Schriftsteller im Porträt: Das Zeitalter des Barock. München: Beck, 1979. 194 S.
433. *Bircher Martin; Haas A.M.* (Hg.). Deutsche Barocklyrik. Gedichtinterpretationen von Spee bis Haller. Bern und München: Francke, 1973. 361 S.
434. *Boehn Max von*. Die Mode: Menschen und Moden in siebzehnten Jahrhundert. München: Bruckmann, MCMXIII. 290 S.
435. *Boras Zygmunt*. Książęta piastowscy Śląska. 3. wyd., popr. i rozszerzene. Katowice: „Śląsk”, 1974. 503 s.
436. *Bullinger Ethelbert W*. Figures of speech used in Bible. Grand Rapids, Mich. (USA): Baker Book House, 1989. 1104 p.
437. *Caird Georg Bradford*. The language and imagery of the Bible. London: Duckworth, 1980. 280 p.
438. *Capua Angelo George de*. German Baroque poetry: Interpretative readings. Albany: State University of New York Press, 1973. 213 p.
439. Columbia University Germanic Studies. Ed. by C.F. Bayerschmidt and H.C. Hatfield. New series, vol. 22. King's Crown Press, Columbia University, New York 1952. VIII, 241 p.
440. *Conrady Karl Otto*. Lateinische Dichtungstradition und deutsche Lyrik des 17. Jahrhunderts. Bonn: Bouvier & Co., 1962. 380 S.
441. *Curtius Ernst-Robert*. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 10. Aufl. Bern und München: Francke, 1984. 608 S.
442. *Cysarz Herbert*. Deutsche Barockdichtung: Renaissance. Barock. Rokoko. Leipzig: Haessel, 1924. [3] Bl., 312 S.
443. *Demandt Karl E*. Laterculus Notarum. Lateinisch-deutsche Interpretationshilfen für spätmittelalterliche und frühneuzeitliche Archivalien. 9. unveränd. Aufl. Marburg: Archivsch., 2014. 332 S.
444. Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. Unter Mitarbeit zahlreicher Fachgelehrter herausgegeben von Harald Steinhagen und Benno von Wiese. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1984. 983 S.
445. Deutsche Literaturgeschichte in Bildern / Hrsg. von G. Albrecht u.a. T. I. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, MCMLXIX. 370 S.
446. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band / Hrsg. von H.J. Geerds. Berlin: Volk und Wissen Verlag, 1966. 768 S.
447. *Dickmann Fritz*. Der Westfälische Frieden. 3. Aufl. Münster: Aschendorf, 1972. XXII, 627 S.
448. *Droysen Gustav*. Das Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges: Geschichte der Gegenreformation. Berlin, 1893.
449. *Drury John*. The Parables in the Gospels: History and Allegory. Cambridge: Univ. Press, 1985. 180 p.
450. *Eloesser Arthur*. Die deutsche Literatur vom Barock bis zur Gegenwart. Berlin: Cassirer, 1930. Bd. 1. X, 671 S.
451. *Ermatinger Emil*. Barock und Rokoko in der deutschen Dichtung. Leipzig und Berlin: Teubner, 1928 / Cop. 1972. [2] Bl., 196 S.
452. *Ewald Klaus-Peter*. Engagierte Dichtung im 17. Jahrhundert: Studie zur Dokumentation und funktions-analytischen Bestimmung des „Psalmdichtungsphänomens“. Stuttgart: Heinz, 1975. 380 S.

453. *Fassler Verena*. Hell-Dunkel in der barocken Dichtung: Studien zum Hell-Dunkel bei Johann Klaj, Andreas Gryphius und Catharina Regina von Greiffenberg. Bern u. Frankfurt a.M.: Lang, 1971. 97 S.
454. *Fiebig Paul*. Altjüdische Gleichnisse und die Gleichnisse Jesu. Tübingen und Leipzig: Mohr, 1904. VI, 167 S.
455. *Flemming Willi*. Die Auffassung des Menschen im 17. Jahrhundert. Halle (Saale): Nimeyer, 1928. 44 S.
456. *Garber Klaus*. Martin Opitz „der Vater der deutschen Dichtung“: Eine Kritische Studie zur Wissenschaftsgeschichte der Germanistik. Stuttgart: Metzler, 1976. VIII, 216 S.
457. *Grimm Günter E*. Literatur und Gelehrtentum in Deutschland. Tübingen: Nimeyer, 1983. XI, 869 S. (= Studien zur deutsche Literatur: Bd. 75).
458. *Grünhagen Colmar*. Geschichte Schlesiens. Bd. 1. Gotha: Perthes, 1884. XIII, 433 S.
459. *Grünhagen Colmar*. Geschichte Schlesiens. Bd. 2. Gotha: Perthes, 1886. VII, 446 S.
460. *Günther Franz*. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche Volk. Untersuchungen zur Bevölkerungs- und Agrargeschichte. 4., neubearb. und verm. Aufl. Stuttgart; New York: Fischer, 1979. VIII, 140 S.
461. *Hankamer Paul*. Deutsche Gegenreformation und deutsches Barock: Die deutsche Literatur in Zeitraum des 17. Jahrhunderts. Stuttgart: Metzler, 1947. 543 S. (= Epochen der deutschen Literatur: Geschichtliche Darstellungen. Bd. II, 2. Teil).
462. *Hankamer Paul*. Die Sprache: Ihr Begriff und ihre Deutung im sechzenten und siebzenten Jahrhundert. Ein Beitrag zur Frage der literarhistorischen Gliederung des Zeitraums. Bonn: Cohen, 1927. XV, 207 S.
463. *Herdt Albert*. Martin Opitz' Stellung in der Entwicklung der deutschen Lyrik (Diss.). Potsdam 1974.
464. Historia Śląska / Pod red. K. Maleczyńskiego. T. 1. Cz. 3.: Od końca XVI w. do r. 1763. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1963. 626 s.
465. *Hoffmeister Gerhart*. Deutsche und europäische Barockliteratur. Stuttgart: Metzler, 1987. 208 S.
466. *Ingen Ferdinandus Jacobus van*. Vanitas und memento mori in der deutschen Barocklyrik. Groningen: Wolters, 1966. 387 S.
467. *Israel Jürgen* (Hg). Im Urteil des Dichters. Literaturbetrachtungen von Opitz bis Lessing. Rostock: Hinstorff, 1987. 407 S.
468. *Jansen Josef*. Patriotismus und Nationalethos in den Flugschriften und Friedensspielen des Dreissigjährigen Krieges. Köln, 1964. 182 S.
469. *Jaumann Herbert*. Die deutsche Barockliteratur Wertung-Umwertung: Eine wertungsgeschichtliche Studie in systematischer Absicht. Bonn: Bouvier-Grundmann, 1975. 15, 853 S.
470. *Jeremias Joachim*. Die Gleichnisse Jesu. 10. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. 243 S.
471. *Kaser Kurt*. Das Zeitalter des Reformation und Gegenreformation von 1517–1660. Stuttgart und Gotha: Perthes, 1922. 222 S.
472. *Kiesel Helmuth*. „Bei Hof, Bei Höll“: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen: Nimeyer, 1979. XII, 305 S. (= Studien zur deutschen Literatur, Bd. 60).
473. *Kugel James L*. The Idea of biblical Poetry: Parallelism and its history. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1981. 339 p.
474. Kurze Geschichte der deutschen Literatur / Red. von K. Bötther und H.J. Geerds. Berlin: Volk und Wissen Verlag, 1987. 831 S.
475. *Lammert Gottfried*. Geschichte der Seuchen- Hungers- und Kriegsnoth zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Wiesbaden, 1890.

476. *Lischner Helmut*. Die Anakreontik in der deutschen weltlichen Lyrik des 17. Jahrhunderts. (Diss.). Breslau, 1932. 122 S.
477. *Maroń Jerzy*. Militarne aspekty wojny trzydziestoletniej na Śląsku. Wrocław: Wyd-wo Uniw. Wrocławskiego, 2000. 277 s. (= Acta Uniw. Wratislaviensis: Nr. 2201).
478. Metzler Literatur Lexikon. Stichwörter zur Weltliteratur / Hrsg. von Günter und Irmgard Schweikle. Stuttgart: Metzler, 1984. 525 S.
479. *Morgenbesser Michael*. Geschichte von Schlesien / Hrsg. von Heinrich Schubert. 4-te verb. Aufl. Breslau: Woywod, 1908. IX, 447 S.
480. *Müller Günther*. Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark–Potsdam: Athenaion, 1927. 262 S.
481. *Neumeister Heddy*. Geistlichkeit und Literatur zur Literarsoziologie des 17. Jahrhunderts. Münster: Helios, 1931. 219 S.
482. *Oberman Heiko Augustinus*. Werden und Wertung der Reformation: Vom Wegestreit zum Glaubenskampf. Tübingen: Mohr, 1979. XXI, 500 S.
483. *Piprek Jan*. Waclaw Scherfffer von Scherffenstein poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole: Zakład narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, 1961. 267 S.
484. *Polišenský Josef Vincent*. Der Krieg und die Gesellschaft in Europa 1618–1648. Praha: Československé Akademie Véd, 1971. 237 s. (= Documenta bohemica bellum tricennale illustrantia tomus I).
485. *Polišenský Josef Vincent*. Třicetiletá válka a evropské krize 17. století. Praha: „Svoboda“, 1970. 207 s.
486. *Polišenský Josef i Kollmann, Josef*. Valdštejn, ani cisař, ani kral. Praha: Academia, 1995. 224 s.
487. *Popiołek Kazimierz*. Historia Śląska: Od pradziejów do 1945 roku. Katowice: „Śląsk“, 1972. 571 s.
488. *Reppen Konrad*. Die römische Kurie und der Westfälische Friede. Idée und Wirklichkeit des Papsttums im 16. und 17. Jahrhundert. Bd. 1. Papst, Kaiser und Reich 1521–1644. Tübingen: Nimeyer, 1962. XLV, 555 S.
489. *Reske Christoph*. Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2007. XXXI, 1090 S.
490. *Rieder Heinz*. Wallenstein. General. Herzog. Verräter. Graz, Wien und Köln: Styria, 1967. 280 S.: ill.
491. *Roberts Michael*. Gustavus Adolphus: A History of Sweden, 1611–32. Vol. 2 (1626–1632). London: Longmans-Green, 1958. XIII, 848 S.
492. *Rötzer H.G.* (Hg.). Texte zur Geschichte der Poetik in Deutschland: Von M. Opitz bis A.W. Schlegel / Ausgew. von H.G. Rötzer. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1982. XI, 421 S.
493. *Scheibel M.J.E.* Geschichte der seit dreihundert Jahren in Breslau befindlichen Stadtbuchdruckerei als ein Beitrag zur allgemeinen Geschichte der Buchdruckerkunst. Breslau: Grafs und Barth, 1804. [1] Bl., VI S., [17] Bl., 86 S.
494. *Schönberg Theodor* (Hg.). Liegniß: 700 Jahre eine Stadt deutschen Rechts. Im Auftrag des Geschichts- und Altertums-Vereins zu Liegniß mit Unterstützung durch die Stadtverwaltung Liegniß hrsg. von Theodor Schönberg. Breslau: Bauverlag, 1942. 170 S.
495. *Schönwälder K.F.* und *Guttman J.J.* Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Brieg. Zur Dreihundertjährigen Jubelfeier verfaßt von K.F. Schönwälder, Professor, und J.J. Guttman, Direktor. Breslau, Druck von Robert Nischkowsky. 1869. VIII, 356 S.
496. *Schulz Otto*. Die Sprachgesellschaften des siebzehnten Jahrhunderts. Vorlesung von Prof. Otto Schulz. Berlin, 1824. 59 S.
497. *Stalder Xaver*. Formen des barocken Stoizismus: Der Einfluss der Stoa auf die deutsche Barockdichtung Martin Opitz, Andreas Gryphius und Catharina Regina von Greiffenberg.

- Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1976. 168 S. (= Studien zur Germanistik, Bd. 39).
498. *Steinberg S.H.* The Thirty Years War and the Conflict for European Hegemony: 1600–1660. London: Arnold, 1966. VIII, 128 p.
499. Studien zur Schlesischen Kirchengeschichte. Breslau: Wohlfarth, 1907. 279, 5* S.
500. *Tittman Julius.* Kleine Schrifften zur deutschen Literatur und Kulturgeschichte. Teil 1. Göttingen: Dieterichs, 1847. VIII, 252 S.
501. *Träger Claus* (Hg.). Wörterbuch der Literaturwissenschaft. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1986. 714 S.
502. *Ulrich Wolfgang.* Studien zur Geschichte des deutschen Lehrgedichte im 17. und 18. Jahrhundert (Diss.). Kiel, 1959. [231] Bl.
503. *Vietor Karl.* Probleme der deutschen Barockliteratur. Leipzig: Weber, 1928. 93 S. (= Von deutscher Poeterey: Forschungen und Darstellungen aus dem Gesamtgebiete der deutschen Philologie, Bd. 3).
504. *Vogt Erika.* Die gegenhöfische Strömung in der deutschen Barockliteratur. Leipzig: Weber, 1932. 59 S. (= Von deutscher Poeterey: Forschungen und Darstellungen aus dem Gesamtgebiete der deutschen Philologie, Bd. 11).
505. *Waldberg Max von.* Die deutsche Renaissance-Lyrik. Berlin, 1888.
506. *Weczerka Hugo.* Handbuch der historischen Stätten: Schlesien. 2. Aufl. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2003.
507. *Wedgwood Cicely Veronica.* The Thirty Years War. London; New York: Methuen, 1981. 542 p.
508. *Weithase Irmgard:* Die Darstellung von Krieg und Frieden in der deutschen Barockdichtung. Weimar: H. Böhlau Nachf., 1953. 128 S.
509. *Weller Emil.* Annalen der poetischen Nationalliteratur der Deutschen im XVI und XVII Jahrh. / Nach den Quellen bearbeitet von Emil Weller. Bd. 1. Freiburg im Breisgau: Herder, 1862. 444 S.
510. *Weller Emil.* Annalen der poetischen Nationalliteratur der Deutschen im XVI und XVII Jahrh. / Nach den Quellen bearbeitet von Emil Weller. Bd. 2. Freiburg im Breisgau: Herder, 1864. 597 S.
511. *Wichert Hildegard E.* Johann Balthasar Schupp and the Baroque Satire in Germany // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur (ZfdA). Bd. 85, H. 2. Herausgegeben von Jürgen Wolf. Stuttgart: Hirzel Verlag, 1954. S. 78–80.
512. *Wilpert Gero von.* Sachwörterbuch der Literatur. 7. Auflage. Stuttgart: Kröner, 1989. 1054 S.
513. *Winter Georg.* Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Berlin: Grote, 1893. 671 S.: ill.
514. *Wolff Hans.* Der Purismus in der deutschen Litteratur des siebzehnten Jahrhunderts (Diss.). Strassburg: Heitz, 1888. 4*, 132 S.
515. *Wollgast Siegfried.* Philosophie in Deutschland zwischen Reformation und Aufklärung, 1550–1650. Berlin: Akademie, 1988. 1037 S.
516. *Wuttke Heinrich.* Die Entwicklung der öffentlichen Verhältnisse in Schlesien bis zum Jahre 1740 vornämlich unter den Habsburgern. Bd. II. Leipzig, Verlag von Wilhelm Engelmann. 1843. VIII, 452 S.
517. *Zahn Johannes.* Die Melodien der deutschen evangelischen Kirchenlieder. Bd. I. Gütersloh, 1890.
518. *Zell Carl-Alfred.* Untersuchungen zum Problem der geistlichen Barocklyrik mit besondere Berücksichtigung der Dichtung Johann Heermanns (1585–1647). Heidelberg: Carl Winter, 1971. 290 S. (= Studien zur deutschen Literaturgeschichte, Bd. 12).